Vol. 7, No 3
2024

ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2024-7-3

Information about the journal

The journal *Orientalistica* is an print peer-reviewed academic journal, covering a wide range of areas of Oriental studies.
The Journal is being published since 2018.

Form of distribution - print media, journal. Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-72763 dated May 4, 2018.

Registerd in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Tel.: +7(495)621-18-84 www.orientalistica.su
www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Our Mission

The *Orientalistica* offers research papers on the classical period of history, philosophy and literature of the peoples of the East in Antiquity and the Middle Ages. The Editorial Board hopes that highlighting the most popular and important aspects of research in Eastern studies will foster the academic cooperation between the scholars in the Russian Federation and the worldwide research community.

The mission of the journal is to promote Asian and African studies by publishing high quality original articles, scholarly reviews, field research materials as well as introducing new hitherto unknown or little-known historical sources both in original languages and translations.

Compliance with the requirements of the Higher Attestation Commission

By order of December 25, 2020, No. 469-r of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ministry of Education and Science of Russia) and based on the corresponding decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia the Journal *Orientalistica* included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences (Ph. D., russ.: Kandidat nauk), for the degree of Doctor of Sciences (Dr. Sci., russ.: Doctor nauk), formed based on the recommendations of the expert councils of the Higher Attestation Commission, in scientific specialities and corresponding to them should be published branches of science*:

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

HISTORICAL SCIENCES
5.6.1. History of Russia (History).
5.6.2. General history (History).
5.6.3. Archaeology (History).
5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (History).
5.6.5. Historiography, Sources Studies and Methods of Historical Research (History).

PHILOSOPHICAL SCIENCES
5.7.2. History of Philosophy (Philosophy).
5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (Philosophy).
5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (History).
5. 7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (Philosophy).
5. 7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (History).

PHILOLOGICAL SCIENCES
5.9.3. Theory of literature (Philology).
5.9.4. Folklore Studies (Philology).

The *Orientalistica* Editorial board intends to make the presence of the Journal in the nomenclature of the Higher Attestation Commission scientific specialities List and invites authors of publications in scientific specialities and corresponding branches of science as follows:

5.6.6. History of Science (History).
5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation (Philology).
5.9.2. Literatures of the peoples of the world (Philology).
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of the Russia (Philology).
5.9.6. Languages of the peoples of the World (Philology).

Note: *In accordance with the nomenclature of scientific specialties and their corresponding branches of science approved by order of February 24, 2021 No. 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

© *Orientalistica*, 2024
© IOS RAS, 2024

Т. 7, № 3
2024

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2024-7-3

Информация об издании

«Ориенталистика» (*Orientalistica*) – печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2018 г. – ежеквартально.
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС77-72763 от 4 мая 2018 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84
www.orientalistica.su www.orientalistica.com
orientalistica@ivran.ru

Миссия журнала

Научное рецензируемое издание «Ориенталистика» (*Orientalistica*) содействует продвижению результатов исследований классического периода истории, религии, философии, литературы и лингвистики народов Востока, направленных на поиски эффективного ответа общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с применением методов гуманитарных и социальных наук.

Мы убеждены, что уделение высокого внимания наиболее популярным и актуальным аспектам исследований в области востоковедения будет способствовать академическому сотрудничеству российских ученых с исследовательскими учреждениями в мире, особенно в изучаемых регионах.

Соответствие требованиям Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России

Распоряжением от 25 декабря 2020 г. № 469-р Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России) журнал «Ориенталистика» (*Orientalistica*) включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки*:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
5.6.1. Отечественная история (исторические).
5.6.2. Всеобщая история (исторические).
5.6.3. Археология (исторические).
5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические)
5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические).

ФИЛОСОФИЯ
5.7.2. История философии (философские).
5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские).
5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические).
5. 7.9. Философия религии и религиоведение (философские).
5. 7.9. Философия религии и религиоведение (исторические).

ФИЛОЛОГИЯ
5.9.3. Теория литературы (филологические).
5.9.4. Фольклористика (филологические).

Редакция предполагает расширять присутствие журнала в номенклатуре научных специальностей Перечня Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России и приглашает к сотрудничеству авторов публикаций по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.6. История науки и техники (исторические науки).
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические).
5.9.2. Литературы народов мира (филологические).
5.9.3. Теория литературы (филологические).
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические).
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические).

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 г.

© «Ориенталистика», 2024
© ФГБУН ИВ РАН, 2024

CONTENTS

HISTORY OF THE EAST

Celebrating 160 years since the End of the Caucasus War

Mukhanov V. M. Reviewing the Caucasus War in the 21st century.....481

Universal history

Bobrovnikov V. O. Highlanders' Sources in Oriental Languages about the Caucasus War: The Most Important Findings and Publications Dating the 1990s — 2020s 492

National History

Tkachenko D. S. "We by God Blessing, Enjoy Calmness…". Military-Administrative and Reconnaissance Activity of the Caucasus Corpus Stuff in the 1830s (based on the correspondence of V. D. Volkhovsky). 511

Kolosovskaya T. A. Knowledge on the Service of Empire: The Exploration of Caucasus in the Caucasus War conditions 526

German R. E. Military-economic activities of units of the Separate Caucasian Corps in the territory of the steppe Ciscaucasia during the Caucasian War 541

Kashirin V. B., Mukhanov V. M. The main amanate of the Caucasian War: eldest son of Imam Shamil in Russia 552

Urushadze A. T. Brother of the Tsar in the Caucasus: Grand Duke Mikhail Nikolaevich and his Fraction (1862–1881). 568

Volkhonskiy M. A. Memoirs of the Caucasian War as part of the scenario of the power of the commander-in-chief of the civil unit in the Caucasus, Prince A. M. Dondukov-Korsakov in 1882..... 584

Beshkinskaya V. S. 50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus on August 25, 1909 as a Corporate Commemoration 597

Historiography, source critical studies, historical research methods

Manyshev S. B. "…I was convinced of the need for some changes…" (Note by N. I. Pirogov and opinion by M. S. Vorontsov on the transformation of the medical unit in the Caucasus, 1847) 611

Makhmudova Z. U., Chernenkova A. N. May 21, 1864 through lenses of photographers of the General Staff of the Caucasian Army (Album of Major General A. Y. Gudim; from the State Historical Museum collection)..... 631

PHILOSOPHY OF THE EAST

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

Nofal F. O. Ibrāhīm al-ʿAyyah's Commentary on Genesis as a Samaritan Theological Record of 18th Century..... 654

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

LITERATURE OF THE EAST

Literature of the peoples of the world

Vasilyeva L. A., Prigarina N. I. "Snares of Reason" and the Meanings of Ghalib's Ghazal: An Attempt at Philological Translation. Part 1: Ghazals 1–8. Text, translation, comments 669

Mikulsky D. V. Murudj al-dhahab… ("The Meadows of Gold…") by al-Mas'udi: entertaining narrations on the caliphs of the Umayyad dynasty, their courtiers, their adversaries and ordinary people, who lived under the rule of these sovereigns 692

CHRONICLE

Events in world science

Stolyarov A. A. International Conference "Beyond Borders and Boundaries: Indigenous Cultures Now and Then"..... 710

Druzhinina I. A. Tenth Conference of the School of Mamluk Studies in Kuwait 721

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

К очередному юбилею Кавказской войны

Муханов В. М. Взгляд из XXI века на Кавказскую войну 481

Всеобщая история

Бобровников В. О. Восточные горские источники о Кавказской войне: важнейшие находки и публикации 1990-х — 2020-х гг. 492

Отечественная история

Ткаченко Д. С. «У нас, слава Богу, все благополучно…». Военно-административная и исследовательская деятельность штаба Отдельного кавказского корпуса в 1830-е гг. по материалам В. Д. Вольховского 511

Колосовская Т. А. Знание на службе империи: организация научного изучения Кавказа в условиях Кавказской войны 526

Герман Р. Э. Военно-экономическая деятельность подразделений Отдельного Кавказского корпуса на территории степного Предкавказья в период Кавказской войны 541

Каширин В. Б., Муханов В. М. Главный аманат Кавказской войны: старший сын имама Шамиля в России 552

Урушадзе А. Т. Брат царя на Кавказе: великий князь Михаил Николаевич и его окружение (1862–1881) 568

Волхонский М. А. Воспоминания о Кавказской войне как часть сценария власти главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в 1882 г. 584

Бешкинская В. С. 50-летний юбилей покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 года как корпоративная коммеморация 597

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Манышев С. Б. «…Я убедился в необходимости некоторых изменений…» (Записка Н. И. Пирогова и мнение М. С. Воронцова о преобразовании медицинской части на Кавказе, 1847 г.) 611

Махмудова З. У., Черненкова А. Н. 21 мая 1864 г. в объективе фотографов Главного штаба Кавказской армии (Альбом генерал-майора А. Я. Гудима из собрания Государственного исторического музея) 631

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Философская антропология, философия культуры

Нофал Ф. О. Толкование Ибрахима ал-‘Аййи на Книгу Бытия как памятник самаритянского богословия XVIII в. 654

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Литература народов мира

Васильева Л. А., Пригарина Н. И. «Силки разума» и смыслы газели Галиба: попытка филологического перевода. Часть 1: Газели 1–8. Текст. Перевод. Комментарии 669

Микульский Д. В. Мурудж аз-захаб… («Золотые копи…») ал-Мас‘уди: занимательные повествования о халифах из династии Омейядов, их приближенных, их противниках и обычных людях, что жили под властью этих государей 692

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор конференции

Столяров А. А. Международная конференция «Преодолевая границы и преграды: культурные традиции коренных народов прежде и теперь» 710

Дружинина И. А. Десятая конференция Школы мамлюкских исследований в Эль-Кувейте 721

HISTORY OF THE EAST
ИСТОРИЯ ВОСТОКА

- Universal history
  Всеобщая история
- National History
  Отечественная история
- Historiography, source critical studies, historical research methods
  Историография, источниковедение, методы исторического исследования

HISTORY OF THE EAST
ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Научная статья Исторические науки
УДК 94(47)+94.02
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-481-491

Взгляд из XXI века на Кавказскую войну

Вадим Михайлович Муханов

Приглашенный редактор специального номера журнала,
Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия,
vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.

Аннотация. Статья служит введением к специальному блоку из следующих за ней 10 статей, посвященных 160-летнему юбилею завершения в 1864 г. Кавказской войны. В ней анализируются итоги историографии и источниковедения войны в XXI столетии. Сделана попытка выделить и охарактеризовать наиболее крупные публикации в этой области, выпущенные в России и за рубежом. Выделен ряд негативных тенденций в отечественном кавказоведении.

Ключевые слова: Кавказская война, историография, источниковедение, Российская империя, горцы

Для цитирования: Муханов В. М. Взгляд из XXI века на Кавказскую войну. *Ориенталистика*. 2024;7(3):481–491. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-481-491.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Муханов В. М., 2024
© Ориенталистика, 2024

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-481-491

Reviewing the Caucasus War in the 21st Century

Vadim M. Mukhanov

Guest editor of the special issue
Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350

Abstract. The article introduces a special block of 10 articles dedicated to the 160th anniversary of the end of the Caucasus war, which ended in 1864. It analyzes the results of historiography and source studies of the war carried out in the 21st century. An attempt is made to identify and characterize the largest publications in this field in Russia and abroad. A number of negative trends in Russian Caucasian studies are highlighted.

Keywords: Caucasus war, historiography, source studies, Russian empire, highlanders

For citation: Mukhanov V. M. Reviewing the Caucasus war in the 21st Century. *Orientalistica*. 2024;7(3):481–491. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-481-491 (in Russian).

Очередной юбилей завершения Кавказской войны подталкивает нас подвести промежуточные итоги изучения этого феномена, уточнить какие успехи возникли в источниковедческом поиске, какие свежие идеи и концепции сформулированы в историографии, выделить новые темы в исследовательской палитре. Характеризуя ее как необычную войну, мы не погрешим против истины, так как она не вписывается в число хрестоматийных войн как с южными империями, так и с европейскими государствами. Не напоминает она и классические колониальные завоевания Новейшего времени. Признаем, что Кавказская война по многим параметрам отличалась от войн империй той эпохи, и занимает как в истории России, так и истории народов Кавказа особенное место.

Надежда на концептуальный прорыв в ее изучении в XXI столетии, высказанная на рубеже веков авторитетным российским кавказоведом В. В. Дегоевым, увы, не оправдалась[1]. Наоборот, и крупных работ, и свежих идей, и новых документальных публикаций стало меньше количественно, а, главное, качественно.

[1] «Молодому поколению российских ученых, не обремененному старыми “правилами игры” в историю, предоставлен шанс для творческого прорыва в сферу принципиально иного восприятия Кавказской войны и качественно иной системы профессионального мышления», — писал он в обзорной статье 2000 г. [Дегоев, 2000, с. 244].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Mukhanov V. M., 2024
© Orientalistica, 2024

Сравнение с бурными 1990-ми и началом 2000-х гг., когда тема была на слуху и являлась одним из острых общественно-политических триггеров, явно не в пользу современности. В последние годы Кавказская война XIX в. ушла из активной повестки общественного обсуждения и также уходит в тень других более модных тем в научно-исследовательской деятельности, тем более, что поводов для привлечения внимания к ней становится меньше. Зимняя Олимпиада в Сочи, ставшая одним из мощных возбудителей интереса, в этом году празднует уже свой юбилей — 10-летие с момента ее проведения. Красная Поляна, превратившаяся в фешенебельный курорт, скорее, провоцирует сегодня совершенно другие дискуссии и споры из социально-экономической области, чем подталкивает визитеров из разных страт российского общества к интересу к прошлому как этого места, так и Кавказа в целом. Периодически вспыхивающие споры и конфликты в области исторической памяти, базирующиеся на той или иной интерпретации событий Кавказской войны, ее последствий и оценки линейки героев, достаточно быстро локализуются и спускаются на местный, республиканский или краевой уровень.

Многие известные авторы, запомнившиеся по своей яркой деятельности и работам конца XX века, уже ушли от нас, а новые поколения не смогли достойно подхватить эстафетную палочку и внести заметный вклад в разработку проблематики, предложив новое видение и оценки.

* * *

Ряд тенденций, выявленных еще четверть века назад, сохранился и даже усилился. В первую очередь, это заметный источниковый голод, связанный с ограниченным использованием источников в исследовательской работе многих историков-специалистов, занимающихся кавказоведением и напрямую затрагивающих проблематику и сюжеты Кавказской войны.

Подавляющее большинство работ, вышедших в последние десятилетия, опирается на давно введенные в научный оборот источники, многие из которых опубликованы еще до революции. Значительное число исследователей вообще не работает с новыми источниками и даже не ставит себе такой задачи. Кавказоведам хорошо известны работы, которые полностью повторяют справочно-библиографический аппарат 50-летней давности. В них трудно или практически невозможно найти ссылку на свежую книгу или документ из российских центральных или региональных архивов. Признаем, что за указанный период выходило крайне мало качественных документальных сборников и крупных трудов с привлечением новых документов и материалов из ключевых для изучения Кавказской войны архивохранилищ (РГВИА, ГАРФ, ОР РГБ, ОПИ ГИМ, РГИА), не говоря уже о зарубежных архивах.

Не получилось и концептуального прорыва. За прошедшую четверть века так и не поставлена жирная точка в споре ни о типологии этой войны, ни об ее общей характеристике, ни в вопросе общепризнанного «черного слова», ни в жаркой дискуссии о ее хронологических рамках.

Вспомним интересные споры корифеев кавказоведения в 1990-е гг. и программные статьи, выходившие из-под их пера в конце века (например, знаковую дискуссию о Кавказской войне в 1994 г. на страницах журнала «Родина»,

в которой участвовали М. М. Блиев и В. Г. Гаджиев, или программную статью В. А. Георгиева в специальном выпуске «Сборника Русского исторического общества», полностью отданном под тему «Россия и Северный Кавказ») [Блиев, Гаджиев, Джендубаев, 1994, с. 17–23; Георгиев, Георгиева, 2000, с. 158–171]. Сейчас проведение подобных дискуссионных столов не просто трудно осуществить, но вообще сложно себе представить.

Помимо ценных замечаний и характеристик, в упомянутой выше дискуссии прозвучало и крайне интересное предложение, поддержанное и московскими историками: передвинуть нижнюю хронологическую границу войны — на рубеж 1820-х-1830-х гг. Однако за прошедшие 30 лет никакого развития данное предложение, да и в целом оценка хронологических рамок войны и их закономерности так и не получили. Многие по-прежнему используют советскую датировку (1817–1864 гг.), не подвергая ее никакому анализу и сомнению.

Молодое поколение ученых, особенно в республиках Северного Кавказа, с жаром повторяет полученный в наследство от старших коллег багаж ярлыков — «национально-освободительное движение горцев», «колониальная политика», «царский гнет». Наряду с этим мы видим и возвращение давно отвергнутых сомнительных формулировок — «дикие туземцы» и «горские хищники», которые якобы проводили свое время только в грабеже и разбое. Никаких новых трактовок и интересных оценок обнаружить практически невозможно. Понятийный аппарат зачастую узкий и крайне упрощенный. Востоковед В. О. Бобровников в своей статье в этом номере верно подчеркивает, что «дихотомия колониального завоевания и национально-освободительного движения звучит уже анахронично, хотя и не исчезает из политизированных публикаций»[2].

Единственное, что осталось с тех лет без изменений, это высокая идеологизированность процесса изучения войны и ее последствий. Эта опасная тенденция сохраняется, и пока не видно предпосылок к ее скорому уходу. Наоборот, этническая фрагментация как в России, так и на постсоветском пространстве в целом, позволяет говорить об усилении подобных тенденций и их продолжающемся давлении на научное знание, в том числе и на академическое изучение событийной канвы Кавказкой войны, ее особенностей и разнообразных последствий.

Оценка войны и ее последствий разнится в зависимости от местоположения автора того или иного издания. «Мы и горы», «родные горы и пришельцы с севера», «равнины против гор», «империя и свободные горцы» — подобные противопоставления присутствуют почти во всех работах.

Поляризация мнений не только не ушла, а еще более усилилась. Этому способствует как определенная закрытость российской исторической науки, так и ее фрагментация в зависимости от геолокации. Зачастую мнение ученого из одной северокавказской республики сильно отличается от аналогичного мнения ученого из другой республики или края. Последние, за редким исключением, превратились в интеллектуальную обслугу местных властей и их клановых интересов, поэтому в их работах не обнаружить ни оригиналь-

[2] См. ниже статью В. О. Бобровникова «Восточные горские источники о Кавказской войне: важнейшие находки и публикации 1990-х — 2020-х гг.», с. 494–495.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ности идей, ни независимости суждений, отличающих профессиональных историков. Что уже говорить о сравнении подобной позиции с исследователями из московских и петербургских научных центров, которые смогли сохранить определенную долю научной самостоятельности и академической мобильности.

Если вернуться к ключевой для ученого публикационной результативности, то следует признать, что, помимо небольшого количества авторских книг и документальных сборников, за последние два десятилетия, вышло также минимум изданий справочно-библиографического характера. Очевидным прорывом на этом направлении можно назвать труд наших ставропольских коллег Т. А. Колосовской и Д. С. Ткаченко «Военные кавказоведы Российской империи» (2021) [Колосовская, Ткаченко, 2021]. Эти двое авторов внесли свой вклад и в формирование представляемого сегодня номера, прислав две интересные статьи[3].

Еще одной эпохальной работой, появившейся в последние годы, можно назвать публикацию «Сборника сведений к словарю кавказских деятелей (XIX — нач. XX в.)», известного под названием «Картотека Вейденбаума» [Вейденбаум, 2021]. Это картотека биографий многих государственных, военных и общественных деятелей, связанных с Кавказом в имперский период в виде кратких справок с привязкой к документам и изданиям, состоящая из более чем 12 тыс. карточек. Она составлена известным кавказоведом Е. Г. Вейденбаумом в конце XIX столетия и хранится в Грузинском национальном центре рукописей Грузии им. академика Корнелия Кекелидзе. Данная публикация, изданная в Тбилиси в 2021 г., стала результатом титанического труда директора Архива Парламента Грузии Ираклия Якобашвили. К сожалению, она практически неизвестна российским историкам.

Если выделять крупные и ценные документальные публикации за последние десятилетия, то их легко можно пересчитать по пальцам одной руки. Очень удачный и ценный проект — публикация группой историков из Санкт-Петербурга во главе с Я. А. Гординым и Г. Г. Лисицыной корпуса писем А. П. Ермолова (почти за весь период Кавказской войны — 1816–1860 гг.) [Ермолов, 2014]. Всего большой том включил в себя более 500 писем «проконсула Кавказа». Он был выпущен издательством журнала «Звезда» в 2014 г., т. е. как раз в год Сочинской Олимпиады, ровно 10 лет назад, символизируя конец периода повышенного интереса к Кавказской войне и ее героям.

Следующий сборник — «Западный Кавказ в первой половине XIX века. По материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина» (2019) — результат длительного архивного поиска московского историка-архивиста Л. И. Цвижбы, которая собрала воедино все записки, описания и даже карты, сделанные двумя офицерами Отдельного Кавказского корпуса — Ф. Я. Лисовским и В. Л. Чуркиным во 2-й половине 1830-х — 1-й половине 1840-х гг. Они хранятся сегодня в РГВИА,

[3] См. ниже статьи Т. А. Колосовской «Знание на службе империи: организация научного изучения Кавказа в условиях Кавказской войны» и Д. С. Ткаченко «“У нас, слава Богу, все благополучно…”. Военно-административная и исследовательская деятельность Штаба Отдельного Кавказского корпуса в 1830-е гг. по материалам В. Д. Вольховского».

ГАКК и Грузинском национальном центре рукописей Грузии им. академика Корнелия Кекелидзе [*Западный Кавказ…*, 2019]. Бесспорную ценность издания увеличивают картографические приложения (4 цветные и подробные карты частей Западного Кавказа, а также Абхазии с обозначением путей через Кавказский хребет).

Нельзя не упомянуть еще об одном документальном сборнике, вышедшем в 2022 г. в Тбилиси. Это — «Имам Шамиль и национально-освободительная борьба горцев Северо-Восточного Кавказа в сообщениях французских консулов из Тифлиса» [*Имам Шамиль…*, 2022]. Он составлен известным грузинским исследователем Георгием Мамулиа, который предпринял, как представляется, успешную попытку системного изучения донесений французских консулов в Тифлисе, содержащих описание и оценки различных событий Кавказской войны во второй четверти XIX в[4]. В сборнике опубликовано 128 документов за 20-летний период (с 1839 по 1859 г.), извлеченных из фондов архива Министерства иностранных дел Франции. Г. Мамулиа не просто выявил нужные донесения, но и перевел их на русский язык, сопроводив необходимыми комментариями.

* * *

Из отрадных явлений (помимо вышеуказанных эпохальных изданий) следует признать рост внимания к роли личности в истории, что привело к всплеску исследовательского интереса к линейке героев войны. Значительное количество работ, вышедших в XXI веке, посвящено крупным фигурам обеих воюющих сторон: с большим отрывом по количеству изданий, но явно не по их качеству лидирует имам Шамиль, затем идет наиб Хаджи-Мурат и ряд лиц из окружения имамов, наместники России на Кавказе и командующие русскими войсками в регионе, в первую очередь, Отдельным Кавказским корпусом (начиная от П. Д. Цицианова и А. П. Ермолова и заканчивая князем А. И. Барятинским и великим князем Михаилом Николаевичем), другие видные государственные и военные деятели, авторитетные исследователи, известные просветители и миссионеры. Появились крупные работы и интересные статьи о М. С. Воронцове и Е. А. Головине, о бароне П. К. Усларе и князе Хан-Гирее, о медике Н. И. Пирогове и о востоковеде-архивисте А. П. Берже.

Изменилась и стала более разнообразной исследовательская оптика: историки из разных регионов страны начали разрабатывать совершенно немыслимые в советское время темы. В. О. Бобровников, анализирующий в этом номере восточные источники, удачно отмечает, что «господствовавший прежде в литературе военно-политический нарратив мусульманского сопротивления колониальной экспансии Российской империи оттеснили более сложные и менее идеологизированные нарративы новой имперской истории, выходящие на религиозные, социальные и культурные аспекты Кавказской войны и восприятие Имамата в горском обществе»[5].

---

[4] См. подробнее рецензию на это издание: [Манышев, Муханов, 2023].

[5] См. статью В. О. Бобровникова ниже в этом номере, с. 494.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Стойкий интерес появился к личностям не столь крупного масштаба — незаметным героям войны. Стали подниматься и такие новые темы, как роль ученых и исследователей в изучении Кавказа, а также учителей, медиков и миссионеров; институты аманатства и аталычества; роль гендера; затронута крайне нестандартная тема — природа как противник; проводится анализ различных практик получения знаний о Кавказе военными и гражданскими чинами российской региональной администрации; освещаются новые проекты и записки об умиротворении Кавказа и миссионерской деятельности там. Одной из ключевых тем, разрабатываемых сегодня, является процесс интеграции региона как в ходе войны, так и по ее итогам; горцы на русской службе и, в первую очередь, местные проводники российской политики на Кавказе. Заметен осознанный уход от ранее ключевой военной парадигмы: боевые действия частей Отдельного Грузинского (потом Кавказского) корпуса с горцами, или наоборот горские победы над русскими отрядами, удачные набеги горцев на поселения и укрепления отходят на второй или более далекий план. Исследователей начинает интересовать не только событийная канва войны, но и причинно-следственная связь, мысли, планы и оценки тех или иных деятелей эпохи, их вклад в завершение Кавказской войны и преобразование региона во второй половине XIX столетия.

Еще одна интересная тема, поднятая в последнее время, — коммеморативные практики и прошлые юбилеи Кавказской войны. Одним из успешно реализованных проектов в данном направлении стал «Альбом капитана Никитина. Гуниб 1909 г. (Альбом подвижного сбора и торжеств на Гунибе по случаю 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа» [*Альбом капитана Никитина*, 2019], изданный в результате энергичной деятельности куратора одноименной выставки в Махачкале З. Г. Дадаевой. Отрадно, что нам удалось обсудить эту тематику и на страницах представляемого читателям номера журнала благодаря статьям В. С. Бешкинской и М. А. Волхонского[6].

Всплеск интереса к проблематике, подогреваемый кардинальными общественно-политическими изменениями в стране в 1990-е и начале 2000-х гг., сменился дипломатичным упоминанием данной темы в общих работах и публичных выступлениях. Однако системный интерес к ней научного сообщества без государственной подпитки и материальной поддержки местных властей (скорее их заказа) резко спал, что особенно заметно в последние несколько лет, с начала пандемии и по сей день.

Ощутимой потерей стало прекращение выпуска такого академического ежегодника, как «Кавказский сборник». Последний являлся одним из наиболее известных и уважаемых изданий по кавказоведческой тематике, и Кавказская война XIX в. была одной из его ключевых тем. В томах «Кавказского сборника» авторские статьи российских и зарубежных исследователей удачно сочетались с публикациями зачастую малоизвестных, но любопытных документов. Сборник выпускался коллективом Центра кавказ-

[6] См. ниже статьи В. С. Бешкинской «50-летний юбилей покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 г. как корпоративная коммеморация» и М. А. Волхонского «Воспоминания о Кавказской войне как часть сценария власти главноначальствующего на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в 1882 г.».

ских исследований МГИМО почти два десятилетия, с самого начала своей деятельности и вплоть до закрытия в постковидную эпоху[7]. Необъяснимый отказ руководства МГИМО и молодого поколения «менеджеров от науки», прорвавшегося к кураторству этим научным направлением, как от специализированного исследовательского центра, так и от продолжения специализированного издания, может вызывать только разочарование и сожаление, что, правда, становится привычным на фоне большого количества подобных «оптимизаторских» решений и в других академических направлениях. Невооруженным глазом заметно прекращение качественного и глубинного экспертного сопровождения, работы, как правило, долгосрочной и зачастую рутинной, в угоду сиюминутной выгоды или просто в жертву карьерных устремлений очередного «мальчика» от науки…

Признаем, что резко упало качество выпускаемой литературы по теме, особенно в республиках Северного Кавказа, традиционно являвшихся как главными производителями, так и основными потребителями подобной продукции. Многие работы вообще не выходят на федеральный уровень, оставаясь «развлекаловкой» для местных элит и интеллектуального сообщества. Реанимируются старые концепции, мифы и легенды как о событиях времен войны, так и о ряде ее героев — как первого плана, так и второстепенных.

Огромный вал компиляций и откровенного плагиата, идущий как из северокавказских республик, так и из краев и областей Юга России, еще больше торпедирует область научного изучения, фактически дискредитируя ее в глазах широкой общественности. Многие, сталкиваясь с подобными изданиями, отказываются в дальнейшем признавать авторитет и ценность научного знания и не хотят знакомиться с другими работами по теме. Бесспорно, что поток такого рода продукции носит разрушительный и деструктивный характер и крайне вреден как для самой научной мысли, так и для ее репутации и авторитета. Об этом, в частности, пишет в своей статье В. О. Бобровников, отмечая низкое качество большинства современных публикаций восточных источников на Северном Кавказе[8].

Все это приводит к весьма грустным выводам и одновременно подталкивает к активизации дальнейшей исследовательской деятельности, выражающейся как в подготовке и издании новых научных и научно-популярных работ, так и в поиске и публикации новых интересных документов из российских и зарубежных архивов. И в этом номере, специально посвященном Кавказской войне, мы не отошли от нашей принципиальной традиции и включили в число

[7] В период с 2004 по 2021 г. выпущено 13 томов.

[8] Исследователь справедливо замечает, что «в постсоветскую эпоху оказались размыты границы между источниками и историографией. В число «историков» Кавказской войны влились любители, в первую очередь, верующие, очарованные героическими образами своих горских предков в исторической памяти, но не знакомые с азами издания и научной критики источников. Публикации зависят от воли частных спонсоров, учитывающих лишь рынок сбыта, установки исторической памяти и политики». См. ниже, на с. 501.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

материалов интересную документальную публикацию, подготовленную С. Б. Манышевым[9].

Очевидно, что ситуация в области изучения Кавказской войны сейчас такая же печальная, как в целом ряде других научных направлений, но появление подобных специальных изданий дает сдержанную надежду на качественное улучшение положения и появление как новых прорывных публикаций, так и новых имен в историческом кавказоведении.

Список сокращений / Abbreviations

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва) [SA RF — State Archive of the Russian Federation (Moscow)].

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар) [State Archive of the Krasnodar Region (Krasnodar)].

МГИМО — Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации [MGIMO —Moscow State Institute of International Relations (University) by the Russian Ministry of Foreign Affairs].

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва) [Collection of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow)].

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) [Collection of manuscripts of the Russian State Library (Moscow)].

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [RGVIA — Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.) [RGIA — Russian State Historical Archive (Saint Petersburg)].

Список литературы / References

1. *Альбом капитана Никитина. Гуниб, 1909 г. (Альбом подвижного сбора и торжеств на Гунибе по случаю 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа). Каталог выставки*. [Сост. З. Г. Дадаева]. Махачкала — Ростов-на-Дону: Гора; АРКОЛ, 2019 [*Captain Nikitin's Album. Gunib, 1909 (Album of the mobile gathering and celebrations held in Gunib on the occasion of the 50th anniversary of the conquest of the Eastern Caucasus). Catalogue of the Exhibition.* Comp. by Z. G. Dadaeva. Makhachkala — Rostov-on-Don: Gora; ARKOL, 2019 (in Russian)].
2. Блиев М. М., Гаджиев В. Г., Джендубаев А. Р. Перевернутый мир бесконечной войны: «Круглый стол». *Родина*. 1994. № 3–4. С. 17–23 [Bliev M. M., Gadzhiev V. G., Dzhendubaev A. R. The upside-down world of an endless war: "Round table". *Rodina.* 1994. № 3–4, pp. 17–23 (in Russian)].
3. Вейденбаум Е. Г. *Картотека. Сборник сведений к словарю кавказских деятелей (XIX — нач. XX в.), собранных Е. Г. Вейденбаумом, известный как*

[9] Публикацию С. Б. Манышева «…Я убедился в необходимости некоторых изменений…» (Записка Н. И. Пирогова и мнение М. С. Воронцова о преобразовании медицинской части на Кавказе, 1847 г.)» см. ниже в этом номере журнала.

«Картотека Вейденбаума». Отв. сост. И. Якобашвили. Тбилиси: Национальная парламентская библиотека Грузии, 2021 [Weidenbaum E. G. *File Cabinet. Collection of information for the dictionary of Caucasian public figures (19th — early 20th centuries), collected by E. G. Weidenbaum, known as "Weidenbaum File Cabinet".* Comp. by I. Yakobashvili. Tbilisi: National Parliamentary Library of Georgia, 2021 (in Russian)].

4. Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война (1829–1864 гг.). *Сборник Русского исторического общества*. Т. 2(150): *Россия и Северный Кавказ*. М.: Русская панорама, 2000. С. 158–171 [Georgiev V. A., Georgieva N. G. Caucasian War (1829–1864). *Collection of the Russian Historical Society.* T. 2(150): *Russia and the North Caucasus.* M.: Russkaia panorama, 2000, pp. 158–171 (in Russian)].
5. Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги. *Сборник Русского Исторического общества*. Т. 2(150): *Россия и Северный Кавказ*. М.: Русская панорама, 2000. С. 225–250 [Degoev V. V. The problem of the 19th century Caucasian War: historiographical results. *Collection of the Russian Historical Society.* Vol. 2(150): *Russia and the North Caucasus.* Moscow: Russkaia Panorama, 2000, pp. 225–250 (in Russian)].
6. Ермолов А. П. *Кавказские письма. 1816–1860*. Сост. Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2014 [Ermolov A. P. *Caucasian letters, 1816-1860.* Comp. by G. G. Lisitsyna, B. P. Milovidov. St. Petersburg: Publishing house of the magazine "Zvezda", 2014 (in Russian)].
7. *Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф. Я. Лисовского и В. Л. Чуркина. Сборник архивных документов*. Сост. Л. И. Цвижба. М.: Наука; Восточная литература, 2019 [*Western Caucasus in the first half of the 19th century after materials of F. Ya. Lisovsky and V. L. Churkin. Collection of archival documents.* Comp. by L. I. Tsvizhba. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2019 (in Russian)].
8. *Имам Шамиль и национально-освободительная борьба горцев Северо-Восточного Кавказа в сообщениях французских консулов из Тифлиса*. Сост. Г. Мамулиа. Тбилиси: Грузинский фонд стратегических и международных исследований, 2022 [*Imam Shamil and the struggle of highlanders of the North-Eastern Caucasus for national liberation in reports of the French consuls from Tiflis.* Comp. by G. Mamulia. Tbilisi: Georgian Foundation for Strategic and International Studies, 2022 (in Russian)].
9. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. *Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический справочник*. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021 [Kolosovskaya T. A., Tkachenko D. S. *Military experts in the Caucasus in imperial Russia: bio-bibliographical guide.* Stavropol: Design Studio B, 2021 (in Russian)].
10. Манышев С. Б., Муханов В. М. Французский взгляд на Северный Кавказ. *Новое прошлое / The New past*. 2023. № 1. С. 292–301 [Manyshev S. B., Mukhanov V. M. The French view of the North Caucasus. *Novoe proshloe / The New past.* 2023. No. 1, pp. 292–301 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Информация об авторе

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН; vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30.08.2024; принята к публикации 30.08.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Vadim M. Mukhanov — Ph. D (Hist.), head of Sector for the Caucasus, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 30.08.2024; accepted for publication 30.08.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
Universal History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Всеобщая история

Научная статья Исторические науки
УДК 903.2+94(470)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-492-510

Восточные горские источники о Кавказской войне: важнейшие находки и публикации 1990-х — 2020-х гг.

Владимир Олегович Бобровников

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
vladimir_bobrovn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1444-7722

Аннотация. Статья представляет аналитический обзор важнейших горских источников о Кавказской войне XIX в. на восточных языках, выявленных, опубликованных или введенных в научный оборот без издания полного текста за последние 30 с небольшим лет — с начала 1990-х гг. Автор полагает, что эти разнотипные и порой массовые материалы следует классифицировать на основе модели, еще в 1936 г. разработанной Н. И. Покровским, расширив ее типологию и скорректировав критерии с учетом наработок постколониальной ревизионистской теории и в особенности новой имперской истории. По степени важности он строит иерархию из 9 типов источников, включающую: 1) правовые сочинения, нормативные акты и документы; 2) суфийские сочинения; 3) официальную и частную переписку; 4) эпиграфику; 5) хроники и памятные записи (таварих); 6) стихи на политические и религиозные темы; 7) воспоминания и биографии, в том числе биографические словари (манакиб, тараджим) и агиографию (табакат); 8) каталоги рукописных библиотек; 9) записи и переводы горского фольклора. Особое внимание обращено на подходы и методы изучения горских свидетельств о войне в связке с российскими архивными первоисточниками. В статье охарактеризованы проблемное поле и методологические сложности, которые переживает в постсоветскую эпоху источниковедение Кавказской войны.

Ключевые слова: Кавказская война, горцы, шариатское движение, мюридизм, восточное источниковедение, новая имперская история

Благодарности: В статье использованы материалы, полученные по проекту «„Переплетенная история“ / Entangled History: мусульмане и другие в России и вовне» при поддержке Фонда академического развития Факультета гума-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Бобровников В. О., 2024
© Ориенталистика, 2024

нитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 годах и в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Бобровников В. О. Восточные горские источники о Кавказской войне: важнейшие находки и публикации 1990-х — 2020-х гг. *Ориенталистика*. 2024;7(3):492–510. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-492-510.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-492-510

Highlanders' Sources in Oriental Languages about the Caucasus War: The Most Important Findings and Publications Dating the 1990s — 2020s

Vladimir O. Bobrovnikov

Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vladimir_bobrovn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1444-7722

Abstract. The article critically overviews the most valuable highlanders' sources in Oriental languages of the 19th century Caucasus War, which were identified, published or introduced into the research use without publication for the last 30 years from the early 1990s to the mid-2020s. The author classifies them developing the model elaborated in 1936 by N. I. Pokrovsky in line with the criteria of post-colonial revisionist historiography and especially ideas of new imperial history. According to the degree of importance, he suggests the following hierarchy of 9 types of local Oriental sources: 1) legal writings, normative acts and documents; 2) Sufi treatises; 3) official and private correspondence; 4) epigraphy; 5) chronicles and memorabilia (tawarikh); 6) poetry on political and religious topics; 7) memoirs and biographies, including dictionaries (manakib, tarajim) and hagiography (tabaqat); 8) catalogues of libraries of Oriental manuscripts; 9) records and translations of mountain folklore. Special attention is paid to new approaches and methods of studying the mountaineers' historical evidences of the war in conjunction with Russian archival primary sources. The article also characterizes the problematic field of the Caucasian War and difficulties source studies encountered in the post-Soviet era.

Keywords: Caucasus war, highlanders, Shariʻah movement, Muridism, Oriental source studies, new imperial history

Acknowledgements: The article uses data gathered in the project "Entangled History: Muslims and the Others in Russia and Beyond" supported by the Academic Development Foundation of the Faculty of Humanities of the National Research University Higher School of Economics in 2022–2024, and the Basic Research Program of the HSE University.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Bobrovnikov V. O., 2024
© Orientalistica, 2024

For citation: Bobrovnikov V. O. Highlanders' Sources in Oriental Languages about the Caucasus War: The Most Important Findings and Publications Dating the 1990s — 2020s. *Orientalistica*. 2024;7(3):492–510. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-492-510 (in Russian).

Введение

Кавказская война Российской империи, 160-летний юбилей окончания которой отмечался в начале лета 2024 г., остается одной из центральных тем кавказоведения. Ее историю писали (и все еще пишут) в основном по русским и отчасти западноевропейским источникам, представляющим реакцию на войну в России и других колониальных мировых державах, вовлеченных в «большую игру» за Кавказ. Между тем, со второй трети XIX в. известны не менее любопытные отклики на войну местного мусульманского общества, «горцев», как их называли в империи, чаще сторонников, реже противников вооруженного *джихада* имамов Горного Дагестана и Чечни. Отдельные горские источники были опубликованы в пересказах и оригинале без перевода и комментариев еще в последней трети XIX — первой четверти XX в.

Типология горских восточных источников после Н. И. Покровского (1936)

Впервые проблему специального изучения местных горских свидетельств о Кавказской войне и необходимости сопоставления их с русскими и зарубежными источниками еще в 1936 г. поставил редкий знаток этой эпохи историк-кавказовед Николай Ильич Покровский в «Обзоре источников по истории имамата», позднее включенном в его докторскую диссертацию, опубликованную дважды уже посмертно [Покровский, 1936; 2009]. «Обзор» Покровского не утратил научной значимости, но некоторые его положения устарели. После 1936 г. переведено, опубликовано в переводах и в оригинале на арабском, тюркских и кавказских языках, а, главное, введено в научный оборот значительное число местных горских источников. По-прежнему подавляющее большинство материалов о Кавказской войне происходят из русского лагеря, но количество местных восточных нарративных и нормативных источников исчисляется уже не единицами, а десятками, число же писем и документов — сотнями, если не тысячами. Одних писем имама Шамиля издано более 600! [*Образцы*…, 2002; *Шамил имамасул*…, 2022]. Особенно значимые перемены в источниковой базе и жанрах произошли за постсоветское 30-летие. Тогда же существенно сменилась «оптика» источниковедения войны.

Господствовавший прежде в литературе военно-политический нарратив мусульманского сопротивления колониальной экспансии Российской империи [Bodenstedt, 1848; Бушуев, 1939; Магомедов, 1939; *The North Caucasus barrier*…, 1992] оттеснили более сложные и менее идеологизированные нарративы новой имперской истории, выходящие на религиозные, социальные и культурные аспекты Кавказской войны и восприятие Имамата в горском обществе. Дихотомия колониального завоевания и национально-освободительного движения звучит уже анахронично, хотя и не исчезает из политизированных

 ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

публикаций. Этот поворот в источниковедении удачно охарактеризовал во Введении к своей докторской диссертации и написанной на ее основе книге германский исламовед Михаэль Кемпер [Kemper, 2006]. Но и его обзор не учитывает изданий последних 19 лет, а также документов и рукописей, выявленных за это время. К тому же он изучает в основном шариатское движение в войне.

Цель этой статьи — попытаться продолжить «Обзор» Н. И. Покровского, пересмотрев некоторые его анахроничные позитивистские установки, отталкиваясь от наработок новой имперской истории. Опуская неплохо известный специалистам поздний советский период 1940-х — 1980-х гг., в который из-за научной цензуры вышло мало (хотя и важных) публикаций восточных источников [*Хроника*…, 1941; 1946; *Шамиль — ставленник*…, 1953; *Движение горцев*…, 1959[1] и др.], хронологически я ограничиваюсь пока еще не обобщенными источниковедческими наработками Кавказской войны, сделанными в 1990–2024 гг. Я стремился охватить всю постсоветскую эпоху, учитывая как основные публикации, так и горские источники на восточных языках, не переведенные и не опубликованные, но введенные в научный оборот зарубежными и отечественными востоковедами. Обилие материалов, к сожалению, не позволяет давать характеристику каждой публикации отдельно.

Из обзора сознательно исключено так называемое *мухаджирство* — массовый исход кавказских горцев (преимущественно с Северо-Западного Кавказа) в последний период войны и после ее окончания в Османскую империю. Это — большая самостоятельная тема неплохо документирована в первоисточниках на арабском и староосманском языках[2]. Она хорошо представлена и в горском фольклоре на кавказских и тюркских языках. Эта тема заслуживает специального обзора. К тому же она выходит на отдельную большую проблему Кавказской войны в исторической политике великих держав XX–XXI столетий. Обзор практически не касается Северо-Западного Кавказа, поскольку в этом важном субрегионе после 1990 г. по Кавказской войне за редкими исключениями [*Пащтыхь зауэжьым*…, 2014] изучали и издавали русские, а не восточные источники.

При классификации источников я отталкивался от мнения Покровского, но пытался критически переосмыслить его. «По степени достоверности» Покровский разделил все русские, западные и восточные источники на 5 больших групп: «1) документы, современные событиям (официальная и частная переписка) и основанные на непосредственном их наблюдении; 2) сообщения, основанные на расспросных сведениях, то есть получаемые историком уже из вторых рук; 3) по степени достоверности к ним примыкают воспомина-

[1] В 2005 г. было опубликовано продолжение сборника из собранных к 1959 г. документов, которое в советскую эпоху издать не удалось [*Народно-освободительная борьба*…, 2005]. В том же году В. Г. Гаджиев переиздал цикл своих позднесоветских статей о творчестве горских хронистов — Гаджи-Али, Абдуррахмане Газикумухском и Хасане Алкадари [Гаджиев, 2005].

[2] Современное состояние изучения османских источников по мухаджирству неплохо представлено в двух недавних публикациях: книге Владимира Хамеда-Троянского [Hamed-Troyansky, 2024] и статье Мустафы Танрыверди [Танрыверди, 2023].

ния и 4) даже некоторые из произведений художественной литературы, авторы которых могли расспрашивать участников событий; 5) сводные работы, написанные по источникам» [Покровский, 2009, с. 28–29]. Ту же типологию Покровский обнаружил в «местных горских источниках», подробно разобранных в заключительной части его «Обзора» [Покровский, 2009, с. 70–94]. Как историк-позитивист первой половины XX в. Покровский с подозрением относится к последним двум группам текстов, чрезмерно субъективным и далеким от действительности, отказывая им в значении собственно исторического источника. Он вынужденно пользуется ими для реконструкции не дошедших до нас документальных свидетельств. Вместе с тем, он интуитивно верно оценил значение религиозно-правовой составляющей Кавказской войны из области скорее представлений, чем реальных событий.

Тематика современных исторических исследований еще в начале нового тысячелетия сместилась к местным игрокам и дискурсивным практикам войны, отраженным в нарративах ее свидетелей и историографов. Верификация источников по-прежнему необходима, но степень достоверности передачи ими того, что происходило в действительности, отошла на второй план. Ведь искажение исторических событий в источниках само по себе представляет интересный для изучения исторический факт. Важнейшим стал критерий информативности данных источников для реконструкции не того, как завоевание Кавказа происходило на самом деле, но того, как оно воспринималось современниками, а также перемен в обществе и государстве, к которым оно привело. Именно на этих критериях построена предлагаемая ниже типология восточных горских источников.

По степени значимости содержания в ней можно выделить следующие 9 типов. 1) Правовые и нормативные сочинения и документы. Они рисуют систему шариатского судопроизводства и правовые обычаи (‘*адат*) в Имамате и за его пределами [*Хрестоматия*…, 1998–1999; *Арабоязычные документы*…, 2001; Оразаев, 2007; *Обычай и закон*…, 2009; *Фатава ал-Чухи*, 2011; Шехмагомедов, 2014; *Мусульманское право и обычай*…, 2017; *Маджму‘ ал-фатава*, 1439/2018; *Шамил имамасул*…, 2022]. 2) Суфийские сочинения по этике и мистическим техникам, агиография. Это труды популярных шейхов братств Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа по линиям Мухаммада ал-Йараги, Махмуда ал-Алмалы, Кунта-Хаджжи [Шу‘айб б. Идрис ал-Багини, 1317/1996; ар-Рашади, 1997; ‘Абд ас-Салам, 2003; *Асар аш-шайх ал-Йараги*, 1435/2016; *Ташав-хаджжи*…, 2023]. 3) Официальная и частная переписка, преимущественно Имамата, отчасти союзов общин и мусульманских владений [*100 писем Шамиля*, 1997; *Образцы*…, 2002; *Народно-освободительная борьба*…, 2005; Оразаев, 2007; *Шамил имамасул*…, 2022]. 4) Эпиграфика: исторические, строительные надписи и эпитафии [Закарияев, 2015]; 5) Хроники и краткие памятные записи (*таварих*) о войне [Алкадари, 1994; Гаджи-Али, 1995; Гимринский, 1997; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; *Исторические сочинения*…, 2003, 2022; Айтберов, Дадаев, 2010; Ангъидаса Халил, 2017; ал-Гимрави, 2020]. 6) Стихи участников и про участников Кавказской войны, порой в составе других произведений [Шу‘айб б. Идрис ал-Багини, 1317/1996; ад-Дургели, 2012; *Асар аш-шайх ал-Йараги*, 1435/2016; Алкадари, 2020; *Ташав-хаджи*…, 2023]. 7) Воспоминания и биографии с первыми

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

автобиографиями, в том числе биографические словари (*манакиб*, *тараджим*). К этому типу также относится агиография суфийских наставников и святых шейхов (жанр *табакат*) [Геничутлинский, 1992; Абдурахман из Газикумуха, 1997; Абдурахман ал-Газигумуки, 2002; Kemper, Šixsaidov, 2004; Ясулов, 2009; ад-Дургели, 2012; Кундухов, 2013; ал-Карахи, 2014; Мусаев, 2020]. 8) Каталоги библиотек мусульманских ученых и суфиев времен войны [Алибекова, 2001; *Каталог арабских рукописей*…, 2002; Шихсаидов, Омаров, 2005]. 9) Записи и переводы героического фольклора о войне [*Сказания народов Дагестана*…, 1997; ГIисаев, 2002; Аваразул, 2003; *Пащтыхь зауэжьым*…, 2014].

Достоинства и недостатки восточного источниковедения Кавказской войны

Опубликованные и изученные с 1990-х гг. горские источники на восточных языках позволяют пересмотреть некоторые устоявшиеся клише в отношении Кавказской войны, мюридизма и Имамата. Во-первых, ни один из них не подтверждает утверждений советской и зарубежной историографии XX в. о ее «национально-освободительном» и «антиколониальном» характере. Нарративы колониального порабощения и обретения национальной независимости в борьбе с русским царизмом равно чужды восточным горским источникам времен Кавказской войны. Они появляются в них полвека спустя, уже после революции 1917 г. [Кундухов, 2013, с. 75–77; *Сказания народов Дагестана*…, 1997; *Пащтыхь зауэжьым*…, 2014]. Война предстает в горских источниках не «всенародным движением» угнетенных с царизмом [Покровский, 2009, с. 71], но религиозным джихадом за искоренение нешариатских обычаев (*'адат*, *русум*). В зависимости от своей политической позиции авторы объявляют «лицемерами» (*мунафикун*), отступившими от ислама, либо противников имамов, либо самих имамов и их сторонников [Абдурахман из Газикумуха, 1997; Абдурахман ал-Газигумуки, 2002; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; *Арабоязычные документы*…, 2001].

Горское общество оказалось не единым. Судя по горским хроникам и документам, воспоминаниям, джихад расколол его надвое как гражданская война. От него пострадали не только русские, казаки и грузины, но и их местные мусульманские союзники и подданные [*Мусульманское право и обычай*…, 2017, с. 136–137, 145, 160; Ясулов, 2014; ал-Гимрави, 2020]. Приходится отказаться от крайне смутного понятия «мюридизм». Письма, суфийские и правовые мусульманские источники, введенные в научный оборот М. Кемпером, обнаружили, что большинство сторонников имамов («шариатские мюриды») не входили в братство. Имамы Гази-Мухаммед и Шамиль были инициированы в Накшбандийа-Халидийа, последний даже стал суфийским шейхом. Но суфизм дал шариатскому движению лишь организационную форму. Имамы не оставили суфийских сочинений и не обучали мюридов суфийскому пути [ад-Дургили, 2012, с. 83–91]. Часть накшбандийских и все кадирийские шейхи, а также многие улемы, даже учителя имамов, как Саид из Аракани, не поддержали их вооруженного джихада [Кемпер, 2003; Кемпер, 2010].

Разные типы восточных горских источников способны пролить свет на различные аспекты Кавказской войны. Переписка имамов с союзами общин

и знатью горцев, а также со своими заместителями (*на'ибами*) и переселенцами (*мухаджирами*) позволяет уточнить состав должностных лиц Имамата, круг их обязанностей и отношения на разных уровнях власти [*100 писем Шамиля*, 1997; *Арабоязычные документы…*, 2001; *Образцы…*, 2002]. Только не надо преувеличивать значения переписки для содержания внешней и внутренней политики Имамата. Угроза перехвата писем врагами заставляла передавать основное содержание военных депеш изустно «подателем письма» (*хамил ас-салам*). Столь же осторожно следует относиться к свидетельствам мемуаристов об организации власти и общества в Имамате и за его пределами [Абдурахман из Газикумуха, 1997; Айтберов, Дадаев, 2010]. Для просопографии участников Кавказской войны важны эпитафии и строительные надписи [Закарияев, 2015]. О шариатском дискурсе войны говорят нарративные источники [*Мусульманское право и обычай…*, 2017; Мусаев, 2020; и др.], фольклор же — об исторической памяти войны в XX в. [*Сказания народов Дагестана…*, 1997; ГIисаев, 2002; др.]. Направление дальнейших поисков горских источников показывают каталоги собраний восточных рукописей и документов [Алибекова, 2001; *Каталог арабских рукописей…*, 2002; Шихсаидов, Омаров, 2005; и др.].

При удивительном многообразии восточные горские источники имеют немало общего. За редкими исключениями почти все они выявлены и опубликованы в России, порой с участием зарубежных востоковедов, таких как М. Кемпер. Отдельные издания важных источников о Кавказской войне появились в Германии, Грузии и Сирии [Шу'айб б. Идрис ал-Багини, 1317/1996; *Каталог арабских рукописей…*, 2002; Kemper, Šixsaidov, 2004]. Больше всего изданий восточных горских источников вышло в Дагестане, где с советских времен была сильная востоковедная школа, не говоря о сохранившихся там арабистах, получивших религиозное образование. Конец холодной войны и падение научной цензуры позволили издать переводы и подборки источников, сделанные еще в 1920-е — 1970-е гг., порой полностью готовые к печати. При этом большинство из них было цензурировано: из переводов, реже оригиналов, были изъяты обидные характеристики горских народов, некоторые мнения и оценки героев войны и другие острые моменты [Гимринский, 1997; Абдурахман из Газикумуха, 1997; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; *Аваразул кьалул кучIдул…*, 2003; *Ташав-хаджи…*, 2023]. Тематически больше всего издано биографических словарей и агиографии (14 публикаций с 1990-х гг.). Чуть меньше хроник и писем (11 и 10). Почти вдвое по числу публикаций им уступают горский фольклор (7), фикх (7), эпиграфика (6). Довольно мало вышло суфийских сочинений и стихов (по 3).

С рубежа 1990-х гг. в Махачкале, Нальчике, Грозном, Владикавказе стали перепечатывать дореволюционные, ранние советские и эмигрантские издания источников в кириллице и арабской графике [Алкадари, 1994; Гаджи-Али, 1995; Гимринский, 1997; Абдурахман из Газикумуха, 1997; Кундухов, 2013; Ясулов, 2009]. В дело включились краеведы-любители, религиозные деятели и муфтияты (ДУМ) [*Фатава ал-Чухи*, 2011; *Асар аш-шайх ал-Йараги*, 1435/2016]. Отдельные нарративные источники вышли в пересказах с арабского на кавказские и тюркские языки, в основном дагестанские (аварский,

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

даргинский, кумыкский) [Ар-Рашади, 1997; ГIисаев, 2002; *Исторические сочинения*…, 2003, 2022; Ангъидаса Халил, 2017; *Ташав-хаджи*…, 2023. Ср.: ʻАбд ас-Салам, 2003]. В итоге книжный голод информации о Кавказской войне как у востоковедов, так и у широкой публики, живо интересующейся историей Кавказской войны и Имамата, в основном утолен.

Помимо любительских перепечаток старого, в постсоветское время было предпринято немало как удачных, так и не очень попыток введения в научный оборот местных восточных источников. Наибольший прорыв в этой области сделал М. Кемпер. Он не только издавал горские арабские источники [Kemper, Šixsaidov, 2004; ад-Дургели, 2012], но широко использовал правовые трактаты, нормативные акты, документы и письма горцев на арабском языке для характеристики шариатского религиозно-правового дискурса Имамата [Kemper, 2006; Кемпер, 2010, 107–124]. Кемпер установил исторический факт раскола улемов и суфиев Дагестана из сохранившихся в переписке и арабских трактатах споров о легитимности власти имамов. Он убедительно показал, что мюридизм на Северо-Восточном Кавказе был лишь общей колониальной фобией европейцев, не имевшей под собой ничего серьезного. Суфизм дал шариатскому движению имамов лишь организацию с опорой на шариатских мюридов, не входивших в братство Накшбандийа-Халидийа [Кемпер, 2003, с. 278–305].

Немало восточных источников опубликовали дагестанские востоковеды из школы А. Р. Шихсаидова и кабардинские историки. Это аульные хроники (*таварих*) [Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; *Исторические сочинения*…, 2003, 2022; Айтберов, Дадаев, 2010; Ангъидаса Халил, 2017; ал-Гимрави, 2020], мемуары (*кутуб тазкира*), дневники и автобиографии участников Кавказской войны [Абдурахман ал-Газигумуки, 2002; ал-Карахи, 2014], устный фольклор горцев [*Сказания народов Дагестана*…, 1997; ГIисаев, 2002; *Аваразул кьалул кучIдул*…, 2003; Ясулов, 2009; *Пащтыхь зауэжьым*…, 2014]. Немалый интерес представляют словари с биографиями улемов и суфиев XIX в. [Геничутлинский, 1992; Шуʻайб б. Идрис ал-Багини, 1996; Шехмагомедов, 2014; Мусаев, 2020]. К сожалению, сложные для перевода арабские стихи об участниках и реалиях Кавказской войны чаще опускали [Kemper, Šixsaidov, 2004; ад-Дургели, 2012] или переводили, но плохо [Алкадари, 2020]. Частично издана полемика о шариате и вооруженном джихаде, шариатские нормативные акты и судебные документы [*Хрестоматия*…, 1998–1999; *Обычай и закон*…, 2009; *Мусульманское право и обычай*…, 2017; *Маджму‘ ал-фатвава*, 2018], обильная арабо- и тюркоязычная переписка [*100 писем Шамиля*, 1997; *Образцы*…, 2002; Оразаев, 2007; *Шамил имама-сул*…, 2022], эпиграфика [Закарияев, 2015, с. 48–55]. Д. М. Маламагомедов и Т. М. Айтберов издали аварский оригинал воспоминаний о знаменитом Хаджи-Мурате из Хунзаха со слов его внука, правда, к сожалению, почти без комментариев. Впервые он был издан в русском переводе в 1927 г. [Ясулов, 2009] (ср.: [*Дагестанский сборник*, 1927, с. 7–49]). Намного удачнее опубликованная П. И. Тахнаевым и Д. М. Маламагомедовым хроника земляка имама Гази-Мухаммеда, прокомментированная на основе сличения русских военных документов и источников [ал-Гимрави, 2020].

Общие принципы изучения и издания горских восточных источников

Еще 30–40 лет назад многие историки и в особенности широкая публика верили, что восточные (арабоязычные и арабографичные) источники скрывают массу информации, позволяющей восстановить, как всё происходило на самом деле. Читавшие и переводившие их наивно полагали, что эти материалы помогут исправить и уточнить русскоязычные источники, введенные в научный оборот ранее. Эта фантазия рассеялась. Прав оказался Покровский. Скорее наоборот: восточные источники можно уточнять с помощью русских, современных им. Это касается цифр, имен, хода событий. Но важнее другое. Восточные и русские источники нужно изучать только в связке, с учетом методики современного кавказоведения, не подменяя один тип источников другим, например, не изучая военно-политическую историю и хронологию Кавказской войны по горскому фольклору, не имеющему никакого отношения к этим сюжетам.

К сожалению, лишь единичные публикации удовлетворяют этим требованиям. Это работы профессиональных востоковедов Г. М.-Р. Оразаева [Оразаев, 2007; Исторические сочинения…, 2003, 2022], Х. А. Омарова [*100 писем Шамиля*, 1997; *Образцы*…, 2002], Р. Ш. Шарафутдиновой [*Арабоязычные документы…*, 2001], Н. А. Тагировой [Абдурахман ал-Газигумуки, 2002]. Довольно удачно, как уже говорилось, издание малоизвестной хроники Хасанилава, односельчанина имамов Гази-Мухаммеда и Шамиля, показывающей, что «партии» имамов в их родной конфедерации Хиндалал (Койсубулу) во время Кавказской войны и после нее противостояла сильная оппозиция из верхушки общин [ал-Гимрави, 2020]. Чаще издания и переводы горских источников нуждаются в серьезном комментировании с учетом купюр в их русских переводах. Этих недостатков не избежали издания воспоминаний об Имамате зятя имама Шамиля ʻАбдуррахмана из Гази-Кумуха, заказанных ему военно-народной администрацией в 1860-е гг. Во Введении к их публикации даже не указано, что это первое этнографическое описание Западного Дагестана [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 114–148]. Обидные подробности высокогорного быта из русского перевода М.-С. Саидова выброшены. Даже прекрасные сборники писем и документов Имамата Халатты Омарова страдают от того, что ни один из них не структурирован тематически.

Издано много преимущественно нарративных источников без оригиналов. Их переводы заставляют усомниться в полноте и соответствии подлинникам [Геничутлинский, 1992; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; Айтберов, Дадаев, 2010]. Ни один из постсоветских издателей аульных хроник даже не удосужился отметить, что большинство из них, как сочинение Халила из Ангиды, представляют собой лишь списки знаменитой хроники Мухаммада-Тахира ал-Карахи, в ее локальных аульных версиях. Равным образом не разобраны в постсоветских публикациях параллели и различия аульных хроник от текста ал-Карахи [Айтберов, Дадаев, 2010; Ангъидаса Халил, 2017]. Сомнительной кажется атрибуция некоторых изданных краеведами нарративных источников, в частности агиографического словаря суфийских наставников, приписанного М.-Р. Мугумаевым накшбандийскому шейху Шарф ад-Дину ал-Кикуни [Ибрагимова, 2014, с. 98]. После В. Г. Гаджиева, серьезно поставившего проблему источниковедческого анализа мусульманской хронистики времен

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Кавказской войны [Гаджиев, 2005], никто серьезно так и не характеризовал жанр *таварих* и не писал о переменах, произошедших в нем в XIX — первой трети XX в.

Общие источниковедческие итоги за 30 с лишком лет

Что можно сказать в заключение? Источниковое поле историка резко расширилось, особенно на Северо-Восточном Кавказе, где сохранилось больше свидетельств о войне на восточных языках. Выявлена масса материалов, появились десятки их публикаций в оригинале, переводах и пересказах, реже в академическом издании с введением, археографической характеристикой и комментариями [Абдурахман из Газикумуха, 1997; Абдурахман ал-Газигумуки, 2002; *Аваразул кьалул кучIдул…*, 2003; Kemper, Šixsaidov, 2004; ад-Дургели, 2012; *Исторические сочинения*…, 2003, 2022; *100 писем Шамиля*, 1997; *Образцы*…, 2002; Оразаев, 2007; *Обычай и закон…*, 2009], чаще — в дефектном, почти «голом» виде не выверенных текстов случайно выбранных списков источников, порой на малодоступных историкам-русистам кавказских языках [Шу'айб б. Идрис ал-Багини, 1317/1996; ар-Рашади, 1997; Гимринский, 1997; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; 'Абд ас-Салам, 2003; Кундухов, 2013[3]; Айтберов, Дадаев, 2010; *Фатава ал-Чухи*, 2011; *Асар аш-шайх ал-Йараги*, 1435/2016; *Маджму' ал-фатава*, 2018; *Шамил имамасул…*, 2022]. Столь же бесперспективны попытки новых переводов ал-Карахи без необходимых комментариев и так и не осуществленной с советских времен общей характеристики источника, которую не успел сделать погибший на войне А. М. Барабанов.

Довольно позитивно на восточном источниковедении Кавказской войны сказалось падение советской научной цензуры. Вместе с тем в постсоветскую эпоху оказались размыты границы между источниками и историографией. В число «историков» Кавказской войны влились любители [ар-Рашади, 1997; Ангъидаса Халил, 2017 и др.], в первую очередь, верующие [Шу'айб б. Идрис ал-Багини, 1317/1996; 'Абд ас-Салам, 2003; *Асар аш-шайх ал-Йараги*, 1435/2016; *Маджму' ал-фатава*, 1439/2018], очарованные героическими образами своих горских предков в исторической памяти, но не знакомые с азами издания и научной критики источников. Публикации зависят от воли частных спонсоров, учитывающих лишь рынок сбыта, установки исторической памяти и политики. Задуманные как многотомники издания часто ограничиваются 1-м выпуском [ар-Рашади, 1997; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; Алибекова, 2001]. Общий уровень публикаций по сравнению с поздней советской эпохой упал. Что говорить, если в издании хроник Кавказской войны и восстания

[3] Из-за отсутствия источниковедческой экспертизы в 1990-е и 2000-е гг. случалось печатать любопытные фальшивки. Так, обнаруженные В. В. Дегоевым в эмигрантском журнале «Кавказ» ("Le Caucase") «Мемуары Муссы Кундухова», опубликованные им сначала в ряде номеров журнале «Дарьял», а после не раз переиздававшиеся, похоже, представляют антисоветский политический памфлет, написанный в первой половине 1930-х гг. и лишь приписанный Кундухову. В этом предположении убеждают отсутствие оригинала, текст воспоминаний на русском и французском языках, не свойственный сочинениям мухаджиров в Османской империи, и содержание мемуаров, более актуальное для первой волны эмиграции 1930-х гг.

1877–1878 гг. забыли напечатать оглавление [Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001], а составители недавного сборника из 513 писем имама Шамиля не только не снабдили его необходимыми комментариями, но даже не указали, из каких архивов и частных собраний взяты опубликованные ими факсимиле [*Шамил имамасул*…, 2022]. В таком виде двухтомник шамилевской переписки совершенно не пригоден к использованию его историками.

Существуют и более серьезные проблемы. Подавляющее большинство отечественных востоковедов, занимающихся источниками этого времени, плохо представляют себе современную историографию Кавказской войны и Российской империи. Они не знают работ крупнейших историков-русистов, в том числе военных. Со своей стороны и русисты, даже прекрасные специалисты-источниковеды, как правило, не читают востоковедов и не знакомы с находками, публикациями и интерпретациями восточных источников за последние полвека. Многие лучшие издания источников постсоветского времени [*100 писем Шамиля*, 1997; Абдурахман из Газикумуха, 1997; Абдурахман ал-Газигумуки, 2002; Образцы, 2002; *Аваразул кьалул кучIдул*…, 2003; *Исторические сочинения*…, 2003, 2022; Оразаев, 2007; ад-Дургели, 2012] до сих пор никак не использованы при изучении Кавказской войны. Просопографических исследований эпиграфики не хватает. Сейчас ими плодотворно занимается лишь З. Ш. Закарияев из Дагестанского государственного университета. Проблему взаимного игнорирования усугубляет незнание современной зарубежной литературы.

Но не все так мрачно. Есть яркие исследования (см., например: [Кемпер, 2003; Kemper, 2005; Кемпер, 2010; Hamed-Troyansky, 2024]), которые не содержат переводов новых восточных источников, но вводят в научный оборот массу неопубликованного, порой даже многие нормативные и нарративные тексты и документы на современном научном языке. Их достоинство еще и в том, что они уберегают от преувеличения значения Кавказской войны, неоправданно превращенной советскими историками и западными советологами второй половины XX в. в главную проблему кавказоведения. Приведенных выше сведений достаточно, чтобы убедиться в отрадном в целом факте: разработка источниковедения Кавказской войны в XXI в., хотя и не без известных сложностей и ошибок, но все же продолжается.

Список сокращений / Abbreviations

ДГУ — Дагестанский государственный университет (Махачкала) [DSU — Dagestan State University (Makhachkala)].

ДУМД — Муфтият Республики Дагестан, централизованная региональная организация мусульман Дагестана [DUMD — Muftiate of the Republic of Dagestan, centralized regional organization of Muslims of Dagestan].

ИИАЭ ДНЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук [IIAE DNTs RAN — Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН — Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

[IYaLI — G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

РОССПЭН — Российское политическое издательство [ROSSPEN — Russian Political Encyclopedia Publishers].

Список литературы / References

1. *100 писем Шамиля*. Введ., тексты, пер. с араб., коммент., примеч., прилож. и указат. Х. А. Омарова. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН; Ирс, 1997 [*100* [*imam*] *Shamil's Letters*]. Introd., comp., ed., transl. from the Arabic, comment., append., and indexes by Kh. A. Omarov. Makhachkala: DNTs RAN; Irs, 1997 (in Arabic and Russian)].
2. 'Абд ас-Салам. *Макалат аш-шайх ал-фадил ва-л-устаз ал-камил ал-Хаджж Кунта ал-Иласхани. Аджвибат ал-устаз ал-муфид ли-маса'ил ал-мурид ал-мустафид* (*Сочинения достопочтенного шейха и совершенного наставника ал-Хаджж Кунта из Иласхан-Юрта. Полезные ответы наставника на подробные вопросы ученика*). Назрань: [б. и.], 2003 ['Abd al-Salam. *Maqalat al-shaykh al-fadil wa-'l-ustadh al-kamil al-Hajj Kunta al-Ilaskhani. Ajwibat al-ustadh al-mufid li-masa'il al-murid al-mustafid* [*Essays of the Venerable* [*Sufi*] *Sheikh and Perfect Master al-Hajj Kunta from Ilaskhan-Yurt. Useful Answers of the Master to Detailed Questions of the Student*]. Nazran': [no ed.], 2003 (in Arabic and Ingush)].
3. Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха Тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни.* Пер. с араб. М.-С. Саидова. Ред., коммент., указ. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1997 ['Abd al-Rahman al-Ghazigumuqi. *Memories of the sayyid 'Abd al-Rahman Son of the* [*Sufi*] *Sheikh and Master Jamal al-Din al-Husayni about Deeds of the Dagestani and Chechen People*. Transl. from the Arabic by M.-S. Saidov. Ed., comment., indexes by A. R. Shikhsaidov and Kh. A. Omarov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1997 (in Arabic and Russian)].
4. Абдурахман ал-Газигумуки. *Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля.* Пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М.: Восточная литература, 2002 ['Abd al-Rahman al-Ghazigumuqi [*Outline of a Detailed Description of Imam Shamil's Deeds*. Transl. from the Arabic, introd., comment., indexes by N. A. Tagirova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Arabic and Russian)].
5. *Аваразул кьалул кучIдул ва балладаби: текстал, таржамаби, баянал.* Сост. А. А. Ахлаков. Махачкала: Изд. ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2003 (на авар. и рус. яз.) *Avarazul qalul kuch'dul wa-balladabi: tekstal, tarzhamabi, bayanal* [*Heroic Songs and Ballads of the Avars: Texts, Translations, Commentaries*]. Comp. by A. A. Akhlakov. Makhachkala: Gamzat Tsadasa IYaLI Publishers, 2003 (in Avar and Russian)].
6. Айтберов Т. М., Дадаев Ю. У., Омаров Х. А. *Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Материалы.* Кн. I. Махачкала: [б. и.], 2001 [Aytberov T. M., Dadaev Iu. U., Omarov Kh. A. [*Revolts*

of the Dagestanis and Chechens after the Shamil's Epoch and the Imamate of 1877. Data]. Book 1. Makhachkala: [no ed.], 2001 (in Russian)].
7. Айтберов Т. М., Дадаев Ю. У. *Хроника Иманмухаммеда Гигатлинского — текст XIX в. об истории имамата*. Махачкала: ДГУ, 2010 [Aytberov T. M., Dadaev Iu. U. *Chronicle of Iman-Muhammad from Gigatli as a 19th Century Text on the History of Imamate*. Makhachkala: DSU, 2010 (in Russian)].
8. Алибекова П. М. *Каталог персидских рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.* Вып. I. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 2001 [Alibekova P. M. *Catalog of Persian Manuscripts in the Institute of History, Archeology and Ethnography of DNTs RAN*]. Issue I. Makhachkala: IIAE, 2001 (in Russian and Persian)].
9. Алкадари Г.-Э. *Асари-Дагестан.* Вступ. ст., коммент., прим., ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994 [Alqadari G.-E. *Athar-i Daghistan* (*Dagestani Monuments*). Ed., introd., comment., notes by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 1994 (in Russian)].
10. Алкадари Г. *Диван ал-Мамнун*. Пер. с араб. и коммент. И. Р. Насырова. Отв. ред. А. К. Аликберов. М.: Наука; Восточная литература, 2020 [Alqadari G. *Diwan al-Mamnun* (*Collection of al-Mamnun's Poetical Works*). Transl. from the Arabic by I. R. Nasyrov. Ed. by A. K. Alikberov. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2020 (in Russian)].
11. Ангъидаса Халил. *Цо мухъалъул тарихалъул бицен*. Махачкала: Алеф, 2017 [Anghidasa Khalil. *Tso mukhatlul tarikhatlul bitsen* (*A Historical Story of the Land*). Makhachkala: Alef, 2017 (in Avar and Arab)].
12. *Арабоязычные документы эпохи Шамиля.* Сост., пер. с араб., введ. и указат. Р. Ш. Шарафутдиновой. М.: Восточная литература, 2001 [*Documents of the Shamil's era in Arabic*. Comp., transl. from Arabic, introd. and comment. by R. Sh. Sharafutdinova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Arabic and Russian)].
13. *Асар аш-шайх ал-Йараги* (*Памятники шейха ал-Йараги*) Махачкала: Дар ар-рисала, 1435/2016 [*Athar al-shaykh al-Yaragi* (*The Monuments of the sheikh al-Yaragi*). Makhachkala: Dar al-risala, 1435/2016 (in Arabic)].
14. Бушуев С. К. *Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля.* М.: АН СССР, 1939 [Bushuev S. K. *The Highlanders' Struggle for Independence under the Leadership of Shamil*. Moscow: AN SSSR Publishers, 1939 (in Russian)].
15. Гаджи-Али. *Сказание очевидца о Шамиле.* Сост., вступ. ст., коммент., ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995 [Gadzhi-Ali. [*Eye Witness's Tale of* [*imam*] *Shamil*. Ed., comp., introd., and comments by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 1995 (in Russian)].
16. Гаджиев В. Г. *Мастера отечественного кавказоведения.* Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2005 [Gadzhiev V. G. *Experts in the Russian Caucasus Studies*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 2005 (in Russian)].
17. Геничутлинский Х. *Историко-биографические и исторические очерки.* Пер. с араб. Т. М. Айтберова под ред. М. Р. Мугумаева. Вступ. ст., коммент.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

В. Г. Гаджиева. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 1992 [Genichutlinskii Kh. *Historical Biographical and Historical Essays*. Transl. from the Arabic by T. M. Aytberov. Ed. by M.-R. Mugumaev. Introd. by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: Izd. DNTs RAN, 1992 (in Russian)].

18. Ал-Гимрави, Хасанилав. *Имам Газимухаммад: аварская хроника времен Кавказской войны (1827–1831 гг.)*. Исслед., ред., факс. изд. П. И. Тахнаевой; пер. с авар. П. И. Тахнаевой, Дж. М. Маламагомедова, М.-А. М. Магомедова. М.: ИВ РАН, 2020 [al-Gimrawi, Hasanilaw. *Imam Ghazi Muhammad. An Avar Chronicle from the Times of the Caucasus War (1827–1831)*]. Ed., studied, publ. by P. I. Takhnaeva, transl. from the Avar by P. I. Takhnaeva, Dzh. M. Malamagomedov, and M.-A. M. Magomedov. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2020 (in Russian and Avar)].
19. Гимринский, Гассанилау. Имам Газимухаммед. Пер. с авар. *Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Материалы международной научной конференции, 13–14 октября 1993 г.* Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала: ИИАЭ, 1997. С. 181–235 [Gimrinskii, Gassanilaw. Imam Ghazi-Muhammad. Transl. from the Avar. *Ghazi-Muhammad and the Beginnings of the Anti-Feudal and Anti-Colonial Struggle of the Peoples of Dagestan and Chechnya. Proceedings of the International Scholarly Conference held on October 13–14, 1993*]. Ed. by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: IIAE, 1997, pp. 181–235 (in Russian)].
20. ГIисаев А. *Дагъиста имамтачила ва наибунчила даргантала далуйти* (Даргинские песни дагестанских имамов и наибов). Махачкала: ИИАЭ; Фонд Шамиля, 2002 (на дарг. и рус. яз.) [ʻIsayev, Amirkhan. *Daghista imamtachila wa-naibunchila dargantala daluyti* (*The Dargin Songs of Dagestani Imams and Na'ibs*). Makhachkala: IIAE; Fond Shamilia, 2002 (in Dargin and Russian)].
21. *Дагестанский сборник.* Т. III. Махачкала: Буйнакская Типо-литография Даггосиздата им. Е. Г. Гоголева, 1927 [*Dagestani anthology*. Vol. 3. Makhachkala: Buinaksk Typo-lithography of the Daggosizdat named after E. G. Gogolev, 1927 (in Russian)].
22. *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов.* Сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959 [*The Highlanders' Movement in the North-Eastern Caucasus in the 1820s — 1850s. Collection of documents*. Comp. by V. G. Gadzhiev, Kh. Kh. Ramazanov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959 (in Russian)].
23. ад-Дургели, Назир. *Услада умов в биографиях дагестанских ученых.* Пер. с араб., коммент., указ., библ. А. Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А. К. Бустанова. М.: Изд. дом Марджани, 2012 [Al-Durgili, Nadhir. *Delights of Minds from Biographies of the Dagestani Scholars*. Transl. from the Arabic, comment., indexes, bibliography by A. R. Shikhsaidov, M. Kemper, A. Bustanov. Moscow: Izd. dom Marjani, 2012 (in Russian and Arabic)].
24. Закарияев З. Ш. Эпиграфические памятники на арабском языке по истории Кавказской войны (новые данные). *МавраевЪ. Культурно-исторический журнал*. 2015. № 2(7). С. 48–55 [Zakariyaev Z. Sh. Epigraphic

Monuments in Arabic on the History of Caucasus War. *Mavraev*. *Cultural Historical Magazine*. 2015. No. 2(7), pp. 48–55 (in Russian)].

25. Ибрагимова З. Б. К вопросу атрибуции и атетезы суфийского сочинения жанра биографий «Хикайа ва манакиб ал-машаих ан-накшбандийина». *Вестник Института истории, археологии и этнографии* (Махачкала). 2014. № 2. С. 93–100 [Ibragimova Z. B. To the Question of Attribution and Athetesis of the Sufi work of Biographical Genre "Hikaya wa manaqib al-mashayikh al-naqshbandiyyin". *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography* (Makhachkala). 2014. No. 2, pp. 93–100 (in Russian)].
26. *Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках (тексты, комментарии)*. Сост. Г. М.-Р. Оразаев. Кн. I–II. Махачкала: Эпоха, 2003; [б. и.], 2022 [*Historical Writings of Dagestan in Turkic Languages: Texts and Comments*. Comp. and transl. by G. M.-R. Orazaev. Books 1–2. Makhachkala: Epokha, 2003; [no ed.], 2022 (in Russian and Kumyk)].
27. ал-Карахи, Мухаммадтахир. *Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил.* Пер. с араб. и коммент. Р. С. Абдулмажидова, Д. М. Маламагомедова, М. Г. Шехмагомедова. М.: Восточная литература, 2014 [al-Qarakhi, Muhammad Tahir. *The Book of Importance of Striving to Improve One's Deeds as Much as Possible*. Transl. from the Arabic and comment. by R. S. Abdulmadzhidov, D. M. Malamagomedov, M. G. Shekhmagomedov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2014 (in Russian)].
28. *Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе Академии наук Грузии (Коллекция L – Вып. II).* Сост. Р. В. Гварамиа, Н. Г. Канчавели, Л. И. Мамулиа, Л. В. Самкурашвили. Тбилиси: Кавказский дом, 2002 [*Catalogue of Arabic Manuscripts in the K. S. Kekelidze Institute of Manuscripts in the Georgia's Academy of Sciences (Collection L – Issue II)*]. Ed. by R. V. Gvaramia, N. G. Kanchaveli, L. I. Mamulia, L. V. Samkurashvili. Tbilisi: Kavkazskii dom, 2002 (in Russian, Georgian and Arabic)].
29. Кемпер М. К вопросу о суфийской основе *джихада* в Дагестане. *Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе.* Сост. и отв. ред. С. Н. Абашин, В. О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 278–305 [Kemper M. To the Question of Sufi Nature of jihad in Dagestan. *The Devotees of Islam: The Cult of Saints and Sufism in Central Asia and Caucasus*. Comp. and ed.-in-chief S. N. Abashin, V. O. Bobrovnikov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, pp. 278–305 (in Russian)].
30. Кемпер М. Шариатский дискурс имамата в Дагестане в первой половине XIX в. *Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей.* Сост. и отв. ред. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2010. С. 107–124 [Kemper M. The Dagestani Shariʿa Discourse on the Imamate in the First Half of the 19th Century. *Dagestan and the Muslim East*. *Collected papers*. Comp. and ed.-in-chief A. K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov. Moscow: Izd. dom Marjani, 2010, pp. 107–124 (in Russian)].
31. Кундухов М. *Мемуары*. Под ред. В. В. Дегоева. Владикавказ: Издат. полигр. предприятие им. В. Гассиева, 2013 [Kundukhov M. *The Memoires*. Ed. by V. V. Degoev. Vladikavkaz: Izdat. Poligraf. Predpriiatie im. V. Gassieva, 2013 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

32. Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Даггиз, 1939 [Magomedov R. M. *The Highlanders' Struggle for Independence under the Leadership of Shamil*. Makhachkala: Daggiz, 1939 (in Russian)].
33. *Маджму' ал-фатава* [*Собрание фетв*]. Махачкала: ДУМД, 1439/2018 [*Majmu' al-fatawa* [*Collection of Fatwas*]. Makhachkala: DUMD, 1439/2018 (in Arabic)].
34. Мусаев М. А. *Дагестанские арабоязычные биографические сочинения второй половины XIX — начала XX в. Хрестоматия.* Махачкала: Алеф, 2020 [Musaev M. A. *Dagestani Biographic Writings in Arabic from the Second Half of the 19th to the Beginning of the 20th Centuries*. Makhachkala: Alef, 2020 (in Russian)].
35. *Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования. Хрестоматия.* Сост. и отв. ред. В. О. Бобровников, М. Г. Шехмагомедов, Ш. Ш. Шихалиев. СПб.: Президентская библиотека, 2017 [*Muslim Law and Custom in Russia's Dagestan: Sources and Studies. The Reader*. Comp. and ed.-in-chief V. O. Bobrovnikov, M. G. Shekhmagomedov, Sh. Sh. Shikhaliev. Saint Petersburg: Prezidentskaia biblioteka, 2017 (in Russian)].
36. *Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Имама Шамиля. Сборник документов.* Сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов, Ю. У. Дадаев. М.: Эхо Кавказа, 2005 [*People's Struggle for Liberation under the Leadership of Imam Shamil: Collected Documents*. Comp. by V. G. Gadzhiev, Kh. Kh. Ramazanov, Iu. U. Dadaev. Moscow: Ekho Kavkaza, 2005 (in Russian)].
37. *Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. Хрестоматия по чтению, переводу и комментированию.* Введ., изд. текстов, пер., коммент. Х. А. Омарова. Махачкала: ДГУ, 2002 [*Samples of Correspondence in Arabic from 19th Century Dagestan. A Reader for Study, Translation and Comments*]. Comp., ed., transl., introd., and comment. by Kh. A. Omarov. Makhachkala: DGU, 2002 (in Arabic and Russian)].
38. *Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в.* Сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. Т. I–II. М.: Изд. дом Марджани, 2009 [*Custom and Law in Written Monuments of Dagestan from the 5th to the Beginning of the 20th Centuries*. ed.-in-chief V. O. Bobrovnikov. Vol. 1–2. Moscow: Izd. dom Marjani, 2009 (in Russian and Arabic)].
39. Оразаев Г. М.-Р. *Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. Исследование, тексты и комментарии*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ, 2007 [Orazaev G. M.-R. *Turkic-speaking Business Correspondence in the North Caucasus in the 17th–19th Centuries. Study, Texts and Comments.* Makhachkala: IIAE DNTs, 2007 (in Kumyk and Russian)].
40. *Пащтыхь зауэжьым и зэманым къежьа адыгэ уэрэдхэр*. (*Адыгские песни времен Кавказской войны*) Сост. А. М. Гутов, В. Х. Кажаров, М. А. Табишев, Н. Г. Шериева. Изд. 2-е доп. Нальчик: Гостиный двор, 2014 [*Paschtykh zawezhym i zemanym qezha adyge weredkher* (*The Adyg Songs Dating the Caucasus War*). Comp. by A. M. Gutov, V. Kh. Kazharov, M. A. Tabishev, N. G. Sherieva. 2nd ed. Nalchik: Gostinyi dvor, 2014 (in Kabardian and Russian)].
41. Покровский Н. И. Обзор источников по истории имамата. *Проблемы источниковедения*. 1936. Т. 2. С. 187–234 [Pokrovsky N. I. Survey of Sources

on the History of Imamate. *Problems of the Source Studies*. 1936. Vol. 2, pp. 187–234 (in Russian)].

42. Покровский Н. И. *Кавказские войны и имамат Шамиля.* Под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. М.: РОССПЭН, 2009 [Pokrovsky N. I. *Caucasus Wars and the Imamate of Shamil*. Ed. by V. G. Gadzhiev, N. N. Pokrovsky. Moscow: ROSSPEN, 2009 (in Russian)].
43. Ар-Рашади, Салман-афанди. *КIикIуниса Шарабудин устар. XIикматазул асарал.* ([*Суфийский*] *наставник Шараф ад-Дин из Кикуни. Рассказы о чудесах*). Т. 1. Пер. с араб. [на авар.] М.-Р. Мугумаев. Махачкала: [б. и.], 1997 [Al-Rashadi, Salman-afandi. *K'ik'unissa Sharabudin ustar: Hik'matazul atharal* [*The* [*Sufi*] *Master Sharaf al-Din of Kikuni. Stories of Miracles*]. Vol. 1. Transl. from the Arabic by M.-R. Mugumaev. Makhachkala: [no ed.], 1997 (in Avar)].
44. *Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. Устные рассказы, предания, легенды*. Сост., предисл. и примеч. М. Р. Халидова, М. М. Курбанов. Махачкала: ИЯЛИ, 1997 [*Folklore of the Dagestani peoples about the Caucasus War: Oral Stories, Tales, Legends*. Comp., introd., and comment. by M. R. Khalilova, M. M. Kurbanov. Makhachkala: IYaLI, 1997 (in Russian)].
45. Танрыверди М. Мухаджирство с Северного Кавказа на территорию Османской империи во второй половине XIX века по архивным материалам Турции. *Россия в центре истории. Научный сборник памяти Н.С. Киняпиной (1920–2003).* М.: Модест Колеров, 2024 [Tanryverdi M. The Muhajir Movement from the North Caucasus to the Territories of the Ottoman Empire in the Second Half of the 19th Century According to the Archival Data from Turkey. *Russia in the Center of History. Festschrift in Memory of N. S. Kiniapina (1920–2003)*. Moscow: Modest Kolerov, 2024 (in Russian)].
46. *Ташав-хаджи из Эндирея — герой Кавказской войны. Сборник исследований и материалов*. Сост. и ред. Г. М-Р. Оразаев, И. И. Ханмурзаев. Махачкала: [б. и.], 2023 [*Tashaw-hajji from Endirey — a Hero of the Caucasus War. Collected Studies and Sources*. Comp. and ed. by G. M.-R. Orazaev and I. I. Khanmurzaev. Makhachkala: [no ed.], 2023 (in Russian)].
47. *Фатава ал-Чухи.* (*Сборник фетв* [*Мухаммада-ʿали*] *ал-Чухи*). Махачкала: [б. и.], 2011 [*Fatawa al-Chukhi* (*Collected Fatwas by* [*Muhammad ʿali*] *al-Chukhi*). Makhachkala: [no ed.], 2011 (in Arabic)].
48. *Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв.* Сост. Т. М. Айтберов. Ч. I–II. Махачкала: ДГУ, 1998–1999 (на рус., араб. и авар яз.) [*The Reader on the History of Law and State in Dagestan in the 18th — 19th Centuries*]. Comp. by T. M. Aytberov. Parts 1–2. Makhachkala: DGU. 1998–1999 (in Russian, Arabic, and Avar)].
49. *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля.* Пер. с араб. А. М. Барабанова; предисл. И. Ю. Крачковского. М. — Л.: АН СССР, 1941 [*The Chronicle of Muhammad Tahir al-Qarakhi on the Dagestani wars under the run of* [*imam*] *Shamil*]. Transl. from the Arabic by A. M. Barabanov; introd. by I. Iu. Krachkovskii. Moscow — Leningrad: AN SSSR Publishers, 1941 (in Russian)].
50. *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля.* Араб. текст подгот. А. М. Барабанов под ред. И. Ю. Крачковского.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

М. — Л.: АН СССР, 1946 [*The Chronicle of Muhammad Tahir al-Qarakhi on the Dagestani wars under the run of* [*imam*] *Shamil*]. The Arabic text ed. by A. M. Barabanov and I. Iu. Krachkovskii. Moscow — Leningrad: AN SSSR Publishers, 1946 (in Arabic and Russian)].

51. *Шамил имамасул 500 кагъат*. (*500 писем имама Шамиля*). Под общ. ред. А. М. Муртазалиева. Пер. с араб. на авар. яз. М. Шехмагомедова, А. М. Магомедова, М. О. Каримова. Коммент. Ш. М. Хапизова. Махачкала: Тарих; Фонд Бурхан, 2022 [*Shamil imamasul 500 kaghat* (*500 Letters of imam Shamil*). Comp. and ed. by A. M. Murtazaliev. Transl. from the Arabic into the Avar by M. Shekhmagomedov, A. M. Magomedov and M. O. Karimov. Comment. by Sh. M. Khapizov. Makhachkala: Tarikh; Burhan Foundation, 2022 (in Avar and Arabic)].
52. *Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов*. Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат, 1953 [*Shamil as a Henchman of Ottoman Turkey and English Colonizers*. Tbilisi: Gosizdat, 1953 (in Russian)].
53. Шехмагомедов М. Г. «Ла[']иха[т ан-]Низам ал-джадид» — «Свод нового низама» Шамиля. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* (Махачкала). 2014. № 2. С. 43–49 [Shekhmagomedov M. G. *La'ihat al-Nizam al-jadid — The New Code of Nizam* by Shamil. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography* (Makhachkala). 2014. No. 2, pp. 43–49 (in Russian)].
54. Шихсаидов А. Р., Омаров Х. А. *Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова)*. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2005 [Shikhsaidov A. R., Omarov Kh. A. *The Catalog of Arabic Manuscripts. Collection of M.-S. Saidov*]. Makhachkala: Izd. DNTs RAN, 2005 (in Russian and Arabic)].
55. Шуʻайб б. Идрис ал-Багини. *Табакат ал-хваджаган ан-накшбандиййа ва-садат ал-машайих ал-халидиййа ал-махмудиййа* (*Разряды накшбандийских наставников и достопочтенных шейхов* [*братства*] *Халидийа-Махмудийа*). Дамаск, 1417/1996 [Shuʻayb b. Idris al-Bagini. *Tabaqat al-khwajagan al-naqshbandiyya wa-sadat al-mashayikh al-khalidiyya al-mahmudiyya* (*Classes of the Naqshbandi Masters and Venerable Sheikhs of the Khalidiyya-Mahmudiyya* [*Brotherhood*]). Damascus, 1317/1996 (in Arabic)].
56. Ясулов Г. *Хунзахъа ХIажимурадил хIакъалъулъ хундерил биценал* (*Рассказы хунзахцев о Хаджи-Мурате из Хунзаха*). Подгот. к изд. Д. М. Маламагомедов. Махачкала: Формат, 2009 [Iasulov G. *Khunzakha Hazhimuradil haqatlutl khunderil bitsenal* (*Khunzakh Stories about Hajji-Murad from Khunzakh*). Ed. by D. M. Malamagomedov. Makhachkala: Format, 2009 (in Avar and Russian)].
57. Bodenstedt F. von. *Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen: ein Beitrag zur neuesten Geschichte des Orients.* Frankfurt am Mein: H. J. Kessler, 1848 [Bodenstedt F. von. *The Caucasus Peoples and their Struggle for Freedom against the Russians: A Contribution to the Modern History of the East*. Frankfurt am Mein: H. J. Kessler, 1848 (in German)].
58. Hamed-Troyansky V. *Empire of Refugees. North Caucasian Muslims and the Late Ottoman State*. Stanford: Stanford University Press, 2024.

59. Kemper M. *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: von den Khanaten und Gemeinebünden zum gihad-Staat.* Wiesbaden: Reichert, 2005 [Kemper M. *Power, Law and Islam in Dagestan from the Times of Khanates and Village Leagues to the State of jihad*. Wiesbaden: Reichert, 2005 (in German)].
60. Kemper M., Šixsaidov A. R. (eds) *Muslim Culture in Russia and Central Asia*. Vol. 4: *Die Islamgelehrten Daghestans und ihre arabischen Werke* (*Islamic Scholars of Dagestan and their Arabic Works*). Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004 (in German and Arabic).
61. *The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World*. Ed. by M. Bennigsen Broxup and A. Avtorkhanov. New York: St. Martin's Press, 1992.

Информация об авторе

Бобровников Владимир Олегович — кандидат исторических наук, заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН; vladimir_bobrovn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1444-7722.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 30.05.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vladimir O. Bobrovnikov — PhD (Hist.), Chair of the Center for Central Asian, Caucasus, and Ural-Volga Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vladimir_bobrovn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1444-7722.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья Исторические науки
УДК 94(47)+355.4
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-511-525

«У нас, слава Богу, все благополучно…». Военно-административная и исследовательская деятельность штаба Отдельного кавказского корпуса в 1830-е гг. по материалам В. Д. Вольховского

Дмитрий Сергеевич Ткаченко

ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, tkdmsg@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0675-6111

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности штаба Отдельного Кавказского корпуса по организации военно-административных и исследовательских мероприятий в регионе в условиях разрастания масштабов Кавказской войны. Основным источником стал анализ частной переписки командующего корпусом Г. В. Розена с его начальником штаба В. Д. Вольховским. Документы хранятся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и до настоящего времени не вводились в научный оборот. Вольховский информировал своего начальника как обо всех происшествиях на Кавказе с января по сентябрь 1835 г., в частности — о провозглашении Имамом Дагестана и Чечни Шамиля, так и о принимаемых штабом действиях. Автор писем показал себя как талантливый, наблюдательный и инициативный военный. Переписка двух высших лиц в Кавказском корпусе не подвергалась цензуре, что превращает ее в ценный источник, позволяющий судить о повседневных занятиях руководства Кавказского корпуса в годы нарастания военного кризиса. Письма Вольховского показывают, что, помимо сугубо военных вопросов организации и планирования экспедиций для подавления горского сопротивления, военная администрация занималась тщательным изучением региона и его жителей. В ней содержатся сведения о деятельности Ф. Ф. Торнау, Г. С. Гордеева, И. Шаховского и ряда других военных разведчиков, посланных командованием в неизведанные регионы Кавказа. Переписка показывает вовлеченность военной администрации Кавказа в круг внешнеполитической деятельности на Востоке. Она содержит све-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Ткаченко Д. С., 2024
© Ориенталистика, 2024

дения о приеме в Тифлисе посольств из Афганистана и Кокандского ханства, раскрывает обширные контакты штаба Кавказского корпуса с российской миссией в Персии, контакты Г. В. Розена с российскими путешественниками и дипломатические шаги по урегулированию конфликтных ситуаций на российско-персидско-турецкой границе. Анализ документов Вольховского позволяет говорить о начале формирования на Кавказе особого, регионалистского, стиля управления.

Ключевые слова: Отдельный Кавказский корпус, Г. В. Розен, В. Д. Вольховский, И. О. Симонич, Имам Шамиль, военные экспедиции, повседневная жизнь, военно-разведывательное изучение, иностранные посольства, дипломатическое представительство в Персии

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

Для цитирования: Ткаченко Д. С. «У нас, слава Богу, все благополучно…». Военно-административная и исследовательская деятельность штаба Отдельного кавказского корпуса в 1830-е гг. по материалам В. Д. Вольховского. *Ориенталистика*. 2024;7(3):511–525. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-511-525.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-511-525

“We by God Blessing, Enjoy Calmness…”. Military-Administrative and Reconnaissance Activity of the Caucasus Corpus Stuff in the 1830s (based on the correspondence of V. D. Volkhovsky)

Dmitry S. Tkachenko

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia,
tkdmsg@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0675-6111

Abstract. The article deals with the Caucasus corpus Staff activity concerning the military-administrative and reconnaissance matters. It is based on the letter exchange between the Corps Commander G. V. Rosen and the Commander of his Staff V. D. Volkhovsky. The items, hitherto unexplored are preserved in the Manuscripts Department of National Library of Russia. Volkhovsky informed his superior about all the events in the Caucasus from January to September 1835, which included the proclamation of Shamil as the Imam, together with the actions taken by the Russian headquarters. The correspondence reflects Volkhovsky as a gifted, observant and proactive officer. The letters were not censored, which adds to this source more value, especially about the daily activities of the Caucasus Corps Staff in the years of the military crisis. Volkhovsky’s letters show that the military administration was

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Tkachenko D. S., 2024
© Orientalistica, 2024

engaged in the study of the region and its population. Among others, they comprise information about the activities of Russian military intelligence officers, such as F. F. Turnau, G. S. Gordeev, I. Shakhovsky and some others sent by the Staff to the unexplored regions of the Caucasus. The letters show also the degree of involvement of the military administration of the Caucasus in foreign affairs in the East. There is to be found information about the reception of embassies from Afghanistan and the Khanate of Kokand in Tiflis, reports about extensive contacts between the headquarters of the Caucasian Corps and the Russian mission in Persia, and also contacts of G. V. Rosen with Russian travellers and diplomatic steps undertaken to resolve conflict situations on the Russian- Persian-Turkish frontiers. The papers of Volkhovsky contribute to the study of the process of the foundation of a special, regionalist style of management in the Caucasus.

Keywords: The Separated Caucasus Corps, G. V. Rosen, V. D. Volkhovsky, I. O. Simonitch, Imam Shamil, counterinsurgency, everyday life, military reconnaissance, foreign embassies, diplomatic mission in Persia

Acknowledgements: The study has been funded by the Russian Science Foundation № 23-28-00302, https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/.

For citation: Tkachenko D. S. "We by God Blessing, Enjoy Calmness…". Military-Administrative and Reconnaissance Activity of the Caucasus Corpus Stuff in the 1830s (based on the correspondence of V. D. Volkhovsky). *Orientalistica*. 2024;7(3):511–525. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-511-525 (in Russian).

Деятельность структур военного и гражданского управления на Кавказе в годы Кавказской войны начинает в настоящее время все больше попадать в сферу интересов отечественных и зарубежных исследователей [Литвин, 2024; Блиева, 2015; Гатагова, Трепавлов, 2019; Marshall, 2001]. Вместе с тем приоритеты в изучении военных действий, а не мирных культуртрегерских мероприятий, неизбежно фокусируют внимание исследователей на анализе жизненного пути тех личностей, которые были вовлечены в военный конфликт как с российской, так и с горской стороны. Те же люди, которые не проявили себя в военных столкновениях, как правило, остаются за рамками их интересов.

Одной из таких личностей «второго плана» являлся Владимир Дмитриевич Вольховский, исполнявший в середине 1830-х гг. обязанности начальника штаба Отдельного кавказского корпуса. В отечественной историографии об этом человеке упоминаний крайне немного [*АКАК*, 1881, С. XI; Гастфрейнд, 1912; Савельев, 2011], к тому же акцент авторы делают в основном на военной карьере этого человека или на его причастности к движению декабристов.

В. Д. Вольховский дважды служил на Кавказе. В первый раз он был отправлен в регион в наказание за связи с деятельностью Северного общества и служил под командованием И. Ф. Паскевича. Отношения с фельдмаршалом не сложились, и в 1830 г. офицер в чине полковника был переведен на службу в другое ведомство. «Беда подчиненному, который бывает свидете-

лем промахов тщеславного начальника»[Розен, 1984, с. 361], — прокомментировал этот эпизод один из бывших декабристов, хорошо знавший молодого офицера.

В 1830 г. Вольховский был откомандирован в 6-й пехотный Литовский корпус, которым командовал Григорий Владимирович Розен. Знакомство двух незаурядных личностей переросло в дружбу, которая сохранилась на долгие годы.

После назначения Г. В. Розена в сентябре 1831 г. на пост командира Отдельного кавказского корпуса Вольховский по собственному желанию был вновь переведен на Кавказ, где первоначально занял свою старую должность обер-квартирмейстера, а затем, в чине генерал-майора начал исполнять обязанности начальника Штаба Кавказского корпуса, став вторым по значимости после корпусного командира должностным лицом в военной машине империи на Кавказе.

Отношения между Розеном и Вольховским отражает обширная переписка по широкому кругу тем[1]. Она охватывает период времени с 1833 по 1839 г. К сожалению, сохранились только письма Вольховского к Розену, которые последний хранил у себя. В них содержится много сведений личного характера, описания военных действий против горцев: например, десант 1837 г. на Черноморском берегу[2].

Из 70 писем, наибольший интерес представляет подборка за январь–сентябрь 1835 г.[3] В это время Г. В. Розен находился в Петербурге, согласовывая ряд вопросов по организации управления Кавказом. Оставив вместо себя исполнять обязанности генерала П. Н. Фролова, корпусный командир хотел тем не менее быть в курсе текущих событий в регионе. Он вел обширную переписку со своим начальником штаба, который не только пересылал Розену корреспонденцию, но и комментировал официальные бумаги, а также высказывал свою точку зрения на кавказские события. Ценность писем Вольховского как исторического источника усиливается тем фактом, что частная корреспонденция двух высокопоставленных лиц в Кавказском корпусе не проходила официальной цензуры, а начальник штаба на правах личного друга корпусного командира открыто высказывал свою точку зрения.

В. Д. Вольховский отправлял письма еженедельно как самостоятельно, так и вместе с официальной корреспонденцией, или даже передавая с оказией. Он показал себя как умный, наблюдательный и инициативный военный, пекущийся об интересах Кавказского корпуса и управляемого региона.

Прежде всего начальник штаба успокаивал находящегося в отъезде командующего, начиная письма со стандартной фразы о спокойствии на Кавказе, даже если потом приводил тревожные донесения о вспышках эпидемии чумы, волнениях среди грузинского дворянства, активизации горского сопротивления или интригах иностранных агентов. «*У нас, слава Богу все благополучно*:

[1] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 86–89.

[2] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–6.

[3] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

снега защищают от горцев, а турки и персияне спокойны», — писал он Розену в письме от 21 февраля 1835 г.[4]

Вольховский не систематизировал те сведения, которые он сообщал Розену, а рассказывал о текущих проблемах по мере их возникновения. Это обстоятельство дает современному исследователю шанс прикоснуться к повседневной жизни, которой жил штаб Кавказского корпуса с января по сентябрь 1835 г. Круг же решаемых задач был необычайно многообразным. Из переписки можно узнать о текущих кадровых перестановках, в письмах даются характеристики офицеров и генералов Кавказского корпуса, описания условий жизни солдат, в них говорится о решении вопросов гражданского и хозяйственного управления, о действиях горцев и внешней политике России на Востоке, а также приводится обширный пласт сведений об организации военными научного изучения региона. Лишь некоторые, наиболее яркие, сюжеты этой деятельности нашли отражение в данной статье.

Особое место в переписке занимают вопросы планирования и проведения военных операций Кавказской войны. Вольховский упоминает, что во время отсутствия на Кавказе корпусного командира, полковник А. П. Пулло со своим Куринским полком совершил две экспедиции на Северо-Восточный Кавказ, донесения о ходе которых были переданы Розену[5]. Вместе с тем командование Кавказским корпусом явно проглядело появление на Северо-Восточном Кавказе новой угрозы в лице Шамиля. О его выступлении в роли нового имама Вольховский сообщает как о мелком происшествии. «Шамиль Гимринский, — пишет он, — кажется хочет идти по стопам своих предшественников»[6]. Намекая на эпизод, связанный с конфликтом Шамиля с обществом Унцукуль в начале 1835 г., Вольховский считал наиболее вероятным развитием событий то, что с новым горским лидером разберется местная милиция пристава Сумбатова[7], осадившая Гимры. Интересно, что о поведении шамхала Тарковского, давшего Шамилю возможность бежать из окружения и лишившего командование шанса покончить с новым имамом руками самих горцев [Доного, 2023, с. 113–114], Вольховский не сообщает ни слова. Характеризуя ситуацию, начальник штаба успокаивает корпусного командира общим выводом, что «внутри Нагорного Дагестана мюриды начинают опять шуметь и дерутся между собой… но как сие еще не угрожает нарушением спокойствия в Приморском Дагестане, то Петр Николаевич [Фролов] решился дозволить на время генералу Реуту[8] съездить на Кавказские воды, ибо здоровье его действительно этого требует»[9].

---

[4] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

[5] Там же. Л. 3.

[6] Там же. Л. 42 об.

[7] Там же.

[8] Генерал-майор И. А. Реут в это время исполнял обязанности военно-окружного начальника в Дагестане и одновременно командовал 1-й бригадой 21-й пехотной дивизии.

[9] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 45.

Основное внимание штаба в это время было сосредоточено на Северо-Западном Кавказе, где планировалась серия мероприятий, связанных с занятием Черноморского побережья. Вольховский сообщал о сборе сводного Абхазского отряда для проведения операций. В него, помимо батальонов из известных Кавказских полков, начальник штаба предлагал «для опыта» отправить и усовершенствованную горную артиллерию «со всеми новыми изобретениями»[10].

Кроме организации экспедиции в Абхазию, Вольховский рассматривал проект действий за Кубанью, предложенный А. А. Вельяминовым. Боевой генерал рекомендовал создать прочную линию коммуникаций, начав с возведения Абинского укрепления. Рациональная идея, как это показали дальнейшие события 1840-х гг., встретила сопротивление со стороны начальника штаба. «Я всегда был почитателем многочисленных достоинств Алексея Александровича, но настоящее его предположение с 12 тыс. человек в течение целого года построить одно маловажное укрепление привело меня в совершенное недоумение насчет успеха действий за Кубанью», — отмечает Вольховский[11].

В целом, соглашаясь с необходимостью укрепления дороги на Черноморское побережье, начальник штаба считал, что для ее обороны хватит временного укрепления с блокгаузом и несколькими деревянными оборонительными башнями[12]. Переписка о проекте Вельяминова показывала, что командование Кавказским корпусом, слепо руководствуясь идеями Николая I, считало, что оно сможет покончить с сопротивлением горцев одним махом и требовало реализации этой пагубной установки на местах.

Одновременно с военным планированием командование организовывало исследования слабоизученных земель Кавказа. Это направление деятельности было одним из приоритетных еще со времен управления Кавказом генералом Паскевичем, чьи мероприятия во многом продолжал и Розен.

Во время отсутствия корпусного командира начальник штаба посылал разведчиков в недоступные районы Кавказа, контролировал их деятельность и собирал донесения. Продолжая критику проекта А. А. Вельяминова, Вольховский сообщал, что из отряда, занятого работами по строительству Абинского укрепления, в Тифлис приехал саперный капитан Гернет. Этот инженер написал на имя Розена записку «об усовершенствовании прямого сообщения от Ольгинского Тет-де-Пона к Абинску», которую Вольховский переправил своему начальнику в Петербург. Комментируя материал этой записки в частном письме, Вольховский акцентировал внимание на том, что командование очень мало знало о топографии Закубанья[13].

После тщательного изучения оказалось, что линия болот в дельте Кубани под Екатеринодаром, которые ранее считались непроходимыми, доступны для ведения инженерных работ. «Гернет был в феврале месяце за Кубанью

[10] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 21 об.–22.

[11] Там же. Л. 29 об.–30.

[12] Там же. Л. 34.

[13] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 25.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

и видел болота в самое худшее время — во время снегового разлития Кубани, и тогда же переходил реку Куджипс, посему кажется, казне на его мнение можно положиться», — считал Вольховский[14]. Он обещал Розену при первой же возможности послать за Кубань еще одного офицера для повторной проверки полученных сведений. Ее результат удовлетворил начальника штаба, который писал Розену, что «болота между Ольгинским редутом и Абинским проходимы почти всегда»[15], транспортную артерию на побережье вполне возможно провести, а военным для ее безопасности останется только «истребить ближайшие к дороге аулы, без существования которых горцы не могли бы скопляться в значительном числе против транспортов наших»[16]. Военные цели разведывательных мероприятий штаба Кавказского корпуса в этом письме были представлены в самом неприкрытом виде.

Военная разведка продолжалась и на Черноморском побережье. «Остается необъяснимым положение Абхазии, т. е. Черкесского берега, откуда нет никакого нового известия, но это уже не есть худой знак»[17], — писал Вольховский корпусному командиру, отмечая, что им найден новый способ получения сведений о Северо-Западном Кавказе. Владетелю Абхазии, «князю Левану, — продолжал он, — пришла охота пройти берегом до Анапы. Я советовал ему в таком случае взять с собой барона Турнау, дабы он мог дать отчет о крае сем»[18]. Как показал ход дальнейших событий, первоначальный план командования провалился, так как намерения Абхазского владетеля не пошли дальше разговоров, однако Ф. Ф. Торнау в июне 1835 г. отправился в свою первую разведывательную экспедицию из Абхазии в верховья Кубани и после месячного пребывания в горах благополучно прибыл в Пятигорск, а в сентябре-ноябре 1835 г. организовал вторую разведывательную экспедицию на Черноморское побережье[19]. Деятельность Ф. Ф. Торнау в 1835–1836 гг. была особой страницей в истории военной разведки имперской администрации на Кавказе и получила отражение в официальных документах штаба Кавказского корпуса [Ткаченко, 2020], а не в частной переписке, и стала предметом отдельного изучения отечественных кавказоведов [Дзидзария, 1976].

Кроме знаменитого разведчика, письма Вольховского упоминают и других людей, задействованных в изучении Кавказа. Начальник штаба пишет о том, что для исследований Восточного Кавказа им отправлены полковник Баумер «для осмотра Шемахи и трассировки Ленкорана»[20], а также поручик Г. С. Гордеев. О последнем между Вольховским и Розеном велась обширная переписка.

По предложению корпусного командира, Г. С. Гордеев должен был отправиться в Нагорный Дагестан для разведки местности на Северном склоне

[14] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 25–25 об.

[15] Там же. Л. 42.

[16] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 42 об.

[17] Там же. Л. 6.

[18] Там же. Л. 18.

[19] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6302. Л. 9.

[20] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 3 об.

Кавказского хребта, выдавая себя за «помощника анцухского пристава, князя Вачнадзе, который берется доставить ему средства к обозрению там разных дорог»[21]. Реализуя этот план, Вольховский тепло принял в Тифлисе старшин указанного дагестанского общества. Однако легенда, придуманная командованием для разведчика, была ошибочной, так как базировалась на слабых знаниях Дагестана и его жителей. Общество Анцух, в которое направлялся мнимый русский чиновник, находилось далеко от границы с Кахетией и попасть в него можно было только, пройдя через земли двух других обществ: Анкратля и Капучи, жителям которых не было дела до договоренностей их соседей с русским командованием.

Тем не менее, как докладывал Вольховский, в мае 1835 г. «Гордеев отправился с анцухским приставом в горы. Весьма бы хорошо, если бы его поход удался, — пишет начальник штаба. — Познакомившись там, он мог бы продолжить и в последствии странствия свои, что гораздо для нас легче, нежели обозрение военной силой»[22]. Однако, несмотря на оптимизм начальства, миссия Гордеева закончилась провалом, так как жители одного из капучинских аулов не пропустили офицера на свои земли, и он был вынужден вернуться в Грузию[23].

Еще одним разведчиком, упомянутым в переписке, стал князь И. Шаховской, который исследовал приграничье между Сванетией и Карачаем. По донесению Вольховского, административной границей, проведенной по результатам военной разведки, оказались недовольны владетели Сванетии, которые жаловались в штаб на потерю «своего древнего достояния», — земель, отошедших уруспиевским обществам в Карачае. Проведенное следствие установило несостоятельность претензий, которые, по словам начальника штаба, алчные владетели выдвинули исключительно для того, чтобы «увеличить свое влияние через посредство правительства»[24]. Тем не менее Вольховский отмечал, что в самое ближайшее время, князь Шаховской будет снова послан в Сванетию, чтобы на месте уточнить конфигурацию горного хребта в Приэльбрусье[25].

Вольховский не просто собирал сведения разведчиков, но также занимался и аналитическим трудом. Еще летом 1833 г. по запросу из Петербурга, военному министру графу А. И. Чернышеву был отправлен оригинальный отчет — ведомость горских народов, проживавших «между морями Черным и Каспийским, на пространстве подвластном России[26]. В сопроводительном письме к документам Г. В. Розен отмечал, что сбор сведений был произведен «под собственным руководством… генерал-майора Вольховского, равно как и препровождаемая при сем карта составлялась под его наблюдением, и, хотя

[21] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 22 об.

[22] Там же. Л. 50 об.

[23] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6313. Л. 9.

[24] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 53.

[25] Там же. Л. 53 об.

[26] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1. Л. 66.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

некоторые включенные в оную народы и племена нам весьма мало известны, положение оных обозначено на карте по сличению многих расспросов»[27].

Ведомость Вольховского являлась одной из первых попыток представить классификацию кавказских народов, известных к 1830-м гг. имперским властям. В ней было выделено 22 группы, включавшие в себя как названия отдельных народов, таких как адыги, абазинцы, чеченцы и лезгины, так и названия этнополитических образований. Последние были представлены как крупными территориями, такими как Грузия, Армянская область и Абхазия, так и мелкими владениями — Каракайтаг, Табасарань и Дербентский округ. Внутри групп приводился перечень отдельных племен или обществ. Например, указывалось, что Абхазия состоит из 5 округов, Сванетия делится на 4 образования, а в состав закубанских черкесов (адыгов) входит 16 племен.

Территориальный принцип классификации в ведомости преобладал над этноязыковым, что вело к явным ошибкам, очевидным современному исследователю. Так, кабардинцы, составлявшие одну из ветвей адыгской этнической группы, были выделены в отдельную категорию, а шамхальство Тарковское, населенное преимущественно кумыками, отнесено к группе лезгин. К лезгинам были добавлены и аварцы, а кумыки, выделенные в отдельный раздел, были представлены только тремя обществами: Аксаевским, Андреевским и Костекским. В целом ведомость хорошо отражала как уровень осведомленности Штаба Кавказского корпуса о народах региона, так и показывала сферу интересов имперских военных.

Отдельная графа была посвящена характеристике системы управления, сложившейся у разных этнических групп, и показывала степень их лояльности имперскому правительству. Штаб Кавказского корпуса выстраивал в ней сложную иерархию лояльностей, начинавшуюся от народов «нам покорных», управлявшихся напрямую через приставов[28]. За ними следовали общества, имевшие собственных владетелей, состоявших в подчинении военному начальству[29]. Противоположный полюс занимали этнические группы «совершенно нам непокорные»[30]. Часть из них имела «свое управление», а некоторые еще только входили в сферу имперских интересов и были, как писал Вольховский, «нам мало известны». Были и те, кто, по его замечанию, принял к себе российских приставов, но слушался их «весьма мало»[31].

В ведомости содержатся указания не только на то, какому приставу подчинялись отдельные общества или этнические группы, а также указывалось, в юрисдикции какого военного начальства находится сам пристав. Вольховский также пытался показать степень реальной власти местных владетелей. Так, описывая Элисуйское султанство, автор отмечает, что часть жителей, населявших долину Алазани, были совершенно покорны и подчинялись своему владетелю, которого в свою очередь контролировал началь-

[27] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1. Л. 66 об.

[28] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1. Л. 73.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 75.

[31] Там же. Л. 74.

ник Дагестанской области. Одновременно другая часть жителей, населявших южный склон Кавказского хребта, не желала подчиняться ни русскому начальству, ни своему султану[32] и лишь номинально считалась подданными владетеля.

К ведомости прилагалась карта, визуализировавшая территории проживания упомянутых народов. Легенда карты дублировала первые две графы ведомости, указывавшие название этнической группы и ее численность.

В целом работа Вольховского стала отражением той деятельности, которую провел штаб Кавказского корпуса к середине 1830-х гг., являясь той «линзой, через которую российские строители империи смотрели на Кавказ» [King, 2008, p. 143], планируя свои военно-административные и разведывательные действия.

Помимо изучения Кавказа, штаб был вовлечен и в реализацию внешнеполитических мероприятий. Им был посвящен целый блок переписки между Розеном и Вольховским.

Командующий войсками на Кавказе поддерживал активные связи с российским дипломатическим представительством в Персии — графом И. О. Симоничем. Так, в феврале 1835 г. Вольховский сообщал о приезде из Персии чиновника по особым поручениям, барона Н. Е. Торнау (двоюродного брата известного разведчика). Торнау передал официальное известие о награждении Персидским шахом нескольких российских военных, на что требовалось разрешение корпусного командира и резолюция императора[33]. Воспользовавшись случаем, начальник штаба расспросил посланца о борьбе между претендентами на Персидский престол и сообщил полученные сведения Розену.

Как человека, отвечающего за безопасность юго-восточных границ российского Кавказа, Вольховского особенно интересовали потенциальные возможности мятежных персидских владетелей и принцев навредить российским интересам[34]. Определенную озабоченность у начальника штаба вызывало известие, что мятежников поддерживали иностранные военные советники «англичанин Литтл-Джон и прусак Мивиус, исключенные за дурное поведение из службы в Ост-Индской кампании»[35]. Кроме того, источником беспокойства являлось существование в Персии батальона из солдат, дезертировавших из Кавказской армии. «По уверению Торнау, в батальоне русских дезертиров в Персии не более 300 русских беглых, а прочие армяне, переодетые на наш лад, впрочем он встречал несколько человек русских, следовавших из Тавриза на укомплектование сего батальона», — пишет Вольховский[36].

Начальник штаба советовал Розену использовать пребывание в Петербурге для того, чтобы поставить перед вице-канцлером К. В. Нессельроде вопрос о более тесной интеграции действий Российской мис-

[32] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1060. Ч. 1. Л. 75.

[33] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

[34] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 13 об.

[35] Там же. Л. 13 об.–14.

[36] Там же. Л. 14–14об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

сии в Персии с Кавказской военной администрацией. По мнению Вольховского, полномочного министра следовало бы обязать информировать не только Военное ведомство, но и Штаб Кавказского корпуса об обстановке на российско-персидском приграничье, «ибо невнимание или недогадливость в сем случае г. министра лишает Вас возможности судить о настоящем положении сего пограничного края, и также производит здесь невыгодное впечатление, ибо все удивляются, что главнокомандующий здешний вынужден собственными средствами узнавать о происшествиях в Персии, между тем, как там находится миссия наша»[37].

Под «собственными средствами» Вольховский понимал переписку, которую Г. В. Розен вел с российскими путешественниками, находившимися в регионах, граничащих с Кавказом. Еще в марте 1835 г. начальник штаба пересылал корпусному командиру отчет о поездке в Персию путешественника Попова, который тот представил в штаб сразу же по прибытию из Тавриза[38], а в мае того же года передавал Розену письма от князя Львова, которые тот писал из турецкого Эрзерума[39]. Одно из писем Львова, где путешественник описывал положение дел в неспокойных провинциях Османской империи — Сирии, Лазистане и Египте, хранится в фонде Г. В. Розена[40].

Кавказское командование также оказалось косвенно причастным к так называемому Гератскому кризису. Готовя персидского Мохамед-шаха к будущему вторжению в Афганистан [Симонич, 1967, с. 128–139], граф Симонич требовал от штаба Кавказского корпуса обеспечить снарядами переданную персам артиллерию[41]. Заигрывание с историческим противником России Вольховский считал большой ошибкой и, отправляя официальное письмо Розену, не удержался от едкого комментария, что лично он как начальник штаба считает «противным совести лишиться 6000 зарядов, тем более, что оные не могут иначе быть израсходованы, как в первой кампании против нас; надобности большой в оных для персиян не вижу и полагаю, что они не составляют подарка его светлости шаху к Новому году»[42].

Вольховский уделял внимание и анализу положения дел в областях, граничащих с российским Кавказом. Заинтересованный в спокойствии на государственной российско-персидской границе, Штаб Кавказского корпуса следил за поведением владетелей со стороны российского Кавказа, стараясь избежать осложнений международных отношений. «Жалобы на Мустафу-Хана со стороны персиян увеличиваются, — писал начальник штаба. — Если все справедливо, то он действует как атаман разбойников; может быть не он виноват лично, но попускает к тому приближенных своих»[43]. Начальник штаба считал полезным удалить беспокойного владетеля от границ с Персией.

[37] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 23.

[38] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 18.

[39] Там же. Л. 41 об.

[40] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 216.

[41] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 23 об.

[42] Там же.

[43] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 24.

Дипломатические контакты Штаба Кавказского корпуса были установлены и с османскими правителями прилегавших к Кавказу пашалыков. Так, в мае 1835 г. Вольховский доносил, что в Тифлис прибыл посланник эрзерумского сераскира, который помимо жалобы на действия персов в приграничье трех стран, привез с собой и личное послание самому Розену[44].

Характер дипломатических контактов с ближними соседями, таким образом, показывает, что Штаб Кавказского корпуса постепенно набирал политический вес среди соседних с российским Кавказом правителей. Разумеется, ни Вольховский, ни, тем более, Розен не помышляли о ведении каких-либо самостоятельных от Петербурга внешнеполитических действий, однако в глазах соседних восточных владетелей Кавказский корпус все больше воспринимался как отдельный региональный игрок.

О все большем вовлечении Штаба Кавказского корпуса в политику России на Востоке свидетельствовала активизация различных дипломатических посольств, следовавших в Петербург через Кавказ. С марта 1835 г. Вольховский вел переписку с корпусным командиром о прибытии на Кавказ афганских послов от эмира Дост-Мухамеда. «Не знаю, предупреждены ли были местные начальники о проезде их со стороны Министерства и о мере приличных им почестей, я считаю нужным просить губернаторов, чтобы их принимали с достаточным вниманием, на которое они ныне, как гости государя, без сомнения имеют некоторое право… полезнее, чтобы они были довольны прибыванием своим у нас», пишет начальник штаба[45].

В апреле 1835 г. Вольховский сообщал Розену о предстоящем появлении на Кавказе визиря кокандского хана[46] и делился соображениями, что посланника «нужно бы призвать в Москву, в Петербург, чтобы он увидел величие России. Противоположно степям кавказским, астраханским, оренбургским и сибирским он бы был поражен могуществом нашим»[47], — что сделает его сговорчивее на переговорах.

Предметом особого беспокойства выступала деятельность на Кавказе консульств европейских держав — соперниц России. В переписке между Вольховским и Розеном отражена слежка, установленная на Кавказе как за перепиской частных лиц, так и всего французского консульства в Тифлисе. Она однозначно свидетельствует, что кавказская администрация перлюстрировала казавшуюся ей подозрительной иностранную корреспонденцию. Так, Вольховский сообщал своему начальнику о скандале, вспыхнувшем вокруг французского предпринимателя Т. Миллиота, и пересылал ему «образчики писем» французского подданного, «исполненные клеветы и неправды»[48].

Вольховский также слал Розену образцы писем французского консула — графа Рати-Ментона. «Что же сей граф пишет к Министру своему в Париж, изволите усмотреть из прилагаемой копии отношения его от 6/18 сего февраля, — пишет начальник штаба. — Так как письмо сего последнего подано

[44] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 48.

[45] Там же. Л. 19 об.–20.

[46] Там же. Л. 36.

[47] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 41 об.

[48] Там же. Л. 8 об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

скрытным образом на почту, то, полагаю, что нет никакого неудобства уничтожить оное; я бы легко мог прекратить сию переписку, но предпочитаю допустить продолжение оной, дабы лучше видеть ход их мошенничеств, клонящихся к тому, чтобы во Франции в пользу свою наделать шума»[49].

Слежка, установленная за перепиской французского консула, позволяла Вольховскому докладывать о том, что знают французы о ходе текущих военных экспедиций на Кавказе[50], какие части Черноморского побережья они считают зоной своего повышенного интереса[51], а также злорадствовать, когда консул государства-соперника получал выговоры от своего Министерства иностранных дел за допущенные промахи[52].

Особый интерес у Вольховского вызывали известия об иностранных путешественниках, которые получили указание от своего правительства проехать через Кавказ. «Французскому консулу, — пишет он, — доставлено письмо на имя Экс-пэра Графа Сюзанета, путешествующего в Африке и Малой Азии, и который через Тифлис должен проехать в Москву»[53]. Это обстоятельство не только требовало надзора за иностранцем, но и открывало для российской администрации возможность выспросить его о пройденном в кавказском приграничье пути.

Таким образом, анализ содержания переписки между Вольховским и Розеном очерчивает не только круг вопросов, интересовавших военные власти Кавказа, но и отражает уровень предоставленных им полномочий для решения возникавших задач. Сосредоточив в своих руках обширные функции по решению военных, хозяйственных, административных и даже внешнеполитических вопросов, совместив в своем лице военную и гражданскую власть в регионе, корпусный командир неизбежно получал определенную автономию от центральных властей в Петербурге. Таким образом формировался тот стиль управления, который в последующем будет назван «регионализмом». Идея выработать для своего региона оптимальную управленческую систему, а не слепо копировать центральные институты и учреждения империи начинала все больше охватывать умы военных, и Г. В. Розен в этом отношении может считаться явным предшественником М. С. Воронцова.

Список сокращений / Abbreviations

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией [*Acts collected by the Caucasus Archiographical Comission* (*ACAC*)].

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва) [State Historical Museum (Moscow)].

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [Department of Manuscripts of the National Library of Russia].

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

---

[49] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 9 об.

[50] Там же. Л. 42.

[51] Там же. Л. 46.

[52] ОР РНБ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 87. Л. 40об.

[53] Там же. Л. 48.

Список литературы / References

1. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* (*АКАК*). Под ред. А. П. Берже. Т. 8. Тифлис: Типография Главного управления Наместника кавказского, 1881 [*Acts collected by the Caucasus Archiographical Comission.* Ed. by A. P. Berje. Vol. 8. Tiflis: Main Office of the Caucasus Viceroy Print, 1881 (in Russian)].
2. Блиева З. М. *Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века*. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-А, 2015 [Blieva Z. M. Russian bureaucracy and people of the Central Caucasus in the end of 18 — 80th decades of 19 century. Vladikavkaz: Institute of History and Archeology RSO-A, 2015 (in Russian)].
3. Гастфрейнд Н. А. *Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицею*. Т. 1. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1912 [Gastfreind N. A. *The Comrades of Pushkin in Tsarskoselsky Lyceum*. Vol. 1. Saint-Petersburg: P. P. Soikin Print, 1912 (in Russian)].
4. Гатагова Л. С., Трепавлов В. В. Административная политика на Северном Кавказе до 1917 г. *«Пред толпою соплеменных гор»: проблемные вопросы истории и политики России на Кавказе* (*XVIII–XIX вв.*). Сост. Л. С. Гатагова, В. В. Трепавлов. Москва — Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 137–185 [Gatagova L. S., Trepavlov V. V. The Administrative policy in the North Caucasus before 1917. *"At the Crowd of the Tribesman-Mountains": The problematic questions of Russian History and Politics in the Caucasus (18–19 centuries).* Comp. L. S. Gatagova, V. V. Trepavlov. Moscow — St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2019, pp. 137–185 (in Russian)].
5. Дзидзария Г. А. *Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века.* М.: Наука, 1976 [Dzidzaria G. A. *F. F. Turnau and his Caucasus Papers of 19th century.* Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].
6. Доного Х. М. *Шамиль, да смилостивится над ним Аллах (1797–1871). Тот, кто создавал историю.* Изд. дом "BadrBook", 2023. [Donogo Kh. M. *Shamil, may Allah have mercy on him* (*1797–1871*). *The one who made history*. BadrBook publ., 2023 (in Russian)].
7. Литвин А. А. Картографирование и географическое изучение Кавказа военным ведомством (по фондам Российского Государственного Военно-исторического архива). *Северный Кавказ в истории России. XIX век*. Под ред. В. М. Безотосного. М.: ГИМ, 2024 [Litvin A. A. The Cartographical and Geographical Study of the Caucasus by the Military Institution (based on the funds of the Russian Military-Historical Archive). *North Caucasus in Russian History. 19th century.* Ed. by V. M. Bezatosny. Moscow: State Historical Museum, 2024 (in Russian)].
8. Розен А. Е. *Записки декабриста*. М.: Наука, 1984 [Rosen A. E. *The Notes of a Decembrist*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].
9. Савельев А. Е. «Должно всегда и везде служить Отечеству». *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 1. С. 238–241 [Saveliev A. E. "It is a must to Serve Your Home-Country always and anywhere". *The Theory and Practice of a Society Development*. 2011. No. 1, pp. 238–241 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

10. Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. М.: Наука, 1967 [Simonich I. O. *The Memoirs of an Actual Minister. 1832–1838*. Moscow: Nauka. 1967 (in Russian)].
11. Ткаченко Д. С. Обзор документов военно-разведывательных экспедиций барона Ф. Ф. Торнау на Черноморское побережье Кавказа. 1830-е гг. *Вестник архивиста.* 2020. № 3. С. 664–675 [Tkachenko D. S. Revive of the Materials of F. F. Turnau Military Survey Expeditions on the Black Sea Caucasus Littoral in 30th Decades of 19th c. *Herald of Archivist*. 2020. No. 3, pp. 664–675 (in Russian)].
12. King Ch. *Ghost of Freedom: A History of the Caucasus*. Oxford — New York: Oxford University Press, 2008.
13. Marshall A. G. *Dar Al-Harb: the Russian general staff and the Asiatic frontier, 1860–1917.* PhD thesis. Glasgow Thesis Service, 2001.

Информация об авторе

Ткаченко Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия, tkdmsg@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0675-6111.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 21.06.2024; принята к публикации 24.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Tkachenko Dmitry Sergeevitch — PhD (doctoral degree), professor in the department of Russian History of North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tkdmsg@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0675-6111.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 24.06.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья
УДК 94(47)+38.1
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-526-540

Исторические науки

Знание на службе империи: организация научного изучения Кавказа в условиях Кавказской войны

Татьяна Александровна Колосовская

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
tkolosovskaia@ncfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6770-7711

Аннотация. История изучения Кавказа непосредственно связана с историей присоединения региона к Российской империи и сопровождавшим данный процесс вооруженным противостоянием. В рамках статьи анализируется влияние власти на организационное оформление кавказоведения с конца XVIII в. до 1860-х гг. На основе делопроизводственных документов и аналитических материалов представителей кавказской научной интеллигенции рассматривается проведение научных экспедиций, работа отдельных ученых и создание местных научных объединений. Делается вывод о том, что и высшее руководство империи, и местная кавказская администрация были заинтересованы в получении разноплановых сведений о регионе для решения насущных практических задач и задавали вектор развития кавказоведческих исследований. В центре внимания оказались география края, его природные ресурсы, флора и фауна, особенности социального устройства, быта и традиций местного населения. Хотя единого академического центра на Кавказе создано не было, тем не менее его роль стали выполнять местные научные объединения. Ведущую роль среди них играл Кавказский отдел императорского Русского географического общества (ИРГО) и статистические комитеты. Если деятельность последних в условиях Кавказской войны оказалась малоэффективной, то Кавказский отдел ИРГО оправдал возлагаемые на него надежды в полной мере, став центром популяризации научного знания и объединения усилий местной научной интеллигенции.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказская война, власть, знание, Академия наук, ученая экспедиция, Кавказский отдел императорского Русского географического общества (ИРГО), статистический комитет

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Колосовская Т. А., 2024
© Ориенталистика, 2024

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

Для цитирования: Колосовская Т. А. Знание на службе империи: организация научного изучения Кавказа в условиях Кавказской войны. *Ориенталистика*. 2024;7(3):526–540. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-526-540.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-526-540

Knowledge on the Service of Empire: The Exploration of Caucasus in the Caucasus War conditions

Tatiana A. Kolosovskaya

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
tkolosovskaya@ncfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6770-7711

Abstract. The history of Caucasian studies is directly related to the history of the acquisition of the region by the Russian Empire and various military confrontations that went in harness with the process. The article focuses on the power influence on the organizational development of Caucasian studies from the end of the 18th century until 1860-s. Based on archival documents and analysis provided by the local scholars and scientists the author comes to the conclusion that the development of the local research groups was an inevitable phenomenon. This was due to the fact that the High Commanders of the Russian Armed Forces and the local Caucasian authorities were both interested in obtaining diverse, however, reliable information about the region. This information was necessary in solving various frequently urgent practical problems. The way of collecting and the subsequent arrangement of this information was crucial in forming the Russian Caucasian studies. These studies were focused on the local geography, natural resources, flora and fauna, social structures, life and traditions of the indigenous population. Although no academic center was created in the Caucasus, its role was played by various associations and research groups. The most outstanding in this regard was the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) and various statistical committees. The activities of the latter during the Caucasian War transpired to be ineffective, however, the Caucasian Department fully justified the hopes pinned. It became the center for the promotion of scientifically proven knowledge and also united the efforts of the local intelligentsia.

Keywords: Russian Empire, Caucasus War, Power, Knowledge, Academy of Science, scientific expeditions, the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society (IRGS), statistical committee

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Kolosovskaya T. A., 2024
© Orientalistica, 2024

Acknowledgements: The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-00302, https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/.

For citation: Kolosovskaya T. A. Knowledge on the Service of Empire: The Exploration of Caucasus in the Caucasus War conditions. Orientalistica. 2024;7(3):526–540. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-526-540 (in Russian).

История изучения Кавказа непосредственно связана с историей присоединения региона к Российской империи и сопровождавшим данный процесс вооруженным противостоянием. Кавказская война пробудила широкий общественный интерес к новой имперской окраине, который не был лишен некоторого налета романтизма. Благодаря произведениям А. А. Бестужева-Марлинского и А. С. Пушкина, Кавказ представлялся сказочной страной, куда устремились искатели приключений. Под впечатлением литературных образов у современников возникало желание «бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю, с ее грозной природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическим небом, высокими, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображение…» [Зиссерман, 1879, с. 1].

Однако главным образом развитие кавказоведения и накопление знаний о Кавказе диктовались практической необходимостью, обусловленной российской политикой в регионе. «Едва ли когда-либо и где-либо военная история представляла вопрос более сложный и трудный для разрешения, нежели тот, который встретился России в умиротворении Кавказа, — писал один из участников кавказских событий полковник Д. И. Романовский. — Недоступная, своеобразная местность этого края, его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения…» [Романовский, 1860, с. 197]. Правительство понимало, что без точного представления о географии Кавказа, быте и обычаях его населения — невозможно проведение успешных военных экспедиций против непокорных горцев, приведение их к присяге и налаживание эффективной системы управления краем.

В силу указанных обстоятельств Кавказская война стала тем историческим фоном, на котором происходило «открытие» региона в России. Об отдельных исследователях Кавказа начала XIX в. — 1860-х гг., об их деятельности и достигнутых результатах имеется обширная научная литература [Косвен, 1955–1962; Колесникова, 2011; Jersild, 2002]. В данной статье делается попытка взглянуть на процесс производства кавказоведческих знаний с позиций его организационного оформления. В фокусе рассмотрения — вопросы влияния власти на исследовательские практики ученых. Особое внимание уделяется созданию местных научных учреждений и выявлению особенностей их развития в условиях военного времени.

Источниковую базу исследования образовали делопроизводственные материалы из фондов российских архивов, которые позволяют увидеть механизмы принятия решений по организации научного кавказоведения и проследить за тем, как они реализовались на практике. Важную роль в раскрытии

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

заявленной проблемы играют аналитические материалы непосредственных участников интеллектуального освоения Кавказа имперского периода, которые в форме обзоров, отчетов, рецензий или докладов были опубликованы на страницах местной периодики или вышли в свет отдельными изданиями.

Научные исследования Кавказа в Российской империи проводились, прежде сего, в рамках экспедиционной деятельности Петербургской Академии наук. К концу XVIII в., благодаря ее сотрудникам: И. А. Гильденштедту, С.-Г. Гмелину и П.-С. Палласу — удалось собрать богатые и разносторонние материалы о регионе. По верной оценке Л. И. Лаврова, «то был настоящий подвиг, так как ученые в экспедиции годами находились в отрыве от дома, испытывали множество транспортных трудностей, терпели различные лишения, часто встречали непонимание, а то и враждебность со стороны населения и местной администрации и даже рисковали собственной жизнью» [Лавров, 2009, с. 450]. Их передвижение в приграничных районах Северного Кавказа осуществлялось под сильным воинским конвоем, а маршруты составлялись с учетом общей обстановки в горах. «…Каждый раз надо было сообразоваться с обстоятельствами и с положением вещей, — писал И. А. Гильденштедт. — …Если бы я не соблюдал всевозможную осторожность и осмотрительность, то я наверняка стал бы мучеником естественной истории» [Гильденштедт, 2002, с. 9].

В таких условиях успех научных предприятий во многом зависел от поддержки ученых со стороны правительства. Эта тенденция особенно проявилась в 1820–1830-е гг. из-за эскалации вооруженного противостояния с горцами Северного Кавказа. В этот период командование стало само приглашать ученых к участию в своих военных рекогносцировках. Наиболее ярким примером тому служит военно-научная экспедиция к окрестностям горы Эльбрус, инициированная в 1829 г. командующим войсками на Кавказской линии генералом Г. А. Емануелем.

Среди причин ее проведения доминировали задачи явно прагматического характера. Помимо необходимости военно-топографического обозрения недавно присоединенных к России территорий Центрального Кавказа, следовало провести разведку их природных ресурсов. В письме на имя начальника Главного штаба графа И. И. Дибича, датированном декабрем 1828 г., Г. А. Емануель писал: «Предположив будущим летом обозрение самых ближайших окрестностей Эльбруса, как и Кинжал-горы на Малке, содержащих в себе большое количество свинца, из которого горские народы извлекают оный большими кусками для военных потребностей, а как полагать можно, что в окрестности сего феномена должны скрываться и другие сокровища, то я считаю небесполезным, если бы для открытия сих источников были к тому времени, как удобнейшему во весь год, присланы чиновники, по сей части сведущие…»[1].

В документе не идет речи о необходимости изучения Эльбруса с научной точки зрения. Содержание этого исторического источника красноречиво свидетельствует о том, что широко распространенное утверждение о стремлении

[1] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 1–1об.

Г. А. Емануеля «сделать его [Эльбрус. — *Т. К.*] достоянием науки» [Потто, 1889, с. 291] является заблуждением, подменяющим следствие причиной.

Запланированная командующим войсками на Кавказской линии экспедиция была поддержана Николаем I. Император счел необходимым воспользоваться этим мероприятием как для сбора сведений о свинцовой руде, «так и о прочих сокровищах, в тех местах скрываться могущих»[2]. В феврале 1829 г. из Главного штаба на имя министра финансов поступило отношение с просьбой определить в экспедицию нескольких горных чиновников[3].

Однако только разведкой полезных ископаемых решили не ограничиваться и о запланированном мероприятии сообщили руководству Петербургской Академии наук. В отношении от 2 февраля 1829 г. И. И. Дибич сообщал об открывающейся перед учеными возможности изучения окрестностей г. Эльбрус и г. Кинжал на р. Малке, предлагал «воспользоваться сим случаем для собирания точнейших сведений о стране той, в отношении к естественному положению и произведениям оной» и «командировать от себя несколько ученых мужей для наблюдений и изысканий»[4].

Научной экспедиции на Эльбрус никто никогда не предпринимал. Ученые осознавали уникальность возможности, открываемой перед ними боевым генералом, и поспешили ею воспользоваться. Для участия в экспедиции на Кавказ были отправлены физик Э. Ленц, ботаник К. Мейер, зоолог Э. Менетрие. Возглавил научную экспедицию А. Я. Купфер — физик, академик по кафедре минералогии[5].

Результаты экспедиции были впечатляющими. Ученые получили разнообразные сведения об обширных равнинных и предгорных территориях Центрального Кавказа, были открыты богатые залежи свинца, каменного угля, точильного сланца, алебастра и мела. Помимо геологических исследований, сбора материалов по ботанике и зоологии, ученым удалось измерить многие высоты края. Несмотря на участие в экспедиции специалистов, представлявших естественные науки, по ее итогам были значительно расширены этнографические сведения о местных народах[6].

Опыт сотрудничества ученых и военных оказался столь успешным, что уже в январе 1830 г. Конференция Академии наук вновь обратилась к генералу Г. А. Емануелю с просьбой организовать летом текущего года новую экспедицию для «исследования внутренности Кавказа и паче обозрения народов, обитающих хребты второстепенных гор»[7]. Но предложение ученых поддержано не было. После завершения очередной русско-турецкой войны на Кавказе осталось значительное количество войск, которыми командование хотело воспользоваться для перехода к решительным наступательным действиям против непокорных горцев. В такой обстановке было не до научных экспедиций.

---

[2] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1014. Л. 2.

[3] Там же. Л. 3.

[4] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Т. 1, 1829. Д. 4. Л. 2.

[5] Там же. Л. 20–21.

[6] Там же. Л. 212–213.

[7] Там же. Л. 125 об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Тем не менее успех Г. А. Емануеля вдохновил последующих командующих на Кавказской линии. Так, например, в 1837 г., собираясь в экспедицию через Кавказский хребет к восточному побережью Черного моря, генерал А. А. Вельяминов предлагал командировать к нему кого-либо из ученых. В письме на имя министра народного просвещения графа С. С. Уварова он писал: «Кавказский край вообще и его горы, заключающие в себе произведения природы, почти неисследованные, заслуживает внимание любителей наук. Каждый год я делаю экспедиции и прохожу с войском такие места, в которых никто из европейцев никогда не бывал. Полагая, что для Петербургской императорской Академии наук было бы небесполезно воспользоваться подобными случаями для обогащения своего музея разными произведениями природы из гор Кавказа и сделать разные наблюдения и исследования по предметам вообще физики…»[8]. На этот раз научная экспедиция не состоялась из-за отказа Академии наук, которая сослалась на недостаток времени у ученых для подготовки и впредь просила информировать о планируемых мероприятиях такого рода заблаговременно.

Затянувшееся вооруженное противостояние на Кавказе заставило правительство задуматься об альтернативных силовым методах закрепления в регионе. Кроме того, на уже полностью подконтрольных России территориях Предкавказья и Закавказья необходимо было развивать инфраструктуру, промышленность и торговлю. Без знания о Кавказе было не обойтись, поэтому на ученых власть смотрела как на своих помощников в решении текущих практических задач.

Роль координирующего центра в организации кавказоведческих исследований выполняла, как уже было сказано, Академия наук. При ее поддержке в регион направлялись иностранные специалисты, которые компенсировали нехватку собственных сил для изучения далекой окраины (Ю. Клапрот, К. Риттер, Ф. Дюбуа де Монпере и др.) [Уварова, 1902, с. IV]. Поскольку Кавказ в Российской империи устойчиво ассоциировался со «своим Востоком», к его изучению активно привлекались отечественные востоковеды (М. И. Броссе, А. М. Шегрен, Н. В. Ханыков, И. А. Бартоломей) [Уварова, 1902, с. IV].

Министерство народного просвещения организовывало участие в исследовании Кавказа университетских ученых. В 1837 г. профессор Криницкий отправился в Крым и на Кавказ для обозрения берегов Таврического полуострова, преимущественно местности около Анапы и «Великой» Абхазии. Профессор Киевского университета Гофман в том ж году исследовал восточные берега Черного моря, Абхазию, Гурию, Мингрелию и Имеретию. В этот же период профессор Казанского университета Горлов занимался статистикой Кавказа [Уварова, 1902, с. IV].

В 1844 г. для проведения геологических исследований в Закавказский край был направлен профессор Дерптского университета Г. В. Абих. С согласия министра народного просвещения С. С. Уварова ему разрешалось на 10 месяцев оставить занимаемую кафедру и заняться изучением вулканических явлений Армянской возвышенности. Местное начальство сочло изыскания Абиха «при-

[8] РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 702. Л. 1–1 об.

носящими пользу не только в ученом, но и в административном отношениях»[9]. Срок его командировки был продлен, а география исследований расширена и включила отдельные территории Северного Кавказа. Летом 1847 г. Абиху разрешили присоединиться к Самурскому отряду и в ходе экспедиции в горы провести разведку полезных ископаемых в Дагестане[10]. Из-за затянувшегося пребывания на Кавказе в 1847 г. Абих был переведен из университета на службу по Главному горному управлению и назначен состоять при кавказском наместнике, для занятий по горной части[11].

Примеры работы ученых в кавказской администрации можно продолжить. В 1851 г. начинается служба в Канцелярии кавказского наместника А. П. Берже. Закончив обучение на восточном факультете Петербургского университета, увлеченный Востоком, он под давлением императора отправился в Тифлис, где в трудах по изучению археологии, этнографии и истории края ему предстояло провести 35 лет жизни.

В 1855 г., по приглашению кавказского наместника М. С. Воронцова, переселяется на Кавказ Ф. С. Байерн, которому принадлежит честь начала изучения первобытных древностей Кавказа. Приехав в край для собирания естественно-исторических коллекций и занятий по минералогии и геологии, он весьма скоро увлекся памятниками древностей и раскопками могильников края, на которые до него никто не обращал внимания, и всецело посвятил себя изучению местной археологии [Уварова, 1902, с. V].

В середине XIX в. правительство озаботилось вопросом о доступности постепенно накапливаемого научного знания о регионе. Министр внутренних дел граф Л. А. Перовский обратил внимание на тот факт, что многие ученые, находящиеся постоянно на Кавказе, занимались изучением этого края. Однако их труды появлялись довольно редко в различных повременных изданиях. Для того чтобы эта, столь полезная с точки зрения власти, деятельность получила известность и одно общее направление, а взаимное сотрудничество повысило эффективность работы каждого исследователя, при участии императорского Русского географического общества (далее — ИРГО) был разработан проект учреждения на Кавказе особого отдела.

Документ представили на рассмотрение кавказского наместника М. С. Воронцова. Последний поддержал инициативу и выразил готовность выступить покровителем нового научного сообщества, однако высказал свои опасения относительно надежности его финансирования. «По неопределенности денежных средств, — замечал наместник, — отдел едва ли принесет всю пользу, которую можно было бы ожидать по богатству предметов, заслуживающих изучения в Кавказском крае»[12]. По мнению М. С. Воронцова, отделу было необходимо получить место для проведения собраний, обзавестись хотя бы небольшой библиотекой, собранием карт и набором метеорологических и астрономических инструментов и, главное, иметь возможность регулярно

[9] РГИА. Ф. 44. Оп. 3. Д. 25. Л. 458 об.

[10] Там же. Л. 613–614.

[11] Там же. Л. 655.

[12] РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 156. Л. 11 об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

издавать результаты своих научных изысканий. Однако предполагаемого отведения на всю эту деятельность проектом ежегодных взносов местных членов (по 10 рублей серебром в год) было бы явно недостаточно.

Поскольку выделять дополнительные средства на функционирование Кавказского отдела из имеющихся в его распоряжении средств наместник не мог, то с согласия министра внутренних дел он обратились за финансовой помощью к императору[13]. 27 июня 1850 г. вопрос был решен положительно. Николай I утвердил проект положения о Кавказском отделе ИРГО и согласился на выделение из казны ежегодного пособия в размере 2 тыс. рублей.

Подчеркивая широкие возможности для популяризации научного знания, которые открывались учреждением на Кавказе особого отдела географического общества, Д. А. Милютин писал: «Страна, бесспорно, самая любопытная из всех областей обширного нашего отечества, долго оставалась покрытой каким-то таинственным мраком для всего остального мира. Небольшое число сочинений, более или менее специальных, к Кавказскому краю относящихся, стоят уединенно на полках библиотек, едва известные одним лишь ученым… Учреждение же Кавказского отдела ИРГО открыло новый, широкий путь к сближению Кавказа с Россией… Обилие и разнообразие его трудов и предначинаний, наконец, живое сочувствие, с которым на призыв его отозвался весь край, — все это доказывает, что учреждение отдела географического общества было для Кавказа делом существенной необходимости, делом столь же полезным для науки, сколько и для самой будущности края» [Милютин, 1852, с. 72–73].

Кавказский отдел позволял объединить усилия тех военных и гражданских чиновников, которые, несмотря на обремененность прямыми служебными обязанностями, находили возможность уделять занятиям наукой редкие минуты своего досуга. Надо отметить, что именно служебная деятельность открывала для них широкие научные перспективы. Почти каждый из них по долгу службы имел случай ознакомиться близко с той или другой частью края, а некоторым удавалось проникнуть туда, куда простым ученым путь был закрыт. В этом и заключалась ценность их наблюдений и собранных сведений, совокупность которых позволила бы обогатить представления о Кавказе. Поэтому главное предназначение самого Кавказского отдела в условиях Кавказской войны и состояло в том, чтобы стать местом, где аккумулировались бы все разрозненные и отрывочные известия, сообщаемые из разных уголков края. «Собирая эти известия с некоторой системой, оценивая критически их достоверность и передавая их в общее знание, отдел Кавказский одним этим уже принесет огромную услугу», — подчеркивал Д. А. Милютин [Милютин, 1852, с. 75].

Учитывая эти обстоятельства, и требования к результатам работы Кавказского отдела были соответствующими. От его сотрудников не ожидали исследований и описаний, обработанных научным образом. Было вполне достаточно, если удастся собрать репрезентативные материалы по географии, этнографии и статистике Кавказского края. Фиксация и накопление фак-

[13] РГИА. Ф. 1268. Оп. 4. Д. 156. Л. 12.

тов — вот те главные задачи, которые ставились перед сотрудниками отдела на начальном этапе его развития.

Уже с первого года своего функционирования отдел заявил о себе как о деятельной и быстро растущей научной организации. 10 марта 1851 г., при открытии отдела, в его первом заседании принимало участие всего 9 членов. Спустя год, в мае 1852 г. он включал 121 действительного члена и 8 членов сотрудников [Пагирев, 1901, с. 145–146]. Кавказский отдел ИРГО стал выполнять координирующую функцию в организации не только географических исследований. Значительное внимание в первых программных документах отдела уделялось этнографии, статистике, археологии и библиографии. План работы отдела предусматривал разбор местных архивов и выявление в них ценных материалов по истории Кавказа, проведение самостоятельных экспедиций для сбора различных сведений и коллекций, учреждение библиотеки и музея [Тютюнина, 1989, с. 119].

Не все из задуманного тогда удалось реализовать на практике. Главным достижением «военного» периода функционирования отдела, длившегося до 1864 г., стала широкая популяризация результатов проведенных исследований. Статьи, подготовленные действительными членами, регулярно передавались в редакции «Кавказа», «Закавказского вестника» и «Кавказского календаря», а также печатались на страницах его повременного издания — «Записок» [Пагирев, 1901, с. 146]. Кроме того, деятельность отдела позволила сформировать представление о кавказоведении как о многоотраслевом знании, в котором особое место заняла кавказская статистика.

Развитие статистических изысканий на Кавказе стало одним из основных достижений кавказоведения в первой половине XIX в. Но, поскольку до середины 1860-х гг. политическое положение региона было нестабильным, статистическая деятельность не могла получить широкого распространения на территории всего края. Отдельные, неподконтрольные российской администрации территории оставались недоступны для научных изысканий. В других частях гражданская администрация была еще слаба, что не позволяло осуществлять научно-статистические изыскания в полном объеме.

Объясняя сложившееся положение дел, современник событий и член Кавказского отдела ИРГО Н. И. Воронов обращал внимание на то, что в крае, только что замиренном, нельзя было не считаться с существующими среди горцев-мусульман опасениями. Рискованно было открытым сбором статистических сведений возбуждать толки о намерениях правительства будто бы установить между ними рекрутский набор или причислить к казачьему сословию. Кроме того, «у мусульман не велось ничего подобного метрическим книгам, а всякие справки о числе родившихся могли быть приняты мусульманами за оскорбительную нескромность, нарушающую святость домашних тайн» [Воронов, 1869, с. 4–5].

Власть, нуждавшаяся в доступе к наиболее полным и максимально обновленным статистическим сведениям, вынуждена была довольствоваться частными мерами, и работы по сбору сведений возлагались преимущественно на офицеров Генерального штаба. Им поручалось составлять статистические описания отдельных частей края по заранее разработанным программам. Из

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

названных трудов некоторые были весьма репрезентативными и добротными. Например, описания Кутаисского генерал-губернаторства, составленное А. И. Лаврентьевым, Эриванской губернии П. К. Услара, Ставропольской губернии Н. Н. Забудского. Однако, по оценке современников, результаты такой деятельности удовлетворяли текущие потребности военной администрации, но не могли образовать прочного фундамента для местной статистики как отдельной отрасли научного знания [Воронов, 1876, с. 21].

Толчком для перевода кавказской статистики на научную основу могли стать статистические комитеты, деятельность которых признавалась полезной как для науки, так и для администрации. Первое законодательное распоряжение о создании таковых в империи появилось в 1834 г. Спустя год был открыт Закавказский статистический комитет и избраны его члены-корреспонденты, которым поручалось приступить к статистическому описанию городов и уездов. Однако справиться с поставленной задачей комитет не смог и в 1837 г. прекратил свою деятельность[14].

В 1840 г. комитет возродился и возобновил переписку о составлении статистических описаний для сбора сведений о состоянии городов Закавказского края. Однако и на этот раз его деятельность не увенчалась успехом[15]. В отношении от 10 мая 1842 г. на имя проводившего ревизию в Закавказье М. Н. Позена Грузино-имеретинский гражданский губернатор А. А. Скалон следующим образом объяснял причину такого положения дел: «…Комитету не было дано никаких канцелярских способов и поэтому нельзя было приискать ни делопроизводителя, ни канцелярских чиновников; и то же члены-корреспонденты, одни между тем вовсе выбыли из Закавказского края, другие умерли, и таким образом, если они и занимались собиранием статистических данных, комитету труды их остались совершенно неизвестными…»[16].

Из-за сохраняющегося на Кавказе военного положения статистические комитеты здесь начали свою работу позже и далеко не везде. В 1858 г. был открыт губернский статистический комитет в г. Ставрополе, закавказские комитеты были открыты еще позднее: в 1862 г. — в Тифлисе и Эривани, в 1863 г. — в Баку и Кутаиси [Бентковский, 1883, с. 36]. Только в 1866 г. было признано возможным устроить почти на тех же началах статистическую часть в Кубанской и Терской областях. При этом особых комитетов здесь не учреждали, а собирание и обработку статистических сведений возложили на войсковые правления [Воронов, 1876, с. 23].

Статистические комитеты не оправдали ожидания, возлагаемые на них правительством. Рутина и формализм весьма часто заменяли в них само существо дела. Собирание статистического материала шло в них, главным образом, канцелярским путем, а обработка данных была далека от научных приемов [Воронов, 1876, с. 24]. Закавказские комитеты просуществовали недолго — в 1867 г. они были упразднены, а вместо них в составе Главного управления

[14] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 241. Л. 2.

[15] Там же. Л. 13.

[16] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 241, Л. 2 об.

наместника Кавказского был образован единый Кавказский статистический комитет.

На общем фоне неудач кавказской статистики отрадное явление представлял собой Ставропольский губернский статистический комитет. Его деятельность, осуществлялась под непосредственным контролем гражданского губернатора, отличалась стабильностью и имела постоянный источник финансирования в размере 1,5 тысяч рублей в год [Собриевский, 1906, с. 57–58]. Кроме того, Ставропольский комитет изначально заявил о себе как об учреждении не только административном, но и ученом. Наряду с основной задачей — составлением статистических таблиц для ежегодных отчетов по губернии в Министерство внутренних дел, должное внимание уделялось в нем занятиям «неофициальным», связанным с изучением края.

Среди первых предприятий такого рода стала предпринятая летом 1860 г. членом комитета капитаном Э. С. Цытовичем ученая экспедиция по изучению северных и северо-восточных степей Ставропольской губернии с проживающими там калмыками. В обширную программу, разработанную офицером, входило изучение географического положения и физических свойств степей; путей сообщения, которыми пользуются местные жители; климата и его влияния на здоровье людей. Значительное место уделялось сбору сведений по местной этнографии и истории [Бентковский, 1883, с. 41].

Попытка с научной точки зрения ответить на вопрос о пригодности калмыцких степей для оседлой жизни была поддержана кавказским наместником А. И. Барятинским, который разрешил выделить средства на проведение экспедиции (в размере 800 рублей) из местного бюджета [Бентковский, 1883, с. 43].

21 июня 1860 г. экспедиция выехала из Ставрополя. Ее участникам удалось осмотреть Большедербетовский калмыцкий улус и небольшую часть Трухменского приставства, собрав сведения этнографического и топографического характера. Однако уже в конце августа два члена экспедиции, учителя Ставропольской мужской гимназии, в связи с окончанием каникул вынуждены были вернуться к своим основным обязанностям. Еще раньше, 23 июля, заболел и покинул экспедицию командированный из штаба войск Кубанской области военный топограф. В итоге реализовать программу исследований в полном объеме так и не удалось. В следующем году капитан Цытович получил новое назначение, а собранные им материалы затерялись в местных архивах [Бентковский, 1883, с. 43].

Подводя итог 25-летней деятельности Ставропольского губернского статистического комитета, один из его самых известных секретарей — И. В. Бентковский — подчеркивал, что первое десятилетие работы (с 1858 по 1868 г.) было периодом «добрых, но бесплодных начинаний, благодаря времени, историческим судьбам нашего края и тогдашнему еще слишком молодому состоянию отечественной статистики как науки» [Бентковский, 1883, с. 45]. Тем не менее уже в первые годы своего существования, благодаря активному сотрудничеству с местной научной интеллигенцией, устойчивому финансированию и возможностью публиковать результаты своих трудов на страницах «Ставропольских губернских ведомостей», комитет стал претендовать на роль

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

регионального научного центра производства многоотраслевого кавказоведческого знания.

Таким образом, в условиях Кавказской войны власть в лице высшего руководства империи и местной кавказской администрации оказывала непосредственное влияние на исследовательские практики ученых в регионе. По ее инициативе проводились научные экспедиции и приглашались на Кавказ отдельные специалисты. Одновременно власть задавала вектор развития их научных разработок. В центре ее внимания оказалась география края, его природные ресурсы, флора и фауна, особенности социального устройства, быта и традиций местного населения.

Заинтересованное в получении разноплановых сведений о регионе для решения насущных практических задач, правительство пыталось придать деятельности ученых организационные формы. Хотя единого академического центра на Кавказе создано не было, тем не менее его роль стали выполнять местные научные объединения. Ведущую роль среди них играли Кавказский отдел ИРГО и статистические комитеты. И если деятельность последних в условиях Кавказской войны оказалась малоэффективной (значительная часть территории была недоступна для статистических исследований, а работа комитетов полна формализма), то Кавказский отдел оправдал возлагаемые на него надежды в полной мере, став центром популяризации научного знания и объединения местной научной интеллигенции.

Следует заметить, что в условиях перманентных военный действий перед научными объединениями Кавказа не ставилась задача проведения глубоких научных разработок. Вполне достаточно было собрать и систематизировать материал о регионе. Доминировало эмпирическое знание, главными требованиями к которому были точность и достоверность, достигнутые путем личных наблюдений исследователей.

Список сокращений / Abbreviations

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.) [Russian State Historical Archives (Saint Petersburg)].

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук [St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences].

Список источников и литературы / References

1. Бентковский И. В. *Ставропольский губернский статистический комитет. Первое 25-летие с 1858 по 1883 годы*. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1883. [Bentkovsky I. V. *Stavropol Provincial Statistical Committee. The first 25th anniversary from 1858 to 1883.* Stavropol: Printing house of the Provincial Board, 1883 (in Russian)].
2. Воронов Н. И. Обзор деятельности статистических комитетов Кавказского наместничества с 1862 по 1867 гг. *Сборник статистических сведений о Кавказе.* Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1869. Т. 1. С. 3–93. [Voronov N. I. Review of the activities of the statistical

committees of the Caucasian governorship from 1862 to 1867. *Collection of statistical information about the Caucasus.* Tiflis: Printing house of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus, 1869. Vol. 1, pp. 3–93 (in Russian)].

3. Воронов Н. И. Обзор статистических трудов на Кавказе в последнее 25-летие. *Кавказский отдел императорского Русского географического общества за 25 лет.* Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1876. С. 19–32. [Voronov N. I. Review of statistical works in the Caucasus in the last 25 years. *Caucasian department of the Imperial Russian Geographical Society for 25 years.* Tiflis, Printing house of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus, 1876, pp. 19–32 (in Russian)].
4. Гильденштедт И. А. *Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 [Gildenshtedt I. A. *Travel through the Caucasus in 1770–1773.* St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2002 (in Russian)].
5. Зиссерман А. Л. *Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867).* СПб.: типография А. С. Суворина, 1879. Ч. 1. [Zisserman A. L. *Twenty-five years in the Caucasus. (1842–1867).* St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin, 1879. Part 1 (in Russian)].
6. Колесникова М. Е. *Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII — начало XX века.* Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. [Kolesnikova M. E. *North Caucasian historiographical tradition: second half of the 18th – early 20th centuries.* Stavropol: SSU Publishing House, 2011 (in Russian)].
7. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. *Кавказский этнографический сборник.* М.: Наука, 1955. Вып. 1. С. 265–374; 1958. Вып. 2. С. 139–274; 1962. Вып. 3. С. 158–288. [Kosven M. O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. *Caucasian ethnographic collection.* Moscow: Nauka, 1955. Issue 1, pp. 265–374; 1958. Issue 2, pp. 139–274; 1962. Issue 3, pp. 158–288 (in Russian)].
8. Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России. *Избранные труды.* Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. С. 448–455. [Lavrov L. I. To the 250th anniversary of academic Caucasian studies in Russia. *Selected works.* Nalchik: Republican Printing Plant named after. Revolutions of 1905, 2009, pp. 448–455 (in Russian)].
9. Милютин Д. А. Рецензия на «Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка 1». *Вестник императорского Русского географического общества.* 1852. Ч. 6. С. 72–83. [Milyutin D. A. Review of “Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book 1”. *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society.* 1852. Part 6, pp. 72–83 (in Russian)].
10. Пагирев Д. Д. Очерк деятельности Кавказского отдела императорского Русского географического общества. *Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества.* Тифлис, 1901. Т. XIV. С. 144–151. [Pagirev D. D. Essay on the activities of the Caucasian Department

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

of the Imperial Russian Geographical Society. *News of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society.* Tiflis, 1901. Vol. XIV, pp. 144–151 (in Russian)].

11. Потто В. А. *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях.* Санкт-Петербург — Тифлис: Тип. Е. Евдокимова, 1889. Т. 5. [Potto V. A. *The Caucasian War in selected essays, episodes, legends and biographies.* St. Petersburg —Tiflis: Printing house of E. Evdokimova, 1889. Vol. 5 (in Russian)].
12. Романовский Д. И. *Кавказ и Кавказская война.* СПб.: В Типографии Товарищества «Общественная польза», 1860 [Romanovsky D. I. *The Caucasus and the Caucasian War.* St. Petersburg: In the Printing House of the Public Benefit Partnership, 1860 (in Russian)].
13. Собриевский А. С. Статистика вообще, на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, в частности: ее задачи и организация. *Сборник Сведений о Северном Кавказе.* Т. 1. Ставрополь: Типография наследников Берк, 1906. С. 1–72. [Sobrievsky A. S. Statistics in general, in the North Caucasus, in the Stavropol province, in particular: its tasks and organization. *Collection of Information about the North Caucasus.* Vol. 1. Stavropol: Printing house of the heirs of Berk, 1906, pp. 1–72 (in Russian)].
14. Тютюнина Е. С. К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века. *Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Сборник научных трудов.* Нальчик: Издательство КБГУ, 1989. С. 113–124 [Tyutyunina E. S. On the issue of organizational forms of historical Caucasian studies in the second half of the 19th century. *Questions of history and historiography of the North Caucasus (pre-revolutionary period). Collection of scientific papers.* Nalchik: KBGU Publishing House, 1989, pp. 113–124 (in Russian)].
15. Уварова П. С. Предисловие. *Коллекции Кавказского музея.* Т. V: *Археология.* Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1902. С. I–VIII [Uvarova P. S. Preface. *Collections of the Caucasian Museum.* Vol. V: *Archeology.* Tiflis: Printing house of the Office of the Chief Civil Officer in the Caucasus, 1902, pp. I–VIII (in Russian)].
16. Jersild Austin. *Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845–1917.* Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002.

Информация об авторе

Колосовская Татьяна Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия; tkolosovskaia@ncfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6770-7711.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 25.06.2024; принята к публикации 29.06.2024; опубликована 30.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Tatiana A. Kolasovskaya — Ph. D. (Hist.), Professor of Russian History chair, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia; tkolosovskaia@ncfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6770-7711.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 29.06.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья Исторические науки
УДК 94(47)+35.4
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-541-551

Военно-экономическая деятельность подразделений Отдельного Кавказского корпуса на территории степного Предкавказья в период Кавказской войны

Роман Эдуардович Герман[1,2]

[1] *Технологический институт сервиса (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ставрополь, Россия;*

[2] *Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД РФ», г. Ставрополь, Россия, romger@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3158-3638*

Аннотация. В статье показано, каким образом части и подразделения Отдельного Кавказского корпуса, выполнявшего военно-политические задачи в кавказском регионе, оказали влияние на развитие аграрной экономики степного Предкавказья, что определило актуальность данной работы. Целью данного исследования является изучение военно-экономической деятельности подразделений Отдельного Кавказского корпуса (далее — ОКК) на территории степного Предкавказья в период Кавказской войны. Данная статья в основном написана на материалах делопроизводственной переписки, представленной в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией, а также в архивных материалах Государственного архива Ставропольского края (далее — ГАСК), фонда 444 «Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области». Применение историко-генетического метода дало возможность рассмотреть процесс военно-экономической деятельности подразделений ОКК на территории Предкавказья по мере исторического развития социально-экономической сферы региона. На основе историко-системного метода отрасли аграрной экономики Предкавказья были рассмотрены в системной взаимосвязи друг с другом и с процессом реализации военно-политических интересов Российской империи на Северном Кавказе и в Закавказье. Дескриптивный метод позволил описать факты, события, явления и процессы, характеризующие военно-экономическую деятельность подразделений ОКК на территории степного Предкавказья в период Кавказской войны. Отдель-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Герман Р. Э., 2024
© Ориенталистика, 2024

ный Кавказский корпус, выступая ведущим субъектом военно-экономической деятельности, удовлетворяя свои материальные потребности, оказал влияние на развитие экономики степного Предкавказья. Первоочередное развитие получили отрасли, связанные со снабжением ОКК — производство зерна, скотоводство, коневодство, виноделие. Однако более того, выполнение ОКК в регионе возложенных на него военно-политических задач позволило пространству степного Предкавказья раскрыть свой социально-экономический потенциал в полной мере.

Ключевые слова: Военно-экономическая деятельность, Отдельный Кавказский корпус, виноделие, земледелие, скотоводство, коневодство, Предкавказье, социально-экономическое развитие, Кавказская война

Для цитирования: Герман Р. Э. Военно-экономическая деятельность подразделений Отдельного Кавказского корпуса на территории степного Предкавказья в период Кавказской войны. *Ориенталистика.* 2024;7(3):541–551. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-541-551.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-541-551

Military-economic activities of units of the Separate Caucasian Corps in the territory of the steppe Ciscaucasia during the Caucasian War

Roman E. German[1,2]

[1] *Technological Institute of Service (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Don State Technical University", Stavropol, Russia;*

[2] *Stavropol branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Stavropol, Russia, romger@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3158-3638*

Abstract. The article shows how the units and subunits of the Special Forces Caucasian Corps, which performed military and political tasks in the Caucasus region, influenced the development of the agrarian economy of the steppe Pre-Caucasus (18th–early 19th cent.). The research aimed to study the military and economic activities of the units of the Special Forces Caucasian Corps (hereinafter referred to as the SFCC) on the territory of the steppe Pre-Caucasus during the Caucasian War. The research is based mainly on the materials of office correspondence as found in the Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission, as well as in archival materials from the State Archive of the Stavropol Territory, fund 444 "Office of the Civil Governor in the Caucasian region". The application of the historical and genetic research methods made it possible to see the military and economic activity of the SFCC units in pre-Caucasus as the historical development of the socio-economic branches in the region. Based on the historical and systematic method, the branches of the agrarian econo-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© German R. E., 2024
© Orientalistica, 2024

my in pre-Caucasus were considered in a systemic relationship with each other and the context of the military and political interests of the Russian Empire in the North Caucasus and Transcaucasia. The descriptive method made it possible to outline the facts, events, phenomena and processes, which were specific to the military and economic activities of the SFCC units on the territory of the steppe pre-Caucasus during the Caucasian War (1817–1864). The Special Forces Caucasian Corps, acting as the leading subject of military-economic activity, satisfying its material needs, influenced the development of the economy of the steppe pre-Caucasus. Priority development was given to industries related to the supply of Special Forces Caucasian Corps, which include grain production, cattle breeding, horse breeding, and winemaking. However, moreover, the fulfilment of the military and political tasks assigned to the Separate Caucasian Corps in the region allowed the space of the steppe pre-Caucasus to unleash its socio-economic potential to the fullest.

Keywords: Military and economic activity, Separate Caucasian Corps, winemaking, agriculture, cattle breeding, horse breeding, Pre-Caucasus, socio-economic development, Caucasian War

For citation: German R. E. Military-economic activities of units of the Separate Caucasian Corps in the territory of the steppe Ciscaucasia during the Caucasian War. *Orientalistica*. 2024;7(3):541–551. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-541-551 (in Russian).

Посвящаю статью памяти моего Учителя —
доктора исторических наук, профессора
Татьяны Александровны Невской.

В статье показано, каким образом части и подразделения Отдельного Кавказского корпуса, выполнявшего военно-политические задачи в кавказском регионе, оказали влияние на развитие аграрной экономики степного Предкавказья, что определило актуальность данной работы.

Целью данного исследования является изучение военно-экономической деятельности подразделений Отдельного Кавказского корпуса на территории степного Предкавказья в период Кавказской войны.

Статья в основном написана на материалах делопроизводственной переписки, представленной в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией», а также в архивных материалах Государственного архива Ставропольского края, фонда 444 «Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области».

Под военно-экономической деятельностью мы понимаем, во-первых, деятельность военных частей и подразделений по удовлетворению своих материальных потребностей, организацию снабжения необходимыми материальными ресурсами; во-вторых, прямое и опосредованное влияние на процессы социально-экономического развития пространства, в котором в данный момент военные части и подразделения выполняют поставленные государством задачи.

Отдельный Кавказский корпус, выполняя в кавказском регионе задачи по защите военно-стратегических интересов России, одновременно выступал в качестве субъекта экономической деятельности, напрямую или опосредованно. Нуждаясь в снабжении продуктами питания, корпус являлся одним из факторов, наряду с общим вектором государственной политики Российской империи по социально-экономическому освоению региона, обусловивших развитие экономики степного Предкавказья в конце XVIII — первой половине XIX в.

Одной из потребностей российских войск на Кавказе было снабжение вином, поскольку по нормам того времени военнослужащим была положена «винная порция». В окрестностях Кизляра и притеречных станицах производилось вино, основным покупателем которого выступали подразделения Кавказского корпуса. Климатические особенности данных территорий способствовали развитию виноградарства и виноделия. Помимо вина, производилась виноградная водка, поставлявшаяся в том числе и на столичные рынки сбыта. Основным производителем вина были казаки, несшие караульно-кордонную службу на южных рубежах подконтрольных Российской империи территорий. Производилось вино и в помещичьих имениях. Наличие в регионе постоянного покупателя — частей и подразделений Кавказского корпуса — стимулировало различные отрасли сельскохозяйственного производства. Местная торговля вином велась столь интенсивно, что государству, чтобы сохранить доходы казны пришлось пойти на определенные ограничения: терским казакам было разрешено продавать вино только оптом, бочками, тогда как казенная торговля осуществлялась в произвольных объемах — и оптом, и в розницу. По данным проверявшего состояние дел в Кавказской губернии в 1810 г. директора Инспекторского департамента Военного министерства генерал-майора Н. И. Вердеревского, в окрестностях Кизляра насчитывалось 1120 виноградников, которые в урожайный год давали до 40 тысяч 40-ведерных бочек вина [*Акты*..., т. IV, 1870, с. 922], что было результатом деятельности 49 винных заводов, 46 из которых были расположены в Кизляре и три — в Моздоке [*Акты*..., т. IV, 1870, с. 98]. Кизляр оставался центром виноделия Кавказской области и последующие годы. Надо отметить, что в казачьих хозяйствах производилось гораздо меньше вина, чем в хозяйствах «обывателей». Связано это было с необходимостью несения службы казаками, тогда как прочие категории населения могли уделять виноградникам больше времени.

В период управления Кавказа А. П. Ермоловым он обращался к министру финансов империи Д. А. Гурьеву с тем, чтобы не дать «упасть» кизлярской винодельческой промышленности [*Акты*..., т. VI, ч. 2, 1875, с. 567]. Ермолов в этой ситуации выступал выразителем интересов виноделов, гражданской администрации Кавказской области и военных, не желавших терять источник поставок «винной порции», находящийся неподалеку от театра военных действий. Также он писал о необходимости увеличения поставок в части и подразделения корпуса хлеба, выращенного непосредственно в Кавказской области, поскольку поставка хлеба для войск из других «соседних и даже отдаленных внутренних губерний» дорого обходится казне [*Акты*..., т. VI, ч. 1, 1874, с. 257]. Более того, А. П. Ермолов в обращениях на имя центральной власти постоянно

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

говорил о важности создания в Кавказской области сельскохозяйственного производства, которое было бы способно обеспечивать потребности в продовольствии не только самих жителей области, но и российских войск на Кавказе.

В 30-е гг. XIX в. кизлярское виноделие переживало период кризиса: сократились практически на треть площади, занимаемые виноградниками, что объяснялось комплексом причин как природно-климатического, так и военно-политического характера. К первой группе причин относятся разливы Терека и бездеятельность комитета, занимавшегося строительством береговых укреплений, а также сильные заморозки конца 20-х гг. XIX в., холера 1830 г., ставшая причиной смерти многих производителей вина; к причинам второй группы относится нападение в 1831 г. на Кизляр Кази-муллы, что также нарушило процесс сбора и переработки винограда, поскольку наемных работников из числа горцев, занятых на уборке урожая, не пропустили на территорию области из-за неблагоприятной обстановки. Близость к театру линии столкновения российских войск с «немирными горцами» повышали риски ведения хозяйства в Предкавказье. Но альтернативы не было — войска нуждались в продовольствии, а сама территория степного Предкавказья — в экономическом освоении, ведущую роль в котором играли подразделения Кавказского корпуса, выступавшие в качестве едва ли не единственных постоянных контрагентов кавказских сельхозпроизводителей.

Тем не менее на территории всей Кавказской области виноградарство и виноделие расширялись, осваивая новые площади в «Моздокском, Пятигорском и Ставропольском округах» [*Дон и Степное Предкавказье…*, 1977, с. 164]. Вместе с расширением площадей, занимаемых виноградниками, происходило повышение товарности виноградарских хозяйств области. Главную роль в процессе повышения товарности виноградарских хозяйств сыграл Кавказский корпус, выступавший в качестве потребителя продукции «спиртокурительных заводов», производивших «виноградную водку на манер французской, называемую “Кизляркою”». Продукция винодельческих предприятий была скуплена полностью для нужд военных. Основными производителями вина и крепкого виноградного алкоголя по-прежнему были казаки Гребенского войска, чьи станицы располагались в окрестностях Кизляра. Также можно говорить о том, что к концу 40-х гг. XIX в. в крупных помещичьих хозяйствах Пятигорского уезда Ставропольской губернии насчитывалось восемь виноградников самих помещиков и многочисленные виноградники их крестьян.

Другой отраслью сельскохозяйственного производства в степном Предкавказье, направленной не только на удовлетворение собственных нужд крестьян, но и ориентированной на снабжение российских войск на Кавказе, было хлебопашество. Выращивание зерновых культур было напрямую связано с непосредственным обеспечением продовольствием всех категорий населения — и гражданского, и военного. Губернатор И. В. Якоби в 1777 г. отмечал развитие хлебопашества у казаков и поставках его в кавказские войска России. В целом, приоритетными отраслями сельскохозяйственного производства были отрасли, напрямую связанные с продовольственным обеспе-

чением частей и подразделений ОКК. Это были виноделие, хлебопашество, мясное скотоводство и коневодство. Товарность этих отраслей постоянно повышалась, поскольку в регионе находились те, кто постоянно нуждался в поставках продовольствия — российский воинский контингент на Кавказе. По данным военных исследователей, половина произведенного в 1791 г. хлеба была поставлена в подразделения Кавказского корпуса [Ровинский, 1809, с. 497]. Лидирующее положение по производству хлеба в числе пяти уездов Кавказской губернии (Георгиевского, Ставропольского, Александровского, Моздокского, Кизлярского) занимал Ставропольский[1].

Наличие в регионе постоянного покупателя продовольствия — Отдельного Кавказского корпуса — стимулировало развитие товарного сельского хозяйства. Так, в связи с военно-политической обстановкой на Кавказе первых лет XIX в., в 1803 г. в Моздокском провиантском магазине (в данном контексте «магазин» следует понимать в значении «склад». — *Р. Г.*) должны были находиться запасы сухарей в необходимом количестве для воинских команд, направлявшихся в Грузию. Гражданскими властями области было отдано распоряжение о выдаче государственным крестьянам муки из указанного магазина с целью «перепечь и пересушить» ее в сухари [*Акты…*, т. IV, 1870, с. 922–923]. Наличие на территории Предкавказья запасных хлебных магазинов, выполнявших роль «страховки» на случай неурожая давало возможность поставлять хлеб в войска на постоянной основе, вне зависимости от погодных условий и уровня урожайности в конкретный период времени.

Хлебные магазины создавались не только в селах государственных крестьян, но и в помещичьих имениях. Делалось это с целями создания запасного фонда на случай неурожая и обеспечения непрерывной поставки хлеба в подразделения Кавказского корпуса, выступавшие основным субъектом военно-экономической деятельности в регионе и одним из ведущих субъектов социально-экономического развития территории степного Предкавказья. Хлебные магазины старались создавать в крупных помещичьих хозяйствах, например, в окрестностях Пятигорска, во Владимировке, имении помещика Реброва. Важным моментом, на который обращалось первоочередное внимание, было «мерное устройство» хлебных амбаров, позволявшее легко рассчитать количество запасов[2]. С конца 30-х гг. XIX в. в селах казенных крестьян Предкавказья запасные хлебные магазины были организованы на «третью часть полной пропорции запасов» [*Акты…*, т. VIII, 1881, с. 827]. В итоге они были наполнены хлебными запасами в 32 селах казенных крестьян[3] и вскоре оказались востребованы.

В ходе ведения Кавказской войны Российская империя наращивала контингент российских войск в регионе. В связи с передислокацией на Кавказ 20-й пехотной дивизии командующий войсками Кавказской линии и Черномории П. Х. Граббе дал распоряжение организовать поставку хлеба для новых воинских формирований за счет «сельских магазинов обывателей

[1] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 821, Л. 77, 87, 108, 132, 145, 154–154 об., 184, 189.

[2] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 820. Л. 39–40.

[3] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1787. Л. 10 об., 11 об., 12, 13 об., 14.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Кавказской области». В дальнейшем, по ходу увеличения количества войск на линии, к помощи запасных сельских хлебных магазинов прибегали неоднократно, причем помол зерна, выпечка хлеба и сушка из него сухарей возлагалась на самих государственных крестьян. Поставка хлеба оплачивалась по ценам, определенным провиантским ведомством[4]. Снабжение войск «фуражным продовольствием» осуществлялось аналогично — за счет поставок из запасных магазинов овса и ячменя [*Дон и Степное Предкавказье…*, 1977, с. 126].

Присутствие в регионе войск обеспечивало взаимодействие нескольких субъектов социально-экономических процессов: непосредственных производителей ресурсов, гражданских и военных властей и самих войск — потребителей продовольственных ресурсов. Один из аспектов военно-экономической деятельности Кавказского корпуса — стимулирование спроса и поддержание товарности сельскохозяйственного производства степного Предкавказья.

В то же время, препятствием для развития сельского хозяйства была сложная военно-политическая и эпидемическая обстановка и связанный с ними дефицит рабочей силы, возникший после введения карантинов в период распространения эпидемических заболеваний. Карантинные заставы препятствовали передвижению людей из одних местностей в другие, из-за чего, например, кизлярские виноградники часто лишались работников из числа горцев, нанимаемых для сбора урожая, а цены на наем рабочей силы резко возрастали. Как видим, все субъекты освоения кавказского региона действовали в системной взаимосвязи друг с другом: от успешности действий войск и гражданской администрации зависело экономическое развитие территории, а боеспособность войск зависела во многом от обеспечения продовольствием, поставляемого крестьянами, казаками и помещиками.

Факторами, обусловливавшими специализацию сельскохозяйственного производства различных местностей Кавказской губернии, были природно-климатические особенности, рельеф, обеспеченность водными ресурсами. Ставропольский и Александровский уезды специализировались на земледелии, скотоводстве и добыче соли; Георгиевский — на земледелии и скотоводстве, минеральных водах, шелководстве и торговле; ведущими отраслями Кизлярского уезда были виноделие, торговля и добыча соли, шелководство и коневодство [*Акты…*, т. V, 1873, с. 908–909].

Одним из требований обеспечения боеспособности войск была бесперебойная поставка продовольствия, то есть наличие в регионе войск, выступавших одним из участников экономических процессов, способствовало товарности сельского хозяйства Предкавказья как одной из основных его характеристик. В середине XIX в. военный статистик Н. Н. Забудский указывал, что российские войска на Кавказе треть потребности в муке и крупе удовлетворяют за счет хозяйств Ставропольской губернии [*Военно-статистическое обозрение…*, 1951].

Несмотря на развитие земледелия, многие чиновники, служившие на Кавказе, отмечали «ограниченные» его возможности, так как «обширные степи дозволяют содержать огромное скотоводство, которое доставляет при

[4] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2123. Л. 26 об., 34 об., 35–35 об.

меньшем труде нежели земледелие большую прибыль» [*Акты…*, т. IX, 1866–1904, с. 536]. Наряду с земледелием, важную роль в продовольственном обеспечении Кавказского корпуса играло животноводство. По ряду причин, таких как колебание цен, неурожаи, неразвитая транспортная инфраструктура многие жители отдавали предпочтение не земледелию, а именно скотоводству. Его развитию способствовал, помимо фактора присутствия постоянного покупателя в лице Кавказского корпуса, сравнительно мягкий климат, обширные пастбищные угодья, меньшие по сравнению с хлебопашеством или садоводством трудозатраты. В 1818 г., после ревизии Кавказской губернии сенаторами Д. Б. Мертваго и Б. А. Гермесом, губерния характеризовалась как «хутор России, где плодятся и взращиваются лошади, быки и овцы» [*Акты…*, т. VIII, 1881, с. 788].

Животноводство на территории степного Предкавказья представляло собой развитую отрасль сельского хозяйства. Так, в середине XIX в. Н. Н. Забудский писал о «цветущем состоянии скотоводства в губернии», дешевизна и «изобилие скота» на протяжении всего периода Кавказской войны давали возможность российским войскам на протяжении круглого года употреблять в пищу мясо, не выходя за рамки отведенного бюджета[5]. Следует помнить, что условия ведения боевых действий были крайне тяжелыми и полноценное питание, в том числе мясо в рационе, было одним из неотъемлемых условий сохранения боеспособности войск.

Также следует сказать еще об одном важном направлении военно-экономической деятельности Кавказского корпуса, а именно, об использовании пастбищных угодий степного Предкавказья. Так, батальоны Навагинского пехотного полка заготавливали фураж на территории Пятигорского округа Кавказской области, им для этого выделялись «пастбищные и сенокосные места»; подобным образом сенокосные места были выделены и батальонам Минского пехотного полка. Сено в полки старались заготовить с избытком, аргументируя это тяжестью военной «службы» лошадей, в особенности в артиллерийских частях[6].

Важнейшей отраслью животноводства, непосредственно связанной с обеспечением боеспособности частей и подразделений войск на Кавказе, было коневодство. В условиях боевых действий в войне «лесной и горной» потребность в лошадях всегда была высокой, особенно в кавалерийских и артиллерийских частях.

Лошадей разводили в табунах, почти круглый год они находились под открытым небом, что способствовало выработке у них качеств, столь необходимых в боевых условиях — выносливости и неприхотливости к корму, резвости. В отличие от ряда других отраслей сельскохозяйственного производства степного Предкавказья, ведущую роль в разведении ценных пород лошадей играли крупные помещичьи имения. Одним из таких имений было имение Воронцовых, расположенное в окрестностях Георгиевска. Еще с конца XVIII в. Воронцовы, используя ценнейший ресурс — равнинные луга, занялись коне-

[5] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

[6] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 35. Л. 55–56.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

водством, а в 1792 г. был основан конезавод, который расширился в 1817 г. — периодом, когда Российская империя начинает распространять свою власть в кавказском регионе более активно, чем в предшествующие годы.

Соответственно, с активизацией боевых действий возрос и спрос на лошадей, приспособленных к местным условиям. Пополнение частей и подразделений ОКК лошадьми шло практически постоянно. Так, например, в 40-х гг. XIX в. лошади закупались в Кавказской области Нижегородским драгунским полком в количестве 232[7], Мингрельским егерским полком — 50, Грузинским гренадерским полком — 150, Тифлисским егерским полком — 64[8] и 20-й артиллерийской бригадой — 36[9].

Создание конезаводов на базе крупных помещичьих хозяйств было обусловлено комплексом причин: высокие материальные затраты на начальном этапе, большое количество квалифицированного персонала, необходимого для подготовки лошадей к участию в боевых действиях, обширные луговые угодья. В реалиях кавказского региона исследуемого периода только в крупном помещичьем имении могли быть соблюдены такие условия.

Так, крупный помещик Пятигорского округа Кавказской области князь Бекович-Черкасский был владельцем конезавода, насчитывавшего в начале 40-гг. XIX в. более тысячи лошадей разных пород: персидской, турецкой, английской, кабардинской, чепиловской. Наибольшим спросом в кавалерийских частях и подразделениях ОКК пользовались лошади кабардинской породы. На конезаводах лошадей не просто выращивали, а дрессировали их, готовя для участия в боевых действиях. У лошадей вырабатывали привычку к выстрелам из огнестрельного оружия, маневренность, быстроту и послушность командам — «и дабы во всей прыти всадник мог попасть в цель, сверх сего при пылком с неприятелем сражении по управлению всадником же могла во все стороны делать быстрые и верные извороты, и наконец, в мгновение ока могла лошадь остановиться на желаемое место или избегнуть неминуемой опасности»[10]. Этот пример наглядно показывает, сколь тесно военно-экономическая деятельность ОКК (в данном случае — пополнение частей и подразделений лошадьми) была связана с процессом развития экономики всего степного Предкавказья. Лошади использовались «для кавалерии, для артиллерии и для разъездов, даже для почтовой гоньбы».

Помимо Бековича-Черкасского, постоянными поставщиками лошадей в военные части и подразделения были помещики-конезаводчики Ростованов, Столыпин, Скаржинский, Калатаров[11]. Их конезаводы были расположены в Пятигорском округе, в Ставропольском округе разводили коней для поставки в войска в имениях Мойвалдова и Рослякова.

Таким образом, Отдельный Кавказский корпус, выступая ведущим субъектом военно-экономической деятельности, удовлетворяя свои материальные

[7] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2311. Л. 1.

[8] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2365. Л. 9 об.–11 об.

[9] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2365. Л. 19–22 об.

[10] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2365. Л. 25–27.

[11] ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2365. Л. 28 об., 45 об.–46, 56–57.

потребности, оказал влияние на развитие экономики степного Предкавказья. Первоочередное развитие получили отрасли, связанные со снабжением ОКК — производство зерна, скотоводство, коневодство, виноделие. Однако более того, выполнение ОКК в регионе возложенных на него военно-политических задач позволило пространству степного Предкавказья раскрыть свой социально-экономический потенциал в полной мере.

Список сокращений / Abbreviations

ГАСК — Государственный архив Ставропольского края (Ставрополь) [State Archives of Stavropol Krai (Stavropol)].

ОКК — Отдельный Кавказский корпус [Separate Caucasian Corps].

Список литературы / References

1. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.* Т. IV. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. [*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. IV. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870 (in Russian)].
2. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Т. V. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. [*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. V. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1873 (in Russian)].
3. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Т. VI. Ч. 1. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1874 [*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission.* Vol. VI. Pt. 1. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1874 (in Russian)].
4. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.* Т. VI. Ч. 2. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875 [*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission.* Vol. VI. Pt. 2. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1875 (in Russian)].
5. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Т. VIII. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881 [*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. VIII. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1881 (in Russian)].
6. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Т. IX. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904 [*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. IX. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1866–1904 (in Russian)].
7. *Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]*. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1848–1858. Т. 16. Ч. 1: *Ставропольская губерния*. [По рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Забудский], 1851 [*Military statistical review of the Russian Empire, published by the highest order of the 1st Section of the Department of the General Staff [by the works of the officers of the General Staff*]. St. Petersburg: Tip. Dep. Gen. shtaba, 1848–1858. Vol. 16. Pt. 1: *Stavropol*

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

province. [Based on reconnaissance and materials collected on site, compiled by Zabudsky], 1851 (in Russian)].

9. *Дон и Степное Предкавказье XVIII — первая половина XIX в. Заселение и хозяйство*. Отв. ред. А. П. Пронштейн. Ростов на Дону: Изд. Ростовского университета, 1977 [*Don and the Steppe Ciscaucasia of the 18th — first half of the 19th century. Settlement and economy*. Ed. by A. P. Pronshtein. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1977 (in Russian)].
10. Ровинский И. В. *Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству*. СПб.: Печатано в Имп. типографии, 1809 [Rovinskij I. V. *Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces according to their civil and natural state in relation to agriculture, industry and housekeeping*. St. Petersburg: Pechatano v Imp. tipografii, 1809 (in Russian)].

Информация об авторе

Герман Роман Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент Технологического института сервиса (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» и Ставропольского филиала ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД РФ», оба — г. Ставрополь, Россия; romger@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3158-3638.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 01.07.2024; принята к публикации 08.08.2024; опубликована 30.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Roman E. German — Ph. D. (Hist.), Assistant Professor in the Technological Institute of Service (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Don State Technical University” and in the Stavropol branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, both are in Stavropol, Russia; romger@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3158-3638.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 08.08.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья
УДК 94(47)+92
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567

Исторические науки

Главный аманат Кавказской войны: старший сын имама Шамиля в России

Василий Борисович Каширин[1], Вадим Михайлович Муханов[2]

[1] *Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, vbkashirin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2653-7063*

[2] *Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия, vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.*

Аннотация. В статье строго на документальной основе реконструируется жизнь старшего сына имама Шамиля — Джемал Эддина в России, в центре внимания — период пребывания в кадетских корпусах и русской армии. Выделяются и на архивных документах проверяются основные вехи его жизненного пути и этапы военной службы — от девятилетнего горского мальчика, приехавшего в статусе аманата, и до офицера русской армии. Авторы на материалах РГВИА детально разбирают и ряд делопроизводственных прецедентов, связанных как с появлением Джемал Эддина на русской военной службе, так и с вынужденным уходом с нее.

Ключевые слова: Кавказская война, Шамиль, Россия, Джемал Эддин, аманат, Николай I

Для цитирования: Каширин В. Б., Муханов В. М. Главный аманат Кавказской войны: старший сын имама Шамиля в России. *Ориенталистика*. 2024;7(3):552–567. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Каширин В. Б., Муханов В. М., 2024
© Ориенталистика, 2024

Original article
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567

History studies

The main amanate of the Caucasian War: eldest son of Imam Shamil in Russia

Vasily B. Kashirin[1], Vadim M. Mukhanov[2]

[1] *Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Scienses, Moscow, Russia, vbkashirin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2653-7063*

[2] *Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.*

Abstract. The archive-based research reconstructs the life of Imam Shamil's eldest son, Dzhemal Eddin, in Russia. It is focused on the period of his stay in the cadet corps and the Russian army. The main stages of his life and military service are highlighted and verified. They comprise the period from a 9-year-old mountain boy who arrived as an amanat to an officer in the Russian Imperial Army. The authors using the documents preserved in the Russian State Military Historical Archive provide a detailed analysis of several bureaucratic issues. They shed light upon how Dzhemal Eddin joined and left the Russian military service.

Keywords: Caucasian War, Shamil, Russia, Djemal Eddin, hostage, Nicholas I

For citation: Kashirin V. B., Mukhanov V. M. The main amanate of the Caucasian War: eldest son of Imam Shamil in Russia. *Orientalistica*. 2024;7(3):552–567. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-552-567 (in Russian).

Кавказская война оказала свое влияние не только на судьбы своих главных героев, таких как имам Шамиль, наиб Хаджи-Мурат, но и на членов их семей. Особенно интересно проследить это на примере эпохальной фигуры имама Шамиля, стоявшего во главе Имамата на протяжении четверти века (вплоть до своего пленения в августе 1859 г.). В тот год он вместе со своей многочисленной семьей и прислугой в одночасье превратился в почетного, но пленника. Тем не менее именно судьбы его детей и потомков представляются прекрасной иллюстрацией к российской политике по интеграции горцев, в данном случае — из элитарной группы в российское общество и армию. Очевидно, что наиболее заметный след оставили его сыновья, жизнь которых фактически была разделена на несколько качественно различных периодов (на Северном Кавказе в Имамате, в России после пленения отца, в Российской и Османской империях после его кончины).

Судьбы сыновей великого имама после пленения, длительного пребывания в Центральной России и отъезда в Османскую империю оказались расколотыми: двое сыновей впоследствии покинули Россию и поступили на военную службу к турецкому султану — Гази-Мухаммед и Мухаммед Камиль. Еще один сын — Мухаммед Шефи, наоборот, поступил в Кавказский эскадрон

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Kashirin V. B., Mukhanov V. M., 2024
© Orientalistica, 2024

Императорского конвоя и сделал успешную карьеру на русской военной службе, закончив ее в 1880-е гг. в генеральском чине и с повышенной пенсией.

Наибольшее влияние Кавказская война оказала на судьбу и весь жизненный путь старшего сына — Джемал Эддина. Она предоставила ему шанс проявить себя в чуждой ему среде и незнакомом окружении: он 15 лет провел в Российской империи, пройдя значительный путь от горского мальчика до офицера русской армии. Однако изменившийся ход Кавказкой войны снова заставил его кардинально менять свою жизнь, которая вскоре и закончилась в горах, где он умер в 1858 г., не достигнув даже и 30-летия.

Вокруг невероятной истории жизни Джемал Эддина сложилось большое количество легенд и откровенных выдумок, направленных на некую романтизацию его трагического образа. Мы постараемся строго на документальной основе очистить его биографию, время пребывания в кадетском корпусе и в русской армии от подобных мифов, выделив основные моменты его непростого жизненного пути — от горского аманата до офицера русской армии.

В статье мы пытаемся осветить ряд сложных коллизий в его биографии, выделяем и разбираем несколько делопроизводственных прецедентов, связанных с появлением сына Шамиля на русской военной службе и вынужденным уходом с нее. С этими вопросами нам помогли разобраться, в первую очередь, документы из фондов РГВИА, где сохранился целый пласт разнообразных материалов, относящихся к судьбе Джемал Эддина[1].

* * *

Итак, старший сын Шамиля был рожден его женой Патимат в селении Гимры в июне 1831 г. До 8 лет он вместе с братом Гази-Мухаммедом (род. в 1833 г.) жил с родителями на Северном Кавказе. Но 1839 г. кардинальным образом изменил всю его жизнь: в результате неудачно складывавшегося для имама хода боев за аул Ахульго Шамиль был вынужден пойти на переговоры с командующим русским отрядом генерал-лейтенантом П. Х. Граббе, и выдать своего старшего сына в аманаты (для прекращения военных действий и начала мирных переговоров).

Первый прецедент, сразу показавший особый статус Джемал Эддина, произошел практически сразу после его передачи русской стороне. Он был выдан генералу Граббе в качестве заложника/гарантии выполнения условий, взятых на себя имамом, однако последний через несколько дней после этого сумел с небольшим отрядом прорваться через русское окружение и уйти, продолжив военные действия против Кавказского корпуса. В силу такого поворота событий Джемал Эддин моментально превращался из ценного аманата в пленника.

Заметим, что в назидательных целях было принято решение сурово покарать жителей взятого Ахульго: все взрослые мюриды признавались преступ-

[1] Последние изыскания наших коллег востоковедов привели к интересной и важной находке. Оказалось, что первый ребенок у Шамиля и Патимат, дочери известного лекаря Абдул-Азиза, родился весной 1829 г. под именем Джамал ад-дин Ахмад. Однако он умер во младенчестве, прожив всего 7 месяцев, — в конце октября 1829 г. Поэтому и второго мальчика Шамиль назвал в честь своего наставника — Джемал Эддина Казикумухского [Кемпер, Тагирова, Шихсаидов, 2010, с. 267].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

никами и отправлялись в арестантские батальоны, а все мальчики и юноши младше 20 лет — в Воронежские батальоны военных кантонистов. Согласно сохранившемуся списку, число малолетних товарищей сына имама, взятых при штурме Ахульго и предназначенных для передачи в кантонисты, составляло 40 человек[2]. Таким образом, все пленники из Ахульго направлялись на военную службу, вопрос только, в каком статусе. Отметим, что за Джемал Эддином как статусным пленником — сыном вождя горцев — признали его элитарное происхождение и сохранили право получить военное образование и офицерский чин впоследствии.

Первым шагом, направленным на легитимацию статуса Джемал Эддина в империи, стала фиксация его имени и фамилии, впервые записанных на русском языке. Многие современники передавали его имя как «Джемалэддин» (или «Джамалутдин»), однако во всех официальных документах, сопровождавших его пребывание в 1-м кадетском корпусе, а также в формулярном списке 1849 г. значился кадет, а потом и корнет «Демальдан Шамиль». Таким образом, его имя было записано в довольно необычном, можно сказать, искаженном виде. Возможно, это одна из тех многочисленных писарских ошибок, с которыми приходится сталкиваться любому исследователю отечественной истории. Автоматически мальчик получил и фамилию, причем без чрезмерной русификации, просто имя своего знаменитого отца — «Шамиль», а далеко не «Шамилев» (или любой другой схожий русскоязычный аналог). Важно заметить, что это стало судьбоносным прецедентом, так как эту же фамилию получили и другие дети Шамиля, поселившиеся в России, а главное — ее носят их потомки до сих пор (подробнее см.: [Муханов, 2007, с. 219]).

Николаевская Россия была империей с доведенным до высочайшего уровня бюрократическим делопроизводством, поэтому документы 1-го кадетского корпуса предельно четко фиксировали и происхождение Джемал Эддина, и статус его отца с точки зрения имперских властей. Там он числился «сыном Дагестанского мятежника»[3]. И лишь позднее, с производством его в офицеры, эта формулировка была изменена, точнее смягчена (просто «из горцев»)[4].

Вначале в силу своего возраста сын Шамиля попал в малолетнее отделение 1-го Московского кадетского корпуса, откуда в декабре 1839 г. был переведен в аналогичное заведение в Петербурге — Александровский сиротский кадетский корпус (по причине отсутствия в первом муллы!). В Александровском малолетнем кадетском корпусе сын Шамиля пробыл без малого два года. Там он выучил русский язык и приобрел первые навыки жизни в России и, по сути, уже приобщился к военной службе. Согласно его формулярному списку, 4 октября 1841 г. он был зачислен «воспитанником из горцев» в 1-й кадетский корпус[5]. Это был качественный шаг вверх на пути к офицерскому статусу.

Следует отметить, что Джемал Эддин оказался в одном из самых престижных военно-учебных заведений в Российской империи. Его элитарный

[2] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 638. Л. 1–3.

[3] РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 466. Л. 2.

[4] Там же. Л. 4–4об.

[5] РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 466. Л. 2.

статус подтверждался хотя бы тем, что по непререкаемому правилу сюда принимали лишь детей потомственных дворян, родители которых имели чин не ниже полковника. Об исключительной роли корпуса говорит и тот факт, что 18 июня 1827 г. кадетом в него зачислили наследника-цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II. В Первый кадетский поступали и другие сыновья Николая I: 1837 г. — великий князь Константин Николаевич, 1839 г. — великий князь Николай Николаевич, 1840 г. — великий князь Михаил Николаевич [Антонов, 1906, с. 22, 29–30]. Помимо членов Российского Императорского Дома в стенах корпуса обучались и многие известные военные и государственные деятели. Любопытно, что в одной с Джемал Эддином роте Его Величества в корпусе состояли будущий крупный военный деятель, начальник Главного Штаба, генерал от инфантерии Н. Н. Обручев и сын черногорского князя Никола Негош (его койка стояла рядом с койкой сына Шамиля в отдельной комнате для горцев).

Методика воспитания и сама атмосфера в кадетских корпусах той эпохи была жесткой, если не сказать жестокой. Главным инструментом воспитания по-прежнему оставались розги. Однако, что важно для характеристики пребывания Джемал Эддина в корпусе, кадеты из горцев, согласно правилам, принятым в 1829 г., телесным наказаниям не подвергались.

Привилегированное положение Джемал Эддина было неизменным на всем протяжении пребывания в кадетском корпусе, в частности, он получил право писать письма к отцу, несмотря на разгар Кавказской войны. Всего же кадет Шамиль написал не менее четырех писем отцу, два из которых, написанные до 1845 г., не сохранились (или, по крайней мере, неизвестны исследователям). Два письма — 1845 г. и 1847 г. — отложились в фондах Военно-исторического архива[6], а последнее было даже опубликовано [*Акты…*, т. 10, 1885, с. 468–469]. Дошли ли они до имама, неизвестно (скорее всего, нет, так как не имеется ни одного подтверждения успешной доставки данных писем).

Письма Джемал Эддина заслуживают того, чтобы привести их полностью, без купюр. Первое сохранившее в копии письмо датируется 29 июня 1845 г. и имеет традиционное обращение к Шамилю как привилегированному лицу — «его сиятельству»[7]:

> «Драгоценный мой родитель Шамиль!
>
> После долгой разлуки извещаю вас любезный родитель, что я благодаря Бога жив и здоров; с тех пор как после сражения в 1839 года при Ахулго отправили меня в С. Петербург, и где я, благодаря Творца и Милостивейшего Государя Императора нахожусь в воспитательном заведении Его Императорского Величества Государя Императора. В этом же заведении воспитываются почти все Генеральские дети, со мною здесь очень хорошо обращается Начальство, и ни в чем моего достоинства не унижают. Скажу Вам также милый мой родитель, что все обряды Магометанской веры, я исполняю, как исполнял дома, ибо по приказанию

[6] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 115, 132.

[7] Грамматика и пунктуация писем сохранена.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Милостивейшего Государя Императора нас учит мулла нашей веры. С тех пор, как я с вами разлучился, я писал к Вам с дозволения Начальства два раза; а от вам не получил никакого известия, и потому прошу вас милый мой родитель не придавать меня забвению; я же буду к вам писать как только найду к тому случай, если же вы любезный родитель будете писать ко мне; то, чтобы доходило вернее, для этого адресуйте Господину Штабс-Ротмистру Кази-Магомету Дударову, живущего в Кавказской области в крепость Владикавказ, а он по обещанию доставить письмо мне. Если же вы хотите собственного моего адреса, то адресуйте так: Его Сиятельству Господину Горцу Джемалдину Шамилю, воспитаннику 1-го Кадетского Корпуса в город С. Петербург. Прошу вас любезный мой родитель передать от меня поклон всем моим родственникам и знакомым, и засвидетельствуйте от меня глубочайшее почтение.

Остаюсь истинно любящий вас сын *Джемалдин Шамиль*»[8].

Именно из этого письма мы и узнаем, что он уже писал отцу дважды, но ответа не получал и вообще не знает, дошли ли его послания до имама.

Второе сохранившееся до наших дней письмо сына Шамиля из Петербурга датируется 4 ноября 1847 г. (это единственное письмо, которое опубликовано, правда с небольшими ошибками и пропусками) [*Акты*..., т. 10, 1885, с. 468–469]. Показательно, что по тексту практически невозможно определить адресата и его статус. Тем не менее указанное послание фиксирует отсутствие контактов с родными с 1839 г. Второе послание также интересно, поэтому мы приводим его полностью, без сокращений (базируясь на архивной копии, написанной хорошим писарским почерком):

«Копия с письма воспитанника 1-го Кадетского Корпуса Джемалдин Шамиля к родителю его, от 4 ноября 1847 года.

В продолжении 8-ми лет нашей разлуки, я не имею никакого известия о Вас и о матушке, не знаю к чему приписать Ваше молчание; Неужели Вы забыли того, который ежеминутно вспоминает и молит Всевышнего, о сохранении здоровья Вашего; поверьте любезный батюшка, что молчание Ваше сильно огорчает и беспокоит меня, и даже служит причиною, что я не могу учиться так, как бы следовало, при всех тех средствах, какие я имею по милости Монарха Русского, который печется об нас, как о собственных детях своих. Я воспитываюсь в 1-м Кадетском Корпусе, и представьте себе наше счастие, — дети Государя Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, каждый день, во время лагеря бывают у нас и вместе с нами обучаются фронту, вообще все попечения, какие употребляются при воспитании нашем так велики, что трудно выразить их, все это я пишу от самого чистого сердца, и ежели когда либо приведет Бог обнять Вас, тогда буду иметь случай лично благодарить Вас за то, что отдали меня на воспитание в Россию. В настоящее время я понял, как необходимо и любопытно всякое познание в науках; и ежели б Вы известили

[8] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 115. Л. 2–3.

меня о себе, тогда в сто раз было бы веселее проводить время в полезных и приятных для меня занятиях. Теперь опишу Вам, как я провожу время, каждый день, исключая пятницы и воскресенья, в продолжении 6 часов учусь по-французски, по-немецки, по-русски, и разным другим полезным наукам, танцованию, к которому я очень приохотился, а также и гимнастике; одним словом, я провожу время приятно и с большою для себя пользой. Еще раз умоляю Вас любезнейший батюшка напишите мне, хотя несколько строчек, тогда я буду знать, что Вы не забыли меня и желаете, чтобы я писал к Вам о себе. Прощайте дорогой и неоцененный мой родитель, желаю вам доброго здоровья и всего лучшего в этом мире. Остаюсь всегда послушный и любящий Вас сын Ваш»[9].

Последнее письмо поражает своей взрослой рассудительностью — польза наук, усердное их изучение, а также русского и европейских языков, все это нехарактерно для юноши 16 лет. Заметим, что его успехи в учебе и большая тяга к знаниям не подтверждались оценками.

Несмотря на целый ряд рассказов дагестанских историков и краеведов о блестящих способностях Джемал Эддина и его выдающих успехах в учебе, жажде к чтению новых книг и саморазвитию, документы тех лет упрямо говорят об обратном. Он вышел из корпуса с весьма скромным баллом. Согласно формулярному списку, в 1-м кадетском Джемал Эддин обучался Магометанскому закону, русскому, французскому и немецкому языкам, алгебре, геометрии, ботанике, зоологии, географии, истории, черчению и рисованию[10]. Его общий итоговый выпускной балл по этим 12-ти предметам составил 73 при максимально возможных 144 баллах. Таким образом, по оценкам «за науки» сын Шамиля едва-едва был «троечником», если использовать современную шкалу. За «фронт», т. е. за строевую подготовку, Джемал Эддин набрал всего 6 баллов из 12-ти, а за поведение получил всего 4 балла из 12-ти, что вопиюще низко (никто из кадетов выпуска 1849 года не имел здесь менее 6 баллов)[11]. Это обозначало крайне «посредственное поведение», близкое к дерзости.

Для большинства кадетов такой балл за поведение означал если не отчисление из корпуса, то почти неизбежное получение при выпуске малопрестижного назначения в линейные батальоны или части корпуса внутренней стражи. Однако это никак не относилось к сыну горского вождя. Кадет Джемал Эддин был весьма сообразителен, чтобы понять, что его фактического наследника воюющего с Россией повелителя Восточного Кавказа никто исключать из корпуса и отправлять в батальон кантонистов не будет. Не будем забывать и об отсутствии телесных наказаний для кадетов из горцев.

Все это говорит о том, что Джемал Эддину было нечего бояться и нечего терять, чем он в полной мере и пользовался, что напрямую сказывалось на результатах его учебы. И если низкие баллы «за науки» можно было бы объ-

[9] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 132. Л. 4–4об.

[10] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 2. Л. 319–320.

[11] Там же. Ч. 1. Л. 72–72об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

яснить трудным для горского мальчика постижением незнакомых ранее для него предметов, то его баллы «за фронт» (заметим, при отличном физическом развитии) и поведение прямо говорят об одном — Джемал Эддин явно не старался быть хорошим (с точки зрения корпусного начальства) кадетом.

Для сравнения, лучшим в одном с Джемал Эддином выпуске из корпуса 1849 г. являлся Христофор-Михаил Христофоров сын Рооп 3-й, родившийся 1 мая 1831 г. в семье полковника русской армии католического вероисповедания. Выпускные баллы последнего «за науки» составили 197, а за поведение и за фронт — по 12 баллов; всего — 221 балл. Имя Роопа как лучшего в выпуске было занесено на мраморную доску корпуса[12]. Впоследствии достиг чина полного генерала, участвуя в ряде кампаний русской армии второй половины XIX столетия.

Однако вместе с Джемал Эддином в кадетском корпусе учились и другие молодые северокавказские горцы. В одном с ним выпуске 1849 г. было еще 3 кадета: Аважуко Тулатов, Уруспи Алдатов и Амза Махтиев Карагозов. Их выпускные баллы не сильно отличилась от аналогичных показателей Джемал Эддина: у Тулатова — 52 в науках (из 108), 7 — за поведение; у Алдатова — 75 в науках (из 96), 7 за поведение; у Карагозова — 61 в науках (из 108), 6 за поведение[13] (подчеркнем, что программа обучения каждого кадета разнилась набором учебных предметов, поэтому и высшие итоговые баллы тоже различались!). Главный момент, который обращает на себя внимание, что кадеты-горцы, так же, как и сын Шамиля, явно не отличались в кадетском корпусе высокими способностями к учебе, прилежанием и примерным поведением.

Время выпуска сына Шамиля из Первого кадетского корпуса подоспело в 1849 г., когда русская армия стала готовиться к Венгерской экспедиции. Во многих военно-учебных заведениях империи прошли «усиленные выпуски» (в офицеры производились все кадеты, достигшие определенного возраста или проведшие в корпусах положенное число лет)[14]. Под подобный выпуск попал и кадет Джемал Эддин Шамиль.

По повелению императора Николая I кадеты в 1849 г. выпускались из корпуса офицерами в армейские части, либо в линейные батальоны и части внутренней стражи. Однако кадет Шамиль находился в корпусе на особом положении и в подобное распределение просто не попал. Высочайшим приказом 6 июня 1849 г. Джемал Эддин произведен в чин корнета, с зачислением по армейской кавалерии в Уланский Е. И. В. великого князя Михаила Павловича полк[15] Заметим, что выпуск Шамиля «с особым представлением» в армейскую кавалерию представлял исключение из общепринятых правил[16].

После производства Джемал Эддина в корнеты при составлении первого формулярного списка возник вопрос о том, что записать в его 2-ю графу — о происхождении. Опытные бюрократы из Инспекторского департамента

[12] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 1. Л. 373–375об.

[13] Там же. Ч. 1. Л. 102; Ч. 2. Л. 256–261.

[14] Там же. Ч. 1. Л. 47–47об.

[15] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 1. Л. 310–310об.

[16] Там же. Л. 39–43.

Военного Министерства посчитали, что использовать прежнюю формулировку «сын Дагестанского мятежника» было бы неверно. В соответствующем докладе в Главную Квартиру подчеркивалось: «Как название мятежник не выражает собою происхождения, и даже не имело оно нравственного влияния и на характер молодого человека, не имеющего никакого участия в проступках отца, казалось полезным показывать его по формулярному списку просто из Горцев»[17]. Император признал данное предложение обоснованным, и новоиспеченный корнет Шамиль был записан как происходящий «из Горцев»[18]. Вероятнее всего, Николай I не хотел наделять сына имама, ставшего офицером, никаким особым статусом, который бы слишком выделял его из среды сослуживцев.

То, что Джемал Эддин получил назначение в кавалерию, представляется вполне закономерным и даже естественным. В то время по умолчанию считалось, что этот «род оружия» наиболее подходил для офицеров из «азиятцев», к которым причислялись и кавказские горцы. Показательно, что и другие горцы-товарищи сына Шамиля по выпуску из корпуса были также произведены в корнеты с причислением к разным полкам армейской легкой кавалерии — уланам и гусарам (Уруспи Алдатов — к уланскому Е. И. В. Великой Княжны Екатерины Михайловны полку, Аважука Тулатов — к гусарскому Е. И. В. Герцога Максимилиана Лейхтенбергского полку, Амза Махтиев Карагозов — к гусарскому Наследного Гросс Герцога Саксен-Веймарского полку)[19].

Еще один интересный момент — уланского мундира корнет Шамиль так и не получил. После выпуска из корпуса пришел запрос в штаб главного начальника военно-учебных заведений, в какую офицерскую форму следовало обмундировать корнета Шамиля — в горскую или присвоенную офицеру, состоящему по кавалерии. Его статус оставался уникальным, поэтому вопросы с ним решались только за счет обращений в высшие инстанции. Главный начальник военно-учебных заведений, в свою очередь, обратился к военному министру с тем же вопросом. Такая длинная переписка завершилась простым ответом Николая I. Собственноручная резолюция императора от 1 июля 1849 г., заверенная военным министром графом Чернышевым, лаконично гласила: «Какую сам пожелает»[20].

Джемал Эддин изъявил желание носить в полку горскую форму, а не армейский уланский мундир. В архиве сохранилась даже «Ведомость полному обмундированию Корнета Шамиля из Горцев», дающая представление, как выглядел последний в своей горской форме[21]. Сын Шамиля носил черкеску синего сукна с серебряными газырями и серебряным же галуном, кинжал и шашку.

---

[17] РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 466. Л. 2об.

[18] Там же. Л. 5–5об.

[19] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 1. Л. 223, 249, 271–271об.

[20] Там же. Ч. 1. Л. 324.

[21] Там же. Ч. 2. Л. 24–24об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

После производства в офицеры Шамилю в виде пособия на обзаведение формой и оружием было выплачено из Государственного казначейства жалованье — 71 руб. 66 ½ коп. серебром, и особо 21 руб. 42¾ коп., а также годовой оклад — 215 руб., всего — 308 руб. 9¼ коп. серебром[22]. Иными словами, на ближайшие годы, до получения очередного чина, корнету Шамилю предстояло жить на обычное жалованье в 215 руб. в год. О каких-либо других источниках дохода у Джемал Эддина ничего не известно, и почти наверняка можно сказать, что их просто не было. Не было никаких специальных пенсионов и негласного содержания от казны, которое, кстати, получали впоследствии на регулярной основе его младшие братья (после пленения отца и переезда семьи в Центральную Россию).

Для сравнения особенно подходят вехи карьеры и денежное содержание на русской военной службе Мухаммеда Шефи. Напомним, что последний, согласно просьбе отца, после полутора лет пребывания в России был устроен на военную службу, причем сразу в привилегированное подразделение — Императорский конвой. Официальное зачисление в Лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Е. И. В. конвоя произошло 8 апреля 1861 г. Согласно Высочайшему приказу, корнет Мухаммед Шефи Шамиль был зачислен во 2-й взвод эскадрона (из горцев)[23]. Его подъем по карьерной лестнице пошел быстро: в августе 1864 г. Мухаммед Шефи получает чин поручика, еще через два года — чин штабс-ротмистра. Появились и награды русской армии: в августе 1868 г. «за отлично-усердную службу награжден орденом Св. Анны 3-й ст[24].. В 1870-е гг. сын Шамиля успешно продвигался вверх по «Табели о рангах»: в августе 1871 г. получил чин ротмистра и в том же году принял под командование 3-й взвод (лезгин) Кавказского конвоя, а почти ровно через 5 лет с формулировкой «за отличие по службе» был произведен в полковники[25].

Денежное содержание Мухаммеда Шефи на военной службе можно оценить как привилегированное, особенно по сравнению с его старшим братом Джемал Эддином. Помимо базового офицерского содержания, куда входили непосредственно офицерское жалованье, продовольственные и денщицкие деньги, а также квартирные и добавочные (всего свыше 2 тыс. рублей ежегодно)[26], Мухаммед Шефи получал еще и негласное денежное пособие, как и его старший брат Гази-Мухаммед. В первой половине 1860-х гг. подобные

[22] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5845. Ч. 2. Л. 124–124об, 127, 318–318об.

[23] РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 739. Л. 7–8.

[24] Там же. Д. 1028. Л. 41об.

[25] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 18об.

[26] Согласно послужному списку на 1 января 1870 г., сын Шамиля в чине штабс-ротмистра Конвоя получал следующее содержание:

«Жалованье ..... 691 р. 65 к.
Продов. и деньщ. 584
Квартир. 171
Добавочных ..... 600.

Итого ..... 2046 р. 65 к.» [РГВИА, ф. 970, оп. 1, д. 1028, л. 41].

пособия выделялись из общего пенсиона в 15 тыс. руб, выделенного имаму Шамилю в качестве ежегодной пенсии от российской казны[27]. Мухаммед-Шефи в собственной докладной записке писал: «Отец мой назначил мне из Всемилостивейше пожалованного ему пенсиона, в пособие к отпускаемому мне от казны содержанию, по две тысячи рублей в год, которые я и получил в первый год моей службы. Но на следующий год я получил только 1500 руб., а в 1864 году — 1200 р.»[28]. Подобное пособие выделялось всю первую половину 1860-х гг. С конца 1860-х гг. оно стало выделяться напрямую из казны и перестало быть негласным (ежегодная выплата составляла 600 руб.)[29]. Мухаммед Шефи закончил службу в генеральском чине и вышел в отставку в 1882 г., получив персональную пенсию в размере 6 тыс. руб.[30].

Различия, как ясно видно, значительные: это и начальный этап карьеры в русской армии, и денежное содержание, и получение офицерских чинов. Признаем, что именно Джемал Эддин был первым на этом непростом пути, тем более — в разгар Кавказской войны, когда на другой стороне долгие годы доминировал его отец, поэтому и отношение к нему было особенное, но без больших льгот и преференций, которые получили его братья, приехав в Россию в свите отца, который был уже почетным пленником императора.

Необходимо отметить, что вся служба Джемал Эддина в уланском полку (в период 1849–1854 гг.) прошла практически незамеченной для исследователей, так как не нашла отражение в дошедших до нас источниках, будь то официальные документы Военного ведомства или воспоминания современников. Однако некоторые выводы мы можем сделать, опираясь на статус и место полка в армейской иерархии. Полк, который был выбран для сына Шамиля в военном министерстве, был старым и известным, однако являлся одним из полусотни армейских полков регулярной армии Российской империи. Важно подчеркнуть, что Николай I не посчитал нужным выпускать Джемал Эддина в гвардейскую кавалерию, например, в лейб-гвардии Кавказский горский полуэскадрон Собственного Е. И. В. Конвоя, где, кстати, спустя десятилетие с небольшим оказался его младший брат Мухаммед Шефи (который с легкостью был зачислен корнетом во 2-й горский взвод). Это, на наш взгляд, само по себе красноречиво говорит о том, что в планы императора не входило приобщение Джемал Эддина к высшему свету и столичной жизни и, тем более, воспитание из него деятеля, заточенного под реализацию российской политики на Кавказе и умиротворения региона в дальнейшем. Сыну горского вождя предстояла обычная карьера армейского офицера, вдвойне нелегкая, потому что он не имел в России фамильных связей и протекций. Отдельно отметим отсутствие каких-либо данных о том, что после выпуска из кадетского корпуса Николай I или кто-то из его окружения оказывали молодому корнету Шамилю сколько-нибудь заметное покровительство.

[27] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 42. Л. 2, 4–4об.

[28] Там же. Л. 2.

[29] РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1019. Л. 2; там же. Д. 1054. Л. 5.

[30] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32049. Л. 17.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Логичным итогом первых трех лет службы в полку стало производство Джемал Эддина в следующий офицерский чин — поручика (Высочайший приказ об этом состоялся 19 июля 1852 г.)[31]. Однако подняться на следующие ступени военной карьеры ему было уже не суждено.

Знакомство с реальной историей жизни Джемал Эддина в России позволяет поставить под сомнение легенды и откровенно фантастические версии, периодически повторяемые нашими северокавказскими коллегами, да и не только ими. Якобы царь готовил его к роли крупного кавказского администратора, чуть ли не наместника, что у него было привилегированное положение и большие финансовые ресурсы (регулярно пополняемые из казны), что молодой корнет находился под постоянной опекой царя, который относился к нему чуть ли не как к собственному сыну. Все эти утверждения, которые долгие годы ретранслируются как в статьях и книгах, так и в выступлениях целого ряда современных историков и краеведов, имеют явный характер домысла.

Значительную долю домысла несет и другой сюжет, связанный с Джемал Эддином и относимый к началу 1850-х гг., который часто тиражируется в среде краеведов и авторов популярных изданий — это красивая история его романтических отношений, переросшая якобы даже в помолвку с Елизаветой Олениной, внучкой президента Академии художеств А. Н. Оленина, представительницей одной из лучших дворянских семей Тверской губернии. Напомним, что именно на территории этой губернии и был расквартирован полк сына Шамиля вплоть до начала Крымской войны.

Эта история плотно вошла в жизнеописание Джемал Эддина, однако единственным (заметим, непроверенным) ее источником служит рассказ «Невеста Шамиля». Он был записан П. А. Олениным со слов его тетки баронессы Е. П. Энгельгардт, урожденной Олениной, и опубликован в одном из номеров «Исторического вестника» за 1904 год [Оленин, 1904, с. 1021–1029]. Однако следует сразу подчеркнуть, что львиную долю рассказа, близкого к популярной в то время беллетристике, составляет художественный вымысел (подробнее см.: [Каширин, Муханов, 2010, с. 91–93]). Не вдаваясь в детальный анализ рассказа и всей этой романтической линии (уже проведенный авторами данной статьи), заметим лишь, что история о любви поручика Шамиля и девицы Елизаветы Олениной представляется скорее красивой легендой, практически не подтвержденной источниками той эпохи.

Вероятнее всего, первенца Шамиля ждала судьба обычного туземного офицера, переезжающего из одного захолустного гарнизона в другой и участвующего в тех или иных военных кампаниях империи, как на европейском направлении, так и на азиатском. Трагические события на Кавказе, приведшие к захвату горцами во время набега княгинь Чавчавадзе и Орбелиани с семьями, заставили императора вспомнить о молодом поручике «из горцев» и вновь вернули его на историческую авансцену.

Напомним, что летом 1854 г. крупный отряд горцев под командованием второго сына Шамиля Гази-Мухаммеда совершил набег в Кахетию и разграбил ряд селений и несколько имений Телавского уезда. Жители уезда, по

[31] РГВИА. Ф. 395. Оп. 41. Д. 61. Л. 2.

подсчетам уездного начальника, «лишились убитыми: 81 д. муж. и 14 д. жен.; взятыми в плен: 322 муж. и 349 жен.; сожжено помещичьих домов 10; принадлежащих к ним хозяйственных обзаведений, как то: мараней, мельниц и мякинниц 8; крестьянских домов 283; принадлежащих к ним обзаведений 265; угнано скота 3411 штук; ограблено домашнего имущества на 209 067 р.; наличных денег 16 000 р.» [*Акты*..., т. 10, 1885, с. 566]. Среди прочих владений пострадало и обширное имение Цинандали, являвшееся собственностью подполковника князя Д. А. Чавчавадзе. Имение было разграблено и сожжено, а главное, в плен попала княгиня Анна Чавчавадзе с пятью малолетними детьми, со своей сестрой княгиней Варварой Орбелиани, женой покойного генерала князя Илико Орбелиани, и ее годовалым сыном, пребывавшей вместе с ними молодой княжной Ниной Баратовой, французской гувернанткой Дрансе и прислугой, состоящей из нескольких женщин [*Акты*..., т. 10, 1885, с. 564]. Император обратил на это событие особое внимание, так как обе похищенные княгини являлись «родными внучками последнего Грузинского царя» [*Акты*..., т. 10, 1885, с. 564]. В результате переговоров с Шамилем была достигнута договоренность об обмене похищенных семейств на сына имама Джемал Эддина вместе с суммой в 40 тыс. рублей серебром [*Акты*..., т. 11, 1888, с. 60].

После начала Крымской войны Гренадерский корпус, в составе которого находился и Уланский полк Джемал Эддина, выступил через Москву в направлении польского Седлеца. Предполагалось, что оттуда он будет направлен на Дунай, однако изменившаяся военная обстановка заставила командование в сентябре 1854 г. направить уланскую бригаду 7-й кавалерийской дивизии в Варшаву, а оттуда в октябре того же года — в Ленчицы Калишской губернии, на австрийскую границу [Багратион, 1901, с. 130–131]. Поручик Шамиль находился в походе в рядах своего полка. Неизвестно, где и когда он получил известие о событиях, которые произвели коренную перемену в его жизни, — набеге горского отряда во главе с его братом Гази-Мухаммедом на Кахетию, захвате им знатных грузинских пленниц и предложении имама Шамиля обменять их на своего старшего сына. Единственно, что подтверждается полковой историей, это нахождение поручика Шамиля в своем полку в Ленчицах, когда было принято судьбоносное решение об обмене его на грузинских заложниц [Багратион, 1901, с. 131]. Н. Н. Муравьев, командовавший Гренадерским корпусом до своего назначения наместником на Кавказе, вспоминал, что «Джемал Эддин был ему лично известен и привезен им на Кавказскую линию для передачи, по высочайшему повелению, отцу, взамен пленниц» (т. е. доставил на Кавказ вообще, но, конечно, не на саму процедуру обмена) [Муравьев, 2021, с. 26].

В некоторых работах о Шамиле и его семействе высказываются голословные предположения, что Джемал Эддину была предоставлена возможность самому решить вопрос, возвращаться ли ему в горы к отцу в обмен на грузинских пленниц. Якобы, молодой уланский офицер, руководствуясь благородными побуждениями и соображениями государственной необходимости, принял мучительно трудное и жертвенное решение расстаться с привычным ему укладом жизни, любимой невестой, друзьями — и вернуться к отцу. Однако мы позволим себе усомниться в правдоподобности этой версии, не имеющей

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

подтверждений в источниках. Принципиальное решение о проведении обмена пленных грузинок на Джемал Эддина принял император Николай I, а его воля была абсолютным законом для каждого подданного, не говоря об офицере его армии. Мог ли поручик армейского уланского полка в 1854 г. сказать, что не хочет исполнить желание российского монарха? Ответ представляется очевидным — не мог. Так что, если у Джемал Эддина и спросили формально о его согласии, в действительности он мог самостоятельно решить свою судьбу не более, чем тот девятилетний мальчик, которого один владыка выдал аманатом другому в августе 1839 г. Молодой горец, ставший русским офицером, по жребию родства и помимо своей воли вторично попал в беспощадные жернова Кавказской войны, и его трагическая участь была, по сути, уже решена.

Последний прецедент, связанный с ним и его пребыванием в русской армии, это то, как его исключали или, точнее говоря, выписывали из ее рядов. Поручик Шамиль был отправлен на родину по Высочайшему повелению, сообщенному в отзыве военного министра от 25 ноября 1854 г. за № 17298. Бюрократическая машина военного ведомства работала достаточно медленно, и лишь примерно год спустя возник вопрос о формальном статусе поручика Шамиля в русской армии. В итоге было принято решение исключить Джемал Эддина из списков его полка. 4 января 1856 г. Инспекторский департамент Военного министерства также исключил его из своих списков[32]. В истории службы поручика из горцев Джемал Эддина Шамиля в русской армии была поставлена последняя точка. «Отправлен на основании Высочайшего повеления на родину»[33], — именно так военное ведомство империи официально сформулировало обстоятельства оставления Джемал Эддином русской службы. И эта формулировка косвенно подтверждает, что речь не шла о добровольном выборе самого поручика Шамиля. Российская империя и Кавказская война неволей исторгли Джемал Эддина из его семейного круга и родных мест; неволей и возвращали его обратно в горы.

Показательно, что уже через 5 лет после этого решения в русской армии опять оказался корнет Шамиль, да еще и в Кавказском эскадроне Императорского конвоя. Тем не менее первый пример служения в русской армии показал старший сын великого имама — поручик Джемал Эддин Шамиль.

Список сокращений / Abbreviations

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

Список литературы / References

1. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.* Т. X. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1885 [*Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej* (*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*). Vol. X. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1885 (in Russian)].

[32] РГВИА. Ф. 395. Оп. 48. Д. 1726. Л. 1–1об.

[33] Там же.

2. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.* Vol. XI. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1888 [*Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej* (*Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*). Vol. XI. Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1888 (in Russian)].
3. Антонов А. Н. *Первый кадетский корпус. Краткие исторические сведения*. СПб.: Скоропечатня Рашкова, 1906 [Antonov A. N. *The First Cadet Corps. Brief historical information.* St. Petersburg: Rashkova Printing House, 1906 (in Russian)].
4. Багратион Д. П. *Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича полка.* СПб.: Типо-лит. Ю. А. Римана, 1901 [Bagration D. P. *Historical memoirs of the 38th Vladimir Dragoon Regiment of His Imperial Majesty Grand Duke Mikhail Nikolaevich.* St. Petersburg: Typo-lit. Yu. A. Riman, 1901 (in Russian)].
5. Каширин В. Б., Муханов В. М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля). *Кавказский сборник.* Т. 6(38). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2010. С. 63–115 [Kashirin V. B., Mukhanov V. M. Hostage of two rulers (the fate of the most famous hostage of the Caucasian War, lieutenant Dzhemal Eddin Shamil). *Kavkazskiy sbornik.* Vol. 6(38). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2010, pp. 63–115 (in Russian)].
6. Кемпер М., Тагирова Н. А., Шихсаидов А. Р. Библиотека имама Шамиля в Принстоне. *Дагестан и мусульманский Восток = Daghestan and the Muslim East*. *Сборник статей*. Сост. и отв. ред. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2010 [Kemper M., Tagirova N. A., Shikhsaidov A. R. Imam Shamil Library in Princeton. *Daghestan and the Muslim East.* Collection of articles. Comp. and resp. ed. A. K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov. Moscow: Publ. Marjani's house, 2010 (in Russian and English)].
7. Муравьев-Карский Н. Н. *Война за Кавказом. 1855 год.* М.: Кучково поле, 2021 [Muravyov-Karsky N. N. *War in the Caucasus. 1855.* M.: Kuchkovo pole, 2021 (in Russian)].
8. Муханов В. М. Имам Шамиль и его дети // *Кавказский сборник.* Т. 4(36). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2007. С. 206–227 [Mukhanov V. M. Imam Shamil and his children. *Kavkazskiy sbornik* (*Caucasian collection*). Vol. 4(36). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama, 2007, pp. 206–227 (in Russian)].
9. Оленин П. А. Невеста Шамиля. *Исторический вестник.* 1904. № 12. С. 1021–1029 [Olenin P. A. Shamil's Bride. *Istoricheskiy vestnik* (*Historical bulletin*). 1904. № 12, pp. 1021–1029 (in Russian)].

Информация об авторах

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН; vbkashirin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2653-7063

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН; vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 18.06.2024; принята к публикации 21.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Vasily B. Kashirin — PhD (Hist.), Senior research fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vbkashirin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2653-7063.
Vadim M. Mukhanov — Ph. D (Hist.), head of Sector for the Caucasus, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; vadim_muhanov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7771-8350.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 18.06.2024; accepted for publication 21.06.2024; published 30.09.2024.
The authors have read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья
УДК 94(297.17)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583

Исторические науки

Брат царя на Кавказе: великий князь Михаил Николаевич и его окружение (1862–1881)

Урушадзе Амиран Тариелович

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, aurushadze@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0003-4624-007X

Аннотация. Статья посвящена кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу и его ближайшему окружению. В декабре 1862 г. кавказским наместником стал великий князь Михаил Николаевич, что символически повышало статус южной окраины империи. Дело в том, что в истории Российской империи только две окраины управлялись великими князьями — Царство Польское и Кавказ. Это делает время наместничества Михаила Николаевича на Кавказе актуальным предметом исследования как в связи с поисками оптимальной модели управления южной окраиной, так и в общеимперском историческом контексте. Кроме того, к середине XIX в. значение великих князей в системе управления империи достигает апогея. Сыновья Николая I и братья Александра II занимают ключевые позиции в государстве, контролируют военные ведомства и институты. Изучение особенностей стиля административной работы великого князя Михаила Николаевича показывает общий уровень «великокняжеской» политики. Источниками исследования стали архивные документы из фондов великого князя Михаила Николаевича, его придворной конторы, Кавказского комитета, личного фонда М. Т. Лорис-Меликова. Основной вывод заключается в тезисе о том, что великий князь Михаил Николаевич умело объединил как собственных выдвиженцев, так и опытных чиновников Кавказского края. Вместе с сильными позициями в правительстве это позволило наместнику управлять регионом на протяжении почти двадцати лет и провести масштабные административные и социально-экономические преобразования.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказская война, Кавказский наместник, Российская империя

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Урушадзе А. Т., 2024
© Ориенталистика, 2024

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520, https://rscf.ru/project/23-18-00520/.

Для цитирования: Урушадзе А. Т. Брат царя на Кавказе: великий князь Михаил Николаевич и его окружение (1862–1881). *Ориенталистика*. 2024;7(3):568–583. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583

Brother of the Tsar in the Caucasus: Grand Duke Mikhail Nikolaevich and his Fraction (1862–1881)

Amiran T. Urushadze

European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
aurushadze@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0003-4624-007X

Abstract. The article deals with the Viceroy of Caucasia Grand Duke Mikhail. Nikolaevich of Russia (1832–1909) and his immediate circle. In December 1862, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, the fourth son and seventh child of the Russian Emperor Nicholas I became the Viceroy of Caucasus. This symbolically increased the status of the southern border outskirt of the Russian Empire. The fact is significant because in the Russian Empire, only two outskirts were ruled by grand dukes — the Kingdom of Poland and the Caucasus. This makes the time of Mikhail Nikolaevich's governorship in the Caucasus an important research topic. Additionally, by the middle of the 19th century, the importance of the Grand Dukes in the Empire's governance system reaches its apogee. The sons of Nicholas I and the brothers of the subsequent monarch Alexander II occupy key positions in the state, controlling military departments and institutions. Studying the features of the style of administrative work of Grand Duke Mikhail Nikolaevich shows the general level of the "grand-ducal" policy. The research is based on archival sources from the funds of Grand Duke Mikhail Nikolaevich, his court office, the Caucasian Committee, and the personal fund of M. T. Loris-Melikov. The author comes to the conclusion that Grand Duke Mikhail Nikolaevich skillfully united both his own nominees and experienced officials of the Caucasus region. Together with a strong position in the government, this allowed the governor to rule the region for almost twenty years and carry out large-scale administrative and socio-economic changes.

Keywords: Caucasus, Caucasian War, Caucasian Viceroy, Russian Empire

Acknowledgments: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00520, https://rscf.ru/project/23-18-00520/.

For citation: Urushadze A. T. Brother of the Tsar in the Caucasus: Grand Duke Mikhail Nikolaevich and his Fraction (1862–1881). *Orientalistica*. 2024;7(3):568–583. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583 (in Russian).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Urushadze A. T., 2024
© Orientalistica, 2024

В истории Российской империи лишь две окраины государства управлялись великими князьями (сыновьями/внуками царствующего/царствовавшего монарха) — Польша и Кавказ. Как известно, великие князья Константин Павлович и Константин Николаевич руководили Царством Польским в 1815–1830 гг. и 1862–1863 гг. соответственно, а наместниками Кавказа являлись Михаил Николаевич в 1862–1881 гг. и Николай Николаевич (Младший) в 1915–1917 гг. На фоне остальных Михаил Николаевич показал себя как эффективный и успешный администратор. Константин Павлович и Константин Николаевич оказались не в силах противостоять польским восстаниям, Николай Николаевич (Младший) не успел проявить себя на Кавказе, а после отречения императора Николая I поспешил покинуть регион.

Михаил Николаевич управлял южной окраиной империи дольше всех — почти 19 лет (1862–1881). За это время ему удалось завершить Кавказскую войну в 1864 г., провести многочисленные социально-экономические и административные преобразования [Эсадзе, 1907], реализовать несколько масштабных научных и научно-просветительских проектов [Максимчик, Манышев, 2020; Колосовская, 2023]. Безусловно, успешное наместничество Михаила Николаевича было во многом подготовлено большой военно-политической работой, проведенной на Кавказе его предшественниками М. С. Воронцовым [Лазарян, 2022] и А. И. Барятинским [Муханов, 2007]. И все же регион оставался пространством политической турбулентности, справиться с которой было не самой легкой задачей.

Между тем историографический образ Михаила Николаевича крайне непригляден. В классических работах П. А. Зайончковского Михаил Николаевич предстает человеком пустым и бездарным, совершенно неспособным к какой-либо положительной государственной деятельности [Зайончковский, 1973; Зайончковский, 1978]. Вероятно, оценки деятельности и политических способностей великого князя нуждаются в уточнении критерия. Сравнения с выдающимися государственными деятелями империи (Д. А. Милютиным, С. Ю. Витте, П. А. Столыпиным) будут явно не в его пользу, но, как уже отмечалось, на фоне других великих князей-администраторов заслуги на этом поприще Михаила Николаевича выглядят в целом позитивно. Однако эта статья не является попыткой исторической реабилитации личности великого князя. Цель ее — показать изменения, которые произошли на Кавказе в репрезентациях имперской власти с приездом Михаила Николаевича, а также реконструировать ближний круг великого князя-наместника в контексте политической повседневности. Эти вопросы связаны с процессом приобретения Кавказом особой политической субъектности в административной и символической структуре империи Романовых.

Формирование политической субъектности Кавказа связано с учреждением наместничества в 1844–1846 гг. и получением наместником широчайших должностных прав и привилегий. Кавказ с этого времени сделался не только далекой и воюющей окраиной, но и особой территорией, находившейся вне регулярного бюрократического контроля. Эта автономность региона соотносилась с его сложностью, разнообразием и отсутствием у столичных бюрократов ясных представлений о местных условиях. Назначение наместником великого князя

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Михаила Николаевича закрепляло и усиливало символическую независимость Кавказа, его политическую субъектность как особой территории[1].

* * *

К середине XIX в. влияние великих князей на различные отрасли управления империей достигло высшей точки. В воспоминаниях великого князя Александра Михайловича есть показательные рассуждения: «Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич (Старший), артиллерией, которая была в ведении моего отца (великого князя Михаила Николаевича. — *А. У.*), и военным флотом, во главе которого стоял мой другой дядя — великий князь Константин Николаевич» [Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 18].

Сыновья императора Николая I, как и их отец, лично интересовались особенностями организации государственного управления и путями совершенствования ключевых военно-политических институтов империи. Не обходили вниманием великие князья и Кавказ. Константин Николаевич в 1851–1853 гг. вел активную переписку с первым кавказским наместником М. С. Воронцовым о военных событиях и административных преобразованиях в крае. Воронцов присылал великому князю отчеты об управлении регионом, обстоятельно отвечал на уточняющие вопросы, отправлял уставы образовательных и благотворительных институтов[2]. Кроме того, по просьбе Константина Николаевича для него был составлен специальный библиографический список «Обозрение источников для познания Кавказа». Этой работой в течении нескольких месяцев занимался писатель и ученый В. А. Соллогуб, являвшийся, в том числе редактором «Записок Кавказского отдела Русского географического общества». Активность переписки и глубокий интерес Константина Николаевича к делам на Кавказе порой заставляет подозревать великого князя в намерении занять место уже пожилого Воронцова.

В одном из писем Константин Николаевич выражает желание приехать на Кавказ, при этом не жалеет пафоса: «Одна из любимейших моих надежд есть надежда совершить со временем путешествие по Кавказу. Весьма желал бы я исполнить это предприятие под вашим руководством и пользуясь вашими советами»[3]. Великий князь планировал такое путешествие после прочтения книг из кавказоведческого библиографического списка. Однако Крымская война помешала реализации «любимейшей надежды» Константина Николаевича.

«Вместо одного великого князя на Кавказ осенью 1858 г. приехали сразу два — великие князья Николай Николаевич (старший) и будущий кавказский наместник Михаил Николаевич. 1 сентября 1858 г. великие князья прибыли на пароходе в Поти, откуда проехали по всему Закавказью с запада на восток до

[1] В структуре Российской империи были и другие модели политической субъектности окраин. Польша и Финляндия маркировались как Европа, и это придавало им особый символический и политический статус [Болтунова, 2022, с. 381–403].

[2] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430. Л. 1–40.

[3] Там же. Л. 8–9.

Баку, где сев на пароход отправились в Дербент, а затем пересекли Северный Кавказ в обратном направлении до Анапы, из которой отплыли на пароходе в Керчь»[4]. Маршрут следования позволил великим князьям проехать по всему региону. Вкупе со сведениями, которые Михаил Николаевич мог получить от старшего брата Константина Николаевича о Кавказе, можно считать, что будущий кавказский наместник был основательно знаком с краем, которым в скором времени ему предстояло управлять.

Должность наместника на Кавказе рассматривалась как престижная и представляющая множество возможностей. Наместники пользовались почти безграничным личным доверием императоров. Это место соотносилось с управленческой независимостью в административном смысле и командованием Кавказской армией — одной из самых боеспособных в империи. В переписке с А. И. Барятинским великий князь Константин Николаевич отметил: «Вы, князь, управляете как наместник государя целым царством»[5]. Великий князь Михаил Николаевич сразу после своего назначения на Кавказ, которое состоялось 6 декабря 1862 г., писал уходящему в отставку Барятинскому: «Назначение мое наместником кавказским и командующим Кавказской армией для меня весьма лестно как выражение доверия государя и потому еще, что получаю в командование первую армию в мире!» [Муханов, 2007, с 337].

Михаил Николаевич получил в декабре 1862 г. своеобразное политическое завещание от своего предшественника. Барятинский отмечал, что ключевой задачей в деле полноценной интеграции Кавказа в пространство Российской империи является «перерождение нравов» местного населения [Муханов, 2007, с. 338–339]. Реализация этой задачи, по мнению Барятинского, была возможна только через новое образование и воспитание женщин: «Женщина, по влиянию своему на семейство как на хранилище народных нравов и обычаев, действует одинаково на привычки дитяти, возмужалого и старца, а потому ей одной и можно изменять к лучшему домашние обычаи, в которых заключается первое условие усовершенствования» [Муханов, 2007, с. 337]. Кроме необходимости развития на Кавказе институтов женского образования, Барятинский отмечал значение казачьей колонизации края, прокладывания надежных путей сообщения, а также ограничения влияния мусульманского духовенства на общественную жизнь региона.

Вероятно, Михаил Николаевич с большим вниманием изучил рекомендации Барятинского. Об этом можно судить по записке с заглавием «Разные мои мысли, соображения и откровения», в которой великий князь отметил несколько тезисов на память[6]. «Желательно, чтобы казачьи линии со временем были на персидской и турецкой границах», — в годы наместничества на Кавказе Михаила Николаевича появилось несколько проектов переноса казачьих поселений с Дона и Терека на Аракс и образования Закавказского линейного казачьего войска. Однако уже переселение казаков Азовского войска из Северо-Восточного Приазовья на Кубань в 1863 г. прошло не без трудностей

[4] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

[5] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 440. Л. 19–20.

[6] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

и конфликтов казаков с кавказской администрацией[7]. Впоследствии от более масштабных планов трансфера казачьих поселений отказались. Следующая запись: «Св. Нина для образования хороших хозяек». Женское благотворительное общество Св. Нины было учреждено в декабре 1846 г. Целью общества было открытие сначала в Тифлисе, а затем и в других городах Кавказского края учебных заведений для «образования девиц бедных родителей»[8]. Учебные заведения Св. Нины должны были готовить девушек к семейной жизни, они должны были стать «добрыми женами и хорошими матерями»[9]. В 1863 г. председательницей общества Св. Нины стала жена Михаила Николаевича великая княгиня Ольга Федоровна, а покровительницей — императрица Мария Александровна.

Таким образом, великий князь Михаил Николаевич отправлялся на Кавказ довольно подготовленным: путевые впечатления 1858 г. дополнялись наставлениями опытного Барятинского и сведениями, которые новый наместник мог получить от старшего брата, великого князя Константина Николаевича. Вместе с Михаилом Николаевичем в Тифлис отправлялся его великокняжеский двор, переезд которого стал крупной финансово-логистической операцией. Здесь необходимо отметить, что финансовая автономность кавказских наместников и фактическая бесконтрольность расходования средств на южной окраине сильно раздражали Министерство финансов. Именно главы финансового ведомства были наиболее последовательными противниками административного всевластия наместников. В декабре 1862 г. министром финансов был назначен М. Х. Рейтерн, сторонник централизации финансовой системы, противник всех форм финансовой автономии окраин и роста военных расходов [Белых, 2021]. Назначение на Кавказ великого князя Михаила Николаевича неизбежно повлекло два политических следствия: 1) сохранение значительной финансовой автономии края; 2) рост расходов на содержание великого князя-наместника. Это, в свою очередь, предопределило служебно-иерархические конфликты Министерства финансов и нового кавказского наместника.

На переезд в Тифлис весной 1863 г. Михаила Николаевича с семейством и свитой государственным казначейством было отпущено 85 753 рубля[10]. Годовое жалованье министра империи в середине XIX в. составляло в среднем 12 тыс. руб. Таким образом, переезд Михаила Николаевича был примерно равен сумме, на которую можно было целый год содержать почти всех министров российского правительства. Сопровождавшим великого князя на Кавказ было выдано годовое жалованье «на подъем», всего 12 человек: гофмейстер, два доктора, камердинер, несколько чиновников и священник[11]. Кроме людей великокняжеского двора перевозились вещи и животные: 445 мест багажа,

[7] ГАРО, Ф. 301, Оп. 13, Д. 161. Л. 1–2.

[8] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 624.

[9] Там же. Л. 656.

[10] РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 556. Л. 6.

[11] Там же. Л. 4.

18 экипажей, 11 лошадей, 14 собак[12]. Двор Михаила Николаевича двигался сначала поездом из Петербурга в Москву, затем перемещался в Нижний Новгород, а далее по Оке и Волге на пароходе «Державин» в Астрахань. Здесь люди и вещи погружались на винтовую шхуну, которая доставила все и всех в Баку. Наиболее тяжелым отрезком этого большого переезда была дорога из Баку в Тифлис. Некоторые пассажиры и животные заболели в пути.

16 апреля 1863 г., когда багаж и большая часть людей великокняжеского двора только высадились в Баку, кавказский наместник Михаил Николаевич торжественно въезжал в Тифлис. На границе Тифлисской губернии Михаила Николаевича и его супругу Ольгу Федоровну встретила губернская администрация и конвой [*Кавказ*[13], 1863, № 29 (18 апреля), с. 177]. У ворот города великого князя-наместника встречали тифлисский генерал-губернатор Г. Д. Орбелиани, уездный предводитель дворянства, князья и дворяне, полицмейстер с конвоем из почетных горожан. Вдоль пути следования процессии выстроились тифлисские цеховые объединения ремесленников — амкары. Под звуки музыки и в сопровождении многочисленной городской публики великий князь-наместник прошествовал к главному православному храму Тифлиса — Сионскому собору. Здесь Михаила Николаевича встречали генералы и офицеры Кавказской армии и чиновники региональной администрации с женами. У входа в Сионский собор наместника приветствовал экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский Евсевий (А. А. Ильинский) с православным духовенством. После религиозных церемоний Михаил Николаевич и Ольга Федоровна отправились в дом наместника, где их также встречали, на этот раз городской голова и почетные горожане «с хлебом и солью». Городской голова отдельно обратился с приветственной речью к Ольге Федоровне. Торжественный въезд великого князя-наместника в город сопровождался пушечными залпами орудий Метехского замка и колокольным звоном.

В описанной церемонии торжественного въезда нового наместника в Тифлис отчетливо заметен эклектизм этого сценария репрезентации власти. В классической работе Р. Уортмана отмечается, что если официальные церемонии времен Николая I демонстрировали единство монарха и имперской элиты (военно-служилой корпорации), то сценарии власти Александра II дополнялись проявлениями народных любви и обожания. Последние тенденции получили развитие в царствование Александра III, когда особое значение приобрели религиозные церемонии, подчеркивающие национальную роль православия, с одной стороны, и духовную связь между царем и народом — с другой [Уортман, 2004, с. 23–25]. Появление великого князя Михаила Николаевича в Тифлисе сопровождалось основными элементами различных сценариев власти. Михаил Николаевич въезжал в Тифлис как военный вождь и глава администрации, что подчеркивалось масштабным участием во встрече нового наместника армейских соединений и их командиров. Это было оправдано, учитывая продолжавшуюся Кавказскую войну, в которой новый

[12] РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 556. Л. 24–26.

[13] Официальная газета в Кавказском регионе Российской Империи. Выходила с 1846 по 1917 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

наместник должен был поставить победную точку. Присутствие высокопоставленных чиновников могло символизировать исключительный автономный статус южной окраины в государственной системе империи. Грузинский экзарх Евсевий получил в церемонии важнейшую роль распорядителя главного действия во всей церемонии — благодарственного молебна, после которого великий князь-наместник принял от архиепископа иконы, целовал крест и поклонился святыням Сионского собора. Одновременные колокольный звон и пушечные залпы примиряли европейский и национальный мифы империи, объединяя их в своеобразное имперское многоголосие в разноязыком и полиэтничном Тифлисе. Наконец, амкары, вероятно, отвечали в этом гибридном сценарии за проявление народной любви, что подтверждало законность власти Романовых на Кавказе.

Следующий день, 17 апреля 1863 г., также стал для жителей Тифлиса праздничным. Город отмечал день рождения императора Александра II, и присутствие царского брата, несомненно, увеличило масштаб праздника и интенсивность выражения верноподданнических чувств. В центре Тифлиса — на Гунибской площади, названной в честь победы над Шамилем, состоялся большой развод войск городского гарнизона под аккомпанемент 101 выстрела орудий Метехского замка. Как сообщала газета «Кавказ», «вечером город был иллюминован, и проявление народного восторга, как и накануне, не прекращалось до поздней ночи» [*Кавказ*, 1863, № 29 (18 апреля), с. 177].

Михаил Николаевич умело использовал свой статус для соответствующей репрезентации как полновластного правителя Кавказа. Он почти всегда был окружен большой свитой, проявлял царскую щедрость в отношении как близких, так и малознакомых людей, выступал в символической роли отца семейства. Такой репутации способствовало множество детей в великокняжеской семье. В Тифлис приехали трое детей Михаила Николаевича и Ольги Федоровны — Николай, Анастасия и Михаил. На Кавказе родились еще четверо сыновей — Георгий, Александр (Сандро), Сергей и Алексей.

О повышении статуса Кавказа с приездом великого князя-наместника свидетельствовали новации в организации быта наместника. Уже в конце 1863 г. начинается масштабная реконструкция дома кавказского наместника: ремонтируются внутренние помещения и фасад здания, сооружается большая пристройка с южной стороны дома[14]. При этом работы производились за счет Главного инженерного управления, на содержании которого числился дом наместника и главнокомандующего Кавказской армией. Модернизировалась и окружающая дом наместника инфраструктура, в том числе сад, который превратился в предмет особой гордости Михаила Николаевича. Расходы на содержание всего домашнего хозяйства росли каждый год и новые финансовые запросы со стороны придворной конторы великого князя порой наталкивались на сопротивление чиновников. В январе 1866 г. начальник Департамента государственных имуществ Главного управления кавказского наместника Ю. Ф. Витте (отец известного реформатора) не нашел средств во вверенном ему департаменте для очередного увеличения расходов на содержание сада

[14] РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 707а. Л. 17.

наместника[15]. Гофмейстеру двора Михаила Николаевича и начальнику его придворной конторы А. Ф. Гроту пришлось искать другие источники финансирования садовых усовершенствований.

Михаил Николаевич рассчитывал вскоре переехать из обновленного дома кавказского наместника во дворец. В 1863–1864 гг. состоялся конкурс проектов дворца наместника. Победил проект архитектора О. И. Симонсона, но даже минимальная смета расходов на постройку дворца насчитывала более полумиллиона рублей[16]. Эта сумма была признана неподъемной, и Симонсон продолжил реконструкцию старого дома наместника, которая продолжалась до весны 1869 г.

Наместник вместе с семьей проводил летние месяцы в двух новых резиденциях — Белом Ключе (неподалеку от Тифлиса) и Боржоми. В создании летних резиденций наместника принимали участие известные мастера — художник Л. Ф. Лагорио и архитектор В. Е. Швейер. Все постоянные и временные сотрудники Михаила Николаевича заработали на Кавказе солидные суммы. Так, Лагорио и Швейер в дополнение к усиленным окладам получили двойные прогоны, что в сумме значительно превышало их жалованье в Императорской академии художеств[17].

Демонстрация богатства и роскоши являлась важным атрибутом сценария власти кавказских наместников, но в годы управления краем Михаила Николаевича она достигла особых размахов, что подчеркивало статус великого князя-наместника. Как отмечал начальник Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи, «не следует забывать, что в стране, населенной азиатскими племенами, наружная обстановка представителя верховной власти имеет большое значение» [Правилова, 2006, с. 122].

Кроме усиленного жалованья и двойных прогонов военные и чиновники из окружения Михаила Николаевича получили после приезда в Тифлис крупные суммы на «обзаведение»[18]. Больше всех получил адъютант и фаворит великого князя капитан А. П. Свистунов (300 руб.). Другому «старому» адъютанту наместника, полковнику князю С. Н. Трубецкому, было назначено всего 250 руб..[19] Именно Свистунов, офицер, входивший в ближний круг великого князя-наместника, сделал самую успешную карьеру на Кавказе. Уже через год после начала службы в Тифлисе он был произведен в полковники; 8 октября 1864 г. — назначен начальником штаба Терской области, 13 августа 1866 г. — помощником начальника Терской области, 10 октября 1867 г. — начальником штаба Кавказского военного округа.

Михаил Николаевич опирался не только на собственных выдвиженцев, но и на «старых кавказцев» — военных и чиновников, которые долгие годы служили в регионе и обладали необходимым административным опытом. В области гражданского управления краем великий князь во многом полагался на

[15] РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 707а. Л. 33–34.

[16] Там же. Д. 717. Л. 25–26.

[17] Там же. Д. 714. Л. 1–2.

[18] Там же. Д. 556. Л. 36–37.

[19] Там же. Л. 36.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

уже упомянутого А. П. Николаи. Опытный Николаи руководил крестьянской и судебной реформами на Кавказе в 1864–1870 гг. Необходимо отметить, что проведение масштабных социально-экономических преобразований в крае закономерно привело к значительному увеличению количества чиновников. Только число чиновников, имевших право быть представленными к высочайшим наградам, увеличилось с 1895 г. до 2799 человек[20]. Кавказские наместники по традиции, заложенной еще М. С. Воронцовым, были щедры на награды чиновникам. Однако в империи действовали строго определенные нормы количества ежегодных представлений к наградам. В середине XIX в. высшая норма представлений для министерств и управлений составляла 1 награду на 43 чиновника. Для Восточной Сибири и Царства Польского норма составляла 1 награду на 25 чиновников. Великий князь Михаил Николаевич просил увеличить наградную норму для Кавказского края до «рекордного» значения — 1 награда на 22 чиновника[21]. Кавказский комитет счел возможным установить для южной окраины «восточносибирскую» норму — 1 награда на 25 чиновников. Но Александр II не утвердил решение Кавказского комитета и поручил рассмотреть дело повторно в Комитете министров, где посчитали, «что применение к Кавказскому и Закавказскому краю принятой для Восточной Сибири нормы 1 награды на 25 чиновников предоставило бы слишком большие преимущества для служащих в сем краю лиц, и потому полагал достаточным ограничить число ежегодных наград для Кавказского и Закавказского края 100 наградами по правилам, что будет соответствовать 1 награде на 32 чиновника»[22]. Это решение Комитета министров было утверждено императором 11 октября 1868 г.

Однако, «война за награды» на этом не закончилась. Спустя год Михаил Николаевич вновь обратился в Кавказский комитет с ходатайством об увеличении числа наград для чиновников Кавказского края. Великий князь указывал, что в общем количестве чиновников региона не были учтены сотрудники Главного управления кавказского наместника и чиновники для особых поручений, состоящие при наместнике, общее число которых достигало двух сотен. Дело было вновь передано в Комитет министров, где на этот раз согласились с доводами кавказского наместника: наградная норма была увеличена до «западносибирского» стандарта — 1 награда на 30 чиновников ежегодно[23]. Кроме того, великому князю удалось добиться внесения в смету регионального гражданского управления сумму в 14 тыс. руб. для денежного награждения отличившихся чиновников. Министр финансов Рейтерн согласился на дополнительные расходы, но с условием, «чтобы не были уже испрашиваемы особые высочайшие повеления на выдачу в награды еще каких-либо дополнительных сумм»[24].

[20] РГИА. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 110. Л. 5.

[21] Там же. Л. 9.

[22] РГИА. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 110. Л. 14.

[23] Там же. Л. 32.

[24] Там же. Л. 33.

Выгодные условия службы на Кавказе привлекали в регион способных чиновников, без которых решение генеральной задачи правительственной политики — «слияние окраины с остальной империей» — было невозможным.

Михаил Николаевич дорожил опытными и проверенными кадрами, о чем свидетельствует история его взаимоотношений с начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым, к которому великий князь-наместник относился с искренней симпатией [Кузьминов, 2009]. Лорис-Меликов успешно управлял Терской областью до 1875 г., когда попросил отставки с этой должности. Биографы Лорис-Меликова указывали на некие разногласия между ним и великим князем-наместником [Итенберг, Твардовская, 2004, с. 29]. Однако подробности этих разногласий остаются неизвестны. Место начальника Терской области занял любимец великого князя Свистунов, ранее служивший под непосредственным начальством Лорис-Меликова.

Возможно, что именно Свистунов осложнял отношения Лорис-Меликова и великого князя. Такое предположение оправдано некоторыми сведениями из переписки Михаила Николаевича и Лорис-Меликова. В письме от 31 января 1865 г. великий князь-наместник просил Лорис-Меликова не верить слухам: «Решительно не понимаю из чего ты мог заключить, что я теряю к тебе доверие, и если в разговоре с полковником Свистуновым я что-либо сказал, что могло тебя огорчить, то прошу о том у тебя прощения»[25]. Как уже было отмечено, Михаил Николаевич дорожил Лорис-Меликовым и поэтому вслед за извинениями давал обещания: «Обещаю тебе раз и навсегда, во избежание подобных случаев, что если когда-либо я был бы тобою недоволен или не одобрил бы твоих распоряжений, то об этом я тотчас же скажу тебе; покуда же я этого не сделаю, то не сомневайся в моем доверии, не давай ходу своей мнительности и не верь всяким нелепым толкам и выдумкам. Убежден, что ты будешь продолжать с той же пользой управлять областью, как ты это исполняешь уже два года!»[26]. Из приведенных фрагментов письма вполне очевидно, что Свистунов, основываясь на некотором поспешном высказывании Михаила Николаевича, публично распространил слухи о недовольстве наместника действиями начальника Терской области. Но этот эпизод, видимо, был довольно быстро исчерпан, причем важную примирительную роль сыграл начальник Главного штаба Кавказской армии А. П. Карцов, который до назначения на Кавказ являлся одним из преподавателей великого князя Михаила Николаевича. В докладе наместнику Карцов подчеркнул заслуги Лорис-Меликова как самого талантливого администратора на Кавказе, а в личном письме к начальнику Терской области заверил его в неизменно дружеском отношении со стороны Михаила Николаевича. «Письмо ваше так полно доказательствами чистосердечного ко мне расположения, что служит лучшим для меня указанием не допускать никаких в этом отношении сомнений на будущее время», — писал Лорис-Меликов в ответном послании Карцову[27]. Судя по переписке с Карцовым, Лорис-Меликов не пытался навредить Свистунову:

[25] РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.

[26] Там же.

[27] РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 120. Л. 9.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

«Убедительно прошу вас сохранить к нему (А. П. Свистунову. — *А. У.*) все то расположение, которым он пользовался прежде»[28].

Несмотря на «фактор Свистунова», отношения Лорис-Меликова и великого князя оставались доверительными. Михаил Николаевич интересовался мнением Лорис-Меликова о причинах восстания в Абхазии 1866 г. и в личной переписке отмечал распорядительность начальника Терской области. Письмо Лорис-Меликова великому князю-наместнику от 25 февраля 1875 г. с просьбой об отставке содержит подробное объяснение ее причин. Во-первых, Лорис-Меликов ссылался на подорванное здоровье и «сырой и суровый климат Владикавказа»[29]. Во-вторых, начальник Терской области признавался в расстроенном состоянии личных финансовых дел. Находясь на службе во Владикавказе, Лорис-Меликов не имел возможности управлять закавказскими имениями, что привело их в упадок. В заключении письма Лорис-Меликов просил назначения ему содержания, без которого он не мог рассчитывать на лечение и «безбедное существование семьи»[30]. Михаилу Николаевичу удалось убедить императора в необходимости сохранения за Лорис-Меликовым содержания в полном объеме[31].

Еще одним ключевым сотрудником администрации великого князя-наместника являлся генерал П. П. Павлов, карьера которого при постоянном покровительстве Михаила Николаевича развивалась успешно. По примечательному совпадению Павлов часто оказывался рядом со Свистуновым и Лорис-Меликовым. В 1863 г. Павлова назначили директором канцелярии начальника Терской области; в 1868 г. он занял место помощника начальника штаба Кавказского военного округа, то есть стал заместителем Свистунова. После перехода Свистунова на должность начальника Терской области, освободилось место начальника штаба Кавказского военного округа, которое досталось Павлову.

В апреле 1881 г. Павлов принимал участие в совещании, которое должно было определить модель управления Кавказом после ухода Михаила Николаевича с поста наместника [Волхонский, 2018, с. 178–179]. Павлов, как и другие ближайшие сотрудники Михаила Николаевича, являлся решительным сторонником сохранения сильной единоличной власти в руках высшего военно-политического начальника Кавказского края. Как отмечал еще один близкий к Михаилу Николаевичу генерал-«кавказец» Л. И. Меликов, «в таком крае, до изменения условий, нужна власть сильная, власть, не только останавливающая всевозможные правонарушения, но и непосредственно руководящая и указывающая способы действий»[32]. Однако император Александр III не смог найти подходящую фигуру для сохранения должности кавказского наместника. В итоге наместничество было упразднено, а административные права и привилегии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе,

[28] РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 120. Л. 9.

[29] Там же. Д. 127. Л. 11.

[30] РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 127. Л. 12.

[31] Там же. Л. 13.

[32] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 321. Л. 6.

которым был назначен князь А. М. Дондуков-Корсаков, существенно урезали, почти сравняв с остальными генерал-губернаторами [Волхонский, 2018, с. 189].

В письмах к Михаилу Николаевичу генерал Павлов выражал недовольство деятельностью главноначальствующего и сокращением автономии тифлисской администрации: «Дондуков не имеет ясного и точного направления… До настоящего времени, конечно, очень трудно было бы сказать что-либо противу него серьезное, но одно что видно, что он не сумел с достаточной самостоятельностью поставить себя ни в отношении военного министра, ни в отношении гражданских министерств, и что первый успел помимо его соглашения добиться права таких распоряжений на Кавказе, неудобство которых князь Дондуков скоро почувствует и уже не поправит»[33]. Осенью 1882 г. Павлов решил покинуть Кавказ, так как не смог вписаться в новую административную систему и соответствовать управленческому стилю Дондукова-Корсакова. «Я оставляю Тифлис и Кавказ с тем, чтобы не возвращаться более, по крайне мере в тех условиях, какие слагаются для будущего Кавказа из наступившей для него теперь эры, характеризовать которую будут впоследствии те, кто обречен будет судьбою выносить ее последствия. Теперь же только горькое и безотрадное чувство скорби за этот край — да и за всю отчизну, не могущею дать из среды своей государственных людей, чиновника, способного стать правителем части страны — наполняет душу, смотря на все совершающееся, на эти руки, взявшиеся за руль с тем же легким сердцем и беззаботной развязностью, с какою когда-то брались за повод и нагайку для веселой джигитовки. Не могу я по совести прикладывать к этой недостойной игре руки своей и, несмотря на всю тяжесть своего малообеспеченного положения, предпочитаю оставаться без всякой должности, чем продолжать присутствовать при этой управительной оргии», — горько откровенничал Павлов в письме великому князю от 22 сентября 1882 г.[34]

Как и Лорис-Меликов, генерал Павлов не имел большого состояния, поэтому оставление службы грозило бедностью. В письме от 2 октября 1882 г. Павлов прямо просит великого князя о покровительстве: «Вы изволили уже столько сделать для меня, что всякая просьба моя была бы злоупотреблением вашим вниманием. Теперь я рассчитываю провести несколько месяцев в полном покое, которого требует и мое физическое, и мое нравственное состояние. Если в течении них Военное министерство не сочтет возможным сделать мне предложение, которое бы я мог принять и к которому сознавал бы себя имеющим право и способности к выполнению, то тогда я осмеливаюсь просить ваше высочество разрешить мне повергнуть судьбу мою на ваше усмотрение. Я чересчур высоко ценю каждое обо мне слово вашего высочества, для того чтобы просить его тогда, когда я не поставлен еще в совершенно безвыходное положение»[35].

Посткавказские карьеры любимцев великого князя-наместника — Павлова и Свистунова сложились удачно, оба командовали армейскими кор-

[33] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1, Д. 385. Л. 13–14.

[34] Там же. Л. 27–28.

[35] Там же. Л. 37–38.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

пусами. Свистунов был вынужден выйти в отставку в 1892 г. из-за скандальной драки с генералом Н. А. Ризенкампфом. Павлов с 1894 г. входил в состав Военного совета, а в 1902 г. стал членом Государственного совета, который в 1881–1905 гг. возглавлял его патрон Михаил Николаевич.

* * *

В годы наместничества великого князя Михаила Николаевича особый статус Кавказа в административно-территориальной структуре империи получил дополнительные символические атрибуты и политическое значение. Великий князь-наместник, его семья и его двор увенчали политическую автономию южной окраины. Михаил Николаевич управлял территорией, которая имела региональную армию, штат опытных чиновников, лояльную и многочисленную местную элиту. Все это способствовало формированию внутри этой разветвленной корпорации особого «кавказского» патриотизма, о котором писал сын Михаила Николаевича — великий князь Александр Михайлович: «Наш узкий, кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.- Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России» [Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 20].

Наместничество являлось оптимальной формой управления южной окраиной с точки зрения самой окраины, понимаемой в данном случае как совокупность региональных корпораций и элит. Однако полновластный наместник являлся административной аномалией для российского правительства, особенно в эпоху роста профессионализации бюрократии и регулярности управленческих процедур. Патерналистская рациональность — желание контролировать в обход неповоротливой бюрократии — уступила место рациональности бюрократической, выражавшейся в стремлении к обезличенной унификации и гегемонии формальных процедур. В этом контексте годы наместничества Михаила Николаевича приобретают особенное значение как один из наиболее ярких и вместе с тем последних в истории Российской империи примеров модели регионального управления, в значительной мере функционирующей на основе неформальных отношений — покровительстве и протекции.

Список сокращений / Abbreviations

ГАРО — Государственный архив Ростовской области (Ростов-на-Дону) [State Archive of the Rostov Region (Rostov-on-Don)].

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва) [State Archive of the Russian Federation (Moscow)].

КБИГИ — Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик) [Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research (Nalchik)].

РГИА — Российский государственный исторический архив [Russian State Historical Archive].

Список литературы / References

1. Белых А. А. Деятельность М. Х. Рейтерна: фактор доверия. *Экономическая политика*. 2021. Т. 16. № 2. С. 118–135 [Belykh A. A. Activities of M. Kh. Reitern: Trust Factor. *Economic policy.* 2021;16(2):118–135 (in Russian)].
2. Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022 [Boltunova E. M. *The last Polish king: the coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the memory of the Russian-Polish wars of the 17th – early 19th centuries.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022 (in Russian)].
3. Великий князь Александр Михайлович. *Книга воспоминаний*. М.: Современник, 1991 [Grand Duke Alexander Mikhailovich. *Book of Memories.* Moscow: Sovremennik, 1991 (in Russian)].
4. Волхонский М. А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. *Российская история*. 2018. № 3. С. 178–179 [Volkhonsky M. A. Abolition of Viceroyalty in the Caucasus in 1881–1882. *Russian history.* 2018. No. 3, pp. 178–179 (in Russian)].
5. Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль, 1978 [Zayonchkovsky P. A. *The Government apparatus of Autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl', 1978 (in Russian)].
6. Зайончковский П. А. *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903*. М.: Мысль, 1973 [Zayonchkovsky P. A. *Autocracy and the Russian Army at the turn of the 19th–20th centuries, 1881–1903.* Moscow: Mysl', 1973 (in Russian)].
7. Итенберг Б. С., Твардовская В. А. *Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники*. М.: Центрполиграф, 2004 [Itenberg B. S., Tvardovskaya V. A. *Count M. T. Loris-Melikov and his Contemporaries.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2004 (in Russian)].
8. *Кавказ*. 1863. № 29 (18 апреля).
9. Колосовская Т. А. К проблеме производства исторического знания о Кавказской окраине Российской империи (на материале исследовательских практик А. П. Берже). *Журнал фронтирных исследований*. 2023. № 4. С. 31–41 [Kolosovskaya T. A. On the problem of producing historical knowledge about the Caucasian outskirts of the Russian Empire (based on the research practices of A. P. Berge). *Journal of Frontier Research.* 2023. No. 4, pp. 31–41 (in Russian)].
10. Кузьминов П. А. М. Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества. *Исторический вестник КБИГИ*. 2009. № 8. С. 405–436 [Kuzminov P. A. M. T. Loris-Melikov in the service of His Majesty. *Historical bulletin of KBIGI*. 2009. No. 8, pp. 405–436 (in Russian)].
11. Лазарян С. С. *Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова*. М.: Проспект, 2022 [Lazaryan S. S. *Caucasus under the Rule of Prince M. S. Vorontsov*. Moscow: Prospekt, 2022 (in Russian)].
12. Максимчик А. Н., Манышев С. Б. «…Собрать из архивов главнейшие акты и сведения…» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.). *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 2. С. 44–61 [Maksimchik A. N., Manyshev S. B. "...Collect the most important

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

acts and information from the archives..." (Caucasian Archaeographic Commission and Archival Affairs in the Caucasus in the second half of the 19th century). *The New Past*. 2020. No. 2, pp. 44–61 (in Russian)].
13. Муханов В. М. *Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский*. М.: Центрполиграф, 2007 [Mukhanov V. M. *Conqueror of the Caucasus — Prince A. I. Baryatinsky*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007 (in Russian)].
14. Правилова Е. А. *Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917*. М.: Новое издательство, 2006 [Pravilova E. A. *Finances of the Empire: Money and Power in Russian politics on the national outskirts, 1801–1917*. Moscow: New Publishing House, 2006 (in Russian)].
15. Уортман Р. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии.* Т. II. М.: ОГИ, 2004 [Wortman R. *Scenarios of Power. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy*. Vol. II. Moscow: OGI, 2004 (in Russian)].
16. Эсадзе С. С. *Историческая записка об управлении Кавказом*. Т. II. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907 [Esadze S. S. *Historical Note on the Government of the Caucasus.* Vol. II. Tiflis: Guttenberg Printing House, 1907 (in Russian)].

Информация об авторе

Урушадзе Амиран Тариелович — кандидат исторических наук, декан факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; aurushadze@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0003-4624-007X.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 31.05.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Amiran T. Urushadze — PhD (History), Dean, History Department, European University at S t. Petersburg, St. Petersburg, Russia; aurushadze@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0003-4624-007X.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья
УДК 94(297.17)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-584-596

Исторические науки

Воспоминания о Кавказской войне как часть сценария власти главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в 1882 г.

Михаил Алексеевич Волхонский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (МГИМО МИД РФ), Москва, Россия,
volhonskyma@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6189-734X

Аннотация. В статье анализируется один из аспектов объезда в 1882 г. Кавказского края, предпринятого его новым главным начальником кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым. Одной из главных целей объезда, помимо ознакомления князя с положением дел на местах, являлось создание условий для репрезентации положительного образа нового главного начальника Кавказского края. Дондукову необходимо было сгладить то негативное впечатление, которое произвело на население края упразднение в 1881 г. должности кавказского наместника. Нужно было убедить местное население, что, зная все особенности Кавказского края, новый главный начальник сможет эффективно отстаивать его интересы перед лицом петербургской бюрократии. Представляясь местной элите как главный начальник Кавказа, Дондуков стремился в первую очередь напомнить ей о своей принадлежности к сообществу «старых кавказцев», элитарному слою имперской бюрократии, объединенному опытом долгой военной или гражданской службы на Кавказе. Главным ресурсом репрезентации стала память об участии кн. А. М. Дондукова-Корсакова в Кавказской войне. В ходе объезда сценарий репрезентации образа главного начальника как «старого кавказца» выстраивался посредством его публичных воспоминаний об участии в Кавказской войне и административной службе под началом первого кавказского наместника М. С. Воронцова. Воспоминания князя, озвученные в ходе многочисленных встреч с офицерами частей Кавказского военного округа и чиновниками местной администрации, тут же фиксировались на страницах местной периодической печати и станови-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Волхонский М. А., 2024
© Ориенталистика, 2024

лись достоянием широких масс населения края. Формирование образа было завершено публикацией в 1883 г. в качестве приложения к «Кавказскому календарю» биографии кн. А. М. Дондукова-Корсакова, в которой подробно описывалась его служба на Кавказе.

Ключевые слова: Кавказский край, кавказский наместник М. С. Воронцов, Кавказская война, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, А. М. Дондуков-Корсаков, сценарии власти, репрезентация образа

Для цитирования: Волхонский М. А. Воспоминания о Кавказской войне как часть сценария власти главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в 1882 г. *Ориенталистика*. 2024;7(3):584–596. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-584-596.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-584-596

Memoirs of the Caucasian War as part of the scenario of the power of the commander-in-chief of the civil unit in the Caucasus, Prince A. M. Dondukov-Korsakov in 1882

Michael A. Volkhonskiy

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, volhonskyma@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6189-734X

Abstract. The article analyzes one of the aspects of the 1882 detour of the Caucasus undertaken by its new chief, Prince A. M. Dondukov-Korsakov. One of the main goals of the detour, in addition to familiarizing the prince with the situation on the ground, was to represent the positive image of the new chief of the Caucasus. Dondukov needed to convince the local population that, knowing all the peculiarities of the Caucasian region, the new chief would be able to effectively defend his interests in the face of the St. Petersburg bureaucracy. Presenting his image as the chief of the Caucasus, Dondukov sought to remind the local elite of his belonging to the community of "old Caucasians", an elite stratum of the imperial bureaucracy, united by the experience of long military or civil service in the Caucasus. The main resource of the representation was the memory of the participation of Prince A. M. Dondukov-Korsakov in the Caucasian War. During the tour, the scenario of representing the image of the commander-in-chief in the Caucasus as an "old Caucasian" was built through his public memories of participation in the Caucasian War and administrative service under the command of the first Caucasian governor M. S. Vorontsov. The prince's memories, voiced during numerous meetings with officers of the Caucasian Military District and officials of the local administration, were immediately recorded on the pages of the local periodical press and became the property of the broad masses of the region's population.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Volkhonskiy M. A., 2024
© Orientalistica, 2024

Keywords: The Caucasian region, the Caucasian governor M. S. Vorontsov, the Caucasian war, the commander-in-chief of the civil unit in the Caucasus, A. M. Dondukov-Korsakov, scenarios of power, representation of the image

For citation: Volkhonskiy M. A. Memoirs of the Caucasian War as part of the scenario of the power of the commander-in-chief of the civil unit in the Caucasus, Prince A. M. Dondukov-Korsakov in 1882. *Orientalistica*. 2024;7(3):584–596. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-584-596 (in Russian).

17 февраля 1882 г. в 4 часа дня в Батум на пароходе «Пушкин» прибыл генерал-адъютант князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1890, с. 1], назначенный полтора месяца назад на должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, которая была учреждена императором Александром III вместо упраздненной должности кавказского наместника[1]. На пристани князя встречали военный губернатор Батумской области генерал-майор А. М. Смекалов, генерал-лейтенант А. В. Комаров, консулы, представители бекских фамилий, депутации от города Батума, а также Аджарского, Артвинского и Батумского округов. В ответ на приветствия встречавших новый главный начальник края заявил, что «любит Кавказ, где провел лучшие годы жизни, и сделает все возможное для процветания края» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 2].

Действительно, на пике своей административной карьеры князь вернулся туда, где он начал свою долгую и успешную военную и административную службу. Как следует из формулярного списка 5 августа 1844 г., поручик князь А. М. Дондуков-Корсаков был назначен чиновником особых поручений при командующем Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанте А. И. Нейдгарте. После назначения в декабре 1844 г. кавказским наместником князя М. С. Воронцова молодого поручика приказом от 14 июля 1845 г. оставили состоять при новом главнокомандующем Отдельного Кавказского корпуса сначала без особого назначения, а с 26 июля 1846 г. в должности адъютанта. За тринадцать лет службы на Кавказе Дондуков сделал невероятно быструю блестящую военную карьеру, пройдя по служебной лестнице путь от поручика до полковника, командира Нижегородского драгунского полка, считавшегося элитной кавалерийской частью на Кавказе[2].

Отличительной особенностью карьеры князя, которую отмечали его современники, являлось сочетание службы боевого офицера с широкой административной деятельностью. Известный военный историк В. А. Потто писал: «Воронцов, сменивший на Кавказе генерал-адъютанта Нейдгарта, назначил его (А. М. Дондукова-Корсаков. — *М. В.*) своим адъютантом, и молодой князь сделался вскоре не только близким, но и необходимым для него человеком. Ему доверялась вся секретная переписка, все конфиденциальные военные и политические сношения, и нередко им же под диктовку наместника писались письма к самому государю. Серьезные кабинетные занятия не отвлекали молодого князя от участия в военных делах, и начиная с 1845 года на Кавказе, кажется, не

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 183. Л. 43.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 45. Д. 3. Л. 25–26 об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

было ни одного выдающегося события, где бы ни приходилось ему быть личным участником, — случались ли эти события на Лезгинской линии, в Чечне, Дагестане, на правом фланге и даже в Закавказье» [Потто, 1895, с. 43–44].

Батум, куда в середине февраля 1882 г. прибыл князь А. М. Дондуков-Корсаков, стал отправной точкой долгого, продолжавшегося восемь месяцев, объезда главноначальствующим Кавказского края, который сопровождался обычными в таких случаях торжественными встречами, представлениями депутаций от населения губерний и областей, смотрами войск. На первый взгляд, ничего необычного не было в том, что новый начальник края пожелал лично ознакомиться с положением дел на местах, если бы не один любопытный факт. Объезд был напрямую санкционирован Комитетом министров и императором Александром III, что свидетельствовало об особенном значении, которое ему придавалось в правительственных верхах. Ответу на вопрос, какие цели преследовал запланированный в Петербурге объезд главноначальствующим всего Кавказского края, посвящена данная статья. Отдельные аспекты данного вопроса были уже рассмотрены автором в одной из опубликованных ранее статей [Волхонский, 2018, с. 5–24].

Пройдя при наместнике светлейшем князе М. С. Воронцове превосходную школу военно-административной службы, князь А. М. Дондуков-Корсаков прекрасно понимал необходимость для главного начальника Кавказского края иметь, во-первых, особые доверительные отношения с императором, во-вторых, особый порядок отношений с высшими и центральными государственными учреждениями, а в-третьих — широкие властные полномочия в пределах Кавказа. Поэтому, согласившись 25 ноября 1881 г. на аудиенции у императора[3] занять должность главноначальствующего, князь выдвинул несколько условий. Во-первых, Дондуков попросил о личном доверии императора, что тут же было подтверждено Александром III, заявившим: «На это Вы можете вполне надеяться». Но, главное, князь, зная, что министерствам и ведомствам уже дано поручение представить в Комитет министров свои соображения о проведении на Кавказе административной реформы, попросил оставить разработку и проведение реформы под его непосредственным контролем, что, в свою очередь, подразумевало сохранение за главноначальствующим по крайней мере части тех широких полномочий, которые имел ранее наместник. Видя сомнение императора в возможности удовлетворить последнюю просьбу, князь попробовал предложить компромисс. Он попросил дать ему год, чтобы лично объехать Кавказский край для ознакомления с состоянием дел на местах, чтобы быть точно уверенным в возможности применить к Кавказу те меры, которые предложат министерства. После объезда князь планировал приехать в Петербург и лично представить свой план реформ. В случае, если подготовленный им проект преобразований не нашел бы поддержки у императора, Дондуков готов был отказаться от должности главноначальствующего. Если же его программа была бы высочайше одобрена, он мог спокойно приступить к ее реализации. Однако император не дал четкого отве-

[3] Подробности этой аудиенции князь А. М. Дондуков-Корсаков подробно описал в составленной им по горячим следам специальной записке. — См.: РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 392, л. 1–6 об.

та на предложения князя. «Государь, выслушав меня с большим вниманием, сказал, не давая решительного ответа: «Мне кажется, что всё, что вы говорили, практично и логично: мы здесь у Меня в свое время обсудим всё сказанное Вами», — записал Дондуков в составленной им по итогам аудиенции записке[4].

1 января 1882 г. император подписал указ о назначении князя А. М. Дондукова-Корсакова главноначальствующим гражданской частью на Кавказе[5]. Что касается вопросов об объезде главноначальствующим Кавказского края, а также его полномочиях на это время, то они должны были разрешиться в ходе назначенного на 19 января 1882 г. заседания Комитета министров. В представленной его председателю М. Х. Рейтерну специальной записке князь просил не только дать ему время для ознакомления с краем и сохранить за ним широкие полномочия, а также особый порядок его взаимодействия с высшими и центральными государственными учреждениями[6]. Члены Комитета министров согласились дать главноначальствующему время для ознакомления с краем, но не больше восьми месяцев. Чтобы не тормозить проведение административной реформы на Кавказе, министры предложили, чтобы одновременно с объездом главноначальствующим края в Тифлисе приступила бы к работе созванная для разработки нового положения об управлении Кавказом специальная межведомственная комиссия. В то же время члены комитета категорически отвергли требование Дондукова об особом порядке его взаимодействия с высшими и центральными учреждениями, через председателя Комитета министров[7]. Вопрос о сохранении за главноначальствующим тех широких полномочий, которые ранее имел наместник, министры передали на усмотрение императора, который своей резолюцией на журнал Комитета министров от 29 января 1882 г. максимально их сократил[8].

В итоге князь А. М. Дондуков-Корсаков ехал на Кавказ как главноначальствующий гражданской частью, что соответствовало должности заурядного генерал-губернатора. При этом ему не удалось сохранить за собой хотя бы на время часть тех исключительных, широких полномочий, которые принадлежали ранее кавказским наместникам. Кроме того, разработка проекта нового положения об управлении Кавказом фактически была доверена не ему, а созываемой в Тифлисе межведомственной комиссии. В свете этих обстоятельств объезд Кавказского края, на котором он настаивал, видя в нем необходимую меру для самостоятельной разработки им программы административных преобразований в крае, с одной стороны, частично терял первоначальный смысл, но с другой — приобретал новый.

Упразднением должности наместника статус главного начальника Кавказского края был явно и сильно понижен в общеимперской бюрократической иерархии. Между тем, в правительственных верхах Российской империи всегда уделяли особое внимание задаче поддержания на высоком уровне

[4] РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 392. Л. 3 об.–4.

[5] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 183. Л. 43.

[6] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4229. Л. 458–458 об.

[7] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4228. Л. 400–403 об.

[8] Там же. Л. 419–422.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

среди подданных того, что в Петербурге определяли как «обаяние русской власти». Дондукову необходимо было сгладить то возможное негативное впечатление, которое мог оказать на умонастроения местного населения, прежде всего элиты, факт упразднения должности кавказского наместника. Ведь это могло быть истолковано как указание на то, что Кавказский край больше не пользуется особым монаршим вниманием, что могло огорчить, например, грузинское дворянство или внести ложные представления в умы горского населения Северного Кавказа. Кроме того, главноначальствующему важно было поддержать свой авторитет, подтвердить в глазах местного населения, что даже после упразднения должности наместника, он как главный начальник края имел по-прежнему высокий статус, обусловленный как личным доверием императора, так и обладанием достаточно широкими властными полномочиями. Необходимо было также убедить местную элиту (грузинское дворянство, чиновников кавказской администрации и др.) в том, что новый главный начальник, зная все особенности региона, будет эффективно отстаивать его интересы перед лицом петербургской бюрократии. В итоге задуманный князем объезд края, помимо решения задачи ознакомления с положением дел на местах, теперь должен был создать условия для реализации масштабного сценария репрезентации российской имперской власти на Кавказе.

Маршрут объезда был тщательно продуман князем и согласован с Министерством внутренних дел. Дондуков решил осуществить его в несколько этапов, чтобы в перерывах между ними иметь возможность принять участие в работе, созванной в Тифлисе межведомственной комиссии по разработке нового положения об управлении Кавказским краем. На первом этапе, с 15 февраля по 12 марта 1882 г., Дондуков на пароходе «Пушкин», объехав черноморское побережье, осмотрел Батум, Поти, Сухум, Новороссийск. После чего князь проехал через Кубанскую и Терскую области, остановившись на несколько дней в Екатеринодаре и Владикавказе. На втором этапе, с 12 апреля по 16 мая 1882 г., главноначальствующий объехал юго-восточную часть Закавказья, а также Закаспийскую область. В ходе этой поездки Дондуков посетил Елисаветполь, Шушу, Баку, Ленкорань, Сальяны, Нуху, Закаталы. В ходе третьей своей поездки, с 15 июня по 15 июля 1882 г. он осмотрел юго-западную и западную часть Закавказья, посетив Карс, Саракамыш, Батум, Артвин, Абастум, Кутаиси. Последнюю поездку в рамках объезда Кавказского края князь предпринял с 15 августа по 4 сентября 1882 г. с целью обозреть северную часть Бакинской губернии, а также Дагестанскую и Терскую области[9].

Объезд сопровождался стандартным набором церемоний: торжественная встреча, представление депутаций от местного населения, молебен, завтраки или обеды с представителями местной гражданской и военной администрации, прием частных просителей, смотр войск, осмотр местных гражданских общественных и военных учреждений (присутственные места, образовательные учреждения, больницы, казармы и госпитали и др.). Князь позаботился о том, чтобы все церемонии и мероприятия во время его поездок широко и подробно освещались в главном периодическом издании края — газете

[9] РГИА. Ф. 1284. Оп. 54. Д. 3. Л. 9–24.

«Кавказ». При этом материалы для обзоров в газете готовились непосредственно в его походной канцелярии.

Как в имперских столицах, так и на Кавказе главная цель репрезентации имперской власти оставалась одной и той же: с одной стороны, символически «возвысить» власть монарха над верноподданными, а с другой, подчеркнуть связанность местных элит, прежде всего дворянства, с российским престолом, с династией, личностью правящего императора [Уортман, 2004, с. 18–19]. Но в случае с объездом Кавказа князем А. М. Дондуковым-Корсаковым, помимо указанной выше главной цели, также присутствовала и вторая, дополнительная — своего рода второй уровень репрезентации имперской власти, а именно личный сценарий власти главноначальствующего. Через церемонии и публичные обращения князь стремился представить местному населению положительный образ себя как нового главного начальника края.

Главной целью этой репрезентации для Дондукова являлось подтверждение перед лицом местной элиты (офицерского корпуса Кавказской армии, а также чиновников региональной администрации) своей принадлежности к сообществу «старых кавказцев», реально существовавшему элитарному слою имперской бюрократии, объединенному опытом долгой военной или гражданской службы на Кавказе. Во второй половине XIX в. под понятием «старый кавказец» уже понимались не только офицеры, ветераны Кавказской войны, но также гражданские чиновники местной администрации, которые долго служили в крае и не только понимали его отличие от внутренних российских губерний, но соответственно реализовывали это понимание в своей административной деятельности [Исмаил-Заде, 2000, с. 81–86; Лапин, 2008, с. 142–156; Урушадзе, 2014, с. 104–106; Романова, 2016, с. 72–74]. Новому главному начальнику Кавказского края необходимо было напомнить его населению, что, прослужив 13 лет на Кавказе, он стал не только опытным администратором, понимающим специфику края, но также боевым офицером, ветераном Кавказской войны, т. е. что он по праву принадлежит к сообществу «старых кавказцев».

Одним из классических сценариев имперской власти являлось особое подчеркивание символической преемственности правящего монарха с одним из его героизированных, мифологизированных предшественников. Так, использование, например, образов Петра I, Екатерины II для репрезентации российской имперской власти давно уже являлось нормой для правящих верхов в Петербурге во второй половине XIX в. [Уортман, 2004, с. 173–184]. На Кавказе в это время существовал свой местный пантеон героев, являвшихся символами героического и успешного присоединения этой окраины к Российской империи: П. Д. Цицианов, А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, А. И. Барятинский и др. Обращение к образу и наследию одного из таких героев безусловно должно было укрепить авторитет нового начальника Кавказского края. С учетом того факта, что свою службу на Кавказе князь А. М. Дондуков-Корсаков начал при светлейшем князе М. С. Воронцове, выбор главноначальствующим фигуры первого кавказского наместника в качестве своего личного предшественника, своего рода образца для подражания, являлся закономерным.

Поскольку все материалы газеты «Кавказ», освещавшие объезд главноначальствующим Кавказского края в 1882 г., проходили предварительное

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

утверждение в его канцелярии, то весьма показательным является следующий отрывок, вставленный журналистом в красочное описание торжественного прибытия главноначальствующего 12 марта 1882 г. в г. Тифлис: «…С именем князя Дондукова-Корсакова Кавказ связывает особенные надежды. Край наш еще живо помнит своего по истине незабвенного благодетеля князя Воронцова и знает вместе с тем, что новый начальник края был его любимым помощником, что светлейший наместник тогда еще предсказал своему даровитому адъютанту славную и высокую карьеру государственного деятеля. Теперь кавказцы убеждены в том, что князь Михаил Семенович провидел верно, — теперь настал момент исполнения, предсказанного дальновидным знатоком людей, и генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков, конечно, будет последователем той мудрой политики, тех мудрых мер, которые так громко прославили имя князя Воронцова» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 9–10]. Показательно, что на встрече в тот же день с городской депутацией г. Тифлиса князь А. М. Дондуков-Корсаков в ответ на приветствие городского головы в числе прочего заявил: «…Благоговея перед памятью незабвенного для каждого кавказца князя Воронцова, свято чтя высокие начала, руководившие его управлением и памятуя отеческую заботливость, с которой он в течение семнадцати лучших лет моей жизни направлял мои первые шаги на служебном поприще, — я в этих дорогих воспоминаниях буду искать силы и указания для предстоящей мне деятельности» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 12–13].

Однако отсылка только к опыту административной службы на Кавказе при первом наместнике делала бы образ Дондукова как «старого кавказца» неполным. Следовало также напомнить населению края, в первую очередь — офицерскому корпусу, что новый главный начальник является боевым офицером, участником Кавказской и Крымской войн. И ключевую роль в этой репрезентации должна была сыграть встреча главноначальствующего с Нижегородским драгунским полком, командиром которого он являлся в 1855–1858 гг. Описание встречи старого командира с родным полком должно была всем напомнить о принадлежности князя к сообществу боевых офицеров «старых кавказцев». «Нет слов выразить того нетерпения, с каким ожидал каждый нижегородец приезда князя Дондукова-Корсакова…, — писали в газете «Кавказ», — Наконец этот день настал: 4-го марта была получена от князя телеграмма что 5-го в 8 ч. утра он прибудет в Пятигорск. … Погода благоприятствовала нижегородцам — день был теплый, ясный. Полк стал развернутым фронтом, левее шоссе, верстах в 2-х от города. Ровно в 8 часов показался столб пыли, а за ним и экипажи князя и его свиты. Нервная дрожь пробежала по фронту нижегородцев; все приосанились, подтянули поводья. Князь вышел из кареты, сел на подведенную ему лошадь и поскакал к полку. Приняв почетный рапорт от командира полка, князь подъехал к стоявшему на правом фланге начальнику дивизии, бывшему своему сослуживцу князю Чавчавадзе[10], поцеловал его и сопровождаемый всей свитой поехал шагом вдоль фронта полка, здороваясь с каждым эскадроном: «здорово, родные нижегородцы»! Затем

[10] Чавчавадзе Захарий Гульбатович (1825–1905), князь, с 1877 г. генерал-лейтенант, с 1879 г. начальник 1-й Кавказской кавалерийской дивизии.

князь передал привет полку от имени его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича, пропустил полк церемониальным маршем по эскадронно шагом и колонной рысью и в короткой, но прочувствованной речи выразил удовольствие видеть родной полк» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 33].

На следующий день, 6 марта, офицеры полка пригласили бывшего командира вечером «разделить с ними хлеб-соль». «По возвращении из Ессентуков, — писали в газете, — князь сделал несколько визитов и в 7 часов изволил прибыть в гостиницу «Минеральные воды», где ожидали его офицеры полка и все приглашенные к обеду. Почти каждому у князя нашлось приветливое слово. Из его сослуживцев только один остался в полку (подполковник Маралин[11]), а место остальных заняли их дети и даже внуки (по поводу этого князь заметил, что полк его и молодит, и старит). После закуски сели за стол, поставленный покоем; посредине его занял место князь. Оркестр музыки поместился на хорах, а песенники — в соседней комнате» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 34]. Вечер закончился варением жжёнки и пением старых песен полка. «Когда заварили жжёнку, — говорилось в очерке, — от имени эскадронов пришли вахмистры — выпить за здоровье их бывшего отца-командира. И для них у князя нашлось приветливое слово. Князь вспомнил несколько песен, петых полком в его время, и просил пропеть их. Приятно было слушать, с каким воодушевлением пелись песни былого, а еще приятнее было смотреть, когда все смешались в одну группу, как у бивачного костра, вокруг стола, на котором возвышался столб пламени жжёнки» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 39].

Апогеем ужина бывшего командира с однополчанами стала проникновенная речь князя Захария Чавчавадзе (полностью напечатанная в газете «Кавказ»), в которой молодым офицерам-нижегородцам напомнили события Крымской войны на Кавказе (в 1853–1855 гг.), а также двух кампаний полка в Чечне и Дагестане в 1856–1858 гг. Из повествования ветерана нижегородца вырастал образ князя А. М. Дондукова-Корсакова не только как храброго боевого офицера, но также как настоящего «отца-командира». «По приходе в Чир-юрт (в октябре 1856 г. — *М. В.*), — живописал князь Чавчавадзе, обращаясь к главноначальствующему, — пошла снова походная боевая жизнь, только с более суровой обстановкой, чем мы испытали в Турции. Почти всю зиму и лето мы находились попеременно в отрядах — в Чечне и Дагестане. Не успели снарядить дивизион в поход, как требовали другой. Подобное положение не могло не отозваться на благосостоянии полка. Благодаря вашим заботам и неутомимой деятельности, нижегородцы не только не отставали где-нибудь, но являлись везде первыми, где только раздавался боевой выстрел. Молодецкие дела 3-го дивизиона при Шаншерике и 2-го в Очхое покрыли новой славой нижегородцев. Вы сдали полк в конце 58 го года. Не могу выразить чувств печали и грусти, которые мы испытывали, расставаясь с вами, привыкнув видеть вас, князь, не только командиром, но всегда радушным семьянином, у которого среди боевой жизни проводили мы часы нашего отдыха. Да и вам

[11] Маралин Яков Яковлевич (1834–1899), подполковник.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

князь не было легко на душе, оставляя свой полк!» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 37–39].

В дальнейшем в ходе продолжавшегося объезда главноначальствующим Кавказского края сценарий репрезентации его образа как «старого кавказца» выстраивался посредством публичных воспоминаний князя о боевой молодости при посещении мест, где она проходила. Воспоминания, озвученные Дондуковым своей свите, а также встречавшим его офицерам частей Кавказского военного округа, представителям местной администрации и населения, тут же фиксировались на страницах газеты «Кавказ», тем самым становясь достоянием общественности.

Так, в конце августа 1882 г. князь посетил Чир-Юрт, где дислоцировался Дагестанский пехотный полк. В газете «Кавказ» в специальном очерке в числе прочего писали: «Здесь в Чир-Юрте, не мало изменившемся за последние двадцать пять лет, командующий войсками встретил старых своих сослуживцев из нижних чинов Нижегородского драгунского полка, с которыми вспомнил былое время и тех из товарищей, которых уже не осталось в живых. Из числа жителей соседних аулов, пришедших поздравить главного начальника края с приездом, нашлось также несколько человек помнивших его полковым командиром и служивших при князе в составе милиции» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 105–106].

В середине сентября 1882 г. на пути из Кизляра в станицу Слепцовскую главноначальствующий прибыл на ночлег в станицу Червлённая. «Здесь, как и по всему пути, — писали в газете «Кавказ», — князь встречал и узнавал старых сослуживцев своего времени и в беседах с ними о старых годах вспоминал эпизоды из боевой жизни, часто забытые самими участниками и воскрешавшие в памяти растроганных собеседников давно пережитые, но дорогие впечатления молодости. Не мало таких воспоминаний относилось к подвигам казаков станицы Червлённой, в которой князю приходилось живать подолгу, принимая участие в походах Гребенского полка» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 115].

Пробуждали воспоминания главноначальствующего о боевой молодости не только встречи со старыми сослуживцами, но также контрасты, отмечаемые князем, между тем, что было двадцать пять лет, когда он служил на Кавказе, и тем, что он мог видеть во время объезда края. В очерке о поездке Дондукова из крепости Ведено в селение Воздвиженское в газете «Кавказ» писали: «Осмотрев укрепления в Ведено и сделав смотр находившемуся там батальону Куринского полка, князь 4-го числа (сентября. — *М. В.*) проследовал далее. По пути между Эрсеноем и Воздвиженским лежит богатое чеченское селение Шали. Проезжая через это большое процветающее селение с появляющимися уже европейскими домами, окруженное громадными изобилующими фруктами садами, его сиятельству трудно было узнать ту Шалинскую поляну, которая ознаменовалась столькими кровавыми боями в конце сороковых и в начале пятидесятых годов при прорубке просек в девственных лесах Большой Чечни. В настоящее время не осталось никаких следов прошлого, — прежние разбросанные хутора соединились в большие, густонаселенные аулы, а леса, служившие в свое время надеж-

ным оплотом приверженцев Шамиля, обращены в богатые мирные пастбища» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 111].

Два раза во время объезда Дондуковым Терской области в устоявшийся сценарий репрезентации образа «старого кавказца» в виде публичных воспоминаний было включено несколько своего рода коммеморативных мероприятий. Во время пребывания в начале сентября 1882 г. в г. Грозном князь обратил особое внимание на заброшенность так называемой «землянки Ермолова». «От прежнего укрепления Грозного ныне остались лишь развалины, да кое-где сохранились остатки крепостных валов, — писали в газете «Кавказ», — а прежнее передовое укрепление обратилось в большой город, раскинувшийся по обоим берегам р. Сунжи. На месте, где находилась достопамятная землянка Ермолова, виднеется лишь куча мусора, обнесенная дощатым забором, жалким видом своим как бы свидетельствующая о людской неблагодарности и способности забывать оказанные услуги. Главноначальствующий обратил внимание на запущенность этого дорогого для всякого кавказца памятника и приказал на этом месте поставить бюст Ермолова, окружив его приличной чугунной решеткой» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 113].

В станице Слепцовской 11 сентября 1882 г. Дондуков специально остановился на ночлег, чтобы успеть отслужить панихиду по легендарному генералу Н. П. Слепцову. В газете «Кавказ» писали: «В Слепцовской станице главноначальствующий отслужил панихиду по генерале Слепцове, могила которого по желанию покойного находится на общем кладбище этой станицы. Трогательно видеть, как память об этом славном герое жива до сих пор в сердцах станичников и с каким глубоким уважением и благодарностью говорят они о нем, вспоминания факты из его боевой и частной жизни. Князь, присутствовавший при занятии Сунжи, участвуя в походах 1846 года, и вместе с сунжинцами бывший в славных боях того времени, с особенным интересом отнесся к процветанию Слепцовской станицы и экономическом положению ее жителей» [*Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»*, 1889, с. 116].

Образ князя А. М. Дондукова-Корсакова как «старого кавказца» был окончательно сформирован в глазах населения Кавказского края составленной Н. А. Волконским «Биографией генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова», опубликованной в виде приложения к «Кавказскому календарю» за 1883 г. Характерно, что из 38 страниц биографического очерка 29 страниц было отведено именно описанию службы князя на Кавказе. В биографии детально были описаны наиболее героические моменты участия князя А. М. Дондукова-Корсакова в военных действиях на Кавказе в 1840-е-1850-е гг., а также полученные за это награды: Даргинская экспедиция в июне 1845 г. (награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом и золотой саблей «За храбрость»); штурм аула Салты 14 сентября 1847 г. (награжден орденом Св. Владимиром 4-й степени с бантом); экспедиция в Малой Чечне с 1 июня по 1 октября 1848 г. (награжден орденом Св. Анны 2-й степени), экспедиция в Большой Чечне с 20 января по 11 февраля 1848 г. (награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами); сражение при Кюрюк-Даре в ходе Крымской войны 24 июля 1854 г. (орден Св. Георгия 4-й степени) и др. [Волконский, 1883]. Подводя итог военно-административной деятельно-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

сти князя на Кавказе, автор очерка писал: «Из настоящего, далеко неполного очерка, мы могли видеть, что князь Александр Михайлович в течение своей жизни являлся выдающимся деятелем на самых разнородных поприщах; свою боевую славу стяжал он и закрепил преимущественно в рядах Кавказских войск; своими гражданскими заслугами как администратор и государственный деятель вообще он сделал свое имя историческим» [Волконский, 1883, с. 38].

Таким образом, проведенный в течение 1882 г. князем А. М. Дондуковым-Корсаковым объезд всего Кавказского края позволил ему в полной мере реализовать свой личный сценарий имперской власти. Развернутый перед населением края образ «старого кавказца» стал основой для репрезентации других образов главноначальствующего [Волхонский, 2018, с. 17–24] — «отца-командира», постоянно заботящегося о бытовых условиях жизни солдат и офицеров Кавказского военного округа, «рачительного хозяина», стремящегося развивать экономику Кавказского края, «покровителя грузинского дворянства», защищающего его от угрозы разорения и обезземеливания, «покровителя казачьих войск на Кавказе», желающего сохранить боевые традиции казачества.

Список сокращений / Abbreviations

РГИА — Российский государственный исторический архив, СПб. [Russian State Historical Archives, St. Petersburg].

Список литературы / References

1. Волконский Н. М. *Биография генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Приложение к «Кавказскому календарю» за 1883 г.* Тифлис.: Типография Главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1883 [Volkonskiy N. M. *Biography of Adjutant General, General of Cavalry, Prince Alexander Mikhailovich Dondukov-Korsakov. Appendix to the "Caucasian Calendar" for 1883*. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego Grazhdanskoy Chast'yu na Kavkaze, 1883 (in Russian)].
2. Волхонский М. А. «Объезд» главноначальствующим кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г.: борьба за полномочия и презентация имперской власти. *История. Научное обозрение OSTKRAFT.* 2018. № 6. С. 5–24 [Volkhonskiy M. A. The "Revision" by the Commander-in-chief, Prince A. M. Dondukov-Korsakov of the Caucasian Territory in 1882: the Struggle for Authority and the Presentation of Imperial Power. *History. Scientific review OSTKRAFT.* 2018. No. 6, pp. 5–24 (in Russian)].
3. Исмаил-Заде Д. Настоящий кавказец. *Родина*. 2000.
4. № 1–2. С. 81–86 [Ismail-Zadeh D. A Real Caucasian. *Rodina (Homeland)*. 2000. No. 1–2, pp. 81–86 (in Russian)].
5. Лапин В. В. *Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв.* СПб.: Европейский дом, 2008 [Lapin V. V. *The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries.* St. Petersburg: European House, 2008 (in Russian)].
6. Потто В. А. *История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка*. Т. VII. СПб.: Типо-Литография Р. Голике, 1895 [Potto V. A. *The History of the 44th Nizhny Novgorod Dragoon Regiment of His Imperial Highness the Sovereign heir of the Tsarevich Regiment*. Vol. VII. St. Peterburg: Tipo-Litografiya R. Golike, 1895 (in Russian)].

7. Романова А. П. Фронтирмэн, охотник, воин. *Журнал фронтирных исследований*. 2016. № 1. С. 67–79 [Romanova A. P. A Frontiersman, Hunter, Warrior. *Journal of Frontier Research*. 2016. No. 1, pp. 67–79 (in Russian)].
8. Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Вып. 1. Тифлис: Типография конторы газеты «Кавказ», 1889 [*A collection of articles and reports of the newspaper Kavkaz concerning the activities in the Caucasus of Adjutant General Prince Alexander Mikhailovich Dondukov-Korsakov*. Issue 1. Tiflis: Tipografiya kontory gazety "Kavkaz", 1889 (in Russian)].
9. Уортман Ричард С. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии.* Т. II: *От Александра II до отречения Николая II.* М.: ОГИ, 2004 [Wortman Richard S. *Scenarios of Power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy.* Vol. II: *From Alexander II to the Abdication of Nicolas II*. Moscow: OGI, 2004 (in Russian)].
10. Урушадзе А. Т. Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны. *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 4. С. 100–110 [Urushadze A. T. The genesis of frontier identities in the Era of the Caucasian War. *Scientific thought of the Caucasus.* 2014. No. 4, pp. 100–110 (in Russian)].

Информация об авторе

Волхонский Михаил Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений МИД России, Москва, Россия; volhonskyma@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6189-734X.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 17.06.2024; принята к публикации 20.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Michael A. Volkhonskiy — PhD (History), Associate Professor of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, volhonskyma@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6189-734X.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 20.06.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья
Исторические науки
УДК 91(=450)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610

50-летний юбилей покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 года как корпоративная коммеморация

Василиса Сергеевна Бешкинская

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
vbeshkinskaya@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0002-3292-9880

Аннотация. 25 августа 1909 г. в Кавказском наместничестве отмечался день 50-летнего покорения Восточного Кавказа. Из ряда прочих военных коммемораций периода правления Николая II он выделялся отчетливой локализацией в пределах кавказского региона и оригинальностью формы торжеств. Гунибскому юбилею практически не сопутствовали классические для поздней империи формы коммеморации, его центральным событием стало воспроизведение штурма Гуниба в 1859 г. В статье рассматриваются практические формы и риторические идеи, которые сопутствовали локальному памятованию о событиях 50-летней давности. Празднования в Гунибе стали частью активизировавшейся работы Кавказского военного округа по актуализации памяти о Кавказской войне и просвещению войск. Риторическое оформление юбилея строилось вокруг идеи особой идентичности кавказской армии, которая основывалась на памятовании об общем прошлом, межпоколенческой преемственности и единых политических, моральных и культурных устоях кавказских войск, что выделяло их в особую армейскую корпорацию. Все это сопрягалось с позицией наместника И. И. Воронцова-Дашкова, который видел залог успешного развития региона не в русификации, а в сохранении идентичностей местного населения, которое следовало просвещать культурно и экономически под покровительством российских военных и военной администрации. Гунибские торжества воплощали эти идеи практическии и символически.

Ключевые слова: покорение Восточного Кавказа, Кавказская война, память о Кавказской войне, Кавказская армия, И. И. Воронцов-Дашков, Гуниб, юбилей 1909 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Бешкинская В. С., 2024
© Ориенталистика, 2024

Благодарности: Статья написана в рамках гранта РНФ № 23-18-00520 «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

Для цитирования: Бешкинская В. С. 50-летний юбилей покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 года как корпоративная коммеморация. *Ориенталистика*. 2024;7(3):597–610. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610

50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus on August 25, 1909 as a Corporate Commemoration

Vasilisa S. Beshkinskaya

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
vbeshkinskaya@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0002-3292-9880

Abstract. The 50th anniversary of the Russian conquest of the Eastern Caucasus stood out from other military commemorations during the reign of Nicholas II. This event was localized within the Caucasus region and had a specific form of celebration. The classic Imperial forms of commemoration almost did not accompany it. The central event was a re-enaction of the assault on Gunib in 1859. This article examines the relationship between the Caucasian governor's position on the development of the region and the practical forms and rhetorical concepts that accompanied the local commemoration of the historic events. The Gunib celebrations were part of the Caucasus Military District's intensified efforts to promote the memory of the Caucasian War and educate the Russian troops. The rhetorical design of the anniversary was based on the idea of the special identity of the Caucasian army; this identity had a foundation in the remembrance of a common past, intergenerational continuity, and the common political, moral, and cultural principles of the Caucasian troops. This set the Caucasian Army apart as a special military corporation. All this was in line with the position of I. I. Vorontsov-Dashkov, who saw the key to successful development of the region not in Russification but in preserving the identities of the local population, which should be culturally and economically educated under the auspices of the Russian Army and military administration. The Gunib celebrations embodied these ideas practically and symbolically.

Keywords: conquest of the Eastern Caucasus, Caucasian War, memory of the Caucasian War, Caucasian Army, I. I. Vorontsov-Dashkov, Gunib, anniversary of 1909

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Beshkinskaya V. S., 2024
© Orientalistica, 2024

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 23-18-00520.

For citation: Beshkinskaya V. S. 50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus on August 25, 1909 as a Corporate Commemoration. *Orientalistica.* 2024;7(3):597–610. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610 (in Russian).

Введение

К 1909 г. заметно активизировалась и начала институционально оформляться символическая политика в Российской империи. Именно тогда началась череда общеимперских празднований, пиком которых стало 300-летие Дома Романовых в 1913 г. В начале 1909 г. была создана особая комиссия под председательством генерала от кавалерии барона А. А. Бильдерлинга, которой было поручено подготовить список «событий, имеющих военно-историческое значение, с тем, чтобы из числа их были избраны наиболее знаменательные из жизни государства и в деятельности армии»[1]. Из числа перечня подобных событий, были выбраны четыре: Полтавская битва как ключевое празднование года (200 лет), 100-летие присоединения Финляндии, «взятие Гуниба и пленение Шамиля»[2] (50 лет) и взятие Измаила. В список не вошли, хотя обсуждались, битва при Кунерсдорфе, где русско-австрийские войска разгромили в ходе Семилетней войны прусскую армию (150 лет), сражение с поляками под Смоленском и победа над войсками гетмана Сапеги близ Троицкой Лавры в том же 1609 г. (300 лет). Таким образом, события Смутного времени не актуализировались, при этом само понятие Смуты стало широко употребимым в общественном и политическом дискурсе в ходе революции 1905–1907 гг. [Новосельский, 2017]. Вскоре из утвержденного списка выпал Измаил, поскольку комиссия ошиблась, рассчитав дату 100-летия от 1809 г. и повторного взятия крепости в войну 1806–1812 гг. Ошибку заметили, и было решено рассчитывать юбилей от 1790 г., когда крепость брали войска под командованием А. В. Суворова.

Три выбранных юбилея сосредотачивались на коммеморации военных побед империи, среди которых Полтава как судьбоносная для первого императора и России битва занимала центральное место. Наименьшее внимание центральные власти планировали уделить празднованию пленения Шамиля на Гунибе в 1859 г. Вопрос организации был передан главнокомандующему войсками Кавказского округа, кавказскому наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову, перед которым была поставлена задача, «чтобы празднование этого юбилея не вызывало каких-либо особых от казны ассигнований»[3]. Эта цель, а также форма воплощения в корне отличали кавказский юбилей от полтавских и финляндских празднований.

Обсуждение программы на уровне наместничества сразу же трансформировало центральный акцент торжеств: юбилей в документации стал имено-

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 8.

[2] Там же.

[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 8об.

ваться «50-летием покорения Восточного Кавказа». Новая формулировка символически увеличивала масштаб события и утверждала 1859 г. как одну из (вместе с «покорением» в 1864 г. Западного Кавказа) завершающих точек Кавказской войны. Планируемое торжество имело локальный характер и организовывалось на месте. Ему практически не сопутствовали классические формы памятования: установка памятников, участие императора или членов императорской фамилии. В итоге кавказский юбилей оказался отличным по форме и содержанию от двух других торжеств, запланированных комиссией.

История коммеморации Кавказской войны со второй половины XIX в. по 1909 г. и хронология гунибских торжеств достаточно подробно описаны А. Н. Максимчиком [Максимчик, 2019]. Тем не менее данная статья расширяет представления о процессах и обстоятельствах, которые повлияли на характер торжеств и их идейное содержание, а также предлагает понимать 50-летнюю годовщину покорения Восточного Кавказа как корпоративный юбилей Кавказской армии, а не как общегосударственную коммеморацию в ряду прочих военных празднований в поздней Российской империи.

Локальный контекст планирования и подготовки юбилея 24–25 августа 1909 г.

Первой публично высказанной инициативой празднования гунибского юбилея было предложение Кавказского военного общества помощи инвалидам от 22 мая [Максимчик, 2019, с. 8–9]. Это общество было создано буквально в мае 1909 г. по инициативе офицеров тифлисского гарнизона[4]. Кроме материальной помощи ветеранам войн оно предполагало организацию культурных программ. Его председателем стал начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, историк В. А. Потто, отметивший в 1909 г. 50-летие своей литературной деятельности. Он же стал устроителем обновленного Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе. Потто был двигателем исторического просвещения в рядах Кавказской армии и высоко ценился руководством наместничества. Воронцов-Дашков характеризовал его деятельность следующим образом: его работы преследуют одну и ту же воспитательную цель — «напоминать юношеству в героических эпизодах о славных подвигах их предков, стяжавших славу и гордость доблестной Кавкзсккой армии, как вернейшее средство поддержания в войсках старых боевых традиций и того высокого нравственного духа, на котором зиждется боевая мощь нашей армии»[5]. Свои труды Потто посвящал преимущественно истории Кавказской войны, утверждая особую идентичность и преемственность многих поколений Кавказской армии. Это было общим явлением в Российской императорской армии того времени: после революции активизировались воспитательные работы и практики корпоративной коммеморации, создавались полковые музеи, писались полковые историии, что явилось «одним из наиболее ярких проявлений нового подхода к внедрению в умы военнослужащих представлений о воинском долге, о корпоративном единстве, о моральных

[4] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 338. Л. 1.

[5] Там же. Д. 331. Л. 470.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ценностях «русского солдата» и т. д.» [Лапин, 2019, с. 334]. Таким образом, идея армейской корпоративности, бывшая общим трендом времени, в рядах Кавказской армии активно утверждалась еще до гунибского юбилея.

В июне наместник отправился в путешествие по Кавказу, далее в Петербург и по центральным регионам страны. В отсутствие Воронцова-Дашкова обязанности наместника исполнял его помощник, генерал от инфантерии Н. П. Шатилов. В середине июня он издал приказ № 150 по штабу Кавказского военного округа о подготовке к юбилею. Приказ задавал тональность торжеств, делая упор на самобытность кавказских войск, которые «воздвигнули себе вечный памятник с незабвенной надписью “штурм Гуниба и пленение Шамиля”»[6]. Подчеркнуто проводилась связь с предыдущими поколениями солдат кавказской армии, «нашими отцами и дедами», совершившими подвиг «во имя преданности и любви к Царю и Отечеству»[7]. Тема межпоколенческой преемственности и особой идентификации кавказской армии в последующем стала риторической основой юбилея. Между тем, празднования предполагались не только в Гунибе, а по всему наместничеству. Во второй половине июля по поручению Шатилова В. В. Стратонов, исполняющий обязанности директора канцелярии, в спешном порядке начал переписку с губернаторами по вопросу организации приближающегося юбилея уже на местах[8].

Путешествие Воронцова-Дашкова также задавало тон грядущей коммеморации. Для каждой своей остановки наместник готовил небольшую речь, обращенную к местным жителям. Их общей темой было утверждение о необходимости сотрудничества общественных сил и властей для экономического, политического и социального преуспевания региона. Обращаясь к «туземцам» в Грозном, наместник назвал чеченцев и кумыков людьми, «променявшими свое славное боевое прошлое на мирный труд», успех которого он планировал обеспечить развитием школ[9]. Лучшее будущее он обещал и «представителям геройского населения Дагестана»[10], а горцев в целом именовал «потомками былых героев»[11]. Иными словами, боевое прошлое народов Кавказа Воронцов-Дашков представлял как предмет почетного памятования. Параллельно этому в июне в наместничестве был проведен анализ настроений местных жителей: «Предстоящий юбилей не вызывает среди населения каких-либо особых толков, тем более, что в истекшие 50 лет сменилось целое поколение, спокойно ныне занимающееся мирным трудом, сознанием благодетельных результатов объединения Дагестана под властью культурного народа» [Максимчик, 2019, с. 9]. Тем самым готовилась почва для вовлечения местного населения в предстоящую коммеморацию.

Поездка наместника, начавшаяся 17 июня, завершилась 22 августа, когда он прибыл в Петровск, где его встретил почетный караул от Аварского резерв-

[6] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 331. Л. 582.

[7] Там же.

[8] ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 1.

[9] ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 2. Л. 16.

[10] Там же. Л. 15.

[11] Там же. Л. 8.

ного батальона и депутация от города. В дороге до Гуниба через Темир-Хан-Шуру, длившейся примерно сутки, 72-летний Воронцов-Дашков принял около десятка депутаций и встретился с тремя окружными начальниками[12]. Вечером 23 августа он прибыл в Гуниб, где также принял депутацию от сельчан Гуниба и приветствие почетного караула от 6-го Пластунского батальона. Остановился наместник в доме окружного начальника, бывшем дворце Александра II (император пребывал там в 1871 г.).

Информация о готовящихся торжествах стала появляться в местной прессе буквально накануне. При этом в центральной и даже региональной кавказской до сих пор обсуждались празднования в Полтаве. Раньше прочих, в июле, о юбилее взятия Гуниба написали правые, используя тему как повод для критики наместника. «Остается немногим более полутора месяца до этого славного дня, а у нас что-то ничего не слышно, чем предполагается ознаменовать его. Молчание по этому поводу царит и в местном обществе и в местной печати столь не нарушимое, что его начинает замечать даже столичная пресса» [К предстоящему юбилею, 1909, с. 2], — цитировала недавнюю публикацию санкт-петербургской черносотенной «Земщины» «монархическая русская, национальная» газета «Русский с Кавказа». Ситуацию в регионе автор называл «полным крушением власти и закона» и «политическим угаром». Он предполагал, что юбилей готовится «втихомолку», хотя «должен быть отпразднован достойно России». Торжества, по его мысли, должны были оттенить «современное убожество», и стать днем не только торжества, но и покаяния в неверном пути управления Кавказом [К предстоящему юбилею, 1909, с. 2]. Обвинения со стороны черносотенцев, критикующих политику наместника, были ожидаемы, кавказская тематика не сходила со страниц правой прессы весь 1909 г.

Одним из факторов, раздражавших правых, стали смещения Воронцовым-Дашковым прежних администраторов, среди которых после периода руководства Кавказской администрацией Г. С. Голицыным были заметны русские националисты. Их заменили военные чиновники: это улучшало организационные и мобилизационные механизмы в кавказских войсках, что было необходимо в условиях революции. Войска были основной опорой Воронцова-Дашкова, который в своем прошлом также был причастен к Кавказской войне (был адъютантом князя А. И. Барятинского) и мог считать себя членом кавказского армейского сообщества. Ставка наместника на армию проявилась и в активной поддержке военных благотворительных, просветительских и коммеморативных инициатив внутри округа. В итоге юбилей имел выраженный милитаристский локальный характер. Интересно, что официальная военная печать долго не обращалась к теме празднований и прямо называла гунибский юбилей локальным мероприятием. Накануне торжеств ведущая военная газета, издаваемая Военным министерством, «Русский инвалид» писала, что «интерес к чествованию покорения Чечни и Дагестана ограничивается пределами Кавказа» [Кривенко, 1909b, с. 2].

[12] ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 42–42об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Чествование корпорации: смыслы и практики гунибского юбилея

План торжеств 24–25 августа был выработан примерно за месяц до их начала. 1 августа начальник штаба Кавказского военного округа, генерал лейтенант Г. Э. Берхман представил черновую программу юбилея в Главный штаб[13]. Празднования оказались длительными, время движения войск составляло как минимум 10 дней. К 15 августа собранные лагерем в Темир-Хан-Шуре войска (21-я пехотная дивизия с артиллерией, Дагестанский конный и Кизляро-Гребенский полки) должны были выступить подвижным сбором двумя колоннами к Гунибу, где следовало стать на места к 22 числу, 23 августа проводилась рекогносцировка, а 24 войскам следовало начать реконструкцию штурма Гуниба. Заканчивался по плану день торжественной панихидой по погибшим в Кавказскую войну. Также 25 августа на месте «сдачи» Шамиля должен был пройти общий парад с возглашением многолетия императору. Тем самым 50-летие покорения Восточного Кавказа предполагало реконструкцию, что для имперских коммемораций было явлением не частым. Закончить торжества планировалось обедом для всех войск подвижного сбора. Предполагалось, что к участию в гунибской программе, кроме войск, будут приглашены почетные жители Чечни и Дагестана и живые участники Кавказской войны, «мусульмане и русские ветераны», ожидалось присутствие «туземного населения» в числе 500 человек[14].

Итоговое исполнение торжеств соответствовало программе. 23 августа полки были на позициях, соответствующих местоположению 1859 г. «С востока на Гуниб устремились по своим историческим тропам ширванцы, с юга по отвесным карнизам апшеронцы, с запада дагестанцы, с севера — самурцы в горе Растад» [К гунибским торжествам, 1909, с. 1]. О начале маневров 24 августа возвестили выстрелы 21-й артиллерийской бригады с Кегерских высот — стоянки князя Барятинского. В 9 часов утра Воронцов-Дашков со свитой отправился в Верхний Гуниб для наблюдения за маневрами из крепости. Штурм с Кегерских высот начали ширванцы, затем вступили батальоны самурского и дагестанского полков. Далее наместник поднялся на высоту Росатл, продолжая следить за маневрами. «Артиллерийская канонада все усиливалась, ружейная стрельба учащалась и усилилась до последнего предела» [К гунибским торжествам, 1909, с. 1]. Спустя два часа в бой вступили апшеронцы, которые, поднявшись по скалам по веревочным лестницам, охватили аул с южной стороны. Тогда Воронцов-Дашков дал отбой штурму, воспроизведенному «с исторической точностью» [*Кавказ*, 1909а, с. 1]. Войска построились у высоты Росатл, была отслужена панихида: после возглашения вечной памяти прозвучал троекратный залп, а полковые хоры исполнили молитву «Коль славен наш господь в Сионе» (неофициальный гимн Российской империи рубежа XVIII–XIX вв.). «С последним аккордом этой чудной молитвы все войска во главе с Главнокомандующим преклонили колена и горячо помолились за своих героев предков, чудо-богатерей, павших при штурме Гуниба» [*Кавказ*, 1909а, с. 1]. По словам корреспондента, во время панихиды присутствовали также

[13] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 56.

[14] Там же. Л. 57.

дагестанцы, собравшиеся в «обширный круг» и совершившие молитву по своим предкам, павшим в Кавказскую войну [*Кавказ*, 1909b, с. 1].

Далее Воронцов-Дашков объехал войска, после чего состоялся полевой походный завтрак. К трем часам дня наместник вернулся в дом окружного начальника, а с пяти часов принимал депутации. Пресса писала о том, что в числе присутствующих были ветераны войны, а также аварец Нажмудтин Гокикинский, сын бывшего наиба Шамиля, который «высказал сознание великого блага присоединения к России» [*Голос Кавказа*, 1909, с. 1]. Его слова были растиражированы Петербугским телеграфным агентством: «Народы Дагестана в единении с русским народом и понимании общности государственных интересов возносят горячие молитвы о ниспослании долголетия Венценосному Хозяину Земли Русской. Дагестан хотя поздний член русской семьи и не менее других покорен, но предан Короне и по первому призыву готов жертвовать всем в защиту дорогого Отечества» [*Голос Кавказа*, 1909, с. 1]. В 8 часов вечера в доме окружного начальника состоялся обед, на котором, кроме наместника, присутствовали высшее начальство, командиры войсковых частей, чины областной администрации и свита наместника.

Юбилейный день 25 августа начался с парада выше березовой рощи, где Барятинский принимал сдачу Шамиля. Принимал парад Воронцов-Дашков. После совершили торжественное молебствие с возглашением многолетия государю императору и орудийным салютом. Полки взяли «на караул» и наместник провозгласил «ура» во славу императора, «которое было подхвачено войсками и народом и, сопровождаемое торжественными звуками народного гимна «Боже, Царя храни», разнеслось по террасам, усеянным громадными массами дагестанцев» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Далее последовало «ура» в честь кавказского наместника и главнокомандующего Воронцова-Дашкова. Парад завершился церемониальным маршем, после чего наместник побывал на биваках войск, где «пробовал пищу нижних чинов» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Следом был организован офицерский обед, в котором приняли участие «туземцы» привилегированных сословий, а прочие местные жители принимали угощение от администрации, находясь на ближайших террасах. Воронцов-Дашков провозгласил несколько тостов: за здравие императора, за доблестные войска кавказской армии, за трудящееся население Дагестана, «здравица, же провозглашенная генералом-лейтенантом Ясенским за Главнокомандующего генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, вызвала долго несмолкающее громовое “ура”» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Когда в 4 часа наместик отбыл, «народные толпы не расходились. Звуки зурны еще долго оглашали окрестности Гуниба» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Утром 26 августа Воронцов-Дашков со свитой отбыл в Петровск.

Как было сказано выше, гунибский юбилей не удостоился присутствия почетных гостей из имперского ядра. Центральную роль в нем играл сам Воронцов-Дашков, репрезентованный в праздновании, прежде всего, как главнокомандующий Кавказской армией, а не кавказский наместник. Его обращения к войскам, народу и императору были смыслообразующими для юбилея. В своем приказе по Кавказскому военному округу от 25 августа Воронцов-Дашков сосредотачивался на восхвалении Кавказской армии как

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

отдельной и самобытной корпорации, сложившейся в ходе «беспримерной в истории» войны. Ее опыт выделял кавказские войска в особое сообщество, равных которому не было: такую войну «не могло покончить одно поколение и преемственно сдавало ее поколениям последующим; отсюда и развились те особенности старого кавказского солдата, в беспредельном мужестве и святости исполнения долга не имевшего себе равного в свете» [*Приказ по кавказскому военному округу. 25-го августа 1909 г. — Укр. Гуниб*, 1909, с. 1]. При этом та духовная мощь, которая определяла характер солдат Кавказской армии во время войны, сохранилась и поныне: «За минувшие 50 лет в рядах Кавказских войск менялись люди, менялись формы, строи и оружие, но несокрушимыми остались в них внутренние устои духа, славные предания и боевые традиции старой Кавказской армии» [*Приказ по кавказскому военному округу. 25-го августа 1909 г. — Укр. Гуниб*, 1909, с. 1–2].

В телеграмме к императору главнокомандующий обратился от лица всех присутствующих в Гунибе, при этом с акцентом на том, что все они повергают перед ним «чувства беспредельной любви и той беззаветной преданности, с которыми служили их отцы и деды в доблестных рядах славной Кавказской армии, и которые они завещали своим сынам и внукам»[15]. Николай II, в свою очередь, ответил обращением только к войскам, выражая уверенность в том, что «в них будут вечно живы и мощный дух, и воинская доблесть беспримерных дедов и отцов»[16].

Отчетливый акцент на корпоративности торжества, а не на его общеимперском характере делался и за пределами Кавказа. Генерал-адъютант, историк и председатель Императорского Русского военно-исторического общества Д. А. Скалон обратился с поздравлениями от совета общества и вовсе напрямую к Кавказской армии, а не к Воронцову-Дашкову: «Да сохранится навеки прославленный победами воинский дух Кавказской армии и как встарь да пребудет она непрестанно и непреклонно ревнителем славы своих Государей, русской армии и русского народа»[17]. При этом характерно, что военно-историческое общество, столь активно участвовавшее в подготовке полтавского юбилея, не было привлечено к организации гунибского или каких-либо коммеморатиивных мероприятий в столице: организация торжеств целиком опиралась на силы Кавказского военного округа.

Риторическое оформление торжеств очевидно выносило на первый план Кавказскую армию и ее особую корпоративную идентичность. Кавказские войска, объединенные уникальным общим прошлым, выделялись из российской армии как отдельный институт. Эти представления основывались на памяти об общем прошлом и межпоколенческой (профессиональной и локальной, но не кровной) преемственности членов сообщества, чьи духовные, моральные и политические устои определяли их единство.

С подобным идейным содержанием празднования согласовывалась и его форма. Воспроизведенный штурм работал двояко: с одной стороны, обеспечивал

[15] ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 38.

[16] РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 331. Л. 652.

[17] АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.

на редкость высокую вовлеченность войск в коммеморацию, с другой — производил впечатление на местных жителей, а также посредством прессы и на все население наместничества. На Гунибе присутствовали представители и депутации 22 войсковых частей[18]. Не последнюю символическую роль играл и проход войск путем из лагеря от Темир-Хан-Шуры к Гунибу: с учетом сборов примерно на протяжении полумесяца военные силы наместничества пребывали в редком для мирного времени движении. В практическом смысле юбилей репрезентовал армию как ключевой институт Кавказского наместничества.

Между тем, в торжества вовлекали и местных жителей — потомков бывших противников Кавказской армии. Как было сказано выше, Воронцов-Дашков уделял контакту с населением наместничества большое внимание: путешествие 1909 г. не было единственным, свою службу в 1905 г. он начал именно с объезда территории наместничества. Обращаясь в юбилей к горцам на Гунибе, главнокомандующий подчеркнул, что мусульманские общества Чечни и Дагестана «своей преданностью заслужили полное к себе доверие нашего могущественного Царя», и что последний уверен в том, что они продолжат служить ему «честно и преданно, как служили уже в минувшие 50 лет»[19]. Образ верных подданных при этом сопрягался с образом бывших достойных противников.

Исторический нарратив Кавказской войны строился на возвышении Шамиля и горцев как сильных соперников, что, среди прочего, оправдывало длительность самой войны. Авторы специально изданной к юбилею литературы не скупились на похвалы. Ставропольский историк Г. Н. Прозрителев писал, что в лице Шамиля Россия имела «гениального противника, сумевшего так долго противостоять всем натискам громадной армии и создать при самых тяжелых условиях и отсутствии средств великую оборону гор, и пылкого свободолюбивого населения» [Прозрителев, 1909, с. 1]. Характерно был представлен образ Шамиля и в обновленном военно-историческом музее Тифлиса. Сопроводительный текст к портрету о Шамиле был полон самых лестных характеристик. Это был наиболее героический образ, транслировавшийся в экспозиции: «Соединяя в себе редкие качества воина и администратора, он создал в горах целое религиозно-политическое государство, устроил правильную администрацию, организовал военные силы, завел артиллерию, обложил подвластное ему население правильными налогами, и 25 лет боролся с могущественной Российской империей, обращая на себя внимание целой Европы» [*Краткий путеводитель по кавказскому военно-историческому музею*, 1911, с. 88].

Теперь же достойные соперники в Кавказской войне становились достойными подданными российского императора или — как минимум— должны были представляться таковыми. Для символической демонстрации единения их пригласили не только наблюдать за празднованием и выходить депутациями к наместнику. Во время самого празднования 25 августа предполагалось два обеда, для нижних (примерно на 6500 человек)

[18] ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 52–53об.

[19] Там же. Л. 46.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

и офицерских (до 350 человек) чинов. На первый были приглашены «туземцы» непривилегированного сословия, они были рассажены «кружками» среди войск. Привилегированного — обедали с офицерами, главнокомандующим, свитой и наличными чинами областей администрации[20]. Тем самым было проявлено уважение к бывшим врагам, а теперь соратникам, с которыми следовало совместно работать на благо края. Схожим образом эти отношения трактовал и автор «Русского инвалида»: «Теперь нет места для вражды, наступил период взаимной, общей работы» [Кривенко, 1909а, с. 3].

При этом вопрос о какой-либо инкорпорации мусульман, освобожденных от призыва в армию, не стоял: в политическом воображении руководства наместничества они оставались туземцами, чье развитие и благосостояние обеспечивалось их верным служением империи в рамках самобытного религиозного и экономического уклада. Кавказская армия со своим главнокомандующим занимала по отношению к ним покровительствующую роль, а местная власть вообще определялась ключевым инструментом имперского строительства — армией. Российская императорская армия, ставшая после Великих реформ во многом институтом национализации, на Кавказе продолжала олицетворять не русификацию, а военную экспансию и обеспечение целостности имперской территории.

Заключение

Представленный в Петербурге как «день взятия Гуниба и пленения Шамиля» юбилей в ходе локальной подготовки превратился в корпоративную коммеморацию ключевой победы Кавказской армии — «покорения Восточного Кавказа» в 1859 г. Центральным акцентом юбилея стала демонстрация военной силы и уникального единства Кавказской армии, обеспечивающей покровительство над бывшими соперниками, а ныне соратниками в деле развития многонациональной империи — местным населением Северного Кавказа.

Военный характер управления и репрезентации власти на Кавказе при Воронцове-Дашкове определялся как символическими, так и практическими соображениями. Закончившаяся полвека назад Кавказская война обеспечивала единение членов армейского сообщества вокруг памяти о ней, а также вокруг идеи межпоколенческой преемственности и корпортивной самобытности войск Кавказского военного округа. Акцент на армии подчеркивал могущество империи и русского начала на Кавказе, которое здесь имело колониальный и покровительствующий местным народам характер без идеи русификаторской политики. При этом в условиях недавних поражений Российской императорской армии Кавказская армия с ее историей побед символически выделялась.

И для центральных, и для местных властей юбилей 25 августа 1909 г. превратился в чествование заслуг региональной военной корпорации, что стало самым масштабным примером демонстрации локальной и профессиональной идентичности в символической политике поздней империи. Распростанять символические успехи на реальную политику довольно сложно. Однако стоит помнить, что через несколько лет именно кавказские силы Российской импе-

[20] ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 43.

раторской армии обеспечат единственный успешный фронт империи в Первой мировой войне, а добровольцы из числа кавказских мусульман сформируют рядовой состав знаменитой Дикой дивизии.

Список сокращений / Abbreviations

АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (СПб.) [AVIMAIViVS — Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps (Saint Petersburg)].

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки [OR RGB — Department of Manuscripts of the Russian State Library].

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [RGVIA — Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

ЦИАГ — Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси) [TSIAG — Central Historical Archive of Georgia (Tbilisi)].

Список литературы / References

1. *Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова*. СПб.: Государственная Типография, 1910 [*The Most Subordinate Report for the Five Years of Governance of the Caucasus by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov*. St. Petersburg: State Printing House, 1910 (in Russian)].
2. *Голос Кавказа.* № 896. 28 августа 1909 г. С. 1. [*Voice of the Caucasus*. No. 194. August 28. 1909, p. 1 (in Russian)].
3. К гунибским торжествам. *Тифлисский листок*. № 193. 27 августа 1909 г. С. 1. [To the Gunib celebrations. *Tiflis leaflet*. No. 193. August 27. 1909, p. 1 (in Russian)].
4. К предстоящему юбилею. *Русский с Кавказа*. № 53. 4 июля 1909 г. С. 2 [For the Upcoming Anniversary. *Russian from the Caucasus*. No. 53. July 4. 1909, p. 2 (in Russian)].
5. *Кавказ*. № 193. 26 августа 1909 г. С. 1. [*Caucasus*. No. 193. August 26. 1909a, p. 1 (in Russian)].
6. *Кавказ*. № 194. 27 августа 1909 г. С. 1. [*Caucasus*. No. 194. August 27. 1909b, p. 1 (in Russian)].
7. *Краткий путеводитель по кавказскому военно-историческому музею.* Тифлис: Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа, 1911 [*A Short Guide to the Caucasian Military History Museum.* Tiflis: Military-historical Department at the Headquarters of the Caucasian Military District, 1911 (in Russian)].
8. Кривенко В. С. Покорение Восточного Кавказа. *Русский инвалид.* № 179. 19 августа 1909a. С. 2 [Krivenko V. S. Conquest of the Eastern Caucasus. *Russian invalid*. No. 179. August 19, 1909a, p. 2 (in Russian)].
9. Кривенко В. С. Покорение Восточного Кавказа. *Русский инвалид.* № 180. 20 августа 1909b. С. 3 [Krivenko V. S. Conquest of the Eastern Caucasus. *Russian invalid*. No. 180. August 20. 1909b, p. 3 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

10. Лапин В. В. Армия и флот России в 1906–1916 гг. Был ли развал вооруженных сил империи в 1917 г. заложен в предреволюционные годы? *Российская империя между реформами и революциями*, *1906–1916.* М.: Квадрига, 2021. С. 319–348 [Lapin V. V. Russian Army and Navy in 1906–1916. Was the Collapse of the Empire's Armed Forces in 1917 Rooted in the Pre-revolutionary Years? *Russian Empire Between Reforms and Revolutions,* 1906–1916. Moscow: Kvadriga, 2021, pp. 319–348 (in Russian)].
11. Максимчик А. Н. От «дней воспоминания» на Кавказе до «празднования полувекового юбилея покорения Восточного Кавказа» на Гунибе в 1909 г. *Альбом капитана Никитина. Гуниб 1909 г.: альбом подвижного сбора и торжеств на Гунибе по случаю 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа: фотография, документы, материалы. Каталог выставки*. Ростов-н/Д: АРКОЛ, 2019. С. 4–13 [Maksimchik A. N. From the "days of remembrance" in the Caucasus to the "celebration of the half-century anniversary of the conquest of the Eastern Caucasus" on Gunib in 1909. *Album of Captain Nikitin. Gunib 1909: Album of Mobile Gathering and Celebrations on Gunib on the Occasion of the 50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus: Photography, Documents, Materials. Exhibition Catalogue*. Rostov-on-Don: ARKOL, 2019, pp. 4–13 (in Russian)].
12. Новосельский С. С. «Смута» или «Революция»? События 1905 г. в России в оценках представителей власти и консервативных течений общественной мысли. *Вестник РГГУ.* Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4–1(10). С. 98–108 [Novoselsky S. S. "Troubles" or "Revolution"? The Events of 1905 in Russia in the Assessments of Government Officials and Conservative Currents of Social Thought. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities.* Series: Political science. Story. International relationships. 2017. No. 4–1(10), pp. 98–108 (in Russian)].
13. Приказ по кавказскому военному округу. 25-го августа 1909 г. – Укр. Гуниб. *Голос Кавказа.* № 893. 23 августа 1909 г. С. 1–2 [Order for the Caucasian Military District. August 25, 1909 – Gunib. *Voice of the Caucasus*. No. 893. August 23. 1909, pp. 1–2 (in Russian)].
14. Прозрителев Г. Н. *К 50-летию взятия Гуниба. Ставрополь, 1909*. [Б. м., б. г.] [Prozritelev G. N. *To the 50th Anniversary of the Capture of Gunib. Stavropol, 1909*. [No place, no publisher, no year] (in Russian)].

Информация об авторе

Бешкинская Василиса Сергеевна — младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; vbeshkinskaya@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0002-3292-9880.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 19.07.2024; принята к публикации 22.07.2024; опубликована 30.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vasilisa S. Beshkinskaya — Junior Research Fellow of European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; vbeshkinskaya@eu.spb.ru, https://orcid.org/0000-0002-3292-9880.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 22.07.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
Исторические науки
УДК 94(47)+57.09
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-611-630

«…Я убедился в необходимости некоторых изменений…»
(Записка Н. И. Пирогова и мнение М. С. Воронцова о преобразовании медицинской части на Кавказе, 1847 г.)[1]

Сергей Борисович Манышев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0002-5276-7743

Аннотация. Статья представляет собой публикацию записки известного российского хирурга Николая Ивановича Пирогова, посвященной преобразованиям медицинской части в войсках на Кавказе. Записка датируется 1847 г. и была подготовлена по результатам поездки профессора в регион для распространения в армии эфирного наркоза. Сформулированные в записке положения, основанные на конкретных данных, отражают мнение одного из ведущих ученых о необходимых преобразованиях в области организации медицинской помощи военным на Кавказе. Автор по пунктам излагает отдельные меры, направленные на улучшение качества оказания лечебной помощи. Большой интерес представляют замечания командующего Отдельным кавказским корпусом Михаила Семеновича Воронцова, от которого в конечном счете зависело, какие из предложений Н. И. Пирогова будут приняты, а какие нет.

Ключевые слова: Н. И. Пирогов, Кавказская война, М. С. Воронцов, Дагестан, военная медицина, госпиталь

Для цитирования: Манышев С. Б. «…Я убедился в необходимости некоторых изменений…». (Записка Н. И. Пирогова и мнение М. С. Воронцова о преобразовании медицинской части на Кавказе, 1847 г.). *Ориенталистика*. 2024;7(3):611–630. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-611-630.

---

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Манышев С. Б., 2024
© Ориенталистика, 2024

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-611-630

"…I was convinced of the need for some changes…"
(Note by N. I. Pirogov and opinion by M. S. Vorontsov on the transformation of the medical unit in the Caucasus, 1847)

Sergey B. Manyshev

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0002-5276-7743

Abstract. The article is a publication of a note by the famous Russian surgeon. Nikolai Ivanovich Pirogov (1810–1881). It deals with the transformation of the medical unit in the troops in the Caucasus. The note dates back to 1847. It describes the results of the professor's trip to the Caucasus to promote ether anaesthesia in the Russian army. The positions formulated in the note reflect the opinion of one of the leading Russian medical scientists on the necessity of changing Army medical care. N. Pirogov lists the necessary measures aimed at improving the quality of medical care. The comments on the note left by the commander of the Special Forces Caucasian Corps Prince Mikhail Semenovich Vorontsov (1782–1856) are interesting indeed. He was instrumental in implementing N. Pirogov's suggestions.

Keywords: N. I. Pirogov, Caucasian War, M. S. Vorontsov, Daghestan, military medicine, hospital

For citation: Manyshev S. B. "…I was convinced of the need for some changes…". (Note by N. I. Pirogov and opinion by M. S. Vorontsov on the transformation of the medical unit in the Caucasus, 1847). *Orientalistica*. 2024;7(3):611–630. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-611-630 (in Russian).

Введение

7 июня 1847 г. по повелению императора Николая I был «отправлен на Кавказ для указания врачам тамошнего края способов применения употребления эфира при хирургических операциях» профессор Императорской медико-хирургической академии и член-корреспондент Императорской академии наук Николай Пирогов [Послужной список…, 1976, с. 93].

С развитием химической промышленности к середине 1840-х гг. была подготовлена почва для окончательного введения в медицинскую практику эфирного и хлороформного наркозов.

Официальной датой открытия эфирной анестезии считается 16 октября 1846 г., когда в клинике Бостона Уильям Мортон произвел первую публичную операцию под наркозом [Wolf, 2009, с. 1–2]. Таким образом, в хирургии оказалась решенной одна из важнейших проблем — обезболивание, так как

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Manyshev S. B. 2024
© Orientalistica, 2024

до этого пациенты зачастую умирали от болевого шока прямо во время операции. Кроме того, хирургические вмешательства стало проводить гораздо проще чисто технически, поскольку теперь пациент был обездвижен.

Пытаясь доказать безопасность эфирного наркоза и необходимость его повсеместного введения, Н. И. Пирогов в сопровождении ассистента Медико-хирургической академии П. Ю. Неммерта и фельдшера Второго военно-сухопутного клинического госпиталя Калашникова отправился из Петербурга в действующую армию на Кавказ, где эфирный наркоз был наиболее востребован [Манышев, 2018a; Манышев, Манышева, 2018].

Это, казалось бы, малозначительный факт и в биографии состоявшегося ученого, и в истории Кавказской войны. В целом, история пребывания Н. И. Пирогова в регионе изучена достаточно неплохо. Но спустя годы этому небольшому эпизоду из жизни выдающегося хирурга было уготовано стать одним из важных сюжетов исторической памяти народов Северного Кавказа: Пирогову придумывали несуществующих помощников из представителей местных народов, приписывали операции, которых он не делал, а в местных музеях можно найти, по крайней мере, 3 «набора Пирогова», которые были им «подарены» своим «помощникам» [Виноградов, Руднев, 2009, с. 44–45; Манышев, 2017; Манышев, 2018b; Карташев, Дугинец, 2022]. Быть сопричастными «большой истории» — это особая удача. Но подобные домыслы, мифы и легенды сложились не на пустом месте: за более чем полтора века число опубликованных документов, посвященных пребыванию Н. И. Пирогова на Кавказе, незначительно: это журнал заседания Кавказской врачебной управы, в котором идет речь о заготовке Кавказской казенной аптекой эфира [*Медицинский хронограф*..., 2016, с. 45], а также циркуляры Медицинского департамента Министерства внутренних дел, содержащие рекомендации по применению эфирного наркоза [Манышев, Манышева, 2019, с. 81–82].

Главным же источником по пребыванию именитого хирурга в регионе остается его «Отчет о путешествии по Кавказу» [Пирогов, 1849]. Выход этой работы стал своеобразной вехой как в истории медицины, так и в биографии самого Н. И. Пирогова, для которого Кавказская война была той войной, где зародились основные идеи, получившие свое развитие в годы Крымской кампании. «Отчет о Путешествии по Кавказу» был благосклонно воспринят не только медиками, но и любознательной просвещенной общественностью. «Книга г. Пирогова написана так легко и занимательно, — сообщал журнал «Современник» своим читателям, — что самые сухие медицинские вопросы представляются в ней под увлекательною формою, доступною всякому образованному человеку. Поэтому мы считаем долгом обратить на нее внимание тех из наших читателей, которые не принадлежат к медицинской публике. Последняя уже без нашей рекомендации прочла от доски до доски любопытный труд гениального профессора» [Несколько слов..., 1850, с. 170].

«Отчет о путешествии по Кавказу» был издан в 1848–1849 гг. конференцией Медико-хирургической академии в журнале «Записки по части врачебных наук». Сам Н. И. Пирогов писал: «Возвратившись в 1848 г. с Кавказа, я представил Военно-медицинскому департаменту отчет о моих действиях на поле сражения и в дагестанских госпиталях. Этот отчет удостоился высочай-

шего повеления быть переведенным на французский язык» [Букин, 1958, с. 79]. И уже в 1849 г. последовали два отдельных издания — на русском и французском языках.

«Отчету о путешествии по Кавказу», ставшему конечным документом, предшествовал ряд более ранних мнений и записок, которые представлялись Пироговым на суд вышестоящего начальства [Пирогов, 1847]. Один из таких документов и публикуется ниже. И, если большинство тезисов ученого впоследствии вошли в его «Отчет о путешествии по Кавказу», то здесь чрезвычайно интересно мнение генерал-адъютанта М. С. Воронцова, в частности — он не соглашается с некоторыми из предложений Н. И. Пирогова. Совершенно очевидно, что высказанные командующим Отдельным кавказским корпусом замечания были сформулированы под влиянием его личного врача Э. С. Андреевского. Здесь также необходимо учитывать достаточно сложные личные отношения между последним и Н. И. Пироговым [Манышев, 2020, с. 210–211].

Документ извлечен из фонда 1 «Канцелярия военного министерства» Российского государственного военно-исторического архива. Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей оригинала. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Записка профессора Н. И. Пирогова о преобразовании медицинской части на Кавказе и мнение по этому поводу командующего Отдельным кавказским корпусом генерал-адъютанта М. С. Воронцова

Не ранее 15 сентября 1847 г.

Записка «О необходимости некоторых изменений по врачебной части на Кавказе» профес[сора] Пирогова

Посетив госпитали Кавказа, познакомившись с бытом военных врачей в здешнем крае и находясь в действующем отряде при осаде укр[епления] Салты[3], я убедился в необходимости некоторых изменений как во врачебных способах, употребляемых на поле сражения, так и в самом быте военных врачей.

Мнение главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом генерал-адъютанта князя Воронцова[2]

1. Я убедился из опыта и привел доказательства в отчете о моих действиях, сообщенном мною его сиятельству господину наместнику, что значительные операции, к[ак] т[о] отнятие членов, вырезывание раздробленных костей и т[ому] п[одобное], Этот факт неоспорим. Само собою разумеется, что везде, где стреляют из огнестрельного оружия, в европейских как в азиатских войнах встречаются раны, более или менее тяжелые. Если же военные врачи, в особенности здешние, не так

[2] Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — граф, светлейший князь (1852), наместник на Кавказе (1844–1854). Именно при нем была проведена неудачная Даргинская экспедиция (1845), однако, взяты два других крупных укрепленных пункта — аулы Салты и Гергебиль.

[3] Салты — укрепленный аул в Дагестане, осада которого продолжалась с конца июля до середины сентября 1847 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

здесь на поле сражения почти также встречаются, как и в других европейских войнах.

Хотя местность во многих случаях препятствует избранию удобного перевязочного пункта, но в предстоящих осадах укрепленных аулов Дагестана перевязочные пункты, без сомнения, могут быть избраны с возможною удобностию для производства операций и перевязки ран. Они, по моему мнению, не должны быть расположены так близко к осаждаемому месту, как это делается теперь (наприм[ер], в траншеях при осаде Салты) и при осадах нет никакой существенной необходимости врачам перевязывать раненых под неприятельскими выстрелами, по крайней мере то, что здесь называется перевязывать раненых, есть чисто дело фельдшеров, а не врачей; перевязка эта состоит в одном наложении корпии и бинта на раненое место, производство же других, более существенных пособий в таких перевязочных пунктах решительно невозможно. При атаке Гергебиля было перевязано таким образом с лишком 600, а при ночном нападении на часть нашего войска, расположенного в садах, при осаде Салты один врач (г[осподин] Турбин[4]) перевязал таким же образом до 250 раненых. Конечно, рвение врачей и желание их перевязывать раненых под неприятельскими выстрелами есть похвальное и даже высокое дело в глазах военачальников и самих раненых, но, я повторяю, нет никакой существенной пользы для больного, если его рана будет прикрыта куском корпии и бинтом, и опасность, которой подвергается жизнь врачей в этом случае, нисколько не равняется пользе, которую они приносят этою перевязкою, часто прибегают к значительным хирургическим операциям, как это делалось в прежние времена, то единственно потому, что по практике они имели случай наблюдать усилия природы к излечению таких ран, которые и теперь еще в некоторых книгах показаны как непременно требующие отнятия членов. Пример азиатских эмпириков в этом отношении остался не без влияния на наших врачей. Азиаты вообще, а в особенности нуркойские жители[5] в Чечне, весьма часто излечивают огнестрельные раны с раздроблением кости, даже в суставах, без всякой операции, кроме расширения язвы посредством едкой мази.

Что касается правил для устройства перевязочных пунктов при осаде укрепленных аулов в Дагестане, о которых говорит г[осподин] Пирогов, то на это надобно заметить, 1) что осада укрепленных аулов не есть обыкновенное действие в здешней войне и что после 1839 г., т[о] е[сть] взятия Ахульго[6], таковых не было до осады в 1847 г. Гергебиля[7] и Салтов; 2) что под Салтами главный перевязочный пункт был довольно близок к крепости, но вне всякой опасности, и находился позади моего лагеря, первые же перевязки делались гораздо ближе от неприятеля, и нельзя не сознаться, что это служило к значительному облегчению раненых. В дни атаки стены и внутренних укреплений 9 и 14 сентября таковой пункт был назначен особо позади кавалер-батареи в совершенно безопасном месте. Надобно знать, что с начала осады были заняты на пистолетный от аула выстрел такие места, которые еще не могли иметь безопасного сообщения с другими частями лагеря. Верная смерть

[4] Турбин Иван Семенович — лекарь, титулярный советник (1849), награжден орденом Святой Анны 3-й степени (1849).

[5] Имеются в виду жители селения Нурки в Чечне, которые славились своим искусством врачевания, передаваемым из поколения в поколение.

[6] Имеется в виду штурм и осада летом 1839 г. укрепленного аула Ахульго, бывшего важным опорным пунктом имама Шамиля.

[7] Речь идет об осаде аула Гергебиль в Северном Дагестане, которая началась летом 1847 г., а окончилась летом 1848 г. взятием его под контроль российскими войсками.

делом чисто механическим, не требующим ни особенных сведений, ни искусства. Что же касается до вырезывания пуль и других небольших операций, производимых также иногда врачами в этих близких к сражению перевязочных пунктах, то случаи, требующие безотлагательного производства этих операций, чрезвычайно редки. Итак, я думаю было бы несравненно полезнее при осадах укрепленных аулов в Дагестане поступать следующим образом: если, смотря по местности и другим обстоятельствам, нельзя будет найти вблизи от осаждаемого места безопасного и удобного перевязочного пункта, то нужно избрать один или несколько перевязочных пунктов ближайших и один главный, более отдаленный и более удобный. В-первых, должны назначаться только одни фельдшера для прикрытия ран корпиею[8] и бинтом или для наложения турникета в случае кровотечения, а во втором (главном) пункте должны уже совершаться существенные хирургические пособия, к[ак] то перевязывание кровь источающих сосудов, вырезывание пуль, отнятие членов и т[ому] п[одобное].

Приложение эфирных паров к производству хирургических операций делает еще более необходимым, чтобы этот главный перевязочный пункт был устроен с некоторым удобством, так наприм[ер], вблизи до́лжно иметь под руками горячую воду, надлежащее число помощников и т[ому] п[одобное]. Всем врачам отряда, если это позволяет ожидала бы и раненых, и несущих их, если бы мы захотели в продолжение дня препровождать их к главному перевязочному пункту, оставлять же этих раненых без перевязки и на попечение одних фельдшеров до ночи было бы невозможно. Под Гергебилем главный перевязочный пункт находился еще ближе к неприятелю, нежели под Салтами, но в месте, совершенно защищенном от ружейных выстрелов и безопасном от ядер, которые только могли перелетать.

Раненых было в день атаки не с лишком 600, а 410 человек. Перевязка, которою заведовал старший медик Дагестанского отряда г[осподин] Годзиевский[9], произведена с точным знанием дела и в примерном порядке. Во время ночного нападения с 22 на 23 число августа ранено не 250, а 163 человека. Сообщение с позициею генерал-майора Бюрно было затруднительно и особливо в первые дни небезопасно. Под командою его находилось, кроме артиллерии и милиции, 2 баталиона.

Здешнее военное начальство никогда не согласится с мнением г[осподина] Пирогова, что такую часть можно оставить без медика на попечение одних фельдшеров: не говоря о ранах, встречаются и другие случаи, требующие без отлагательства медицинского пособия, при том же полагают многие военные медики, что большие операции, делаемые, наприм[ер], впоследствии раздробления кости от ядра или осколка гранаты, должны быть произведены если не на

[8] Корпия — разделенная на нити хлопчатобумажная или льняная ткань, использовавшаяся в качестве перевязочного материала.

[9] Годзиевский Антон Иванович (Павлович) (1813–?) — выпускник Виленской медико-хирургической академии (1837). Служил в дербентском военном госпитале (1844), старший ординатор (1847), помощник главного доктора (1851) темир-хан-шуринского военного госпиталя, главный доктор кутаисского (1855), тифлисского (1856), владикавказского (1865) госпиталей, старший доктор Терской области (1871). Получил звание штаб-лекаря в Московском университете за диссертацию «О черных рожках» (1845).

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

расположение войска, должно быть вменено в непременную обязанность собираться в день штурма в главном перевязочном пункте. Строгий, почти математический порядок необходим для того, чтобы все больные были перевязываемы поочередно, без того, как я это знаю из опыта, легко может случиться, что между перевязанными уже больными при новом приливе раненых, будут положены еще неперевязанные, которые таким образом могут остаться лишенными безотлагательной помощи. Над соблюдением этого порядка и вообще над действиями врачей в главном перевязочном пункте должен наблюдать отрядной врач.

Для этого отрядной врач должен быть не просто только полковой или батальонный медик, как это было при осаде Салты, но дивизионный, наряжаемый нарочно для этой цели корпусным врачом. Больший авторитет дивизионного врача и отношения его к военно-начальникам и к подчиненным ему полковым врачам, сделают распоряжения его гораздо важнее и значительнее, нежели баталионного или полкового врача, приказания которого другими, ему равными медиками обыкновенно исполняются не с надлежащею точностию.

2. Одни баталионные ящики с инструментами, отпускаемые теперь вместе с баталионами, в отряде недостаточны, в них нет некоторых инструментов, необходимых для вырезывания и просверливания костей, операций встречающихся здесь нередко на поле сражения, полковые же наборы (в которых, впрочем, также нет инструментов для вырезывания костей) обыкновенно не отпускаются в отряд потому, что они остаются при полковых лазаретах, таким образом при осаде Салты не было ни одного полкового ящика.

самом месте происшествия, то в ближайшем от него расстоянии, потому что транспорт раненому с подобным поражением причиняет страдания не менее мучительные, чем операция.

При соединении в общее управление Северного и Южного Дагестана легко на будущее время назначать в отрядные медики высших медицинских чиновников. В Чечне, как вообще в прежние походы, отрядными медиками всегда были дивизионные доктора. Впрочем, что касается г[оспод] Годзиевского и Сергеева[10], которые были старшими медиками Дагестанского и Самурского отрядов, то имея случаи в продолжении 5 месяцев лично следить за их действиями, я не могу отозваться об них иначе, как с полною признательностию к их неусыпным трудам и дельной распорядительности, хотя они не имели звания дивизионных докторов, но соответствовали вполне всему, чего от них можно было бы ожидать.

Все сказанное во втором пункте справедливо, нужно объяснить только, что здесь редко случается, чтобы все баталионы одного и того же полка находились вместе в одном отряде, а посему нельзя требовать, чтобы с баталионами были отправлены полковые хирургические ящики. Эти ящики остаются при полковом лазарете по той причине, что каждый полк при выступлении в поход его баталионов, снабжая их необходимыми припасами медицинскими и хирургическими, оставляет на месте полковой

[10] Сергеев Николай Михайлович — старший врач Самурского отряда (1847), коллежский асессор (1849), награжден орденами Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 3-й степени.

Также не отпускается в отряд и набор для ставления кровососных банок, заменяющий, как известно, во многих случаях пиявицы и потому необходимый для предотвращения воспалений, нередко следующих за наружными повреждениями. То же самое дóлжно заметить о некоторых фармацевтических средствах, необходимых в лечении свежих ран.

Если транспорт раненых в ближайшие госпитали начинается не тотчас после штурма, то пребывание их в отряде в течение первых трех или четырех дней, неразлучно соединенное с развитием нервных припадков, воспалений, кровотечений и т[ому] п[одобное], требует, разумеется, таких пособий, которые не могут быть сделаны без достаточного количества некоторых фармацевтических средств. И в этом отношении я замечаю, что, с одной стороны, средства, необходимые в подобных случаях, или совсем не находятся в госпитальных каталогах, или же отпускаются в баталионы в весьма малых количествах, а с другой стороны, в походных аптеках находятся такие средства, которые (как, наприм[ер], сулема[11]) едва ли когда употребляются во время похода.

Чтобы помочь этим неудобствам, я полагаю необходимым устроить особенный отрядный походный набор по образцу французского походного ранца. Этот ранец должен быть устроен таким образом, чтобы он в себя вмещал: инструменты, содержащиеся в нашем полковом наборе, и сверх этого, во-вторых, цепную и маленькую пилки (passe partout[12]), необходимые для вырезывания костей, в-третьих, железки для прижигания, в-четвертых, прибор с кровососными банками, в-пятых, клистирную трубку[13], в-шестых, предположенный мною прибор для эфирования, в-седьмых, походную аптечку, в которой содержится лазарет, в котором всегда остается довольное число больных, и сверх того поступают больные постороннего ведомства, таким же образом набор для ставления кровососных банок при полковом лазарете необходим. С мнением г[осподи]на Пирогова о снабжении отрядов походными ранцами я совершенно согласен и просил его заказать в С[анкт]-Петербурге и выслать сюда 3 таких ранца для употребления на указанном им основании. Впрочем, ниже будет сказано, как необходимо снабжать отряды особыми инструментами. В 3 последние кампании, сделанные мною здесь, я имел случай видеть, что все приготовления по медицинской части для войск, действующих в Чечне чрез попечение главного доктора войск на Кавказской линии и в Черномории расположенных, были совершенно удовлетворительны, и надобно теперь надеяться, что назначенный вновь из С[анкт]-Петербурга корпусный штаб-доктор покажет такую же деятельность и умение в снабжении всем нужным войск Дагестанского и Лезгинского отрядов. Желательно также, чтобы инструменты, присланные из Петербурга, были хорошего качества.

[11] Сулема (хлорид ртути (II)) — сильнодействующее ядовитое вещество, применявшееся в медицине в качестве дезинфицирующего средства.

[12] Passe partout (фр.) — буквально «отмычка», небольшая пилка, применявшаяся в хирургии.

[13] Клистирная трубка — трубка для выполнения клизмы.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

в достаточном количестве (полагая круглым числом на 50–60 челов[ек] раненых) из наружных средств: a) для остановления кровотечений: кровьостанавливающий порошок (pulvis stipticus), гемостатик и трут[14], b) при перевязке ран: отборную корпию, приготовленную в виде шариков, турунд и проч[его], хлопчатую бумагу; c) селитрокислое серебро[15] и красную окись ртути[16]; d) цветы бараньей травы (arnica montana[17]), горчицу и шпанские мушки. Из внутренних средств: a) морфий; b) опийную настойку; c) лавровишневую воду и экстракт белены; d) каломель[18]; e) хинин; f) касторовое масло; g) порошок из селитры и винного камня (pulvis temperans); h) рвотный камень[19]; i) порошок рвотный (из рвот[ного] камня и ипекакуаны[20]); k) доверов порошок[21]; l) шипучий порошок; m) кислоту лимонную или винно-каменную; n) винный камень; o) мошус[22]. При транспортах этот ранец перевозится на вьючных лошадях или арбах, на месте же осады он носится фельдшерами. По крайней мере 2 таких ранца необходимы для отряда. В Тифлисе при главном корпусном докторе должно

[14] Трут — легковоспламеняющийся материал из ветоши и губчатой части гриба трутовика, использовавшийся для остановки кровотечения.

[15] Селитрокислое серебро — средство, применявшееся для прижигания и стерилизации ран.

[16] Красная окись ртути — ядовитое средство, применявшееся в качестве антисептика.

[17] Arnica montana (арника горная) — применялась в качестве кровеостанавливающего средства.

[18] Каломель (хлорид ртути (I)) — сильнодействующее ядовитое вещество, применявшееся в основном наружно как обеззараживающее средство.

[19] Рвотный камень — соединение оксида сурьмы и виннокислого калия, применявшееся в качестве отхаркивающего и рвотного средства.

[20] Ипекакуана — травянистое растение, из которого изготавливали отвар и порошок, применявшиеся в качестве отхаркивающего и рвотного.

[21] Доверов порошок (Pulvis Doweri) — средство от кашля, включавшее в себя опий и рвотный корень.

[22] Мошус — гомеопатические средство, применявшееся при истерии, судорогах и различных неврологических расстройствах.

находиться Депо отрядных наборов, и отсюда должны они пересылаться в отряд, по окончании экспедиции они снова возвращаются для сдачи и исправления корпусному штаб-доктору. Кроме этого ранца, баталионные ящики и походные аптеки должны по-прежнему находиться в отряде, из них в последней должно содержаться достаточное количество: 1) цветов бараньей травы, весьма полезной для уменьшения травматических болей и опухолей (до 15–20 фунт[ов] на баталион); 2) бараньего сала, весьма полезного для предотвращения рожистых воспалений; 3) липкого пластыря до 25–30 фунт[ов] на баталион, ленточки из этого пластыря могут с большою выгодою во многих случаях заменять бинты при перевязках; 4) свинцового экстракта для делания свинцовых примочек; 5) хлористой извести и скипидара для предотвращения гнилости и образования червей в ранах; 6) серного эфира для эфирования до 20–30 фунт[ов].

3. Но как бы ни были удобно устроены ящики с хирургическими инструментами, они все-таки не будут соответствовать своей цели, если при отряде не будет несколько фельдшеров, искусных в точении и направлении инструментов. Отнятие членов и другие большие операции, сделанные 4 или 5 раз одним и тем же инструментом, делают его не только тупым, но иногда даже и едва годным к употреблению, потому я и предложил избрать несколько фельдшеров для обучения точке и направлению режущих инструментов у инструментального мастера, находящегося в Тифлисе.

На первый раз для предстоящей в следующем году экспедиции достаточно будет четырех таких фельдшеров. Само по себе также разумеется, что эти фельдшера во время экспедиции должны быть снабжены оселками и ремнями. Они должны быть обязаны находиться всегда при главном перевязочном пункте и после каждой операции направлять инструменты на ремнях.

Все, что сказано г[осподино]м Пироговым насчет обучения фельдшеров точению и направлению инструментов, совершенно справедливо, и мною сделано распоряжение как об этом, так и о введении повсюду оселков и ремней.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

4. Кроме означенных мною больших приборов, необходимо иметь при Кавказском корпусе и лекарские, ординаторские и фельдшерские карманные наборы по новому, высочайше утвержденному, образцу. Я нашел, что при посещении моем дербентского и шуринского госпиталей, ни в одном из них нет ни полковых, ни лекарских, ни корпусных новых наборов, хотя в них встречается после экспедиций значительное число хирургических случаев. Во всех этих госпиталях я производил по недостатку инструментов операции моими собственными. Для экспедиций я считаю также необходимым снабжать врачей отряда по крайней мере двумя или тремя лекарскими наборами по новому образцу, которые также, как и отрядной ранец, должны быть по окончании экспедиции возвращаемы ими корпусному штаб-доктору в Тифлисе. Хотя многие инструменты лекарских наборов находятся уже в отрядных и баталионных ящиках, но я убедился из опыта, как легко, несмотря на все предосторожности, небольшие инструменты портятся и пропадают при стечении больных в перевязочных пунктах. Чтобы избежать сколь можно эту потерю и вместе чтобы подавать без всякой остановки скорую помощь раненым, прикомандированный ко мне фельдшер при перевязках был снабжен патронташем, пришитым к груди сюртука (как на черкесках), инструменты вкладывались в отверстия этого патронташа после каждой операции, этим простым средством я выигрывал много времени, теряющегося на вынимание и вкладывание инструментов, содержащихся в ящиках и наборах и предупреждал их потерю в песке, канавах и соломе, на которой лежат раненые.

В темир-хан-шуринском военном госпитале положен по штату корпусный набор хирургических инструментов, но до сих пор он еще не выслан Медицинским департаментом. По моему мнению, должно бы находиться в грозненском и кумухском военных госпиталях также по одному корпусному набору, а прочие госпитали должны бы иметь по крайней мере полковые наборы. Находя, что вообще ощутителен бывает недостаток в хороших хирургических инструментах, я не только всегда имею в главной квартире полный прибор отличных хирургических инструментов, но и выписал в прошедшем году для полков Сунженского и Лабинского инструментные довольно полные приборы из Англии, которые очень хороши, очень удобны и стоят каждый всего 6 фунтов стерлингов. Я также прошу г[осподина] профессора Пирогова выслать сюда из С[анкт]-Петербурга 6 лекарских наборов нового образца для снабжения ими отрядных медиков. Снабжение фельдшеров потранташами для сбережения инструментов будет введено, и испытание уже делается.

5. Что касается до транспорта раненных с переломленными членами, то нет сомнения, крахмальная повязка принадлежит к самым надежным средствам для предохранения от боли, сотрясения и разрыва мягких частей. Для этой цели должно быть поставлено в обязанность отрядному врачу пред экспедициею заготовить несколько таких повязок по способу, указанному мною и помощником моим

О заготовлении описываемых здесь повязок сделано распоряжение с тем, чтобы по мере возможности они везде были употребляемы, где будет в них надобность; по приказанию моему снабжается также каждый баталион двумя алжирскими лежанками и двумя сидейками.

г[осподином] Немартом[23] в здешних госпиталях. Наложив предварительно несколько таких повязок на верхние и нижние конечности здоровых людей различной высоты и толщины, закрахмалив их, нужно дать им высохнуть на теле и после того снять, разрезав папку в длину спереди и сзади. Таким образом будут изготовлены картонные шины различной величины. Где нужно будет употребить эту повязку, то стоит только сделать вырезку в шину, соответствующую наружной ране, смочить шину слегка водой, наложить на раненый член, прикрепить круговыми ходами бинта и снова смазать крахмалом. Чрез это предварительное изготовление шин из папки по различным образцам выигрывается время, и повязка лежит также плотно и хорошо на поврежденном члене, как и свеженаложенная. Две таких шины изготовлены и оставлены мною для образца в здешнем тифлисском госпитале.

В экспедицию вместе с отрядным и карманными наборами должно отпускаться достаточное количество крахмала и по крайней мере до 20 таких повязок на каждый баталион. Что касается до других транспортных средств, то троекратное испытание неоспоримо доказало мне не только возможность употребления, но и удобство при транспортах алжирских сидеек и лежанок. Несмотря на значительные трудности на пути от Салты в Казикумых[24], особливо около Цудахарского ущелья, я легко убедился, во-первых, что черводарская лошадь переносит без труда алжирскую лежанку с двумя больными, во-вторых, раненые с переломленными или отнятыми членами лежат спокойно и удобно на этих лежаках;

[23] Неммерт Петр Юлиевич (1818–1858) — выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (1840), ассистент Н. И. Пирогова в хирургических операциях. Вместе с последним был командирован на Кавказ для внедрения эфирного наркоза в практику. По возвращении в Санкт-Петербург был назначен адъюнкт-профессором по кафедре патологической анатомии, оперативной хирургии, десмургии и механургии, возглавлял госпитальную хирургическую клинику 2-го военно-сухопутного госпиталя (1855–1858).

[24] Казикумух — центр Казикумухского ханства, вошедшего в состав Российской империи в 1820 г. В период Кавказской войны здесь располагался военно-временный госпиталь.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

в-третьих, только трое нижних чинов (один из них даже может быть заменен черводарем) необходимо для транспорта, следовательно, для транспорта двух раненых в 8 раз менее выбывает людей из строя. Я полагаю, что и верблюды могли бы в этом отношении быть полезны для войны в Дагестане. Итак, несколько (до 15) алжирских лежанок должны также находиться в отряде преимущественно для раненых с переломами костей нижних конечностей.

6. Чтобы иметь понятие о потребностях врачебной части отряда, я полагал бы необходимым корпусному штаб-доктору иметь при себе одного или двух дивизионных докторов. Занятый письменною, административною частию, корпусный штаб-доктор не в состоянии лично посещать ни временные госпитали, назначенные преимущественно для принятия раненых, ни отрядной госпиталь во время экспедиции, и потому не может иметь надлежащего сведения о различных неудобствах, вкрадывающихся в администрацию. Ординаторы же, прикомандированные к управлению временными госпиталями, и баталионные и полковые врачи, назначаемые в отрядные медики, не имеют достаточного авторитета и доверенности, чтобы способствовать к удалению вкрадывающихся неудобств.

По случаю раздробления войск на Кавказе и без того некоторые дивизионные доктора не имеют занятий и круга действия, соответствующего их званию, но, как выше сказано, обыкновенно один из них бывает при отряде, и именно в Чечне. В 1845 г. сам статский советник Земский[25] был в главном отряде, я не вижу, почему корпусный штаб-доктор не мог бы иногда отделиться от бумажных дел и по крайней мере объезжать вверенные ему части. Впрочем, дивизионные доктора, н[а]п[ример], 21 дивизии, могут по распоряжению главного начальства быть во время экспедиции в Дагестане. Я не считаю полезным умножить число дивизионных докторов, и гораздо лучше для избежания новых ненужных расходов оставить по-теперешнему одного дивизионного доктора при каждой дивизии, но, по моему мнению и по мнению всех участвовавших столько лет сряду в военных действиях, весьма бы полезно было иметь в распоряжении главного здесь начальства двух отличных и опытных операторов. Один из них был бы во время экспедиции при каждом из главных действующих отрядов, т[о] е[сть] в Чечне и Дагестане, и зимою оба были бы употреблены по распоряжению корпусного штаб-доктора или в Тифлисе, или в тех госпиталях, где больше остается

[25] Земский Николай Федорович (1791–1864) — выпускник Московской медико-хирургической академии (1814), старший лекарь Владикавказского военного госпиталя (1820–1824), старший врач войск Кавказской линии и Черномории (1837), занимался лечением Д. А. Милютина от огнестрельной раны, а также желудочных колик (1839), старший доктор главного действующего отряда в период Даргинской экспедиции (1845), в последние годы жизни — главный доктор Ставропольского военного госпиталя.

раненыхигдебыпомощьихбылабынужнее. Полковых лекарей у нас много хороших, а из трех дивизионных докторов 2 всегда могут, если найдутся к тому способными, быть главными распорядителями по медицинской части в отрядах. Ежели мысль о назначении операторов удостоится высочайшего одобрения, то может быть г[осподин] Пирогов найдет для нас в Петербурге операторов, вполне способных для предстоящей им здесь службы и снабдит их лучшими инструментами. Это было бы благодеянием для здешних войск.

7. Я полагаю, что некоторый переворот вообще необходим в состоянии врачебного сословия на Кавказе. С одной стороны, известны постоянные представления здешнего начальства о недостатке врачей и постоянно слышатся жалобы и жителей, и военных чинов на недостаток хорошо образованных медиков и именно хирургов, доходящие до такой степени, что многие даже просвещенные люди, раненые на поле сражения, прибегают к помощи туземных лже-врачей, с другой стороны, Военно-медицинский департамент значительно затрудняется в удовлетворении этих представлений здешнего начальства, а самые врачи, посылаемые на Кавказ и служащие здесь, весьма часто жалуются на их участь, действительно во многом отношении малоутешительную. Большая часть военных врачей, здесь служащих, выходит из казенных воспитанников университетов и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии[26]. Хотя последняя и назначена преимущественно для образования военных врачей, но ни одно высшее учебное заведение не может и не должно стремиться при образовании молодых людей к достижению одной только ограниченной чисто специальной цели, а многие из молодых людей, учившихся в этих заведениях, надеявшиеся, может быть, достигнуть и более высшей степени образования, посланные на Кавказ, где они иногда должны проводить целые

Г[осподин] Пирогов весьма довольно и справедливо объяснил недостатки и невыгоды медицинского сословия при здешних войсках. Все, что он говорит о малом числе хороших ординаторов и о действии здешней службы на многих из тех, которые высылаются нам из России, совершенно согласно с моим и общим здесь мнением. Остается только рассмотреть средства, предлагаемые г[осподином] Пироговым для улучшения этого положения. Хотя, казалось бы, и трудно без всяких специальных познаний спорить противу мнения такого лица, каков по медицинской части г[осподин] Пирогов, я должен, однако, по долговременному опыту и примечанию сношений медицинской части с военною, сделать некоторые возражения, благодаря вместе с этим г[осподина] Пирогова от всего сердца за данный им повод к представлению на высочайшее усмотрение по сему важному делу. Я не могу согласиться с мнением г[осподина] Пирогова касательно учреждения медицинской школы с целью образовать из туземцев медиков низшего разряда. Мне кажется, что если бы сие предположение, сделанное со столь благим намерением, приведено было в исполнение, то при весьма значительных расходах мы получили бы только некоторое число не медиков, не военных хирургов, а первостепенных особого рода фельдшеров, или, как сам г[осподин] Пирогов их называет,

[26] Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия — высшее специальное учебное заведение, готовившее врачей для военного и морского ведомств.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

годы с баталионами в отдаленных провинциях, лишенные всех средств образования, обманутые в своих надеждах, отчаиваются и теряют всякую наклонность к дальнейшему образованию.

Если уже тяжела участь офицера, зимующего в аулах Дагестана, то что же должно сказать о молодом враче, только что вышедшем из учебного заведения, для которого не следить за обществом и наукою значит отставать и разучиваться. Образование врача не оканчивается учебным заведением, оно продолжается и усовершается впоследствии его практическою деятельностию, но и эта деятельность у большой части военных кавказских врачей весьма скудна и ограничена. Сверх этого чистая откомандировка и перемещение врачей с одного места на другое также много препятствует к дальнейшему их усовершенствованию, а если мы видим, что нередко люди уже окончившие их образование со всею ревностию к дальнейшему усовершенствованию при неблагоприятных обстоятельствах теряют свою ревность и отстают, то мудрено ли, что молодые врачи, присылаемые из университетов и Академии, где они получают только что начатки научного образования, теряют охоту заниматься и так сказать стареют прежде времени.

Еще пример, может быть, мог бы благотворно на них подействовать и возбудить в них остывающую деятельность, но и его, к сожалению, нет: старшие из врачей, занятые администрациею, не могут молодым врачам служить образцами деятельности в науке. Мне казалось бы, что 2 средства могли бы улучшить состояние врачебного искусства на Кавказа, во-первых, строгий выбор нескольких старших врачей, которые должны состоять при корпусном штаб-докторе и должны назначаться ежегодно в отрядные врачи для заведывания полевою врачебною частию и вместе для сциентифического обзора госпиталей; во-вторых, учреждение особенной специальной школы в одном из главных городов Кавказского края для образования неученых врачей-специалистов. Такой результат я считаю малополезным и не соответствующим ни важности предмета, ни расходам, необходимым для нового заведения. Г[осподин] Пирогов уже знает, что у нас есть специалисты из туземцев, не обучавшихся европейской медицине, но нам нужно иметь в большом числе молодых врачей, сведущих не только в одной какой-либо части врачебной науки, но получивших полное образование и могущих в походах и на квартирах лечить и раны, и болезни, по которым их помощь будет испрашиваться.

Иметь таких людей более из туземцев несравненно полезнее, нежели требовать их из России. Служба для туземцев легче, они не отходят от своих привычек, менее терпят от климата, будут менее умирать и унывать, нежели молодые люди, прибывшие с севера, но как уже сказано, эти туземцы не должны быть первостепенные фельдшеры или неученые специалисты, но хорошо приготовленные медики, способные по своему образованию к повышению на службе. Г[осподин] Пирогов ставит нам в пример заведение во Франции officiers de santé. Я спрашивал об этом бывшего здесь недавно французской службы полковника Куртижи[27], и он сказал мне, что заведение это найдено порочным и отменено; мы видим даже по газетным суждениям в этом смысле насчет полулекарей в Пруссии и других частях Европы. В Австрии, где существует этот класс людей, они никогда не допускаются, как я слышал, к занятию врачебных должностей по военному ведомству. Учредить подобное заведение в здешнем крае было бы ошибочно, но, пользуясь благодетельною мыслию г[осподина] Пирогова, я думаю, было бы весьма возможно прибегнуть к другой мере, вполне соответствующей цели и могущей все теперешние неудобства. Если к предполагаемым г[осподином] Пироговым трем профессорам и директору еще прибавить двух или трех профессоров, то можно под названием Медико-хирургической академии иметь заведение для

[27] Куртижи Шарль-Франсуа Ола (1797–1864) — французский военнослужащий, полковник, а затем — дивизионный генерал. В 1847–1848 гг. был отправлен на Кавказ для обмена военным опытом.

класса, занимающего средину между врачами и лекарскими помощниками, еще существующего во Франции под именем officiers de santé[28]. Этот класс людей, назначенный только для здешнего края и преимущественно для военной службы, тем бы отличался от врачей, обучающихся в наших учебных заведениях, что молодые люди, принимаемые из гимназий в этот класс, с первого их принятия знали бы уже, что они назначаются, собственно, для Кавказа и преимущественно для военной службы на Кавказе. Сциентифическая их цель должна быть и ясно ограничена: наука должна им преподаваться в ограниченном объеме; они должны будут многое не знать, чтобы знать точно и в подробности немногое, нужное для их назначения. Практическая анатомия в ограниченном объеме, некоторые главные современные физиологические и патологические сведения, болезни, свойственные здешнему климату и поветрия, встречающиеся здесь и поражающие преимущественно войско, главные хирургические операции, встречающиеся преимущественно в военно-медицинской практике; приготовление и образ действия некоторых главных фармацевтических средств — вот что должно составлять ограниченный круг их занятий. Все это должны они изучать не на изустных лекциях, а на трупе, в госпитале и в аптеке. Словом, цель этого заведения должна состоять в образовании чисто практического, не ученого врача-специалиста с немногими, но точными практическими сведениями, приноровленными с самого начала образования к одной ограниченной специальной цели, воспитанники этого заведения могли бы быть гораздо полезнее для края и сами гораздо довольнее своим состоянием нежели врачи, присылаемые сюда издалека, из заведений, имеющих более обширное назначение. Как в эту школу преимущественно бы вступали туземцы, то знание господствующих языков и обычаев края, полного медицинского образования. Чтобы таковое сделать истинно полезным, оно должно быть учреждено примерно на 40 человек воспитанников, тогда можно надеяться, что по истечении нескольких лет вся убыль медиков и фармацевтов на Кавказе будет пополняться преимущественно молодыми людьми из туземцев или русских, здесь родившихся, которые по вышеизложенным причинам будут для службы очень полезны.

Г[осподин] Пирогов желает для предполагаемой им школы иметь молодых людей из гимназии. Набор таковых будет довольно затруднительным даже и тогда, когда воспитанникам предоставлены будут все права, приобретаемые в высших медицинских учебных заведениях.

Большая часть туземцев, получив некоторое образование, всегда предпочтет вступить в военную или гражданскую службу, нежели посвятить себя четырехлетнему изучению врачебных наук. Собственно грузины вовсе не захотят обучаться медицине, но мы можем надеяться иметь воспитанников из детей русских чиновников из Имеретии, Армении, мусульман и даже горцев. Что касается горцев, то число учащихся из них может со временем очень увеличиться, потому что вообще они понятливы, любознательны и имеют большое уважение к ученым занятиям вообще и в особенности к врачебным. При составлении уложения для подобного заведения надобно непременно иметь в виду состав людей, которые в оном будут обучаться. Я полагаю, между прочим, 1) что воспитанников надобно разделить на казенных и своекоштенных, и 2) предоставить казенным, которые обязаны будут служить несколько лет в военном ведомстве, вместо содержания натурою некоторое денежное пособие. Это приохотит многих, а между тем избавит казну от весьма значительных издержек. Вообще, если проект г[осподина] Пирогова с изменениями, которые предполагаю,

[28] Officiers de santé (фр.) — буквально «медицинские работники». Во Франции первой половины XIX в. особая категория практикующих медицину, без получения звания доктора.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

привычка к климату и образу жизни и в этом отношении была бы им весьма, полезна во время их служебной деятельности. Такое заведение должно непременно находиться при большом госпитале; оно могло бы составить высший класс фельдшерской школы и, следовательно, могло бы действовать весьма полезно и на образование фельдшеров. 3 профессора и 1 директор достаточны были бы для достижения цели.

удостоится высочайшего воззрения, то я сочту долгом представить по этому предмету подробные замечания, которые, смею думать, могут быть полезны.

8. Наконец, касательно распространения эфирования при производстве хирургических операций в здешнем крае, мне кажется необходимым сделать приказ по всем военным госпиталям края производить все важные хирургические операции не иначе, как с помощию эфирных паров посредством мною изобретенных приборов, которыми я по высочайшему повелению снабдил все главные госпитали края. Кроме хирургических операций должно предписать госпитальным врачам употребление эфирования во всех сомнительно-притворных случаях болезней нижних чинов вместо других мучительных средств, нередко употребляемых в подобных случаях для открытия истины. Эфирование, лишая больного сознания и воли и производя онемение органов чувствительности и движения, даст нам средство открыть почти все притворные болезни. Я надеюсь, что операции, произведенные мною с помощию эфирных паров в здешних госпиталях, поощрят врачей к дальнейшему употреблению этого благодетельного средства. Для этой цели, разумеется, должно быть увеличено и количество черного эфира, назначаемое существующими госпитальными каталогами.

С моей стороны, находя распространение эфирования при производстве хирургических операций делом важным и подвигом человеколюбивым, я убедительнейше прошу г[осподина] военного министра сделать зависящее от него распоряжение, чтобы медицинские чиновники вверенного мне корпуса были снабжены по этому предмету надлежащими инструкциями от Медицинского департамента, и чтобы им даны были способы к производству самого эфирования отпуском в госпитали потребного количества материала. Само собою разумеется, что ежели новое открытие хлороформа окажется по опыту лучше и менее сложно, нежели эфир, то и Кавказский корпус не будет лишен участия в новом благодетельном способе при производстве операций.

Главнокомандующий генерал-адъютант *кн[язь] Воронцов*
Верно.
Начальник Главного штаба *генерал-адъютант Коцебу*[29]
РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17449. Л. 2–20. Писарская копия. Подписи — автографы.

[29] Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884) — выпускник московского училища колонновожатых (1820), был командирован в распоряжение А. П. Ермолова на Кавказ (1821), начальник Штаба Отдельного кавказского корпуса (1837), за отличие при штурме аула Салты получил звание генерал-адъютанта (1847), генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии (1862–1870), Варшавский генерал-губернатор (1874–1880), член Государственного совета (1863–1884).

Список сокращений / Abbreviations

ИРИ — Институт российской истории РАН (Москва) [IRI — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow)].

МГМСУ — Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова [MGMSU — Moscow State University of Medicine and Dentistry].

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [RGVIA — Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

СтГМУ — Ставропольский государственный медицинский университет [StGMU — Stavropol State Medical University].

Список литературы / References

1. Букин Ю. В. Неизданное письмо Н. И. Пирогова о французском издании труда «Отчет о путешествии по Кавказу». *Военно-медицинский журнал*. 1958. № 12. С. 79–80 [Bukin Yu. V. Unpublished letter of N. I. Pirogov about the French edition of the work “Report on a journey through the Caucasus”. *Voenno-meditsinskiy zhurnal* (*Military Medical Journal*). 1958. No. 12, pp. 79–80 (in Russian)].
2. Виноградов П. Б., Руднев С. М. К истории народной медицины вайнахов. *Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе. (Материалы научно-педагогического семинара).* Вып. 12. Сост., отв. ред. К. В. Скиба. Москва — Армавир: АГПА, 2009. С. 41–45 [Vinogradov P. B., Rudnev S. M. On the history of traditional medicine of the Vainakhs. *Historical regional studies of the North Caucasus — for universities and schools. (Proceedings of the scientific and pedagogical seminar).* Issue 12. Comp., ed. by K. V. Skiba. Moscow — Armavir: AGPA, 2009, pp. 41–45 (in Russian)].
3. Карташев А. В., Дугинец С. М. В Ставрополе Николай Иванович Пирогов не оперировал. *Труды по истории медицины. Opera medica historica: альманах.* Вып. 6. Отв. ред. К. А. Пашков. М.: М-Принт, 2022. С. 105–109 [Kartashev A. V., Duginets S. M. Nikolai Ivanovich Pirogov did not operate in Stavropol. *Works on the history of medicine. Opera medica historica: almanac*. Issue 6. Ed. by K. A. Pashkov. Moscow: M-Print, 2022, pp. 105–109 (in Russian)].
4. Манышев С. Б. «Отправлен на Кавказ для… применения употребления эфира». (Николай Пирогов на Кавказе и становление военно-полевой хирургии в середине XIX века). *Новое прошлое / The New Past*. 2018a. № 3. С. 138–155 [Manyshev S. B. “Sent to the Caucasus for… application of ether use.” (Nikolai Pirogov in the Caucasus and the development of military field surgery in the mid-19th century). *Novoye proshloye / The New Past.* 2018a. No. 3, pp. 138–155 (in Russian)].
5. Манышев С. Б. «Хирургический набор Пирогова» из фондов Национального музея Республики Дагестан. *Медицинский музей и медицинская коммуникация: Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции «Медицинские музеи России: состояние и перспективы развития», Москва, 5–6 апреля 2018 г.* Отв. ред. К. А. Пашков, Н. В. Чиж. М.: МГМСУ, 2018b. С. 210–214 [Manyshev S. B. “Pirogov’s surgical set” from the collections of the National Museum of the Republic of Dagestan. *Medical Museum and*

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Medical Communication: Collection of materials of the 5th All-Russian scientific and practical conference "Medical Museums of Russia: Status and Development Prospects", Moscow, April 5–6, 2018. Ed. by K. A. Pashkov, N. V. Chizh. Moscow: MGMSU, 2018b, pp. 210–214 (in Russian)].

6. Манышев С. Б. Доктор Пирогов в легендах не нуждается. *Родина.* 2017. № 10. С. 120–123 [Manyshev S. B. Doctor Pirogov does not need legends. *Rodina.* 2017. No. 10, pp. 120–123 (in Russian)].
7. Манышев С. Б. *Здравоохранение Дагестана (конец XVIII — первая половина XIX в.).* Дис. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2020 [Manyshev S. B. *Healthcare in Dagestan (late 18th — first half of the 19th century): Dissertation.* Moscow: IRI RAS (Institute of Russian History RAS), 2020 (in Russian)].
8. Манышев С. Б., Манышева К. Б. К 170-летию широкого применения наркоза в России. *Анестезиология и реаниматология*. 2019. № 1. С. 79–83 [Manyshev S. B., Manysheva K. B. On the 170th anniversary of the widespread use of anesthesia in Russia. *Anesteziologiya i reanimatologiya* (*Anesthesiology and resuscitation*). 2019. No. 1, pp. 79–83 (in Russian)].
9. Манышев С. Б., Манышева К. Б. Н. И. Пирогов на Кавказе. (К 170-летию применения эфирного наркоза в военно-полевых условиях*). Клиническая медицина*. 2018. Т. 96. № 4. С. 375–379 [Manyshev S. B., Manysheva K. B. N. I. Pirogov in the Caucasus. (On the 170th anniversary of the use of ether anesthesia in military field conditions). *Klinicheskaya meditsina* (*Clinical Medicine*). 2018. Vol. 96, No. 4, pp. 375–379 (in Russian)].
10. *Медицинский хронограф Ставрополья (1803–2016): Сборник исторических материалов*. Сост. А. В. Карташев, А. К. Курьянов. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2016 [*Medical chronograph of Stavropol (1803–2016): Collection of historical materials.* Comp. A. V. Kartashev, A. K. Kuryanov. Stavropol: Publishing house of StGMU, 2016 (in Russian)].
11. Несколько слов о медицинском путешествии г. доктора Пирогова на Кавказ. *Современник: Литературный журнал*. 1850. Т. XX. Отд. VI. С. 168–170 [A Few Words about the Medical Journey of Mr. Doctor Pirogov to the Caucasus. *Sovremennik: Literaturnyy zhurnal* (*Contemporary: Literary Magazine*). 1850. Vol. XX. Section VI, pp. 168–170 (in Russian)].
12. Пирогов Н. И. *Отчет о путешествии по Кавказу, содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций, произведенных на поле сражения в различных госпиталях России с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч.* СПб.: Тип. Э. Праца, 1849 [Pirogov N. I. *Report on a journey through the Caucasus, containing complete statistics of amputations, statistics of operations performed on the battlefield in various hospitals in Russia using anesthesia, experiments and observations on gunshot wounds, etc.* St. Petersburg: Tip. E. Pratsa, 1849 (in Russian)].
13. Пирогов Н. И. Отчет о хирургических пособиях, оказанных раненым во время осады и занятия укрепления Салты. *Военно-медицинский журнал*. 1847. Ч. L. № 1. С. 1–49 [Pirogov N. I. Report on surgical assistance provided to the wounded during the siege and occupation of the fortification of Salta. *Voenno-meditsinskiy zhurnal* (*Military Medical Journal*). 1847. Part L. No. 1, pp. 1–49 (in Russian)].

14. Послужной список Н. И. Пирогова. *Геселевич А. М. Летопись жизни Н.И. Пирогова (1810–1881)*. М.: Медицина, 1976. С. 91–95 [Service record of N. I. Pirogov. *Geselevich A. M. Chronicle of the life of N. I. Pirogov (1810–1881).* Moscow: Medicine, 1976, pp. 91–95 (in Russian)].
15. Wolf J. H. *Deliver Me from Pain: Anesthesia and Birth in America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.

Информация об авторе

Манышев Сергей Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0002-5276-7743.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 31.05.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergey B. Manyshev — Ph. D (Hist.), Researcher, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia; msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0002-5276-7743.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
Исторические науки
УДК 94(47)+77
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-631-652

21 мая 1864 г. в объективе фотографов Главного штаба Кавказской армии (Альбом генерал-майора А. Я. Гудима из собрания Государственного исторического музея)

Зоя Увайсовна Махмудова[1], Анастасия Николаевна Черненкова[2]

[1] *Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия, zoyamakhmudova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8109-5296*

[2] *Государственный исторический музей, Москва, Россия, nchernenkova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-5629-221X*

Аннотация. Статья посвящена атрибуции комплекса фотографий (альбом и четыре отдельных фотографических снимка), преподнесенных в дар Императорскому Российскому Историческому музею (ныне Государственный исторический музей) в 1889 г. генерал-майором А. Я. Гудимом. В ходе проведенного исследования было установлено, что указанный комплекс включает, в числе прочих, фотографии участников торжественного парада, состоявшегося 21 мая 1864 г. в Кбааде. Таким образом, эти фотографии представляют собой результат одного из первых опытов российской военной документальной фотосъемки. В статье также показаны основные вехи становления военной фотографии в России, в частности — на Кавказе. На материалах РГВИА прослеживается история открытия Фотографии Главного штаба Кавказской армии в начале 1860-х гг. и особо выделено прямое участие военного министра Д. А. Милютина. Рассматриваются задачи, которые призвана была решить новая структура, и оценена та роль, которую сыграли военные фотографы в формировании визуального образа региона.

Ключевые слова: военный парад 21 мая 1864 г., фотография, Кавказ, топография, Кавказская война, штаб Кавказской армии, А. Я. Гудим, Д. А. Милютин

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Махмудова З. У., Черненкова А. Н., 2024
© Ориенталистика, 2024

Для цитирования: Махмудова З. У., Черненкова А. Н. 21 мая 1864 г. в объективе фотографов Главного штаба Кавказской армии (Альбом генерал-майора А. Я. Гудима из собрания Государственного исторического музея). *Ориенталистика*. 2024;7(3):631–652. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-631-652.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-631-652

May 21, 1864 through lenses of photographers of the General Staff of the Caucasian Army (Album of Major General A. Y. Gudim; from the State Historical Museum collection)

Zoya U. Makhmudova[1], Anastasia N. Chernenkova[2]

[1] *Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, zoyamakhmudova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8109-5296*

[2] *State Historical Museum, Moscow, Russia, nchernenkova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-5629-221X*

Abstract. The article discusses the attribution of a set of photographs (an album and four separate photographic images) given as a gift to the Imperial Russian Historical Museum (now the State Historical Museum) in 1889 by Major General Alexander Gudim. The author came to the conclusion that the set includes, among others, photographs of participants of the ceremonial parade held on May 21, 1864, in Kbaad. These photographs therefore reflect early Russian military documentary photography. The article sets milestones for the formation of military photography in Russia and in the Caucasus in particular. Materials of the RSMHA show the history of the Photographic Office of Headquarters of the Caucasus Army in the early 1860s. The Minister of War Dmitry Milyutin participated at the opening of the Office. In the article are mentioned the major tasks of the new Office as well as the role played by military photographers in shaping the visual image of the Caucasus region. The article discusses the attribution of a set of photographs (an album and four separate photographic images) given as a gift to the Imperial Russian Historical Museum (now the State Historical Museum) in 1889 by Major General Alexander Gudim. The author came to the conclusion that the set includes, among others, photographs of participants of the ceremonial parade held on May 21, 1864, in Kbaad. These photographs therefore reflect early Russian military documentary photography. The article sets milestones for the formation of military photography in Russia and in the Caucasus in particular. Materials of the RSMHA show the history of the Photographic Office of Headquarters of the Caucasus Army in the early 1860s. The Minister of War Dmitry Milyutin participated at the opening of the Office. In the article are mentioned the major tasks of the new Office as well as the role played by military photographers in shaping the visual image of the Caucasus region.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Makhmudova Z. U., Chernenkova A. N., 2024
© Orientalistica, 2024

Keywords: military parade on May 21, 1864, photography, Caucasus, topography, Caucasian war, Headquarters of the Caucasian Army, Alexander Gudim, Dmitry Miliutin

For citation: Makhmudova Z. U., Chernenkova A. N. May 21, 1864 through lenses of photographers of the General Staff of the Caucasian Army (Album of Major General A. Y. Gudim; from the State Historical Museum collection). *Orientalistica.* 2024;7(3):631–652. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-631-652 (in Russian).

Императорская яхта «Тигр» бросила якорь у мыса Адлер 18 мая 1864 г. Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич со свитой сошел на берег. К вечеру 20 мая он прибыл в горное урочище Кбаада, за ним следовал Ачхипсхувский отряд во главе с генерал-лейтенантом Д. И. Святополк-Мирским. В Кбааде к этому времени уже разбили свои лагеря Даховский отряд (командующий — генерал-майор В. А. Гейман), Малолабинский отряд (командующий — генерал-майор Н. П. Граббе) и Псхувский отряд (командующий — генерал-майор П. Н. Шатилов), участвовавшие в последней крупной операции Кавказской войны.

«21-го мая, глухое урочище Кбаада с полного утра закипело жизнью. Войска чистились и одевались, готовились к параду; то туда, то сюда сновали адъютанты и офицеры за приказанием: задолго до назначенного срока отовсюду сходились к месту молебствия линейные унтер-офицеры: им еще накануне указаны места, и они боялись, чтобы как-нибудь не сбиться. В большую диковинку были в ту пору войскам, в особенности Кубанской области, смотры и наряды. В походе и в деле они видели себя дома, а тут густились, не знали, как и за что взяться. Небо было сумрачно: густые серые тучи беспрестанно закрывали снеговые вершины громадных хребтов, которые как ширмы со всех сторон окружали котловину урочища; точно будто горам этим тяжело было смотреть на рать, одолевшую их. Временами падал то крупный, то мелкий дождь; только к концу торжества показалось солнце, и погода разгулялась.

В одиннадцатом часу тронулись батальоны. Войска даховского отряда заняли западный фас большого каре. В чистых, опрятных мундирах, с белыми, как снег чехлами на шапках, с распущенными знаменами, они имели вид красивый и стройный. Северный фас каре; занял мало-лабинский отряд, восточный — псхувский, южный — ахчипсхувский. Аналой поставлен в середине, на высоком кургане.

Начался церковный парад. Пробили, по обыкновению, на молитву и вышли вперед знамена. Батальоны, сотни казаков, дружины грузинов и мингрельцев и все, что было вокруг, обнажило головы: только кое-где команды туземной милиции да пришедшие посмотреть любопытные джигеты и ахчипсхувцы, оставались в своих высоких папахах. Несколько священников в ризах, возле аналоя, развевающиеся наклоненные знамена, Великий Князь главнокомандующий и пять, шесть генералов наверху кургана, да многочисленная толпа офицеров и с ними вновь награжденные георгиевские кавалеры вокруг возвышения, а далее со всех сторон стройный густые колонны со сверкающими штыками и непокрытыми головами — все это образовывало груду,

достойную того, чтобы вид ее оставался бессмертным, на вечные времена. Запели “Тебе Бога хвалим”, и в окрестных горах раздались выстрел за выстрелом; отдаваясь тысячами эхо, каждый из них обращался в продолжительный громовый раскат» [Духовский, 1864].

Великий князь Михаил Николаевич сделал запись в памятной книжке: «Война кончена! <…> Тосты, стрельба, ура! <…> Отличный праздник: все веселы, я счастлив! <…> Отправили письмо и депешу государю с известием, что Кавказская война кончена!»[1]

* * *

Не будет преувеличением сказать, что лучшим дополнением к письменным свидетельствам торжественного мероприятия 21 мая 1864 г. стали бы иллюстративные материалы. До недавнего времени мы располагали весьма немногочисленными визуальными источниками, отражающими это событие. Наиболее известен фотографический снимок «Лагерь наших войск при Кбаада 21 мая 1864 года». Впервые он был опубликован в книге «Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Императора Александра II» [*Столетие военного министерства*, 1914, с. 231]. Еще одна фотография, датированная исследователями 21 мая 1864 г., хранится в Центральном государственном архиве кинофотодокументов Санкт-Петербурга. На ней запечатлены командующий войсками на Западном Кавказе генерал от инфантерии граф Н. И. Евдокимов, великий князь Михаил Николаевич и генерал-майор Д. И. Святополк-Мирский. [*Военная летопись России в фотографиях…*, 2009, с. 33].

В ходе проведенного исследования был обнаружен еще один интересный источник. В Отделе изобразительных материалов Государственного исторического музея хранится альбом в темном коленкоровом переплете с монограммой «АГ» под короной на украшенной декоративным тиснением обложке. На первом авантитуле, в верхнем левом углу сохранилась надпись, сделанная чернилами: «Дар А. Я. Гудима 1889 год».

На листы альбома вклеено 27 фотографий. Часть из них обрезаны в овал — это альбуминовые отпечатки. Другие отпечатаны на соленой бумаге прямоугольной формы с обрезанными полукругом углами. Заметим, что присутствие в одном альбоме образцов двух фотографических техник печати косвенно подтверждает заявленную в учетных документах датировку памятника — 1860-е гг. В истории фотографии это период постепенного перехода от печати фотографических снимков на соленых бумагах к более совершенной в то время технике печати на бумагах с альбуминовой эмульсией.

На шестом листе альбома под фотографией «Аджарец с курительной трубкой» была обнаружена еще одна фотография меньшего размера. Лист альбома сфотографировали в инфракрасных лучах. Закрытая фотография оказалась портретом неизвестного молодого мужчины с тростью (?) в руке, сидящего на стуле. Она стилистически аналогична портрету «Аджарца с курительной трубкой» и, скорее всего, также является отпечатком на соленой бумаге. Весьма

[1] ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 37. Л. 30.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

вероятно, что снимки сделаны одним фотографом. Причина, по которой фотографию заклеили при создании альбома, не установлена.

История бытования альбома А. Я. Гудима в стенах музея непроста, памятник утратил связь с первоначальной сопроводительной документацией, его атрибуция не проводилась. Жанровую принадлежность снимков, на первый взгляд, вполне можно обозначить как этнографический портрет или типаж — в альбоме есть фотографии музыкантов, жителей Кавказа, стариков и детей. Вероятно, поэтому на первом авантитуле кто-то из сотрудников музея сделал надпись карандашом «Типы Кавказа». С таким названием альбом и фигурирует сегодня в музейных документах[2].

В процессе исследования мы нашли запись в старой архивной книге учета предметов, поступивших в Российский Исторический музей (ныне — ГИМ), сделанную в мае 1889 г..[3] Согласно указанной записи, отставной генерал-майор Александр Яковлевич Гудим передал в дар музею часть своего архива, а именно «Альбом с фотографическими снимками типов кавказских горских жителей», состоящий из «27 листов с фотографическими изображениями», и четыре отдельных фотографии. В состав альбома, как это следует из записи, включены две «фотографические карточки»: одна с портретом «Коджіо», другая с изображением двух духоборов. Комментарий к портрету «Коджіо» вынесен отдельно после основной записи об альбоме: «Карточка изображает Коджіо[4], бывшего наибом Шамиля, с ним перешедшего на сторону русских и за предательство убитого горцами (1868 г.) в Дагестане»[5].

Кроме того, как отмечалось выше, вместе с «Альбомом» были переданы четыре фотографии: «Два отдельных фотографических снимка с Азовских баркасов на море», «Фотографический снимок с позиций наших войск при Ахштырхе (?)»[6] и «Фотографический снимок с лагеря наших войск при Кбаада». К последней фотографии имеется пояснительная запись: «Здесь молебствием закончилась Кавказская война; дальше этого места отряд не двигался. Фотография представляет тот момент, когда к В. К. Михаилу Николаевичу являются с докладом 21 мая 1864 г.».

Постскриптум к записи перечня передаваемых предметов также сообщает о том, что «А. Я. Гудим заведовал во время Кавказской войны и переселения горцев с Кавказа фотографическим павильоном»[7].

Таким образом, установлено, что альбом «Типы Кавказа» является частью комплекса фотографий из личного архива А. Я. Гудима, связанных между собой единым содержанием и дополняющих друг друга.

---

[2] Например, одна из фотографий Альбома была опубликована в 1992 г. со следующим комментарием «Абхазы-цебельдинцы. Фотография 1870-х годов. ГИМ ИЗО № 95171. Альбом «Типы Кавказа». [*Страницы отечественного кавказоведения*, 1992, с. 64].

[3] ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 30а. Л. 48об.

[4] Хаджияв из дагестанского селения Карата, наиб Шамиля.

[5] ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 30а. Л. 48об.

[6] «Фотографический снимок с позиций наших войск при Ахштырхе (?) /неразб./», к сожалению, пока не удалось выявить в фондах ГИМ.

[7] ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 30а. Л. 48об.

Илл. 1. Лагерь наших войск при Кбаада. Фотография Главного Штаба Кавказской Армии. Из фондов ГИМ: 89430/6681. Ф. 21686

Ill. 1. The camp of our troops at Kbaada. Photo of the Main Headquarters of the Caucasian Army (Inscription in Russian). From the State Historical Museum collections: 89430/6681. F. 21686

Фотографии находились в фонде Отдела изобразительных материалов ГИМ в разных коллекциях и так же, как и альбом «Типы Кавказа», без уточнения сведений об источнике поступления. По дореволюционным музейным «охранным» описям шкафов хранения альбомов известно, что альбом и четыре фотографии были разделены еще до революционных событий и уже тогда хранились отдельно друг от друга.

О годах, прожитых А. Я. Гудимом в отставке, кроме факта его появления в 1889 г. в качестве дарителя Российского Исторического музея, пока сведений немного. Сохранился поздний фотографический портрет А. Я. Гудима, опубликованный в издании П. Ф. Рерберга «Севастопольцы» 1903 г. [Рерберг, 1903, с. 69].

Некоторые фотографии, помещенные в альбоме А. Я. Гудима, тиражировались и были особенно популярны. Наиболее ранняя публикация фотографий «Мингрельцы» и «Хевсуры» связана с предпринятым в 1865 г. фотографом А. И. Деньером изданием «Альбома фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России» [*Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц известных в России*, 1865]. В объявлении о предстоящем издании сооб-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

щалось, что «…художник Деньер будет бесплатно прилагать к каждому выпуску от одного до двух экземпляров типических портретов различных народностей в национальных костюмах, для чего он постарается войти в сношения с лучшими фотографами, живущими в различных краях России» [Шипова, 2009, с. 26].

Заметим здесь, что поздние отпечатки фотографии с группой хевсуров, а также репродукции с нее и многочисленные фрагменты встречаются на протяжении почти всей второй половины XIX в. Они и сегодня не утратили своей привлекательности для публики и широко тиражируются в Интернете. Например, упомянем здесь известную нам фрагментированную репродукцию с группы «Хевсуры», отпечатанную в 1870-х гг. в формате “carte de visite” в фотоателье В. Барканова в Тифлисе из «Альбома с фотографиями представителей народов Кавказа» (собственность аукционного дома «Кабинет») [*Альбом с фотографиями представителей народов Кавказа*].

Именно в издании А. И. Деньера, в первом же его выпуске за январь 1865 г., была опубликована фотография — «Джигеты на восточном берегу Черного моря. Фотогр. Глав. Шт. Кав. Армии»[8]. Рассматривая изображение этой группы, несложно заметить сходство с тремя снимками из альбома А. Я. Гудима, а именно фотографиями «Псхувцы», «Цебельдинцы» и «Сомуры» (или «Самурзаканцы»). Все эти снимки, очевидно, были сделаны одним и тем же фотографом на одном и том же месте в одно и то же время. Группы просто сменяли одна другую, однако фон оставался неизменным — это натянутый измятый холст с одинаковыми на всех снимках складками, камни и изогнутое бревно, которое, возможно и удерживает холст в развернутом состоянии. Менялась только погода и, соответственно, освещение. «Походные» условия фотосъемки, ее «натурность» очевидны. Заметим, что скопление разнообразных этнических групп на восточном берегу Черного моря наблюдалось во время подготовки к переселению в Османскую империю коренных, но не покорившихся Российской империи народностей Кавказа.

Привлекают внимание две фотографии «Азовских баркасов» на море, переданных в музей вместе с альбомом. Возможно, именно об изображенных на этих двух фотографиях баркасах писал в своих воспоминаниях о событиях мая 1864 г. капитан, а позже генерал, С. М. Духовский: «От Шепсы до Мокопсе начальник отряда, со своим штабом, следовал *на одном из азовских баркасов* (выделено курсивом нами. — *З. М., А. Ч.*), предварительно высадив оттуда охотников. При совершенном безветрии баркасы на веслах шли ходко и опередили версты на три колонны. Высаживаться в Мокопсе или подождать колонну — представился было вопрос. На берегу стояла вооруженная толпа, может быть до тысячи горцев, многие из которых еще не видывали русских вблизи. Баркасы причалили» [Духовский, 1864, с. 339–340].

Кроме того, позволим себе высказать еще одно предположение. На одной из фотографий кроме самих баркасов, уже частично вытащенных на каменистый берег, на рейде заснято некое паровое судно. Судя по всему, это императорская трехмачтовая яхта «Тигр», на которой прибыл кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич Романов.

[8] Джигеты, или садзы, — субъэтническая группа абхазов. В 1864 г. джигеты (садзы) переселились в Османскую империю [Инал-Ипа,1995].

Илл. 2. Убыхи. Фотография Главного Штаба Кавказской Армии. Из фондов ГИМ: 95171/10688. И VI 14255

Ill. 2. The Ubykhs. Photo of the Main Headquarters of the Caucasian Army (Inscription in Russian). From the State Historical Museum collections: 95171/10688. I VI 14255

Важной для исследования деталью представляется технологическое несовершенство некоторых отпечатков («Псхувцы», два снимка «Азовские баркасы»). Все три фотографии отпечатаны на соленой бумаге, однако без применения вирирования, которое необходимо для лучшего закрепления изображения в эмульсии. Изображение на этих снимках во многом утратило детализацию и довольно сильно угасло еще в XIX веке. Этим и объясняется грубая ретушь отпечатков с баркасами, которая напоминает больше прямую дорисовку, условно передающую недостающие детали. Техническое несовершенство этих фотографий также наводит на мысль о походных условиях не только проведения фотосъемки, но и последующей обработки отпечатков. Напомним здесь, что печать на соленой бумаге требовала от фотографа экспонирования в кратчайшее время после изготовления бумаги с сенсибилизированным слоем. Проще говоря, если соленая бумага была заготовлена фотографом заранее, то она должна была быть использована в течение 2–3 дней. Кроме того, негатив был, скорее всего, на стекле (редко использовали вощеную бумагу) и коллодионный.

Сопоставляя фотографии из альбома А. Я. Гудима со снимком, изображающим урочище Кбаада 21 мая 1864 г., можно заметить палатки или походные шатры, очень похожие на те, что были разбиты российской армией в военном

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

лагере. Это позволяет предположить, что группы военных на фоне шатров и палаток также сняты в указанный день. В качестве аргументов можно привести также следующие соображения. На листах альбома, на которых наклеены фотографии, имеются карандашные надписи, сделанные рукой А. Я. Гудима. Судя по ним, в альбоме представлены, во-первых, фотографии «Аджарцы», «Мингрельцы», «Имеретинцы», «Цебельдинцы». На всех этих снимках изображены группы мужчин в соответствующих традиционных кавказских костюмах, с огнестрельным и холодным оружием (ружья или винтовки в чехлах, сделанных из войлока или козьих шкур, пистолеты, шашки, кинжалы), у многих из них на черкесках российские ордена и медали, а также погоны. Вполне вероятно, что речь идет о так называемых туземных дружинах. Об их участии в параде 21 мая 1864 г. упоминает С. Эсадзе [Эсадзе, 1914, с. 172–173]. Во-вторых, в альбоме запечатлены представители абхазо-адыгских этнических сообществ, которые были последними из тех, кто оказал сопротивление российским войскам весной 1864 г. (фотографии «Убыхи», «Аибговцы», «Псхувцы», «Ахчипсхувцы»).

Учитывая особенности технологического процесса фотосъемки того времени — громоздкость и хрупкость аппаратуры, необходимость походной химической фотолаборатории для изготовления эмульсии для негативов — очевидно, что один человек не мог бы справиться с задачей съемки торжественных мероприятий. Небольшая разница в размерах, технические и стилистические особенности отпечатков, разные точки съемки одной и той же местности указывают на то, что в лагере одновременно присутствовало не менее трех фотокамер, т. е. работала группа профессиональных

Илл. 3. Азовские баркасы. Фотография Главного Штаба Кавказской Армии. Из фондов ГИМ: 89430/5915. Ф. 17462

Ill. 3. Azov longboats. Photo of the Main Headquarters of the Caucasian Army (Inscription in Russian). From the State Historical Museum collections: 89430/5915. F. 17462

Илл. 4. Аджарцы. Фотография Главного Штаба Кавказской Армии. Из фондов ГИМ: 95171/10678. И VI 14245

Ill. 4. The Adzharians. Photo of the Main Headquarters of the Caucasian Army (Inscription in Russian). From the State Historical Museum collections: 95171/10678. I VI 14245

Илл. 5. Цебельдинцы. Фотография Главного Штаба Кавказской Армии. Из фондов ГИМ: 95171/10684. И VI 14251

Ill. 5. The Tsebeldians. Photo of the Main Headquarters of the Caucasian Army (Inscription in Russian). From the State Historical Museum collections: 95171/10684. I VI 14251

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

фотографов[9]. В 1864 г. на Кавказе необходимыми для подобной работы возможностями и профессиональным коллективом располагало только одно фотографическое заведение — Фотография Главного Штаба Кавказской армии.

* * *

Инициатива организации Фотографии Главного Штаба Кавказской армии (в документах встречаются различные варианты названий — «фотографический павильон», «фотографическое заведение», «фотография Штаба Кавказской армии») принадлежала Дмитрию Алексеевичу Милютину [Махмудова, 2021, с. 270]. Напомним, что этот крупный государственный и военный деятель России служил на Кавказе. В период с 1856 по 1860 г. Д. А. Милютин занимал должность Начальника Главного Штаба Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. — Кавказской армии). С 1860 г. он был приглашен на должность товарища военного министра, а с 1861 г. — военного министра (занимал ее до 1881 г. включительно)[10].

Илл. 6. Аибговцы. Фотография Главного Штаба Кавказской Армии. Из фондов ГИМ: 95171/10687. И VI 14254

Ill. 6. The Aibgovs. Photo of the Main Headquarters of the Caucasian Army (Inscription in Russian). From the State Historical Museum collections: 95171/10687. I VI 14254

Весной 1859 г. начальник военно-топографического отдела Главного Штаба Кавказской армии генерал-майор О. И. Ходзько в рапорте на имя Д. А. Милютина говорит о существовании в Тифлисе некоего «казенного фотографического заведения», на основе которого можно развивать военную

[9] Самыми распространенными негативами того времени были мокроколлодионные негативы на стеклянных пластинах, которые, очевидно, и были применены. Следует помнить также, что в отсутствие фотоувеличительной техники печать с негатива велась контактным способом, т. е. негатив по размеру был равен отпечатку. Для стеклянного негатива определенных параметров и фотокамеры были соответствующих размеров.

[10] Отметим интерес Д. А. Милютина к топографии, который зародился еще в юные годы под влиянием, как он сам писал, его гувернера, поляка Николая Матвеевича Заржитского. В 1826 году, в возрасте 9 лет Милютин производил под его руководством топографическую съемку села Титова «в масштабе 50 саж. в дюйм». Первое сочинение Д. А. Милютина, опубликованное в 1831 г. в Москве, называлось «Руководство к съемке планов с приложением математики» [Милютин, 1919, с. 32].

фотографию: «…Существующее ныне в Тифлисе казенное фотографическое заведение может достигнуть желаемого совершенства на других основаниях, о которых в свое время буду иметь честь доложить Вашему превосходительству по возвращении из Санкт-Петербурга, где осмотрев лучшие в том роде заведения и собрав все нужные данные, представлю подробный проект по этому предмету»[11]. О каком заведении идет речь, и кто именно выполнял в нем фотографические работы, выяснить пока не удалось.

В своих воспоминаниях Милютин, в частности, писал: «В то время (в 1860 г. — *З. М., А. Ч.)* фотографическое искусство находилось в Тифлисе на весьма низкой степени; занимались им только двое любителей: горный инженер Иваницкий и бывший командир Нижегородского драгунского полка (только что сдавший его полковнику Граббе) граф Ностиц. Этот последний был тогда совсем новичком в искусстве фотографии, и по его первым опытам еще нельзя было предвидеть, что со временем из него выйдет замечательный фотограф» [Милютин, 2004, с. 458].

Отметим, что И. Г. Ностиц сохранил очень теплые дружеские отношения со своим бывшим начальником Д. А. Милютиным. Об этом свидетельствуют письма Ностица, хранящиеся в личном фонде Д. А. Милютина в ОР РГБ (датируются 1890-ми — началом 1900-х гг.). Значительная часть переписки посвящена фотографии. Граф Ностиц следил за всеми новинками и изобретениями в этой сфере и, разумеется, с удовольствием включался в разговор о фотографии. К примеру, он информирует Д. А. Милютина о статьях в швейцарском фотографическом журнале, посылает свои фотографии и гелиогравюры, сообщает о фотографических опытах. Так, в письме от 10 июля 1887 г. И. Г. Ностиц пишет: «Я буду в Ялте в конце августа и явлюсь в Симеиз с усовершенствованным фотографическим аппаратом и объективом, который я изобрел. Данная задача 10 лет тому назад первому Лондонскому оптику теперь выполнена, и я имею объектив, который даст изображение, которое видит наш глаз»[12]. Вместе с тем, учитывая подчеркнуто уважительное отношение Ностица к Милютину, мы можем предположить, что он не стал бы навязывать своему адресату заведомо неинтересную для него тему беседы. Судя по всему, Д. А. Милютин отчасти разделял интерес Ностица к «светописи» и умел фотографировать[13]. Известно, что Милютин прекрасно владел техникой топографии и картографии, а также неплохо рисовал. Об этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в ОР РГБ: многочисленные зарисовки на страницах дневника, альбом рисунков «Воспоминания о Кавказе. 1839 г.», некоторые картографические работы.

Скрупулезность Милютина, стремление вникнуть в содержание множества вопросов, в организационные и даже технические детали — особо проявились в неустанном внимании к развитию фотографии как весьма нужного военным ремесла. Это прослеживается во многих документах, относящихся и к кавказским сюжетам, сохранявшим актуальность для военного ведомства.

[11] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 60. Л. 1об., 2.

[12] ОР РГБ. Ф. 169, картон 71. Ед. хр. 56. Л. 8–8об.

[13] Там же. Л. 14.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

В марте 1864 г. начальник Главного штаба Кавказской армии А. П. Карцов послал в дар Милютину (уже военному министру) альбом фотографий и указал в письме, что фотографии выполнены в Фотографическом заведении его штаба, которое «с весны прошлого года открыло свое действие»: «Фотографическое заведение по мысли Вашего Превосходительства устроенное при Главном Штабе Кавказской армии, с весны прошлого года открыло свое действие. Позвольте просить вас принять экземпляр первых опытов трудов его. Хотя они и не отличаются еще особенным искусством, но я надеюсь, что, приняв во внимание ограниченность здешних средств, Ваше Превосходительство взглянет на них снисходительно»[14].

В проекте ответного письма, который написан рукой Д. А. Милютина, читаем следующее: «Получив при письме Вашем от 19 марта великолепный альбом с (фотографическими изображениями — зачеркнуто. — *З. М., А. Ч.*) работами устроенного при Главном штабе Кавказской армии фотографического заведения, приношу Вашему превосходительству признательность как за личное внимание Ваше, так и за то удовольствие, которое я испытал, видя успех (?) фотографического дела, задуманного еще при мне, но осуществленного под Вашим руководством. Мне было бы весьма приятно, если бы Ваше Превосходительство принял на себя труд передать мою благодарность тем господам офицерам и топографам, которые трудились над альбомом и так блистательно оправдали заботы начальства об их образовании»[15].

В связи с этим весьма показательны некоторые особые обстоятельства становления и развития военной фотографии, так сказать, «на региональном уровне», а именно на Кавказе. История Фотографии Главного штаба Кавказской армии — лучший тому пример. Эта история начинается в 1860 г. Сразу стоит отметить, что устройство фотографического заведения в 1860-е гг. в отдаленном от центра империи Тифлисе было, безусловно, непростым, весьма дорогостоящим, но явно насущным делом. Главные задачи, требовавшие решения, состояли в вопросах кадрового обеспечения и приобретения оборудования. Первый вопрос был решен следующим образом. В октябре 1860 г. в Санкт-Петербург из Тифлиса направили пятерых молодых сотрудников Топографического Отделения Главного Штаба Кавказской армии для обучения основам фотографического искусства. В столице они поступили в распоряжение начальника Фотографического отделения при Военно-топографическом депо Главного штаба.

После окончания обучения, которое длилось полтора года (до марта 1862 г.), молодые фотографы представили свои работы, которые Н. Г. Писаревский (в рапорте на имя директора Военно-топографического депо генерал-майора И. Ф. Бларамберга) оценил следующим образом: «…Присланные из Штаба Кавказской армии прапорщики Кондратенко и Симоненко и топографы Владимиров, Кукулин и Грингольм, состоявшие при отделении для изучения фотографии, ныне мною испытаны в приобретенных ими познаниях, причем оказалось, прапорщик Симоненко работает

[14] РГВИА. Ф. 404. Оп. 7. Д. 8. Л. 63.

[15] Там же. Л. 64.

хорошо сухим и мокрым способами, как по части картографии, так и по портретной и пейзажной фотографии, имеет достаточные сведения в фотографической химии; знает приготовление и составление фотографических материалов и отчасти успел в фотографии. Прапорщик Кондратенко работает весьма удовлетворительно обоими способами и преимущественно изучил химию и хорошо усвоил теоретическое знание фотографии. Топографы: Владимиров основательно изучил практическую фотографию, работает хорошо обоими способами, знает приготовление и составление материалов, заправку негативов и позитивов и может самостоятельно производить работы. Какулин имеет достаточные практические сведения в фотографии и приготовлении материалов и может служить хорошим помощником при работах. Грингольм, хотя под разными предлогами уклонялся от занятий, но все-таки может быть употреблен для фотографических работ, тем более что приобрел навык к заправке негативов и позитивов и отчасти ретушировать. Работы означенных лиц уже высланы мною Г. Начальнику Топографической Части Кавказской Армии… »[16].

Очевидно, что молодые люди до приезда в Санкт-Петербург уже имели определенный опыт фотографических работ. Это следует из рапорта Н. Г. Писаревского: «Последний опыт с кавказскими офицерами показал, что прикомандированные к Отделению офицеры для фотографических занятий представляют значительные затруднения во всех отношениях… Им обыкновенно кажется, что им показывают то именно, чего не следует и не занимаются тем, что именно им нежелательно знать… Они посещают павильоны частные и занимаются там, перенося туда полученные из Отделения сведения. Берут частные заказы и исполняют их в других павильонах… Подобные, знакомые с фотографией офицеры и представляют собственно затруднения. Им кажется всегда, что их учат не в уровень их познаний и не тому, что именно им желательно знать»[17].

Прапорщик П. Ф. Симоненко в рапорте Н. Г. Писаревскому, датированным июлем 1861 г., прямо говорит о том, что уже имеет семилетний опыт теоретического и практического изучения фотографического искусства (т. е. заниматься фотографией он начал в 1854 г.): «Конечно, при всех неудобствах, встреченных мной во время занятий в фотографическом отделении, я, несмотря на все мое желание никаким образом не мог бы изучить фотографическое искусство в том обширном виде, как изложено мной, все это есть только плоды моих прежних семилетних занятий, они дали возможность мне познакомиться как в теоретическом, так и в практическом отношении исключая только <u>снятие видов сухим путем (альбуминовый)</u> (подчеркнуто П. Ф. Симоненко. — *З. М., А. Ч.*), которое мне мало известно в практическом отношении, но так как делание видов на Кавказе более или менее будет нашим специальным занятием, то я честь имею покорнейше просить Ваше Высокоблагородие дозволить мне заниматься где-либо снятием видов, дабы я мог вполне быть полезным в Фотографическом Отделении Главного Штаба Кавказской Армии»[18].

[16] РГВИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1980. Л. 80, 81.

[17] Там же. Л. 111–111об, 112.

[18] Там же. Л. 2–2об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Судя по всему, молодые люди перед отбытием обратно в Тифлис были представлены лично Д. А. Милютину. Такое внимание неудивительно, учитывая постоянный интерес военного министра к делам Топографического депо в целом и его Фотографического отделения в частности.

21 февраля 1862 г. генерал-майор И. Ф. Бларамберг в письме на имя Н. Г. Писаревского передал следующую просьбу: «Г. Генерал Квартирмейстер Генерального Штаба Его Императорского Величества предписанием от 16 сего февраля за № 1166 уведомил меня, что Г. Военный Министр приказать изволил 2-ух офицеров и 3-х топографов, присланных сюда из Тифлиса для изучения фотографии при вверенном Вашему Высокоблагородию Отделении, перед обратным отправлении представить Его Превосходительству с последними работами. Сообщая о сем Вашему Высокоблагородию, покорнейше прошу приготовить означенных чинов к представлению Г. Военному Министру, вместе с последними их фотографическими работами и уведомить меня, когда именно они могут быть представлены для доклада о сем Г. Генерал Квартирмейстеру»[19].

15 марта 1862 г. прапорщики Е. Кондратенко и П. Симоненко, а также топографы М. Владимиров, К. Грингольм, Е. Какулин выехали из Санкт-Петербурга в Тифлис[20]. Вопрос приобретения фотографического оборудования для Главного Штаба Кавказской армии был также разрешен в Санкт-Петербурге. Г. Н. Писаревский отмечал следующее: «Все фотографические принадлежности оказались выполненными лучшими мастерами (теми самыми, от которых и отделение приобретало вещи) и сделанными прочно, удобно, по последним указаниям фотографического искусства, а материалы приобретены из-за границы и от торговых домов, снабжающих и отделение фотографическими продуктами»[21]. Вещи были проверены Н. Г. Писаревским и фотографом А. И. Шпаковским, затем весь груз был упакован в 15 ящиков общим весом 170 пудов (2 т. 780 кг.), застрахован на 5500 рублей и в начале июля 1862 г. отправлен в Тифлис.

Строительство здания для Фотографии Главного Штаба Кавказской армии в Тифлисе еще не было завершено, поэтому фотографы начали работать в «квартире с павильоном» художника и фотографа Ф. Хламова. Здесь по заказу редакции «Кавказского календаря» были сделаны фотографические копии с картин Т. Горшельта — «Ахульго», «Лезгины, защищающиеся в ауле», «Стрелки кабардинской команды» (по сто экземпляров каждой) [*Кавказский календарь на 1862 год*, 1861][22].

Таким образом, «в июле 1862 года в видах приобретения наибольших сведений о Кавказском и Закавказском крае, в Тифлисе устроена была фотография, стоившая казне до 19 тыс. рублей. *Первоначальное назначение этой фотографии заключалось в снимании местностей, древностей, типов, костюмов, надписей, манускриптов и вообще предметов археологии, этнографии*

[19] РГВИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1980. Л. 99–99об.

[20] Там же. Д. 1569. Л. 24.

[21] Там же. Д. 1980. Л. 81.

[22] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3, Д. 62. Л. 106.

и особенностей страны (выделено курсивом нами. — *З. М., А. Ч.*). Впоследствии назначение это изменено и устройство Кавказской фотографии приспособлено к сниманию копий в различных видах с карт и планов, составляемых при Военно-Топографическом Отделе Кавказского военного округа, ведению которого она подчинена. Таковое приспособление фотографического искусства независимо от облегчения труда имеет особенно важное значение в тех случаях, когда требуется скорое составление копий с картографических оригиналов и притом в нескольких экземплярах»[23]. Содержание Фотографии Главного Штаба Кавказской армии в 1860-е—1870-е гг. ежегодно обходилось казне в сумму 3500 рублей.

Газета «Кавказ» на своих страницах уже в январе 1863 г. поместила рекламу нового фотографического заведения: «Фотографическое заведение при Главном Штабе Кавказской армии, имея в виду применить фотографию к топографии (особенно), этнографии, археологии и вообще ко всему, где это искусство может быть употреблено с пользой для края и науки, доводит до сведения, что с 8 января 1863 года оно открыло свои действия. Располагая настолько средствами, что съемка портретов не будет иметь влияния на успех остальных работ, заведение предлагает свои услуги частным лицам» [*Кавказ,* 1863].

Первым заведующим Фотографическим павильоном Главного Штаба Кавказской армии был Александр Яковлевич Гудим. Сам факт назначения именно его, а не какого-то другого офицера в сентябре 1863 г. на должность заведующего, можно считать аргументом в пользу предположения о том, что А. Я. Гудим обучался фотографии. Возможно, он получил соответствующие навыки и опыт в годы учебы в Санкт-Петербурге в Николаевской Академии Генерального штаба, но не в рамках учебного плана, поскольку среди дисциплин, преподававшихся в Академии, искусства фотографии тогда не было, а самостоятельно. Во всяком случае, как минимум одна фотография из Альбома А. Я. Гудима может быть датирована 1861 годом. Речь идет об уже упомянутом (см. выше) снимке с портретом наиба и казначея Шамиля Хаджиява. В музейных документах он назван «Коджіо», вероятно, от принятого в российской историографии тех лет написания его имени — Хаджио. На фотографии мы видим группу из семи мужчин. Четверо уважаемых людей (все, очевидно, дагестанцы), включая Хаджиява, сидят в первом ряду. За ними стоят два офицера российской армии и молодой горец в черкеске.

После окончания обучения в Николаевской Академии в 1859 г. А. Я. Гудима направили в Кавказскую армию, он служил в Штабе войск Дагестанской области. В послужном списке отмечено, что в июне 1862 г. А. Я. Гудим «за отличие в делах с горцами в 1861 году в Ункратлинском обществе награжден орденом Св. Станислава с мечами и бантом»[24].

Известные события, связанные с неудачной попыткой восстания в Ункратле в 1861 г., подробно описаны в работе В. А. Потто. Отметим, что участниками состоявшихся по инициативе генерал-майора И. Д. Лазарева

[23] РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 391. Л. 10–10об.

[24] Там же. Оп. 17. Д. 1440. Л. 64 об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

успешных переговоров российской стороны с мятежниками были «почетнейшие лица Среднего Дагестана, как то: Хаджияв, Муртазали Тилитлинский, Даногомагома, Омар Салтинский и другие» [Потто, 1900, с. 253]. Весьма вероятно, что фотографические портреты именно этих людей сохранил для истории А. Я. Гудим.

В фонде РГВИА сохранилось письмо полковника Н. А. Окольничего от 5 июня 1862 г., адресованное Н. Я. Гудиму: «Милостивый государь! В настоящее время в Тифлисе, при Штабе Армии, устраивается фотографическое заведение в довольно значительных размерах и с тою же целью, как таковое учреждено в Санкт-Петербурге, при Департаменте Генерального Штаба. Господин начальник Главного Штаба, которому *я показывал некоторые Ваши фотографические снимки, сделанные Вами в Тифлисе* (выделено курсивом нами. — *З. М., А. Ч.*), пожелал Вам сделать предложение о прикомандировании Вас к означенному заведению, для усовершенствования в искусстве фотографии. Ежели это будет не согласно с Вашими намерениями, не оставьте меня о том уведомить для доклада Его превосходительству Александру Петровичу и сообщения Вам дальнейшего по сему решения Его Превосходительства. Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем почтении и преданности»[25].

В ответном письме от 9 августа 1862 г. из Темир-Хан-Шуры Гудим пишет: «Рассчитывая на Вашу любезную снисходительность, я промедлил ответом на письмо Ваше от 5 июня № 884, до получения из Тифлиса некоторых нужных мне сведений я не решался дать Вам положительный ответ на предложение, которое угодно было мне сделать через посредство Ваше Его Превосходительству Александру Петровичу. В настоящее время, находясь в возможности решить для себя этот вопрос, я имею честь сообщить Вам, что с большим удовольствием принимаю сделанное мне предложение о прикомандированию к фотографическому заведению и поставляю себе долгом покорнейше просить Вас засвидетельствовать Его Превосходительству почтеннейшую мою признательность за новое назначение, которое посильным трудом надеюсь оправдать. Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении и преданности»[26].

Следующим заведующим Фотографией Главного Штаба Кавказской Армии стал Елисей Исидорович Кондратенко. Он происходил из семьи отставного майора Исидора Денисовича Кондратенко, который после окончания службы остался жить в Тифлисе. В семье было десять детей, Елисей был старшим среди них и после смерти отца взял на себя заботы о матери, братьях и сестрах. Особенно трепетно он относился к самому младшему в семье — Роману Исидоровичу Кондратенко, будущему генерал-лейтенанту и герою обороны Порт-Артура [Авчинников, 1912, с. 7–12].

Е. И. Кондратенко учился в школе кавказских межевщиков. После окончания обучения в 1856 г. поступил на службу «по межевому ведомству на Кавказе» и при этом остался в школе учителем математики. Через три года его причислили к корпусу топографов с зачислением на военную службу.

[25] РГВИА, Ф. 14719. Оп. 3. Д. 62. Л. 99.

[26] Там же. Л. 106, 106об.

Именно он был в числе офицеров, направленных в Санкт-Петербург для обучения фотографии, а впоследствии в 1864 г. «за труды по устройству Фотографического Павильона при Главном Штабе Кавказской Армии и вполне удовлетворительное исполнение фотографических работ» получил в «качестве награды полугодовой оклад жалованья»[27]. Ему поручали производство различных фотографических съемок: в 1863 г. — в Белом Ключе и Манглиси, в 1864 г. — некоторых местностей по Военно-грузинской дороге и Казбекских ледников, в 1865 г. — в Дагестане.

Кондратенко назначили заведующим «фотографическим отделением кавказского военно-топографического отдела» в 1865 г. Уже в следующем году он был вновь направлен в столицу для изучения применения фотографии к картографии. В 1867 г. Кондратенко начал там работу в должности младшего фотографа при военно-топографическом Отделе Главного Штаба. В 1869 г. оставил военную службу и в течение 10 лет работал землемером. В 1881 г. Кондратенко перешел на должность помощника главного редактора Кавказского статистического комитета, принимал активное участие в организации проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи на Кавказе в 1897 г. Кроме того, еще в июле 1880 г. он был избран членом Кавказского Отделения РГО.[Некролог Е. И. Кондратенко, 1909, с. 134–139].

Фотография для Е. И. Кондратенко стала не только профессией, но и увлечением, которое он пронес через всю жизнь. В 1884 г. он сопровождал главноначальствующего на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в его поездке в Закаспийскую область для собирания статистических сведений об области в целом и о Мерве в частности, а также для «составления фотографического альбома местных видов и типов». [Некролог Е. И. Кондратенко, 1909, с. 136] 21 апреля 1887 г. во время Высочайшего осмотра топографических и картографических работ в Гатчинском Дворце «капитан корпуса военных Топографов Кондратенко имел счастье преподнести Его Императорскому Величеству Альбом видов и типов, снятых в течение разграничения Закаспийской области от Афганистана»[28].

Известны и другие его работы. Он принимал участие во Всероссийской фотографической выставке 1888 г. в Санкт-Петербурге с работами «Виды Закаспийской области и Кавказа». В числе фотографий, предложенных Кондратенко, фотографии, снятые внутри Сионского и Мцхетского соборов в Тифлисе, фотографии, снятые во время демаркации границ между Афганистаном и Россией в 1886 г., ряд альбомов видов Кавказа с описаниями[29].

К сожалению, далеко не всегда на фотографиях XIX столетия указано имя автора. Значительно чаще мы встречаем подпись, свидетельствующую о том, в каком фотографическом заведении сделана работа. В нашем случае это «Фотография Главного Штаба Кавказской Армии». Такое положение дел, как отмечала Т. Г. Сабурова, было связано с тем, что в России вопрос об авторском

[27] РГВИА. Ф. 38. Оп. 11. Д. 38. Л. 44об.

[28] РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1059. Л. 1.

[29] РГИА. Ф. 90. Оп. 1, Д. 232. л. 81об.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

праве фотографов на свои работы долгое время не решался, и только в 1911 г. был опубликован закон об авторском праве фотографа на свое произведение. Срок авторского права распространялся на 10 лет. Запрещено было использовать фотографии без согласия автора. В коммерческой же сфере фотография становилась собственностью заказчика как оплаченная продукция [Сабурова, 2013, с. 9–10]. Вместе с тем со второй половины XIX в. фотографов обязали указывать на работах (точнее, на паспарту) название фотоателье.

Известно, что Фотография Главного Штаба Кавказской армии с момента основания и как минимум до 1871 г. имела следующий штат сотрудников: заведующий фотографией, фотограф и четыре помощника[30]. Должность заведующего занимали А. Я. Гудим (1863–1865), Е. И. Кондратенко (1865–1867), Казимир Макарович Адольф (1868–1890), Михаил Алексеевич Соколов (1892–1901), Константин Матвеевич Занис (1903–1917). Младшим фотографом с декабря 1862 г. до января 1866 г. работал Петр Федорович Симоненко, «неклассным военным художником» и фотографом служил Михаил Павлович Владимиров (с 1866 по 1890 г.). К сожалению, пока не удалось установить имена всех фотографов, работавших или сотрудничавших с Фотографией Главного Штаба Кавказской армии.

Есть все основания предполагать, что именно коллектив фотографов Главного Штаба Кавказской армии в мае 1864 г. осуществил первую в России документальную военную съемку торжественного молебствия, которым завершилась Кавказская война.

На вопрос о том, кто именно из сотрудников осуществлял съемку указанных событий, однозначно ответить пока сложно. Известно, что 4 мая 1864 г. прапорщик корпуса топографов М. А. Денисов, топографы В. Курицын и Е. Какулин (прошедший обучение в Фотографическом отделении Главного Штаба), а также переводчик, два проводника и двенадцать рабочих были направлены для «топографических работ на Кавказе и, между прочим <…> производства съемки при движении войск и занятии земель убыхов и джигетов»[31]. Топограф М. П. Владимиров (прошедший обучение в Фотографическом отделении Главного Штаба) в мае 1864 г. находился в составе Ачхипсхувского отряда и имел медаль «За покорение Западного Кавказа»[32]. А. Я. Гудим — первый заведующий Фотографией Главного Штаба Кавказской армии — также находился в составе Ачхипсхувского отряда и участвовал в торжественном молебствии 21 мая 1864 г. В этот день «За отличие в делах против горцев он был награжден золотою шашкою с надписью “За храбрость”»[33].

Кроме фотографий, сохранившихся в личном архиве А. Я. Гудима, наверняка существовали и другие снимки участников торжественных мероприятий, завершивших Кавказскую войну. Поэтому важным представляется дальнейший поиск и изучение наследия фотографов Главного штаба Кавказской армии.

---

[30] РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 211. Л. 74об.

[31] РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 599. Л. 38–38об., 41, 43.

[32] РГВИА. Ф. 400, Оп. 12. Д. 17475. Л. 5.

[33] РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 1440. Л. 71.

Список сокращений / Abbreviations

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва) [GARF — The State Archive of the Russian Federation (Moscow)].

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва) [OPI GIM — Department of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow)].

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки [OR RGB — Department of Manuscripts of the Russian State Library].

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [RGVIA — The Russian State Military Historical Archive (Moscow)].

РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.) [RGIA — The Russian State Historical Archive (Saint Petersburg)].

РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия [ROSSPEN — Russian political encyclopedia].

Список литературы / References

1. Авчинников А. Г. *Народный герой Роман Исидорович Кондратенко*. Екатеринослав: Тип. М. С. Копылова, 1912 [Avchinnikov A. G. *National hero Roman Isidorovich Kondratenko*. Yekaterinoslav: Tip. M. S. Kopylova, 1912 (in Russian)].
2. *Альбом с фотографиями представителей народов Кавказа* [*An album with photos of representatives of the peoples of the Caucasus peoples*] Электронный ресурс: URL: http://www.kabinet-auktion.com/auction/books16/209/ (accessed: 11.05.2024).
3. *Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России.* СПб.: Деньер, 1865. № 4, № 9 [*An album of photographic portraits of royal personages and persons famous in Russia*. Saint Petersburg: Denyer, 1865. No. 4, No. 9 (in Russian)].
4. *Военная летопись России в фотографиях. 1850-е–2000-е. Федеральное архивное агентство Российский государственный архив кинофотодокументов.* М.: Голден-Би, 2009 [*The military chronicle of Russia in photographs. The 1850s–2000s. Federal Archival Agency Russian State Archive of Film and Photographic Documents*. Moscow: Golden Bee. 2009 (in Russian)].
5. Духовский С. М. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году. *Военный сборник*. № 12. Тифлис, 1864. С. 277–357 [Dukhovsky S. M. Materials for describing the war in the Western Caucasus. Dakhovsky detachment on the southern slope of the mountains in 1864. *Military Collection*. No. 12. Tiflis, 1864, pp. 277–357 (in Russian)].
6. Инал-Ипа Ш. Д. *Садзы.* М.: Наука. 1995 [Inal-Ipa Sh. D. *Sadzy*. Moscow: Nauka, 1995 (in Russian)].
7. *Кавказский календарь на 1862 год*. Тифлис: Главное управление наместника Кавказского. 1861 [*The Caucasian calendar for 1862.* Tiflis. Glavnoe upravlenie namestnika Kavkazskogo, 1861(in Russian)].
8. Махмудова З. У. Фотографы и топографы: становление и развитие военной «светописи» на Кавказе в середине XIX века. *Кавказский сборник.* Т. 13(45). Под ред. В. В. Дегоева. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 258–281 [Mahmudova Z. U. Photographers and topographers: the formation and devel-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

opment of military "painting by light" in the Caucasus in the middle of the XIX Century. *The Caucasian collection*. Vol. 13(45). Ed. by V. V. Degoev. Moscow: Aspect Press, 2021, pp. 258–281 (in Russian)].

9. Милютин Д. А. *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина*. Под ред. Г. Г. Христиани. Томск: Издание Военной академии, 1919 [Milyutin D. A. *Memoirs of Field Marshal General Count Dmitry Alekseevich Milyutin.* Ed. by G. G. Christiani. Tomsk: Izdanie Voennoy akademii, 1919 (in Russian)].
10. Милютин Д. А. *Воспоминания. 1856–1860.* Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2004 [Milyutin D. A. *Memoirs. 1856–1860.* Ed. by L. G. Zakharova. Moscow: ROSSPEN, 2004 (in Russian)].
11. Некролог Е. И. Кондратенко. *Известия Кавказского Отделения РГО*. Т. 19. Тифлис: Тип. К. П. Козловского и М. Мартиросянца, 1909. С. 134–139 [E. I. Kondratenko's obituary. Izvestia of the Caucasian Branch of the Russian Geographical Society. Vol. 19. Tiflis. Tip. K. P. Kozlovskogo i M. Martirosyancza, 1909, pp. 134–139(in Russian)].
12. Потто В. А. *Генерал-адъютант Иван Давыдович Лазарев*. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1900 [Potto V. A. *Adjutant General Ivan Davydovich Lazarev.* Tiflis: Skoropechatnya M. Martirosyancza, 1900 (in Russian)].
13. Рерберг П. Ф. *«Севастопольцы». Участники 11-ти месячной обороны Севастополя в 1854–1855 годах*. Вып. 1. СПб.: Тип. Товарищества Р. Голике и А. Вильборг.1903 [Rerberg P. F. "Sevastopolians". Participants in the 11–months defense of Sevastopol in 1854–1855. Vol. 1. St. Petersburg. Tip. Tovarishhestva R. Golike and A. Vilborg, 1903 (in Russian)].
14. Сабурова Т. Г. *Русское фотографическое общество в Москве (1894–1930)*. М.: Планета, 2013 [Saburova T. G. Russian Photographic Society in Moscow (1894–1930). Moscow: Planeta, 2013 (in Russian)].
15. *Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Императора Александра II.* Кн. 1. СПб: Тип. Товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1914 [*The centenary of the Ministry of War. 1802–1902. The Imperial main apartment. The history of the sovereign's retinue. The Reign of Emperor Alexander II.* Book 1. Saint Petersburg: Tip. Tovarishhestva R. Golike and A. Vilborg, 1914 (in Russian)].
16. *Страницы отечественного кавказоведения*. Отв. ред. Н. Г. Волкова. М.: Наука, 1992 [*Pages of Russian Caucasian studies.* Ed. by N. G. Volkova. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].
17. Фотографическое заведение при Главном Штабе Кавказской армии. *Кавказ*. 1863. № 6 (январь) [A photographic institution at the Headquarters of the Caucasian Army. *The Caucasus*. 1863. No. 6 (January) (in Russian)].
18. Шипова Т. А. Материалы к справочнику «Фотографы Петербурга» (К. К Клодт, Лоран, К. А. Шапиро, А. И. Деньер). *Сборник докладов международной конференции «Фотография в Музее: условия хранения и экспонирования».* СПб.: РОСФОТО, 2009 [Shipova T. A. Materials for the reference book "Photographers of Saint Petersburg" (K. K. Klodt, Laurent, K. A. Shapiro, A. I. Denyer). *Collection of reports of the international conference "Photography in the Museum: storage and exhibition conditions".* Saint Petersburg: ROSPHOTO, 2009 (in Russian)].

19. Эсадзе С. *Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны*. Тифлис. Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1914 [Esadze S. *The conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War*. Tiflis: Tip. Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1914(in Russian)].

Информация об авторах

Махмудова Зоя Увайсовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора Кавказа Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; zoyamakhmudova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8109-5296.

Черненкова Анастасия Николаевна — научный сотрудник отдела изобразительных искусств Государственного Исторического музея, nchernenkova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-5629-221X.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 22.07.2024; принята к публикации 23.07.2024; опубликована 30.09.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Zoya U. Makhmudova — PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Caucasus Sector, Post-Soviet Studies Center of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zoyamakhmudova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8109-5296.

Anastasia N. Chernenkova — Research Fellow, Department of Fine Arts, State Historical Museum, Moscow, Russia; nchernenkova@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-5629-221X.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 23.07.2024; published 30.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

PHILOSOPHY OF THE EAST
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Philosophical Anthropology,
Philosophy of Culture

Философская антропология,
философия культуры

Научная статья Философские науки
УДК 1(091)(34)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-654-667

Толкование Ибрахима ал-‘Аййи на Книгу Бытия как памятник самаритянского богословия XVIII в.

Нофал Фарис Османович

Институт философии РАН, Москва, Россия,
faresnofal@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-3163-4722

Аннотация. Статья вводит в научный оборот фрагменты монументального толкования самаритянского богослова и полемиста Ибрахима ал-‘Аййи (1715–1788) на Книгу Бытия (BL 7925). Автор обозревает религиозно-философские идеи, приведенные ал-‘Аййей в библейском комментарии, и сличает их с концептосферой его малых апологетических трактатов, опубликованных в 2022 г. Анализ памятника продемонстрировал антиантропоморфическую и детерминистическую направленность мысли Ибрахима, последовательно отстаивавшего «теорию присвоения» (*касб*), разработанную Мунаджжой ибн Садакой ас-Самирри (XIII в.) в «Книге о различиях»: по мнению богослова, Вседержитель творит единичные действия и способность к ним, предугадывая волю субъекта. Основному тексту статьи предпослана биографическая справка, а также описание рукописи толкования, хранящейся в фондах Британской библиотеки.

Ключевые слова: Ибрахим ал-‘Аййа, Мунаджжа ибн Садака, Книга Бытия, самаритяне, детерминизм, антропоморфизм

Для цитирования: Нофал Ф. О. Толкование Ибрахима ал-‘Аййи на Книгу Бытия как памятник самаритянского богословия XVIII в. *Ориенталистика*. 2024;7(3):654–667. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-654-667.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Нофал Ф. О., 2024
© Ориенталистика, 2024

Orientalistica. 2024;7(3):654–667

Original article
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-654-667

Philosophy studies

Ibrāhīm al-ʿAyyah's Commentary on Genesis as a Samaritan Theological Record of 18th Century

Faris O. Nofal

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, faresnofal@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-3163-4722

Abstract. The article introduces into scientific circulation fragments of the monumental interpretation of the Samaritan theologian and polemicist Ibrāhīm al-ʿAyyah (1715–1788) on the Book of Genesis (BL 7925). The author reviews the religious and philosophical ideas presented by al-ʿAyyah in his biblical commentary and compares them with the conceptual sphere of his short apologetic treatises published in 2022. Presented analysis of the monument demonstrates the anti-anthropomorphic and deterministic orientation of Ibrāhīm's thought, who consistently defended the "theory of appropriation" (kasb), developed by Munaǧǧā ibn Ṣadaqah al-Sāmirrī (13th century) in the "Book of Differences": according to the theologian, God creates individual actions, predicting human's will. The main text of the article is preceded by a biographical note, as well as a description of the interpretation manuscript stored in British Library oriental collection.

Keywords: Ibrāhīm al-ʿAyyah, Munaǧǧā ibn Ṣadaqah, Genesis, Samaritans, Determinism, Anthropomorphism

For citation: Nofal F. O. Ibrāhīm al-ʿAyyah's Commentary on Genesis as a Samaritan Theological Record of 18th Century. *Orientalistica*. 2024;7(3):654–667. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-654-667 (in Russian).

Введение

XVIII в. для неизученного, к сожалению, арабоязычного самаритянского богословия стал столетием небывалого подъема, вехой религиозно-философского «ренессанса», подарившего общине созвездие новых имен — ал-Газзала ибн ʼАбу Сурура (ум. после 1755 г.), Муслима (Машламу) ибн Мурджана[1] и его племянника, Ибрахима ал-ʿАйи. С «новыми» самаритянскими теологами связан и своеобразный экзегетический «бум», ознаменованный возрождением комментаторской традиции XII–XIII вв.: за каких-нибудь полвека Книга Бытия трижды служила предметом монументальных интерпретаций, изложенных в четырех томах, — к сожалению, до сих

[1] Общие сведения о творчестве этих двух богословов см. в следующих работах: [Нофал, 2024] [Rosen, 1951]. Ал-Газзалу и его «Раскрытию» (*Кашф*) мы посвятили отдельное монографическое исследование, которое, надеемся, увидит свет в ближайшее время.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Nofal F. O., 2024
© Orientalistica, 2024

пор неизданных. Данная статья — очередная попытка обратиться к рукописному наследию самарян и обозреть, пускай и в первом приближении, концептосферу одного из упомянутых выше толкований Бытия и его центральные идеи.

В этой работе будет рассмотрен двухтомный комментарий ал-ʻАйии на Книгу Бытия, — комментарий тем более интересный, что суммирует пять веков развития самаритянской экзегезы, подводит итог процессу «кодификации» исламских и иудейских элементов, проникших в библейский комментарий уже во времена Садаки ал-Хакима (ум. ок. 1223). Толкование Ибрахима — последний, насколько известно, образчик жанра, созданный в соответствии с буквой и духом средневекового *тафсира*. И хотя автор не раз обращался к идеям ал-ʻАйии, изложенным в его малых апологетических трактатах [Нофал, 2021; Nofal, 2022; Четыре апологетических трактата…, 2022], сейчас назрела необходимость изучить религиозную философию его Толкования как с источниковедческих, так и с религиоведческих позиций.

Памятник и его автор

Ибрахим ад-Данфи, известный как *ал-ʻАйиа* («Усталый» [Sajdi, 2013, p. 86], или «Заика» [Pummer, Tal, 1993, p. 13, 142]), родился в городе Сихеме (Наблусе) в 1715 / 1716 г. О детстве и юношестве Ибрахима источники сведений не сохранили. Лишь в 1770–1773 гг. пятидесятипятилетний ал-ʻАйиа заявляет о себе как хронист, работающий в жанре «ежедневных происшествий» (*хавадис йавмийиа*), и создает краткое описание жизни современной ему Палестины в обозначенный выше период [Sajdi, 2013, p. 86]. В 1787 г. богослов (вначале вместе с дядей, а после его смерти — единолично) управляет самаритянской общиной, остававшейся без первосвященника вплоть до 1798 г.; на эти годы приходится эпидемия чумы, унесшая в Наблусе жизни двадцати пяти человек. Скончался ал-ʻАйиа в 1788 г., оставив после себя ряд трактатов, арабо- и евреоязычных гимнов, а также монументальное толкование Книги Бытия, содержащее, в свою очередь, упоминания о принадлежащих перу автора объяснениях Чисел и Второзакония [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 56v, 81v][2]. Комментарий Ибрахима к Исходу обнаружен автором в хранилищах Государственной библиотеки Германии (Or. 1084), а компендиум «Наставление и возглашение о праздничных месяцах» (*ал-Иршад ва ал-ишхар ʻала шухур ал-аʻйад*) — в Национальной библиотеке Израиля (MS. Sam. 74 = 8).

Памятник, о котором идет речь в данной статье [Al-ʻAyyah, 1913], доступен нам в единственном списке, хранящемся в фондах Британской библиотеки под номером 7925(1–2). Первый том, переписанный Наджи б. Худром б. Исхаком 11 сафара 1331 / 4 января 1913 г., содержит 206 листов размера 319×211 мм. Второй же том не имеет колофона, однако, судя по особенностям шрифта *рукʻа*, создан в том же 1913 г. Наджи б. Худром на 204 листах формата 324×214 мм. В целом, толкование охватывает весь текст Книги Бытия, комментируемой ал-ʻАйией с учетом арабского таргума Самаритянского Пятикнижия. Кроме

[2] Подробнее о реконструкции биографии ал-ʻАйии см.: [Четыре апологетических трактата…, 2022, с. 181–183].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

того, Ибрахим неоднократно ссылается на авторитетов самарян — Марку [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 24v], Мунаджжу б. Садаку (XII–XIII вв.) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 89r, vol. 2, fol. 48r], Садаку ал-Хакима [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 10v, 13r, 44v, 48r, 65r, 135, 159v, vol. 2, fol. 41v, 65r, 138v], Саʻд ад-Дина б. Садаку [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 24v],ʻАбдуллаха б. Саламу (XV в.) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 35r] и Ибрахима ал-Кабаси [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 13r, vol. 2, fol. 41v]. Разумеется, здесь перечислены лишь эксплицитные ссылки ал-ʻАйии; перечень же источников последнего неизбежно будет пополняться по мере обнаружения других самаритянских трактатов и их постепенного введения в научный оборот.

Бог и его атрибуты

Увы, время создания толкования ал-ʻАйии на Бытие не установлено; следовательно, затруднительно определить связь этого произведения с малыми апологетическими трактатами, тезисно обозначающими основные положения теологического учения мыслителя. Текст первого тома комментария Ибрахима открывается объемной справкой о единобожии (*тавхид*), схожей со строфами первой поэмы самаритянина [Четыре апологетических трактата…, 2022, с. 195]: Бог, по мнению книжника, есть «вечный и бесконечный» Творец, у Которого нет «ни знаемого начала, ни описываемого конца». Тем самым Он противоположен миру — безусловно, возникшему во времени (*мухдас*), коль скоро наблюдаемые в нем вещи исходят из небытия (*ʻадам*) и им сменяются. Ал-ʻАйиа заключает: вселенная создана *ex nihilo*, что указывает на исключительное всемогущество Всевышнего и Его независимость от мира [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 4].

На страницах своего толкования Ибрахим не стремится представить читателю развернутую аргументацию в пользу единственности или существования Бога; тем не менее он обращается к космологическому доказательству в предельно общей его формулировке. Человек, рассуждает философ, наблюдает собственные действия и действия внешних по отношению к нему объектов, чтобы убедиться в их ограниченности, их преходящем характере; природа же, напротив, являет собой куда более совершенное действие своей Причины, — а значит, указывает на Действователя *par excellence* [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 26r]. По мнению ал-ʻАйии, Господь «явлен в Своих актах, но скрыт по Своей самости», что отличает его от «открытого в деяниях и самости» огня или «явственно наблюдаемых, но скрытно действующих» лекарств. Лишь небытийствующее (*гайр мавджуд*) изымается Ибрахимом из его импровизированной «типологии акта» как «скрытое в самости и действии» нечто [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 26v], не предполагающее даже указания (*ла йушар ʼилай-хи*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 176v].

Живописуя «Лествицу Иакова», увиденную праотцом в знаменитом сне (Быт. 28:12), Ибрахим вновь возвращается к размышлениям над самостью Бога: фигура ангела, возвышавшаяся над ступенями, никак не могла принадлежать Всевышнему, ибо

Господь не служит [субстратом] для акциденций (*аʻрад*), Он не пребывает в каком-либо месте (*макан*), — в противном случае Он был бы телом (*джисман*). Он не имеет меры (*микдар*) — иначе подлежал бы делению (*мункасиман*). Он не имеет количественности, — иначе служил бы подобием (*мисал*) или образом (*сура*). Нет, Всевышний един и неделим — как самостно, так и ментально; в противном случае, Он был бы телом и состоял из материи и формы. <…> Его не достигают взоры и не объемлют мысли [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 2r-3r].

Замечание ал-ʻАйии, касающееся семантики терминов «образ» и «подобие» (Быт. 1:26), призвано окончательно деконструировать антропоморфические прочтения Священного Писания, якобы проникшие в иудео-самаритянскую среду из христианской теологии [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 35r]. Впрочем, к обоим терминам мы еще вернемся ниже; здесь же подчеркнем, что Ибрахим отрицает возможность «схождения» (*инхидар*) Бога с «трона» небесных сфер [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 88r] или Его «раскаяния» (*надам*) в созидании человека: Абсолют неизменен, а Его знание (*ʻилм*), одинаково обозревающее настоящее, прошлое и будущее, задает предел Его же непоколебимому могуществу (*кудра*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 70r]. Иными словами, за самостью Бога автор толкования закрепляет три атрибута — знание, могущество и волю (*ихтийар*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 4v][3].

Куда более интересным представляется пассаж ал-ʻАйии, характеризующий божественное знание как «объемлющее универсалии знаний» (*куллиййат ал-ʻулум*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 175r]. Термин «универсальное знание», используемый в самаритянской литературе, отсылает нас к «Книге о различиях [между иудеями и самаритянами]» (*Китаб ал-хилаф*) Мунаджжи б. Садаки, в которой мыслитель решительно восстает против арабо-перипатетической теологии: по мнению Мунаджжи, Бог «ведает партикулярии партикулярным знанием, а универсалии — универсальным» [Al-Sāmirrī, 1909, p. 296]. Согласно Мунаджже, «всеобщность» знания Творца позволяет Ему вмешиваться в ход естественных процессов, а также эсхатологически прозревать поступки отдельных индивидов и воскрешать их накануне Страшного суда; кроме того, отмечая знание Бога о конкретных деяниях людей, Мунаджжа непротиворечиво строил собственную детерминистическую модель, тоже перенятую Ибрахимом без каких-либо уточнений.

[3] Напомним между тем, что в апологетических трактатах Ибрахим, вслед за ʼАбу ал-Хасаном ас-Сури (XI в.), изложил более разработанную классификацию божественных атрибутов: «Атрибуты (*сифат*) [Бога] бывают четырех видов: самостные (*затийя*), смысловые (*маʻнавиййа*), дедуктивные (*муктадийа*) и оперативные (*фиʻлиййа*); это известно людям правды [и] верным народам. Самостные [атрибуты] — это необходимые (*ваджибат*), утвержденные (*сабитин*) [свойства], которые нельзя изменить, — истинно это, [знайте, о] верные и неверные! Его, Всевышнего, атрибуты [таковы]: Он — Могущественный, Создатель, Оформитель, Искусный Творец, Питающий, Споспешествующий, Воскрешающий, Умертвляющий, Поражающий хворью, Исцеляющий и Дарующий силы тем, кому пожелает» [Нофал, 2021, с. 27].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

«Космическая топография» Ибрахима ал-ʻАйии

Мироздание ал-ʻАйя вполне традиционно делил на «горний» (*ʻулвийй*) и «дольний» (*суфлийй*) универсумы; в них мыслитель выделял животные (словесные и несловесные), планетарные и сферо-космические субстанции [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 4r], обладающие такими характеристиками, как внешний вид (*шакл*), форма (*сура*), мера (*микдар*), движение (*харака*) и покой (*сукун*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 4v]. «Духами» же (*арвах*) Ибрахим иносказательно называет простые, нетелесные самости — четыре элемента и ангелов [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 9r]. Последние размещены на первом небе — «объемлющей сфере» (*фалак мухит*), задающей пространственные пределы всей физической вселенной [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 4v]. Созданные на второй день космические сферы оказывают воздействие на все неодушевленные вещи, растения и животных, за исключением человека; этим ал-ʻАйией объясняется практическая ценность астрологии, не приложимой к человеку и его действиям [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 16]. Всего самаритянин, вслед за некими «мудрецами» (*хукама'*), насчитывал «тысячу двадцать два небесных тела, из которых семьсот семнадцать образуют сорок восемь созвездий» в «двенадцати зодиаках и двадцати восьми домах» [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 22v].

Землю ал-ʻАйя мыслил как «неподвижный шар», вложенный в сферы воды, огня и воздуха и покоящийся на «лунном» небе; вокруг него небесная сфера совершает оборот длиной в шесть тысяч восемьсот фарсахов [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 5, 16]. До четвертого дня творения земля освещалась светом (*нур*), созданным прежде светил; из него возник первый элемент — огонь, образовавший природу сухости [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 11v]. Так Бог отграничил ночь от тьмы, продумав, по словам Ибрахима, литургическую структуру суток: ночь предназначена Богу, тогда как день — «служению твари» [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 14r]. Под «тварью» книжник понимал и животных, «славящих Бога на своих языках» [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 15r].

Разрабатывая свою ангелологию, Ибрахим, очевидно, в одинаковой мере полагался на арабо-перипатетическую ноологию и общеавраамическую мифологию. Так, созданные во второй день ангелы характеризовались мыслителем как

> бесплотные, бескровные, бесстрастные [существа], не обладающие чувственной душой; они, будучи бессоставными (*ли-ʻадам ат-таркиб*), больше других овладевают знаниями. <…> Они не призываются [своей природой] к совершению зла и принимают множественные обличья. Двенадцать тысяч ангелов стоят вокруг земли — по восемнадцать тысяч в каждой стороне света, и четыре тысячи пятьсот окружают мир [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 11r].

Страницей ниже ал-ʻАйя уточняет: ангелы суть «простые, живые, словесные и разумные субстанции, непричастные тьме страсти» [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 11v]. К этим качествам Ибрахим причисляет и волю, составляющую

«смысловую форму» (*сура маʻнавиййа*), в соответствии с которой и был сотворен человек [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 35v]. Учение о двух видах формы, смысловом и структурном (*тахтитиййа*), восходит к ʼАбу Хамиду ал-Газали, писавшему в «Вознесении к святым» (*Маʻаридж ал-кудс*):

> Тот, кто вознесся к горизонту (*ʼуфук*) ангелов, украсив себя знаниями, душевными достоинствами и добрыми делами, есть телесный ангел, возвысившийся над человечеством; он делит с людьми только [свой] структурный образ [Al-Ġazālī, 1975, p. 15].

В своих «Ответах» (*Аджвиба*) ашаритский мистик уточнил значение термина «смысловой образ»:

> Что означают слова [Пророка] (мир ему!) «Поистине Всевышний Аллах создал Адама по своему образу»? «Образ» есть общее имя, прилагаемое либо к упорядочиванию форм, их размещению относительно друг друга и их устройственному различию (то есть к осязаемой их форме), либо к неосязаемому порядку смыслов… Подобие образов [человека и Бога] означает [равенство] именно смысловых их образов, подразумевает упомянутое выше сличение, отсылающее к самости, атрибутам и действиям [Al-Ġazālī, 1416 г. х., p. 364–365].

Однако еще Садака ал-Хаким обратил внимание на близость учения ал-Газали типично самаритянской оппозиции צורת הלבב и צורת התאר — «ментальный образ» и «телесный образ», — упомянутой в мидраше IV в. «Ковчег Марки»: его автор постулировал совпадение «ментального образа» человека и Бога, не обладающего какими-либо телесными свойствами. Позже, уже в XI в., переводя «Ковчег…» на арабский язык, самаритяне-антиантропоморфисты обозначили «ментальный образ» как принадлежащий ангелам, чем определили развитие этого экзегетического сюжета в XI–XVIII вв. [Tal, 2019, p. 148].

Антропология ал-ʻАййи и метафизика человеческого действия

Человек же, созданный из всех четырех элементов [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 13v], был отмечен и разумом (*ʻакл*), и душой (*нафс*). И разум, и душу ал-ʻАййа определял одинаково — как «божественную тайну из самой Истины» (*сирр ʼилахийй*[4] *мин ладун ал-Хакк*); при этом душу богослов отождествлял с духом (*рух*) и «дыханием жизни» (*насамат ал-хайат*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 36v, vol. 2, fol. 191v]. Дух, в свою очередь, Ибрахим называет «простой, несоставной субстанцией» [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 116r], не поддающейся естественному

[4] Этим определением Ибрахим обязан Садаке ал-Хакиму. В апологетических трактатах ал-ʻАййа называет душу «простым» сущим, возникающим из «божественного излияния» (*файд ʼилахийй*) [Четыре апологетических трактата…, 2022, с. 230]. Возможно, здесь Ибрахим следует Мунаджже, согласно которому единичные души эманируют из тварной Мировой Души [Ас-Самирри, 2024, с. 107–108].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

уничтожению [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 176v][5]. Что касается страстности, стремления к «природным» наслаждениям и злу, то она, по сложившейся в самаритянской аскезе традиции [Ас-Самирри, 2024, с. 105], атрибутировалась мыслителем телу; ее зримым символом стала крайняя плоть, после заключения завета с Авраамом подлежащая удалению [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 121][6]. В то же время именно страстность тела призвана, как считает ал-ʻАйя, уравновесить первозданный разум, конституировать привычное для нас пространство выбора [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 37r][7].

Итак, Адам был создан «двадцатилетним разумным» мужем [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 36r] и помещен в Эдеме — не ради «наслаждения», но для различных «упражнений» (*рийадат*) [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 46v]. Вслед за авторитетами прошлого, Ибрахим отмечает: в отличие от животных, первый человек сразу же стал субъектом правообязывания (*таклиф*) — системы взаимных прав и обязательств, накладываемых на себя Богом и Его рабом [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 14r]. Этот мусульманский термин был воспринят самаритянами еще в XI–XII вв. и стал основной категорией сотериологии общины: так, наличие свободного выбора и существование Творца предполагают необходимость следования некоему своду правил, влекущего за собой награду или наказание в грядущей жизни; Вседержитель, в свою очередь, не вправе вменить человеку в обязанность непосильные действия или несправедливо воздать ему по заслугам [Ас-Самирри, 2024, с. 76, 79]. Иными словами, *таклиф* указывает в самаритянской литературе, преимущественно, на подчинение индивида рационально и ревелятивно постигаемым нормам Закона, — и потому неудивительно, что, помимо испытания Древом познания, Адам и Ева были, по словам ал-ʻАйя, облагодетельствованы неким ниспос-

[5] При этом ревелятивное свидетельство в пользу бессмертия души ал-ʻАйя усматривал в Быт. 25:17 и, в частности, во фразе «приложился к отцам своим» (*индава ʼила кавми-хи*) [Al-ʿAyyah, 1913, т. 1, л. 116r]. Телесное же воскресение, по мнению теолога, состоится безотносительно к состоянию человеческих тел, подлежащих полному восстановлению; в этом своем тезисе Ибрахим, как было показано в других, более ранних работах, полагался на схожие утверждения ал-Газали [Нофал, 2021, с. 33–34]. Об эволюции самаритянской эсхатологии подробнее см.: [Нофал, 2023].

[6] Показательно, что Ибрахим неукоснительно следует предписаниям Торы при обсуждении исходящих от человеческого тела нечистот (*наджасат*). Теолог верит: в присутствии божественной славы — в раю ли, на Ковчеге или при установлении Скинии — человек чудесным образом утрачивает способность осквернять место, в котором находится, избавляясь от отходов жизнедеятельности «через пот» [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 54r, 73r].

[7] «Страстная сила» (*кувва шахваниййа*) души, уверен богослов, противостоит «разумной силе», будучи «отцом грехов и матерью прегрешений»; именно она «обманула» разум Лота и позволила ему вступить в инцестуозные отношения с дочерьми [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 141]. Вместе с тем она поддается обучению: к примеру, первый в истории человечества половой акт стал следствием не зова «страстной» природы, но результатом наблюдения Адама за животными [Al-ʿAyyah, 1913, vol. 1, fol. 37r].

ланном на иврите[8] Писанием (*Китаб*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 46v, 47r, 51r]. Рассуждения Ибрахима о понятии «правообязывание» затрагивают два аспекта религиозной антропологии, — эпистемический и акциональный, — каждый из которых следует рассмотреть по отдельности.

Применяя классическую для калама теорию познания к библейскому повествованию, Ибрахим делает акцент на несовершенстве когнитивных способностей человека после его изгнания из рая. Так, прежде чем вкусить плоды запретного Древа, Адам не испытывал нужды в дискурсивном (*иктисабийй*) познании: все интеллигибилии он получал необходимо (*дарурийян*) — посредством органов чувств[9] или божественного внушения (*ʼилхам*). На земле же первая чета лишилась не только покрывавшего их света, но и источника истинных знаний, — а значит, была вынуждена терпеть тяготы умозрения, ставшего частью условий правообязывания [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 52v].

Однако ал-ʻАййа не довольствуется тезаурусом калама и потому возвращается к наследию ал-Газали, облюбованному еще Садакой ал-Хакимом и Ибрахимом ал-Кабаси. В рассуждении о типах религиозных дисциплин, ал-Газали выделял два их вида — науку откровения (*ʻилм ал-мукашафа*) и науку обращения (*ʻилм ал-муʻамала*); по словам богослова, первая «есть знание о Всевышнем Аллахе и Его атрибутах», а вторая — «знание о дозволенном, запретном и людских нравах» [Al-Ġazālī, p. 49]. Признавая значимость обоих типов религиозного знания, Ибрахим оттенял ревелятивную природу науки откровения, «получаемой через Святого духа (*рух ал-кудус*)», то есть ангельскую весть [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 134r, 138v]. Впрочем, после пришествия последнего пророка, Моисея, этот тип знания ограничивается Торой, в которой нет места вероятностным (*занн*) и сомнительным (*шакк*) утверждениям; весь Закон, уверен самаритянин, порождает исключительно аподиктическое знание [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 156v][10]. Первым «учителем» науки обращения экзегет считает сына Ламеха Иавала (Быт. 4:20), а его антагонистом — Иувала (Быт. 4:21), обучившего людей греховным способам удовлетворения страстей [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 62r].

Что до акционального измерения теории правообязывания, то оно связано с онтологией божественного действия. Для построения метафизической модели человеческого акта, арабо-мусульманские мыслители предлагали различные варианты ответа на вопрос об истинном источнике действия.

[8] Именно иврит объявляется Ибрахимом «матерью языков» (*ʼумм ал-лугат*) и единственным наречием человечества до строительства Вавилонской башни [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 87r, 145v].

[9] Органом же познания теолог, в строгом соответствии с традицией, называл сердце (*калб*) [Al-ʻAyyah, 1913, т. 1, л. 78r]. Головной мозг ал-ʻАййа объявлял вместилищем «изображающей силы» (*куввa мусаввира*) души и «весами» (*мизан*), на которые «возлагаются» формы сущего [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 37v-38r].

[10] Последнее, однако, объяснимо не столько стремлением Ибрахима выделить Тору в ряду других сакральных текстов, сколько верностью классическому эпистемическому принципу мутакаллимов Басры и Багдада: достоверное сообщение (*хабар*) порождает лишь истинные интеллигибилии, не подлежащие пересмотру или сомнению.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Мутазилиты впервые теоретически обосновали автономию воли и деяний человека в противовес ашаритам, полагавшим, что единственным творцом акциденций во вселенной остается Первоначало. Субъект, по мнению ашаритских мыслителей, лишь присваивает творимые Богом действия посредством тварной же способности к действию (*кудра, истита'а*). Матуридитские же мутакаллимы предложили более умеренный вариант «теории присвоения» (*касб*), в соответствии с которым Бог творит лишь те деяния и ту способность к ним, что желанны самому человеку [Нофал, 2016, с. 141–142]. Именно матуридитский вариант детерминизма приспособил к нуждам доктрины Мунаджжа б. Садака, считавший, будто Творец создает только те акты, волю к которым предвидит со стороны Своего раба [Al-Sāmirrī, 1909, p. 301].

Ибрахим, в апологетических трактатах постулировавший наличие у человека лишь частичного (*джуз'ийй*) могущества [Четыре апологетических трактата…, 2022, с. 195], в толковании уточняет: тот, кто не признает действительности божественного предопределения, (*кадар*) — неверный (*кафир*), не имеющий права именоваться самаритянином [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 117v].

> Смысл в том, — пишет теолог, — чтобы относить и действие, и могущество Аллаху, в том, что человек ничего не в силах совершить, если того не пожелает Аллах. То, что произойдет, уже известно знанию Всевышнего, — и Он творит причины [имеющего произойти действия]; потому и говорится: «Причины нельзя отрицать»[11]. Да сразит Аллах тех, кто молвит: «Человек способен на самостоятельное действие»! Таковые твердят опаснейшую ложь и не веруют в предопределение Могущественного [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 109].

Тем самым ал-'Аййа продолжает детерминистическую линию самаритянской мысли, представленную Мунаджжой, Садакой и ал-Газзалом, порывая со свободолюбием ас-Сури и ал-Кабаси; впрочем, насколько нам известно, ни один самаритянский детерминист не предпочел матуридитской «теории присвоения» ее ашаритскую версию, как и не задался вопросом о природе воления — такой же акциденции, что и могущество, и потому нуждающейся во «внешнем» сотворении.

Пророки, священная история и Святая Земля

К моменту завершения работы Ибрахима над комментарием к Бытию самаритянскому присутствию на территории Шхема исполнилось около двух с половиной тысяч лет. Как известно, связь общины с хронотопом Самарии декларирована самим Пятикнижием, закрепляющим необходимость паломничества к священной горе Гризим (Гаризим; Исх. 20:17). Потому неудивительно, что ал-'Аййа, подобно другим самаритянским толкователям, воспроизводит легендарные тезисы, призванные легализовать пребывание «хранителей

[11] Именно так понимает Ибрахим термин «причина» (*сабаб*): по его словам, любой акт, любая закономерность подлунного мира зиждется исключительно на божественном могуществе. См. пример с летящей в воздухе стрелой, «несомой» действием Господа: [Четыре апологетических трактата…, 2022, с. 195].

Закона» вокруг главной своей святыни, противопоставив ее как мусульманскому, так и раввинистическому топосу.

Как мы помним, первым пророком человечества стал, согласно Ибрахиму, Адам, получивший от Бога некое «Писание» [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 46v]. Структуры этого Писания теолог не объясняет; однако, рассуждая о Последнем Писании, Торе, он все-таки проводит мысль об изоморфности речи Творца природе: так, пять книг Закона соответствуют пяти пальцам на руке антропоса, а Декалог — совокупности пальцев рук [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 40v]. Возможно, такой была и первая книга в истории, обладатель которой был изгнан из рая и лишен права на «внушение» (*ʼилхам*) — господнее научение.

Впоследствии каждый пророк, от самого Адама до Моисея, получал откровение (*вахй*) лишь в особых случаях — во сне или наяву [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 52v]. При этом честью пророческой миссии (*нубувва*) были наделены лишь сыновья Исаака, в отличие от измаильтян, снискавшие исключительное право на «прорицание», «имамат», то есть политическую власть, и владение Святой Землей (*тамлик ад-дийар*) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 129v]. Особенно отчетливо это явствует, по Ибрахиму, из благословений колену Иосифа — благословений, обнаруживающих, впрочем, некоторую подвижность божественного промысла. Так, Иосиф был наделен после Рувима первенством религиозного учителя и принял светскую власть над другими коленами, хоть и лишился религиозного вождества, перешедшего к Левию [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 52v]. Самаритяне же, признавая себя потомками и Левия, и Иосифа, не только сохранили в себе священническую иерархию, но и оставили за собой Наблус, отданный Иаковом «прекрасному» сыну [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 142r]. Раввинистические иудеи, продолжает богослов, произошли из семени Фареса, сына Иуды, и потому не могут претендовать ни на территорию самаритян, ни на их храмовое служение [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 75r].

Центром последнего ал-ʻАййа, разумеется, полагал Гризим. Именно с этой горой богослов традиционно связывал и первое «земное» местопребывание праотцов [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 57r], и остановку Ноевого ковчега [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 75v], и упокоение Авраама [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 157r], и видение Иакова [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 2, fol. 2r]. Погребение у горы Гризим, «направления» (*кибла*) ежедневных молитв, гарантирует самаритянину избавление от адских мук [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 66r], в то время как Сион объявляется «обителью идолов», установленных еще сыном Сима Ассуром (Быт. 10:21) [Al-ʻAyyah, 1913, vol. 1, fol. 67r]. Так, попытавшись продемонстрировать читателю извечную «неверность» столицы Израильского царства, Ибрахим окончательно отделил Иерусалим от Шхема, заключив об отступничестве иудеев от «истинного Израиля».

Заключение

Такова в общих чертах религиозно-философская концепция Ибрахима ал-ʻАййи, изложенная им в комментарии к Книге Бытия. Ни в коем случае не претендуя на исчерпывающий анализ рукописи BL 7925, — задачу, достойную монографического исследования, — тем не менее автор считает уместным сделать

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

несколько замечаний о внутреннем строе мысли ал-ʻАйии, увенчавшей многовековое развитие самаритянской экзегезы.

Во-первых, рассмотренное выше толкование Ибрахима во всех положениях космологии, теологии и антропологии согласно с опубликованными нами ранее его малыми трактатами. Последнее обстоятельство вполне объяснимо, на наш взгляд, хронологически: логично предположить, что эти работы создавались ал-ʻАйией в один и тот же период его творчества — вероятно, в 70-е — 80-е гг. XVIII в.

Во-вторых, толкование ал-ʻАйии представляет детерминистическое антиантропоморфическое крыло самаритянского богословия, родоначальником которого мы вправе назвать Мунаджжу ибн Садаку. Именно к «Книге о различиях» Мунаджжи — и к толкованию Бытия его сына Садаки, находившегося под влиянием экзегезы отца — восходят, в конечном счете, рассуждения Ибрахима о природе человеческого действия и божественного знания. Своих непосредственных предшественников, ал-Газзала и ал-Кабаси, наш автор практически не цитирует, тогда как труды основателя арабоязычной самаритянской мысли ʼАбу ал-Хасана ас-Сури и вовсе выпадают из библиотеки ал-ʻАйии. В этом усматривается признак постепенной деградации самарянской традиции, к XVIII в. отказавшейся от систематизации наследия в пользу эпигонического следования наиболее известным его памятникам.

Наконец, в-третьих, комментарий Ибрахима, равно как и работы самаритян XI–XVI вв., обнаруживает генетическую зависимость от арабомусульманской мысли. С одной стороны, опосредованно, через толкование Садаки, цитируя ʼАбу Хамида ал-Газали, ал-ʻАйиа перенимает часть арабского средневекового дискурса в оппозициях «наука откровения — наука отношения» и «смысловой образ — структурный образ». С другой же, книжник отказывает «измаильтянам» в «исааковом» знании о богооткровенных истинах — исключительном достоинстве самаритян, что задает границы прагматического отношения ал-ʻАйии и к иудейскому, и к мусульманскому наследию. Впрочем, эта позиция Ибрахима была известна из его трактатов и, по всей видимости, выдает идеологическую настороженность самаритян XVIII в. к господствующей на Ближнем Востоке мусульманской османской культуре.

Список сокращений / Abbreviations

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва) [PSTGU — Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University (Moscow)].

BL — British Library.

Список литературы

1. Нофал Ф. О. Апологетические трактаты Ибрахима ал-ʻАйии и самаритянское богословие XVIII в. *Вестник ПСТГУ* (Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение). 2021. Вып. 96. С. 20–37 [Nofal F. O. Apologetic Treatises by Ibrahim al-ʻAyyah and The Samaritan Theology of the 18th Century. *The PSTGU*

Herald. (Serie I: Theology. Philosophy. Religion Studies). 2021. No 96, pp. 20–37 (in Russian)].
2. Нофал Ф. О. Философия ан-Насафи как квинтэссенция матуридитского вероучения. *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 1. С. 134–145 [Nofal F. O. ʼAbū Muʻīn al-Nasafīʼs Theology as Quintessence of al-Māturīdīʼs Philosophy. *The Philosophy Journal*. 2016. No 1, pp. 134–145 (in Russian)].
3. Нофал Ф. О. Эволюция самаритянской эсхатологической экзегезы в XI–XIX вв. *Библия и христианская древность*. 2023. № 3(19). С. 107–125 [Nofal F. O. The Evolution of Samaritan Eschatological Exegesis in the 11th–19th Centuries. *Bible and Christian Antiquities*. 2023. No 3, pp. 107–125 (in Russian)].
4. Ас-Самирри, Мунаджжа б. Садака. *Книга о различиях [между иудеями и самаритянами]*. Ч. 1. Вводное исследование, подготовка текста, комментарии и указатели Ф. О. Нофала. Сергиев Посад: Изд. Московской духовной академии. 2024 [Al-Sāmirrī, Munağğā. *The Book of Differences between Jews and Samaritans.* Pt. 1. Sergiev Posad: Publishing House of the Moscow Theological Academy, 2024 (in Russian, Arabic and Hebrew)].
5. Четыре апологетических трактата Ибрахима ал-Аййи (по рукописи BL Or 2691). Предисл. и подготовка текста Ф. О. Нофала. *Религия и общество на Востоке*. Вып. VI. 2022. С. 180–232 [Four Apologetic Treatises by Ibrāhīm al-ʻAyyah (BL Or 2691). Pref. and ed. by F. O. Nofal. *Religion and Society in the East*. 2022. No 6, pp. 180–232 (in Russian, Arabic and Hebrew)].
6. Al-ʻAyyah Ibrāhīm. *Šarḥ Sifr al-Takwīn* [Al-ʻAyyah Ibrāhīm. *The Commentary on Genesis*]. The British Library. Ms 7925 (in Arabic and Hebrew).
7. Al-Ġazālī, ʾAbū Ḥāmid. *Maʻāriǧ al-quds fī madāriǧ al-nafs* [Al-Ġazālī, ʾAbū Ḥāmid. *The Rise of the Saints: About the Soul*]. Beirut: Dār al-āfāq, 1975 (in Arabic).
8. Al-Ġazālī, ʾAbū Ḥāmid. *Maǧmūʻ rasāʾil* [Al-Ġazālī, ʾAbū Ḥāmid. *Treatises*]. Beirut: Dār al-fikr, 1416 H. (in Arabic).
9. Al-Ġazālī, ʾAbū Ḥāmid. *Aṣnāf al-maġrūrīn* [Al-Ġazālī, ʾAbū Ḥāmid. *Types of Arrogant*]. Cairo: Maktabat Qurʾān, [without a year] (in Arabic).
10. Nofal F. O. “Oh, Those Who Worship the Accursed Calf!...”. Four Apologetic Treatises by Ibrāhīm al-ʻAyyah. *Manuscripta Orientalia*. 2022. Vol. 28. № 2, pp. 39–46.
11. Pummer R., Tal A. *Samaritan Marriage Contracts and Deeds of Divorce.* Vol. 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1993.
12. Rosen G. *The Joseph cycle (Genesis 37–45) in the Samaritan-Arabic commentary of Meshalma ibn Murjan*. New York: Columbia University Press, 1951.
13. Sajdi D. *Nouveau Literacy in the Eighteenth-Century Ottoman Levant*. Stanford: Stanford University Press, 2013.
14. Al-Sāmirrī, Munağğā. *Kitāb al-Ḫilāf. Al-Ǧuzʾ al-Ṯānī* [Al-Sāmirrī, Munağğā. *The Book of Differences between Jews and Samaritans*. Pt. 1]. British Library. Or. 10863 (in Arabic and Hebrew).
15. Tal A. *Tibåt Mårqe: The Ark of Marqe*. Berlin: De Gruyter, 2019.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Информация об авторе

Нофал Фарис Османович — магистр философии, научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия; faresnofal@mail.ru http://orcid.org/0000-0002-3163-4722.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена рецензентами 06.09.2024; принята к публикации 06.09.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Faris O. Nofal — MA in Philosophy, Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; faresnofal@mail.ru http://orcid.org/0000-0002-3163-4722.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 15.06.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 06.09.2024; published 30.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

LITERATURE OF THE EAST
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Literature of the peoples of the world

Литературы народов мира

PHILOLOGY OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литература народов мира

Научная статья Филологические науки
УДК 821.21/.22.0(=214.22,=222.1)«18»+28
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691

«Силки разума» и смыслы газели Галиба: попытка филологического перевода. Часть 1: Газели 1–8. Текст, перевод, комментарии

Людмила Александровна Васильева[1, a],
Наталья Ильинична Пригарина[1, b]

[1] *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,*
[a] *ludvas@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-2466-3832*
[b] *prigarina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1941-0467*

Аннотация. В статье освещаются этапы подготовки к юбилею индийского поэта Мирзы Асадулла-хана Галиба (1797–1869), и роль в ней директора Института востоковедения Академии наук СССР, академика Бабаджана Гафуровича Гафурова (1956–1977). К 100-летнему юбилею со дня смерти поэта в 1969 г. был подготовлен сборник переводов «Мирза Галиб. Избранное»; в него вошел почти полный художественный прозаический перевод газелей Галиба с языка урду, сделанный Н. В. Глебовым, и переводы с персидского Г. Ю. Алиева и Н. И. Пригариной. В данной статье авторы обратились к филологическому переводу газелей урду Мирзы Галиба после того, как были перепробованы такие виды переводов, как поэтический, прозаический и подстрочный, и каждый из них оставлял нерешенные вопросы. Выбор филологического перевода представляется авторам давно назревшим, он позволяет не только приблизить русского читателя к лексическому составу стихотворения и ходам поэтической мысли Галиба, но иногда и включить читателя в процедуру распутывания порой весьма необычных поэтических замыслов Галиба, чтобы понять стоящий за ними художественный образ, словом, увидеть газель Галиба как она есть. Давно сложилась формула: «перевод стихов невозможен», тем не менее русская культура не останавливается перед попытками последовательных приближений к оригиналу, и практика переводческой школы убеждает в закономерности этих попыток. Филологический перевод не рассчитывает на непосредственное восприятие поэтичности стихов. Он, прежде всего, отвечает за воссоздание логической и грамматической связи между словами, и основной упор в нем делается на комментарий. Каждому переводу предпослан текст в транслитерации.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Васильева Л. А., Пригарина Н. И. 2024
© Ориенталистика, 2024

Ключевые слова: Мирза Галиб (1797–1869), газель, ше‘р, матла‘, макта‘, «индийский стиль», поэтическая тема (мазмун), мотив, «Диван Галиба», «Диван ‘Арши» (изд. ‘Арши)

Для цитирования: Васильева Л. А., Пригарина Н. И. «Силки разума» и смыслы газели Галиба: попытка филологического перевода. Часть 1: Газели 1–8. Текст. Перевод. Комментарии. *Ориенталистика*. 2024;7(3):669–691. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691.

Original article
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691
Philology studies

"Snares of Reason" and the Meanings of Ghalib's Ghazal: An Attempt at Philological Translation. Part 1: Ghazals 1–8. Text, translation, comments

Luydmila A. Vasilyeva[1, a], Natalia I. Prigarina[1, b]

[1] *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

[a] *ludvas@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-2466-3832*
[b] *prigarina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1941-0467*

Abstract. The article highlights the stages of preparation for the anniversary of the Indian poet Mirza Asadullah Khan Ghalib (1797–1869), in which Babajan Gafurovich Gafurov (1956–1977) the then director of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, played an important role. In connection with the preparations for the anniversary in 1969, was prepared a collection of translations under the title “Mirza Ghalib. Selected Works”. This volume included almost complete prose translations of Ghalib’s ghazals from Urdu by N. V. Glebov, as well as translations from Persian by G. Yu. Aliev and N. I. Prigarina. In this article, the authors resorted to the philological translation of Ghalib’s Urdu ghazals after trying various types of translations, such as poetic, prose, and interlinear, each leaving unresolved problems. The authors feel that philological translation is long overdue. This method not only brings the Russian reader closer to the lexical composition of the poem and Ghalib’s poetic thought but also involves the reader in the process of unraveling Ghalib’s often quite unusual poetic ideas. Moreover, it enables better understanding of the artistic image behind the poet’s thoughts, as well as allows the reader to see each ghazal by Ghalib in its entirety. Contrary to the belief that “translation of poetry is impossible”, Russian culture pursues the method of successive approximations to the original, and a long-standing translation practice is a convincing evidence that such attempts are not in vain. Philological translation does not rely on the immediate perception of the poetry’s artistic quality. It mainly ensures the recreation of logical and grammatical connections between words, with a focus on commentary. Each translation is preceded by a text in transliteration.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Vasilyeva L. A., Prigarina N. I., 2024
© Orientalistica, 2024

Keywords: Mirza Ghalib (1797–1869), ghazal, she'r, matla', maqta', "the Indian style", poetic theme (maẓmūn), motif, "Divan of Ghalib", "Divan of 'Arshi" ('Arshi Edition)

For citation: Vasilyeva L. A., Prigarina N. I. "Snares of Reason" and the Meanings of Ghalib's Ghazal: An Attempt at Philological Translation. Part 1: Ghazals 1–8. Text, translation, comments. *Orientalistica*. 2024;7(3):669–691. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-669-691 (in Russian).

Немного истории
Институт востоковедения АН СССР, 1956–1986

В 1956 г. директором Института востоковедения Академии наук СССР стал доктор исторических наук Бабаджан Гафурович Гафуров (1908–1977). Время его прихода в Институт совпало с оживлением советско-индийских отношений, и Б. Г. Гафуров был одним из тех ученых и общественных деятелей СССР, который встретил в Индии исключительно теплый прием на самом высшем уровне. Он несколько раз был с визитом в Индии. Для иранистов и индологов, сотрудников Института востоковедения, визиты директора Б. Г. Гафурова в Индию оказались особенно плодотворными. Здесь мы скажем только, что после того, как Бабаджан Гафурович, побывав в Индии, оказался свидетелем всенародной любви к поэзии Галиба, изучение его творчества стало одним из приоритетов в работе института.

Мирза Ноуша Асадулла-хан Галиб (1797–1869) получил славу великого поэта Индии и Пакистана, прежде всего, как поэт урду благодаря невероятной популярности своего «Дивана», еще при жизни поэта публиковавшегося пять раз[1]. Но Галиб был также автором большого Куллиййата (Собрания произведений) и ряда других сочинений на персидском языке. Б. Г. Гафуров мог свободно читать на этом языке и отдавал должное этой поэзии в подлиннике.

В 1969 г. исполнялось 100 лет со дня смерти Галиба, и Индия и Пакистан активно готовились к празднованию юбилея. Появилось множество изданий произведений Галиба, которые до этого были уже практически недоступны.

Не хотели оставаться в стороне от юбилея великого поэта и отечественные востоковеды. В подготовке к столетнему юбилею Галиба в Институте было запланировано издание сборника статей, редколлегию которого возглавил Б. Г. Гафуров, а Издательством художественной литературы готовился к выпуску сборник лирики Галиба. Так практически началась работа по переводу поэзии Галиба на русский язык[2]. Сборник «Мирза Галиб. Лирика» вышел в Москве в юбилейном году [Галиб, 1969]. Предисловие к нему было написано Б. Г. Гафуровым. Сборник представлял собой поэтический перевод с урду, выполненный известной поэтессой-переводчицей Ниной Потаповой по подстрочному переводу Людмилы Васильевой, только что вернувшейся со стажировки в Индии, где в ее программу входило чтение стихов Галиба с опытными

[1] Об истории публикации дивана см.: [Пригарина, Васильева, 2021b].

[2] В 1924 г. впервые был опубликован перевод шести газелей Галиба, сделанный М. Клягиной-Кондратьевой [*Восточные сборники*…, 1924. С. 131–139]. Об истории изучения творчества Миры Галиба в СССР см.: [Алиев, 1972].

преподавателями. Некоторые материалы для предисловия к этому сборнику предоставила Н. И. Пригарина.

Фактически подготовка к юбилею поэта в Институте востоковедения АН СССР началась задолго до 1969 г. В начале 1960-х гг. Б. Г. Гафуров отправил на стажировку в Индию двух молодых таджикских ученых, аспирантов Шарафуннисо Пулатову и Абдуллоджона Гафарова. Темой Ш. Пулатовой было эпистолярное наследие Галиба на урду. В 1962 г. она написала диссертацию «Значение писем Мирзы Асадулахана Галиба в развитии прозы урду» [Пулатова, 1962а], защитила ее в 1963 г. и впоследствии издала письма Галиба в переводе на таджикский язык [Пӯлодова, 1966].

Абдуллоджон Гафаров собрал огромное количество источников, относящихся к творчеству Галиба [Гафаров, 1972, с. 253–261], издал монографию на таджикском языке «Жизнь и творчество Мирзы Асадуллы Галиба» [Ғафоров, 1965] и сборник его персоязычных газелей, рубаи и кыта («отрывков») в современной таджикской графике [Гафаров 1967].

Нужно признаться, что для таджикских исследователей поэзия Галиба в какой-то мере была своей, несмотря на чрезвычайную сложность стиля его персидской поэзии, но и в том, что касалось обращения к прозе и исследованиям на урду (помогало погружение в язык на стажировке плюс основательная близость литературы урду к традициям персидской литературы). Однако для сотрудников Отдела литературы ИВ АН — Николая Глебова, Газанфара Алиева и одного из авторов этой статьи, с энтузиазмом взявшихся за подготовку к юбилею Галиба, все было не так просто. Что урду, что персидская поэзия Галиба оказались твердым орешком!

Николай Владимирович Глебов (1928–2003) до этого работал в Пакистане и вернулся оттуда уже «заболевшим» поэзией урду. Его целью стало перевести «Диван Галиба». Газанфар Алиев (1930–1984) много работал в области классической литературы, начиная с Низами, а в поэзии Галиба ему пришлось столкнуться со сложностями «индийского стиля» XIX в. в персоязычной литературе Индии. У третьего участника этой команды вообще было намного меньше опыта и знаний, чем у старших товарищей.

Помогло появление в стенах Института востоковедения индийского литературоведа, писателя, ученого, переводчика Зоэ Ансари (1925–1991). Зоэ Ансари был истинным знатоком урду и персидской литературы, прекрасно владел русским языком[3], что позволяло ему находить понятные объяснения к запутанным и головоломным образам Галиба. Зое Ансари тогда же представил и защитил диссертацию, посвященную Галибу.

Непосредственная подготовка к юбилею состояла из формирования, перевода и редактирования материалов сборника «Мирза Галиб — великий поэт Востока», а также перевода стихов Галиба с языков урду и персидского. Стихи были отобраны для публикации Зоэ Ансари, возглавившим работу по переводу.

Придется сразу сказать, что ни первый, ни второй проекты вовремя к юбилею не успели. Сборник вышел в 1972 г., перевод «Мирза Галиб.

[3] См. о нем: Электронный ресурс: URL: https://www.rekhta.org/authors/zoe-ansari/profile (дата обращения: 26 июля 2024 г.).

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Избранное» — через 11 лет после юбилея, в 1980 г. [Галиб, 1980]. В сборник вошло 20 статей иностранных авторов, в переводе которых участвовали сотрудники отдела литературы; остальные статьи принадлежали ученым из зарубежных стран. В сборнике выступили с публикациями и участники проекта переводов — Г. Алиев (2 статьи), Н. Глебов и Н. Пригарина. Хотя сборник был подготовлен в срок, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» эту работу не приняла, сочтя ее абсолютно «сырой» и не готовой к публикации. А решения издательства не обсуждались. Пришлось всерьез редактировать сборник с тем, чтобы удовлетворить требования издательства. Вся эта издательская работа заняла почти два года. Сборник вышел в 1972 году тиражом 3500 экз. и объемом 15 а. л. и занял вполне заслуженное место в научной продукции Отдела литературы [*Мирза Галиб…*, 1972].

Поиски жанра перевода

История тома «Мирза Галиб. Избранное» заслуживает отдельного рассказа, он оказался многострадальным и, будучи подготовлен к печати в 1969 г., вышел в свет только в 1980 [Галиб, 1980]. Он был снабжен оригинальными текстами и задуман как нарядное подарочное издание в суперобложке и на плотной белой бумаге. К 1980 г. от этого художественного замысла ничего не осталось, ни о суперобложках, ни о белой бумаге из-за постоянной экономии уже мечтать не приходилось, но книга тем не менее вышла тиражом 800 экземпляров и разошлась буквально в несколько дней. Это был прозаический перевод, но задуманный и осуществленный как художественный и не потерявший ценности до наших дней. Однако в нем филологическая точность уступала стремлению воссоздать образность и отразить внутренний ритм текста, так, чтобы его было можно читать вслух.

Существенной особенностью этого издания был избранный составителем З. Ансари метод отбора текстов из наследия Галиба.

Еще Ф. Притчет в статье «Наугад нанизанные восточные перлы» отметила, что на Субконтиненте, как правило, больше знают поэта по отдельным бейтам или ше‘рам (т. е. по одному стиху), нежели по стихотворению, так сказать, от начала до конца[4].

Зоэ Ансари отбирал для перевода выигрышные, по его мнению, отрывки из больших стихотворных форм, поэм (*маснави*) или длинных стихотворений, также и многие газели давались в переводе в сокращенном виде — предпочтение отдавалось наиболее популярным цитатам. Это меньше касалось газелей на урду, но и там был предпринят определенный отбор. Внимание переводчиков было сосредоточено на внятности смысла и возможно более точной передаче образности. И в этом наиболее естественном для русской традиции подходе многие особенности оригинала неизбежно утрачивались, не находя своего отражения. Более того, если бы переводчик пытался сохранить особенности стилистики Галиба в выражении поэтических идей, надежда найти путь к сердцу читателя была бы полностью поте-

[4] Об этом более подробно см.: [Пригарина 1999, с. 232–233].

ряна. К редактированию была привлечена в качестве внештатного редактора Э. В. Зилинг, переводчица с немецкого языка, чье участие — при несомненной пользе — все же способствовало крену в сторону русской переводческой традиции[5].

В заключение этого краткого обзора скажем, что авторы настоящей статьи в течение долгих лет испробовали все возможные варианты перевода Галиба, начиная от подстрочников, прозаического и даже поэтического переводов (см.: [Пригарина 2015, с. 448–459]), и сейчас предъявляют вниманию читателей попытку филологического перевода газелей Галиба.

На подступах к филологическому переводу[6]

Филологический перевод, попытка которого предпринята авторами статьи, основной упор делает на комментарий. Поэтому стремление вложить в сам перевод поэтические достоинства, которые совершенно ясны читателю оригинала, а это, в первую очередь, ритмическая организация газели (*бахр* и *вазн*), рифма и радиф, эвфоническая сторона газели и, наконец, то, что можно в целом определить как игру слов, и что на самом деле является истинным языком поэзии — тропы, фигуры речи, подбор лексики — все это в филологическом переводе звучит не в оригинале, так сказать, «на языке родных осин», что, конечно, ведет к вынужденным потерям. В комментарии мы старались по возможности указать на эти особенности поэтики газели.

Другими словами, филологический перевод рассчитывает не на непосредственное восприятие поэтичности стихов, а, скорее, на доказательство этой поэтичности. В определенной мере мы старались передать и образность, но на первом месте был лексический состав, хотя и тут не всегда удавалось сохранить исходную словоформу. В нашу задачу входило также воссоздание логической и грамматической связи между словами.

Отметим некоторые важные стороны нашего подхода к комментированию.

Каждому переводу предпослан оригинальный текст в транслитерации, минуя текст в оригинальном начертании, от публикации которого мы отказались из экономии места. Транслитерация выполнена в принятом для языка урду современном формате, она позволяет в наибольшей степени отразить грамматическую, фонетическую и лексическую структуру оригинала.

В этой статье для перевода мы обратились к первым восьми газелям «Дивана Галиба». Нами избран путь сплошного комментирования, т. е. отказ при переводе от принципа выборки или перестановки газелей. Основой для

[5] Позже она вступила в конфликт с редакцией и сняла свое имя с выходных данных книги.

[6] «Филологический перевод представляет собой перевод известного художественного произведения или религиозного текста с тщательным подбором языковых средств, соответствующих особенностям исходного текста» [Joseph, 2012]. Цель филологического перевода состоит в том, чтобы максимально «приблизить читателя к автору» [Schleiermacher, 1838].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

работы избран Диван в издании Имтийаза Али Арши [‘Arshi, 1958][7]. Разбору и комментированию Первой газели «Дивана Галиба» посвящены две наших статьи: одна — первому ше‘ру[8] газели [Пригарина, Васильева, 2021a, с. 722–734], вторая — газели в целом [Пригарина, Васильева, 2021b, с. 1323–1351]. Поэтому в данной статье комментарий к Газели 1 дан в редуцированном виде с отсылкой на указанные публикации. Газели 1–8 включают фард — стихотворение, состоящее из одного ше‘ра, в «Диване» ‘Арши он идет сразу за первой газелью. Мы сочли уместным его публикацию наряду с газелями.

В своих комментариях мы использовали также имеющиеся традиционные *шархи* («комментарии»), выбрав из их большого числа наиболее авторитетные.

В процессе работы мы еще раз убедились в сложности и порой головоломности поэтических построений Галиба. В силу этой специфики стиля Галиба нам иногда приходилось ограничиваться констатацией: раскрывать «смысл ше‘ра», т. е. давать простое объяснение ше‘ра как законченного высказывания, позволяющее обобщить его художественный, образный замысел. В традиционных комментариях этот прием используется довольно часто.

В остальных случаях мы проводим скрупулезный разбор лексики и фразеологии, так сказать, инвентаря ше‘ра, а также внутренних связей лексики и смысла.

В стремлении продемонстрировать объективность результатов нашего опыта мы используем систему отсылок к другим текстам Галиба и учитываем в целом интертекстуальный контекст литературы урду. К сожалению, в Интернете нет современного электронного ресурса, который позволил бы находить интертекстуальные связи даже в составе одного «Дивана Галиба»: до сих пор отсутствуют ресурсы поиска по тексту «Дивана Галиба», не говоря уж о поиске у других авторов. Чаще всего в нашем комментарии приводятся ше‘ры Мира Таки Мира. Газельное наследие Мира составляет 6 огромных томов, что очень усложняет поиски интертекстов. Новый свет на газель Мира проливает недавнее исследование Л. Васильевой [Васильева, 2023], которое также расширяет горизонт интертекстуальных связей Галиба и Мира.

В задачи систематического изучения интертекстуальных связей входят, как нам представляется, 1) сравнение контекстов внутри «Дивана Галиба»; 2) целенаправленное сопоставление мотивов персидского и урду наследия Галиба и его связей с персидской литературой, в частности с поэзией Бедиля (1644–1721), Галиб неоднократно высказывался о том, что испытывал его влияние (см.: [Баузани, 1972]); 3) учет интертекстуальных взаимодействий с предшественниками или современниками поэта, с которыми полемизировал или отвечал на их стихотворения Галиб.

---

[7] Обоснование этого выбора см.: [Пригарина, Васильева. 2021b, с. 1327–1328].

[8] Мы используем термин *ше‘р*, букв. «стих», законченное поэтическое высказывание в поэзии урду состоящее из двух *мисра‘*, полустиший, обычно или обозначенных пробелом, или помещенных одно над другим. В зачине газели (*матла‘*) обычно рифмуются первые два полустишия, а затем только ше‘ры газели. Последний ше‘р (*макта‘*) является обычно подписным, включая поэтический псевдоним (*тахаллус*) — Асад или Галиб. Считается, что псевдонимом Асад подписаны более ранние газели.

Возвращаясь к Газели 1, подчеркнем лишь, что почти каждая газель могла бы стать предметом отдельной статьи, поэтому мы отдаем себе отчет в том, что представляем сейчас только первые попытки филологического перевода и комментария газелей Галиба.

Газель 1

naqsh faryādī hei kis kī shoḳhī-e taḥrīr kā
kāġhażī hei peirahan har peikar-e taṣvīr kā

kāv-kāv-e saḳht-jānīhā-e tanhāʾī napūchh
ṣubḥ karnā shām kā lānā hei jū-e shīr kā

jażba-e beiḳhtiyār-e shouq dekhā chāhiye
sīna-e shamshīr se bāhar hei dam shamshīr kā

āgahī dām-e shunīdan jis qadar chāhe bichhāʾe
muddaʿā ʿanqā hei apne ʿālam-e taqrīr kā

bas ki hūñ Ġhālib asīrī meñ bhī ātish zer-e pā
mū-e ātish-dīda hei ḥalqa mirī zanjīr kā

1. На озорство чьего письма предстает жалобщиком рисунок?
Бумажное одеяние у каждого изображения на картине.

2. О жестокостях самокопаний одиночества и не спрашивай!
Превратить ночь в утро — это провести молочную реку.

3. Надо видеть невольное притяжение страсти:
Из груди меча вырывается его лезвие.

4. Как бы ни расставлял разум силки слуха,
Цель мира моих речей — Анка!

5. Галиб! Даже в неволе у меня огонь под ногами,
Звенья моих цепей — кольца опаленных волосков.

Комментарий

Подробный разбор газели см.: [Пригарина, Васильева. 2021b, с. 1323–1351]. Ее зачин — один из самых сложных шеʿров «Дивана» Галиба, о нем и истоках его образности см. также: [Пригарина, Васильева, 2021a, с. 722–734].

1. Серьезность замыслов Творца ставил под сомнение и Мир Таки Мир (1724–1810): «Будь кто-то знаком с Твоим озорством, то я у него спросил бы, // Чем Ты счел пир радостей мира, разрушив его?» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1;411:2].
2. «Превратить ночь в утро» — *ṣubḥ karnā shām kā*, т. е. сделать черное белым — идиома: «с трудом скоротать ночь». «Провести молочную реку» — *jū-e shīr lānā*, намек на историю Фархада из поэмы Низами «Хусрав и Ширин». Фархад — каменотес, влюблен в красавицу Ширин, возлюбленную царя Хусрава, ради любви к ней Фархад взялся прорубить русло в горе, по которому молоко с горных пастбищ поступало бы прямо

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

в ее дворец. «Самокопания — Фархад — молочная река» создают пример фигуры словесного соответствия (*риайзат-е лафзи*).

3. По мнению Бехуда, в состоянии страсти влюбленный видит все в искаженном свете. Так, «лезвие меча естественным образом обращено наружу, но пылкому любовнику в рвении к мученичеству мерещится, что лезвие само невольно вырвалось из груди меча, либо из-за горячего желания убить его, либо из-за сочувствия к его стремлению к гибели» [Bekhud, 1934, p. 4].
4. ʻАнка — мифическая птица, которую отождествляют с Фениксом, обитавшим, как считали античные авторы, в аравийской пустыне. Галиб, говоря о птице ʻАнка, имеет в виду трудность поиска нужного слова, в котором заключен искомый смысл. Многие современники считали, что смысл стихов Галиба «подобен мифической птице ʻАнка, которую невозможно заманить ни в какую сеть» [Nazm, 1900, с. 2]. О птице Анка см. также (25:3; 180:1).
5. «Огонь под ногами» — *ātish zer-e pā*, метафора страстного волнения. Впавшего в любовное безумие заковали в цепи, таким был единственный вид лечения от этого недуга, но и тогда его не покинул огонь душевных мук любви. Поэтому звенья цепи на его ногах уподобились опаленным волоскам, и «цепь, которая была призвана укротить безумие любовной страсти, лишилась своей силы» [Baqir, 1940, с. 24].

Фард 2

jarāḥat toḥfa almās armuġhāñ dāġh-e jigar hadiya
mubārakbād asad ġhamḳhvār-e jān-e dard-mand āyā

Раны — подарок; алмаз — подношение, сердечный ожог — гостинец
Поздравляю, Асад, — пришел утешитель опечаленной души!

Комментарий

«Алмаз» — *almās,* по старинным представлениям, «если кто-нибудь проглотит алмаз, то нанесет раны сердцу и печени; если к ране приложить алмазный порошок, то возникнет нестерпимая боль» [Baqir, 1940, p. 44]. «Утешитель» — *ġhamḳhvār,* возлюбленная или советчик, поэтому поздравление с ее или его приходом, обращенное к Асаду, т. е. к лирическому персонажу фарда и одновременно автору, звучит иронически.

Смысл фарда: желая облегчить муки любви, утешитель принес такие подарки, от которых любовные страдания становятся еще сильнее, впрочем, влюбленный ничего другого не ожидал.

Газель 3

shumār-e subḥa marġhūb-e but-e mushkil-pasand āyā
tamāshā-e ba yak kaf burdan-e ṣad dil pasand āyā

ba faiẓ-e be-dilī naumīdī-e jāved āsāñ hai
kushāyish ko hamārā ʻuqda-e mushkil pasand āyā

havā-e sair-e gul āʾīna-e be-mihrī-e qātil ki
andāz-e ba ḳhūñ-ġhaltīdan-e bismil pasand āyā.

1. Перебирать четки — любимое занятие требовательного кумира,
Ему нравится зрелище сотни сердец, зажатых в одной ладони.

2. По милости уныния постоянная безнадежность — легка,
Развязыванию пришелся по душе мой сложный узел.

3. Страсть гулять среди роз — зеркало безжалостности палача,
Которому нравится вид жертв, катающихся в крови.

Комментарий

1. «Четки» — *subḥa*, мусульманские четки с 99 зернами (по числу «имен Аллаха»).
   Смысл шеʻра: кумир — возлюбленная — любит чувствовать свою власть над влюбленными, а зерна четок — метафора сотни покоренных сердец [Nazm, 1900, p. 8].
2. «Развязывание» — *kushāyish*, обычно имеется в виду развязывание узлов, иносказательно — умение справляться с трудностями. Для поэтики Галиба характерна персонификация абстрактных понятий: «Развязывание» в этом шеʻре является деятелем.
   Смысл шеʻра: я настолько привык к своему вечному унынию, что переносить неудачи стало легко. «Развязыванию» приглянулся узел моих трудностей: ведь удовольствие от развязывания может длиться без конца. «Человек привыкает к страданию, и страдание исчезает // На меня свалилось столько трудностей, что они стали легкими» (114:15)[9].
3. «Палач» — *qātil*, также возлюбленная. «Жертва» — *bismil*, также «агония, предсмертные конвульсии». «Она захотела посмотреть на своих раненых и вернуться, // Встала, якобы полюбоваться на розы» (133:4). Смысл шеʻра: красные розы напоминают сердца, обливающиеся кровью любовных страданий, которые возлюбленная причиняет своей жестокостью.

Газель 4

juz qais aur koī na āyā ba rū-e kār
ṣaḥrā magar ba tangī-e chashm-e ḥasūd thā

āshuftagī ne naqsh-e suvaidā kiyā durust
ẓāhir huā ki dāġh kā sarmāya dūd thā

thā ḳhvāb meñ ḳhayāl ko tujh se muāmila
jab āñkh khul gaī na ziyāñ thā na sūd thā

letā hūñ maktab-e ġham-e dil meñ sabaq
hanūz lekin yihī ki raft gayā aur būd thā

[9] В круглых скобках, если не указано имя, дается отсылка к газелям Галиба, первое — номер газели по ʻАрши, после двоеточия номер бейта.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ḍhāñpā kafan ne dāġh-e ʿuyūb-e barahnagī
meiñ varna har libās meñ nang-e vujūd thā

teshe baġheir mar na sakā kohkan asad
sargashta-e ḳhumār-e rusūm-o-quyūd thā

1. Кроме Кайса, никто другой не решился на поступок;
Видно степь была тесна, как [сощуренный] глаз завистника.

2. Беспокойство привело в порядок черный след,
Стало очевидно, что богатством ожога был дым.

3. Во сне воображение совершило с тобой сделку,
Когда глаза открылись, не было ни убытка, ни прибыли.

4. До сих пор беру уроки в школе сердечного страдания,
Но только эти: *рафт* — «ушло» и *буд* — «было».

5.Саван скрыл клеймо греховной наготы,
Не то в любом одеянии я был позором бытия.

6. Без тесла Кохкан не смог умереть, Асад.
Его сбило с толку похмельем обычаев и правил.

Комментарий

1. Герой доисламской легенды Кайс — арабский поэт Кайс ал-Мулаввих, был безумно влюблен в девушку по имени Лайли и прозван за эту любовь Маджнуном (Одержимый джиннами). Разлученный с Лайли, Кайс теряет рассудок и убегает в пустыню. Эта легенда породила множество художественных произведений, самым знаменитым из них стала поэма XII в. на персидском языке «Лайли и Маджнун» великого Низами (русский перевод см.: [Низами, 2008]). Кайс (Маджнун) в поэзии на урду, персидском и тюркских языках — образ идеального влюбленного. См. контексты мотивов Кайса (6:1; 90:2; 149:4; 224:2) и Маджнуна (12:3; 20:2; 26:10; 137:6; 159:5; 163:2; 168:2; 190:3; 229:10) в газели Галиба.
«Теснота, стиснутость» — *tangī*, метафора экзистенциальной тесноты, сердца, стиснутого болью. «Глаз завистника» — *chashm-e ḥasūd*, — узкий, недовольно сощуренный глаз.
Смысл шеʿра: поступок Кайса, порвавшего все социальные связи и посвятившего себя любви, далеко не каждому любящему под силу, каким бы ни был повод для отказа от подобного поступка, например, недостаточно просторная степь (см. также шеʿр 6).
2. «Беспокойство» — *āshuftagī*, здесь персонифицированный субъект действия. «Привело в порядок» — *kiyā durust*, т. е. убрало; «черный след» — *naqsh-e suvaidā*, букв. «рисунок черноты», черная корка, поверхность подживающего ожога; «дым» — *dūd*, также «сажа, чернота», иносказательно — «страдание».
Смысл шеʿра: Беспокойство убрало «черноту» с ожога, и тогда стала видна дымящаяся рана — свидетельство истинного страдания

3. Для классической поэзии урду характерно использование торговой символики: слова «сделка» — *muāmila*, «убыток» — *ziyāñ*, «прибыль» — *sūd* принадлежат лексике восточного базара.
4. «Ушел / ушла» — *рафт,* и «был / была» — *буд,* персидские глаголы. Смысл ше‘ра: в школе учат персидский язык, на котором изложена повесть о Лайли и Кайсе, но лирический персонаж запомнил только два глагола, символизирующие любовную ситуацию («была» — «ушла»).
5. «Клеймо греховной наготы» — *dāġh-e ʻuyūb-e barahnagī*, аллюзия на наготу Маджнуна, который уйдя в степь, сбросил с себя одежду. См. также другие контексты Галибас наготой — *ʻuriyānī* (62:1; 114:3; 156:1; 192:1) неприкрытостью *beḥijābī* (161:4; 199:3).
   Нагота как признак безумия, греховная нагота, наконец, нагота как философия благочестия — тема, присутствующая у многих индийских поэтов. В основе их поэтических спекуляций лежит кораническая тема прикрытия первородной наготы: «Сыны Адама! Мы вам доставляем одежду для прикрытия наготы вашей и красивые наряды; но одежда благочестия — она самый лучший наряд» [*Коран*, 1907, 7:25]. Одним из ранних поэтов, обратившихся к этой теме, был Сирадж (1714–1763): «Повелитель отрешенности теперь одарил меня платьем наготы (*libās-e barahnagī*), // Не осталось ни сшивания рассудка, ни тайны безумия» (цит. по [Васильева, 2015, с. 258]). Великий предшественник Галиба Мир Таки Мир (1724–1810) также отразил тему наготы: «В нынешнем безумии мне жаль свое сердце, но — увы! // Справился о нем (о сердце), когда от платья не осталось уж ни нитки!» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1, 64:2]. Или его же: «Буду бродить, Мир, нагим, не будет печали о подоле, // Не останется тоски по вороту» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1, 318:7]. Возможно, в ше‘ре Галиба содержится также аллюзия на историю делийского поэта и суфия XVII в. Сармада, считавшего, что нагота и есть одежда благочестия (см.: [Пригарина, 2015, с. 514–516]).
6. Кохкан, также Фархад (см. комментарий к газели 1:2); во время работы в горах Кохкан получает ложную весть о смерти Ширин. В отчаянии он ударяет себя теслом, которым рубил ложе горы, и умирает. В лирической поэзии смерть Фархада истолковывается как признак неистинной любви. Согласно канону, истинно влюбленный должен умереть от любви, как Маджнун (ср. ше‘р 1). Однако Кохкан (Фархад) проявил несовершенство в любви, покончив с собой.

Газель 5

kahte ho na deñge ham dil agar paṛā pāyā
dil kahāñ ki gum kīje ham ne muddaʻā pāyā

ʻishq se ṭabīʻat ne zīst kā mazā pāyā
dard kī davā pāī dard-e be-davā pāyā

dostdār-e dushman hai eʻtimād-e dil maʻlūm
āh be-aṡar dekhī nāla nā-rasā pāyā

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

sādagī-o-purkārī be-ḳhudī-o-hoshyārī
ḥusn ko taġhāful meñ jurʻat-āzmā pāyā

ġhuncha phir lagā khilne āj ham ne apnā
dil ḳhūñ kiyā huʾā dekhā gum kiyā huʾā pāyā

ḥāl-e dil nahīñ maʻlūm lekin is qadar yaʻnī
ham ne bārhā ḍhūñḍhā tum ne bārhā pāyā

shor-e pand-e nāṣiḥ ne zaḳhm par namak chhiṛkā
āp se koī pūchhe tum ne kyā mazā pāyā

1. Говоришь: «Не верну, если найду потерянное сердце».
Где же сердце, чтобы потерять? Но я узнал о твоем намерении!

2. Благодаря любви природа познала вкус жизни,
Обрела лекарство от боли, обрела неизлечимую боль.

3. [Оно] — союзник врага: довериться сердцу — известное дело!
Видел я безрезультатные вздохи, познал тщетные слезы.

4. Наивность и хитрость, отрешенность и осведомленность,
В притворном равнодушии Красоты я увидел испытание мужества.

5. Бутон вновь начал распускаться. Сегодня я свое сердце
Увидел окровавленным, нашел потерянным.

6. Не знаю, что творится с моим сердцем, знаю лишь,
Что я его много раз терял, а ты много раз находила.

7. Горечь поучений советчика посыпала соль на рану,
Пусть кто-нибудь спросит его: «Ну как, тебе по вкусу пришлось?»

Комментарий

1. В газели четыре шеʻра посвящены сердцу (1, 3, 5, 6), три из них — его потере. Сердце влюбленного уже не принадлежит ему, оно сбегает к возлюбленной, для любящего его можно считать потерянным. В шеʻре 1 некто готов завладеть сердцем поэта, т. е. принять любовь лирического персонажа, однако оно уже потеряно, так как лирический персонаж влюблен в кого-то другого. В шеʻре 3 выясняется, что верить своему сердцу нельзя, оно уже с возлюбленной и враждует с бывшим хозяином. В шеʻре 5 потерянное сердце нашлось, оно в тяжелом состоянии — всё в ранах любви. Наконец, в шеʻре 6 становится ясным, что происходит с влюбленным хозяином сердца и куда оно постоянно исчезает.
2. «Природа» — *ṭabīʻat*, многозначное понятие, включающее все, относящееся к сотворенному, в частности и к натуре человека (его нрав, характер). «Вкус жизни» — *zīst kā mazā*, в шеʻре речь идет о природе человека, о его характере, о его восприятии жизни, поясняется, каков же вкус жизни: в ней возможно «исцеление лекарством» (*dard kī davā*), но по сути своей боль эта «неисцелима» (*dard-e be-davā*), ведь она и есть любовь (*ʻishq*), которая дарит вкус к жизни

3. «Враг» — *dushman*, возлюбленная. Смысл ше‘ра: сердцу, отдавшемуся врагу, доверять нельзя, свидетельство тому — многообразные и многочисленные страдания влюбленных.
4. «Безразличие» — *taġhāful*, желание «притвориться незнающим».
   В силу сложившейся традиции толкования «трудностей стиля» Галиба первое полустишие предлагается трактовать как имеющее множество вариантов прочтения — ни одно из четырех качеств не приписывается конкретно ни влюбленному, ни возлюбленной. «Возможные перестановки <…> делают этот ше‘р одним из самых богатых “генераторов значений” во всем диване» [Faruqi, 2006, p. 36].
   Смысл ше‘ра: Красота подчеркнуто равнодушна ко всем перечисленным проявлениям поведения влюбленных, ни одно из них не в состоянии привлечь внимание равнодушной Красоты; но это нужно пережить как еще одно испытание любви, проверку чувств на истинность.
5. «Бутон» — *ġhuncha*, бутон розы имеет форму сердца, расцветая, становясь алой розой, он вызывает ассоциации с окровавленным сердцем. «Нашел (сердце) потерянным» — *gum kiyā huā pāyā*, оксюморон. Смысл ше‘ра: лирический персонаж сравнивает распускающуюся розу со своим страдающим сердцем, но при этом обнаруживает, что сердца давно с ним нет, оно ушло к возлюбленной.
6. Продолжена тема предыдущего ше‘ра «потеря сердца». Здесь герой влюбляется много раз, но возлюбленная всегда оказывается одной и той же.
7. «Советчик» — *nāṣiḥ*; он, как правило, дает «благоразумные», но неисполнимые советы, чем только причиняет боль персонажу, находящемуся во власти любовного безумия. Смысл ше‘ра: любовь не нуждается в советах, и влюбленный спрашивает с сарказмом: «Понравилось ли тебе, что ты делаешь мне больно?» Сердце влюбленного живет страданиями любви, и «соль на рану» может «прийтись по вкусу» лишь ему.

Газель 6

shauq har rang raqīb-e sar-o-sāmāñ niklā
qais taṣvīr ke parde meñ bhī ‘uryāñ niklā

zaḳhm ne dād na dī tangī-e dil kī yā rab
tīr bhī sīna-e bismil se par-afshāñ niklā

bū-e gul nāla-e dil dūd-e chirāġh-e maḥfil
jo tirī bazm se niklā so pareshāñ niklā

dil-e ḥasrat-zada thā mā’ida-e lażżat-e dard
kām yāroñ kā ba qadr-e lab-o-dandāñ niklā

thī nauāmoz-e fanā himmat-e dushvār-pasand
saḳht mushkil hei ki ye kām bhī āsāñ niklā

dil meñ phir girye ne ik shor uṭhāyā ġhālib
āh jo qaṭra na niklā thā so ṭūfāñ niklā

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

1. Любовь всегда оказывалась врагом любого имущества.
Кайс даже под покровом картины оказался нагим.

2. Рана не воздала должное тесноте сердца. О, Господи!
Стрела тоже, трепыхаясь, вылетела из раненой груди.

3. Аромат розы, стон сердца, дымок светильника собрания —
Все, кто покидал твое пиршество — покинули взволнованными.

4. Горюющее сердце было накрытым столом для наслаждения болью,
Друзья смогли довольствоваться всем в меру своих аппетитов.

5. Мужество, любящее трудности, было новичком в гибели.
Единственная беда в том, что и эта задача оказалась легкой.

6. Снова рыдания подняли в сердце смуту, Галиб!
Увы! Капля, которая не вылилась [из глаза], оказалась бурей!

Комментарий

1. «Имущество» — *sar-o-sāmāñ*, символ мирского благополучия; однако истинная любовь отвергает все мирское. Кайс (см. коммент. к газели 4:1) отказался от «имущества», скинув с себя одежду и скитаясь по пустыне обнаженным. «Покров картины» — *taṣvīr ke pardā*, также ткань, на которой изображен Кайс; даже находясь внутри изображения, под его покровом — *taṣvīr ke parda meñ* — он все равно остается нагим. Ср., у Вали (1667–1707): «У Вали нет желания богатства (*māl*), // Друг Бога не смотрит в сторону золота» [Vali, 2005, p. 235–236].
2. «Теснота» — *tangī*, [см. коммент. к газели 4:1]; сердце лирического персонажа настолько стиснуто из-за любовных мук, что для пущенной в сердце стрелы, уже не осталось места, и она вынуждена вылететь назад. «Раненая грудь», — *sīna-e bismil*, также бьющаяся в конвульсиях (см. контекст 3:3), повторяет трепет стрелы, теряющей оперенье. Смысл ше‘ра: стрела, должна была увеличить рану и таким образом справиться с «теснотой», однако ей это не удалось, и она вылетела обратно; (см. об этом в письме Галиба к Шакиру: [Khaliq Anjum, p. 837–838]).

3–4. «Взволнованный» — *pareshāñ,* букв. «рассеявшись в пространстве», также, «расстроенный, растрепанный».
Ше‘ры 3 и 4 построены на мотиве пиршества. В ше‘ре 3 гости уходят взволнованными; никому не хочется покидать прекрасное пиршество бытия. Однако в ше‘ре 4 речь идет о другом пиршестве: угощение здесь — сердечные муки («наслаждения болью» — *lażżat-e dard*), оценить их могут или сострадающие, или те, кто сам причиняет эти страдания: *ba qadr-e lab-o-dandāñ*, — букв. «в меру возможностей губ и зубов». Это как бы суровая реальность страдающего сердца. Такое настроение ше‘ра отлично от элегичности предыдущего. Еще более натуралистическая трактовка «гастрономической» темы характерна для Мира Таки Мира: «С одной стороны они (т. е. возлюбленные) жарят сердце, с другой — коптят печень, // Собрание пылких — лавка продавца кебабов» [Kulliyat-e Mir, 1968, 3, 1180:2], или «Я живу

и плачу над кусочком печени, Мир! // Ты слышал, чтобы так кто-то готовил печеночный фарш?!» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1, 397:3].

5. «Мужество» — *himmat*, также «духовная сила, решимость на свершения»; здесь очередной случай персонификации абстрактного понятия (см. 3:2), и Мужество выступает как субъект действия. Смысл ше'ра: Мужество, привыкшее выходить победителем из трудных ситуаций, не рассчитывало на проигрыш. Но парадокс оказался в том, что, проиграв, оно убедилось, что расставание с жизнью для влюбленного скорее выигрыш, нежели проигрыш.

Газель 7

dahr meñ naqsh-e vafā vajh-e tasallī na huā
hei ye vo lafẓ ki sharminda-e maʿnī na huā

sabza-e ḳhaṭ se tirā kākul-e sar-kash na dabā
ye zumurrud bhī ḥarīf-e dam-e afʿī na huā

meiñ ne chāhā thā ki andoh-e vafā se chhūṭūñ
vo sitamgar mire marne pe bhī rāẓī na huā

dil guzargāh-e ḳhayāl-e mai-o-sāġhar hī sahī
gar nafas jāda-e sar-manzil-e taqvī na huā

hūñ tire vaʿda na karne meñ bhī rāẓī ki
kabhī gosh minnatkash-e gulbāñg-e tasallī na huā

kis se maḥrūmī-e qismat kī shikāyat kīje
ham ne chāhā thā ki mar jā'eñ so vo bhī na huā

mar gayā ṣadma-e yak-junbish-e lab se ġhālib
nā-tavānī se ḥarīf-e dam-e ʿīsā na huā

1. В мире начертание «верность» не стало поводом для утешения
Это такое слово, которое не устыдилось смысла.

2 Темный непослушный локон не покорился зелени пушка
Даже этот изумруд не справился с дыханием змеи.

3. Я хотел освободиться от печальной верности,
[Но] этот тиран даже на мою смерть не согласился.

4. Пусть сердце станет дорогой к помыслам о вине и чаше,
Если вздох не стал путем к благочестию.

5. Даже на то, что ты не даешь обещания, я согласен! Ведь никогда
[Мое] ухо не поддавалось соловьиным трелям утешения.

6. Кому пожаловаться на [свою] несчастную судьбу?
Я хотел умереть, но даже этого не случилось.

7. Умер от ущерба, раз шевельнув губами, Галиб,
Из-за немощи я не стал другом дыхания Исы.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Комментарий

1. Оппозиция «слово — значение / смысл», *lafẕ — maʿnī*, категориальная пара терминов арабской грамматики, поэтики, логики и философии. В шеʿре образ построен на несоответствии формы слова — «верность» и его противоположного содержания — «измена и неверность». Причем, скрытый упрек содержится в констатации того факта, что слово (*lafẕ*) не постыдилось изменить своей сущности (*maʿnī*). Ср. у Мира — «Откуда мне знать, что люди называют “усладой сердца”? // Этого-то слова вовсе нет в языке *хинди!*[10]» [Kulliyat-e Mir, 1968, 4, 1265: 5].
2. «Непослушный локон» — *kākul-e sar-kash*, в суфийской традиции черный локон, олицетворяет мир иллюзий, соблазнов, т. е. земного бытия. Локон красавца сравнивается со змеёй.
   “Afʿī” — эфа, ядовитая змея, укус которой смертелен. Считается, что также смертельно само ее дыхание, существует поверье, что, если поднести к глазам змеи изумруд, она ослепнет.
   «Зелень пушка» — *sabza-e ḳhaṭ*; пробивающийся пушок усов и молодой бородки в поэзии считается одним из феноменов красоты. Этот гомоэротический мотив одновременно может быть признаком перехода андрогинно красивых, часто жестокосердых и кокетливых мальчиков к поре зрелости и потере миловидности (ср. у Саʿди в «Гулистане»: «Отрок сладкий и красивый // Злоязычен и упрям; // Станет мерзким, бородатым, // Ластится к тебе он сам» (пер. А. Старостина) [Саади, 2011, с. 221], или еще «…яблочко его подбородка покрылось пушком, подобным пушку айвы, и прошло оживление на базаре его красоты» (пер. Р. Алиева) [Саади, 2011, с. 219] (ср. также у А. С. Пушкина «Из Гафиза» «Но боюсь: среди сражений // Ты утратишь навсегда // Скромность робкую движений, // Прелесть неги и стыда»).
   Пушок на щеке трактуется как молодая поросль цвета изумруда; изумруд должен ослепить змею локона, однако этого не происходит — помыслы о божественной красоте не в состоянии побороть «змею» мирских соблазнов.
   Галиб пренебрегает этими традиционными ходами и транспонирует мистическое толкование в «реалистическое» (это один из характерных приемов его поэтики). Бакир раскрывает этот ход поэта: «несмотря на то, что у тебя уже появилась молодая бородка, прелесть твоих локонов осталась прежней, твоя красота не померкла» [Baqir, 1940, p. 46], т. е. взросление не повредило твоей красоте.
   Шеʿр построен по принципу хиазма, когда части двух параллельных членов располагаются в обратной последовательности, в шеʿре этот антитетический параллелизм относится как к предмету сравнения, так и к цвету: «Локон (черный)… не покорился пушку (зелени)» — «изумруд (зеленый)… не справился со змеей (черным локоном)».
3. «Печальная верность» — *andoh-e vafā*, букв. «печаль верности», «Тиран» — *sitamgar*, возлюбленная персона. «Освободиться» — *chhūṭūñ*, т. е. умереть.

[10] *Хинди* — одно из старых названий языка урду.

Смысл ше‘ра: поскольку верность в любви приносит одни страдания, смерть могла бы их облегчить, однако мучительница-возлюбленная продлевает страдания, не дав влюбленному умереть. Вторая строка может быть прочитана и по-другому: «Этот тиран не удовлетворился даже моей смертью». В таком случае смысл ше‘ра меняется: ради любви я был готов умереть, но для моего тирана и этого было мало.

4. «Вздох» — *nafas*, также дыхание; в суфизме считается, что идущий от души вздох способен сократить путь к познанию Бога. Однако в отсутствии подобного намерения герою остается вздохом сократить не столь праведный путь — дорогу к питью вина. В ше‘ре полустишие, объясняющее причину поступка (довод), помещено после полустишия, сообщающего о его результате, частый прием поэтики Галиба — менять местами причину и следствие.

6–7. Если рассматривать подряд два этих ше‘ра, становится очевидным, что они противоречат один другому. В 6-м ше‘ре поэт страдает от того, что ему даже не удается умереть от любовных страданий, а в 7-м ше‘ре выясняется, что попытка шевельнуть губами нанесла герою непоправимый ущерб и привела к смерти.

«Дыхание Исы» — *dam-e ʿīsā*, животворное дыхание, пророка Исы (Иисуса Христоса) (см.: [*Коран*, 1986, 5:110]). Друг со своим дыханием, оживляющим мертвых — *ḥarīf-e dam-e ʿīsā*, букв. «друг дыхания Исы», мог бы вернуть к жизни лирического персонажа, если бы не его немощь (*nātavānī*), приведшая к смерти. См. также контексты (173:1; 220:1).

О том, что дыхание Исы может быть во многих случаях бесполезным, см. например, Мир Дард (1720–1785): «В руках своей судьбы я — рана, // О, дыхание Исы! Я — масляная лампа!» (цит. по: [Faruqi, 2006, p. 4]); от любого дуновения масляная лампа разгорается с новой силой, также «дыхание Исы» может лишь усугубить страдания от раны вместо того, чтобы их облегчить.

Одна из излюбленных черт поэтики Галиба, свойственная поздней поэзии «индийского стиля», гиперболизированное описании страданий любви и разнообразных трудностей на ее пути — дань *такаллуфу*, маньеризму (см. подробнее: [Пригарина, 2015, с. 226–227]); в данном ше‘ре слабость персонажа настолько неодолима, что ему достаточно шевельнуть губами, чтобы потерять остаток сил и умереть. В некоторых газелях Галиба мистический накал этих переживаний транспонируется, принимая куртуазный, жеманный характер.

Газель 8

jab ba taqrīb-e safar yār ne maḥmil bāñdhā
tapish-e shauq ne har żarre pe ik dil bāñdhā

ahl-e bīnish ne ba ḥeiratkada-e shoḳhī-e nāz
jauhar-e ā’ina ko ṭūṭī-e bismil bāñdhā

yās-o-ummīd ne yak ʿarbada-meidāñ māñgā
ʿajz-e himmat ne ṭilism-e dil-e sāil bāñdhā

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

na bañdhe tishnagī-e shauq ke maẕmūñ ġhālib
garche dil khol ke daryā ko bhī sāḥil bāñdhā

1. Когда, собираясь в путешествие, друг снарядил паланкин,
Волнение страсти наделило сердцем каждую песчинку.

2. Прозорливые в чертоге изумления прихотливостью [его] капризов
Связали сверкание зеркала с попугаем, бьющимся в конвульсиях.

3. Отчаяние и Надежда потребовали единого поля битвы,
Недостаток Решимости связал заклятием Сердце-попрошайку.

4. Не воплотилась в стихи тема «жажда страсти», Галиб,
Хотя я всеми силами связывал [рифмой] даже «море» с «берегом».

Комментарий

1. «Снарядил паланкин» — *maḥmil bāñdhā*, согласно традиции, караван отправляется в путешествие по пустыне (обычно аллюзия на поэму «Лайли и Маджнун»; эпизод путешествия Лайли в паланкине). «Волнение страсти» — *tapish-e shauq*, волнение, вызванное любовью к другу (*yār*). «Песчинка» — *żarra*, букв. «мельчайшая частица, пылинка»; песчинка обретает сердце при вести о готовящемся путешествии. У Мира есть ше‘р с той же темой: «То не зыбучий песок, то беспокойство сердца Маджнуна, // Привело в волнение каждую песчинку в пустыне» [Kulliyat-e Mir, 1968, 1; 330:12] (см. также: [Kulliyat-e Mir, 1968, 1; 39:6]).
Смысл ше‘ра: при вести о том, что друг собрался в путешествие, сердце каждой пылинки в пустыне забилось в страстном волнении от ожидания встречи.
2. «Прозорливые» — *ahl-e bīnish*; «связывать» — bāñdhnā, также «включать в стихотворную строку», поэтому можно предположить, что «прозорливые» — поэты. «Чертог изумления» — *ḥeirat-kada*, этот мир; характерная для поэзии позднего индийского стиля концептуальная метафора мира, приводящего в изумление (*ḥeirat*) как своими красотами, так и своими ужасами и невзгодами. «Сверкание зеркала» — *jauhar-e āʾina*, в ше‘ре говорится о металлическом зеркале. «Попугай, бьющийся в конвульсиях» — *ṭūṭī-e bismil*. В основе образа практика обучения попугаев речи: перед попугаем ставят зеркало, чтобы он говорил со своим отражением.
Смысл ше‘ра: непредсказуемые «прихоти» многоцветного мира для трезвомыслящих людей лишь свидетельство его драматической сущности: блеск зеркала, вызывает мрачную ассоциацию с попугаем, бьющимся в агонии во всем блеске многоцветного оперения (о полировке зеркала, следах от полировки, блеске зеркала см. газ. 3: 3; 13:2; 22:4).
3. Смысл ше‘ра: если бы сердцу хватило решимости и духовного мужества (о значениях *himmat* см. газель 6:5), то оно встало бы на сторону Отчаяния и Надежды, которые готовы были броситься в бой за любовь, но слабая Решимость наложила заклятие (*ṭilism*) на эту битву, и Сердце не стало бороться за любовь, а принялось лишь выпрашивать ее.

4. Бехуд дает такой комментарий к смыслу ше‘ра: «Задумывая стихотворение, поэт использовал сравнение с морем, со всей его массой воды, которая не способна утолить жажду сухого и ненасытно жаждущего берега, однако никакая гипербола не смогла должным образом передать жажду его страсти» (см.: [Bekhud, 1934, p. 59–60]). Поэт объясняет неудачу стихотворения тем, что попытался «связать слова — море и берег» — *daryā ko bhī sāḥil bāñdhā*, которые никак не рифмовались.

Список литературы / References

1. Алиев Г. Ю. Изучение Галиба в СССР. *Мирза Галиб — Великий поэт Востока. Сборник статей*. М.: Наука; ГРВЛ, 1972. С. 262–270. [Aliyev G. Yu. *The study of Ghalib in the USSR. Mirza Ghalib, the Great Poet of the East. The Collection of articles. 1797–1869. Collection of articles.* Moscow: Nauka, 1972, pp. 262–270 (in Russian)].
2. Баузани А. Бедиль и Галиб. *Мирза Галиб — Великий поэт Востока. Сборник статей*. М.: Наука; ГРВЛ, 1972. С. 183–191 [Bausani A. Bedil and Ghalib. *Mirza Ghalib, the Great Poet of the East. The Collection of articles.* Moscow: Nauka, 1972, pp. 183–191(in Russian)].
3. Васильева Л. А. *Становление газели урду. У истоков жанра*. М.: ИВ РАН. 2015 [Vasilyeva L. A. *The formation of Urdu ghazal: the originals of the genre.* Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2015(in Russian)].
4. Васильева Л. А. *Причуды любви. Жизнь и поэзия Мира Таки Мира.* М.: ИВ РАН [Vasilyeva L. A. *The Whims of Love. The life and poetry of Mir Taqi Mir.* Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2023(in Russian)].
5. *Восточные сборники. Литература и искусство*. Вып. 1. М.: Новая Москва, 1924 [*Eastern collections. Literature and art.* Issue 1. Moscow: Novaya Moskva, 1924 (in Russian)].
6. Галиб М. А. *Избранное.* Сост. Зое Ансари. Пер. с перс. Г. Ю. Алиева, Н. И. Пригарина; пер. с урду Н. В. Глебова. Предисл. Н. И. Пригарина. Отв. ред. А. Е. Бертельс. М.: Наука; ГРВЛ, 1980 [Mirza Ghalib. *Selected works.* Comp. Zoe Ansari. Transl. from Persian by G. Y. Aliyev, N. I. Prigarina; transl. from Urdu by N. V. Glebov. Preface by N. I. Prigarina. Ed.-in-Chief A. E. Bertels. Moscow: Nauka; GRVL, 1980 (in Russian)].
7. Галиб М. *Лирика.* Пер. с урду В. Потаповой. Сост. и коммент. Л. Васильевой. Предисл. Б. Гафурова. М.: Художественная литература, 1969 [Ghalib M. *Lyrics*. Transl. from Urdu by N. Potapova; comp. and comment. by L. Vasilyeva; Preface by B. G. Gafurov. Moscow: Khudojestvennaya literatura, 1969 (in Russian)].
8. Ғафоров А. *Ҳаёт ва эҷодиёти Мирзо Асадулло Ғолиб.* Душанбе: Дониш, 1965 (на тадж. яз.) [Ghaforov A. *Life and Works of Mirzo Asadullo Gholib*. Dushanbe: Donish, 1965 (in Tajik)].
9. *Коран*. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Наука; ГРВЛ, 1986 [*The Koran.* Transl. and comment. by I. Yu. Krachkovsky. 2nd ed. Moscow: Nauka; GRVL, 1986 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

10. *Коран*. Пер. с араб. яз. Г. С. Саблукова. Казань, 1907 / 1990 (репринт). [*The Koran*. Transl. from Arabic by G. S. Sablukov. Kazan, 1907 / 1990 (reprint) (in Russian)].
11. *Мирза Галиб — великий поэт Востока. Сборник статей*. М.: Наука, 1972. [*Mirza Ghalib, the Great Poet of the East. The Collection of articles.* Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].
12. Низами Ганджави. *Лайли и Маджнун*. Введ., пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М.: РГГУ, 2008 [Nizami Ganjavi. *Laili and Majnun.* Introd., transl. from Persian and comment. by N. Y. Chalisova, M. A. Rusanov. M.: RGGU, 2008 (in Russian)].
13. Пригарина Н. И. *Индийский стиль и его место в персидской литературе* (*вопросы поэтики*). М.: Восточная литература 1999. [Prigarina N. I. *The Indian style and its Role in Persian literature* (*Poetics related problems*). Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian)].
14. Пригарина Н. И. *Мирза Галиб. Биографическая повесть*. М.: Летний сад, 2015 [Prigarina N. I. *Mirza Ghalib. A Biographical novel*. M.: Letniy sad, 2015 (in Russian)].
15. Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Мотив бумажного одеяния у Галиба и его предшественников. *Ориенталистика.* 2021a. Т. 4. № 3. С. 722–734 [Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. The motif of paper clothing in Ghalib and his predecessors. *Orientalistica.* 2021a;4(3):722–734 (in Russian)].
16. Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Первая газель Дивана Галиба. *Ориенталистика.* 2021b. Т. 4. № 5. С. 1323–1351 [Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. The First Ghazal of Divan-e Ghalib. *Orientalistica*. 2021b;4(5):1323–1351 (in Russian)].
17. Пулатова Ш. *Значение писем Мирзы Асадулахана Галиба в развитии прозы урду.* Дисс. на соиск. ст. канд. филол. наук. М.: [б. и.], 1962a [Pulatova Sh. *The Importance of Mirza Asadulla Khan Galib's Letters in the Development of Urdu Prose*: Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow: [w. p.], 1962a (in Russian)].
18. Пулатова Ш. Некоторые вопросы эпистолярного стиля Мирзы Галиба. *Известия АН Тадж. ССР.* 1962b. № 2(29). С. 58–69 [Pulatova Sh. Some questions of Mirza Ghalib's epistolary style. *Izvestiya AN Taj. SSR* (News of the Academy of Sciences of the Tajik Soviet Socialist Republic). 1962b. No. 2(29), pp. 58–69 (in Russian)].
19. Пӯлодова Ш. *Мактубҳои урдуи МирзоҒолиб* [*Матн*]. Душанбе: Дониш, 1966 [Pulatova Sh. *Urdu Letters of Mirza Ghalib. The Text.* Душанбе: Дониш, 1966 (in Tajik)].
20. Саади. *Гулистан*. Пер. Р. Алиев, поэт. пер. А. Старостин. М.: Вече, 2011 [Saadi. *Gulistan*. Transl. by R. Aliyev, poetic transl. by A. Starostin. Moscow: Veche, 2011 (in Russian)].
21. 'Arshi, Imtiyāz 'Ali. *Divan-e Ghalib*. New Delhi: Anjuman Taraqqi-e Urdu, 1958 (1st ed.) (in Urdu).
22. Baqir, Aġha Muḥammad. *Bayān-e ġhālib: sharḥ-e dīvān-e ġhālib*. Amritsar: Azad Book Depo, 1940 [Baqir, Aġha Muḥammad. *Story of Ghalib* (*Commentary on Ghalib's Urdu Divan*). Amritsar: Azad Book Depo, 1940 (in Urdu)].

23. Bekhud, Sayyid Vaḥidud-Din Dihlavi. *Mirātul-ġhālib* [*A Mirror of Ghalib*]. Calcutta: Usmaniyah Book Depot, 1934 (in Urdu).
24. Faruqi, Shamsur Rahman. *Tafhīm-e ġhālib.* New Delhi: Ghalib Institute, 2006 [Faruqi, Shamsur Rahman. *An Explanation of Ghalib*. New Delhi: Ghalib Institute, 2006 (in Urdu)].
25. Joseph F. Graham Linguistic Approach to Translation Theory, 2012. Электронный ресурс: URL: https://iinaprilian.wordpress.com/2012/04/12/linguistic-approach-to-translation-theory-joseph-f-graham/.
26. Khaliq Anjum (ed.) *Ghālib ke ḳhuṭūṭ.* Vol. 2. New Delhi: Ghalib Institute, 1985 [Khaliq Anjum (ed.) *Letters of Ghalib*. Vol. 2. New Delhi: Ghalib Institute, 1985 (in Urdu)].
27. Kulliyat-e Mir. *Mukammal che divan, ghazaliyat. Murattib Zilla Abbas Abbasi. Jild 1.* [*Complete collection in six Divans, ghazals of Mir*. Vol. 1. Comp. Zilla Abbas Abbasi. Delhi: Ilmi Majlis, 1968 (in Urdu)].
28. Nazm, Ali Haidar Tabaṯabai Lakhnavi. *Sharḥ-e dīvān-e urdū-e ġhālib*. Hyderabad: Matba Mufid ul-Islam, 1900 [Nazm Ali Haidar Tabaṯabai Lakhnavi. *Commentary on Ghalib's Urdu Divan*. Hyderabad: Matba Mufid ul-Islam, 1900 (in Urdu)].
29. Schleiermacher F. Hermeneutik und Kritik. Berlin: Reimer, 1838. — Электронный ресурс: URL: https://deutschestextarchiv.de/book/show/schleiermacher_hermeneutik_1838.
30. Vali, Sayidulla Kalim. *Urdu ghazal ki tahzibi-o-fikri buniyaden.* Lahore: [w. p.], 2005, pp. 205–260 [Vali, Sayidulla Kalim. *Cultural and Philosophical Roots of the Urdu Ghazal*. Lahore: [w. p.], 2005, pp. 205–260 (in Urdu)].

Информация об авторах

Васильева Людмила Александровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литератур народов Азии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; ludvas@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-2466-3832.

Пригарина Наталья Ильинична — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, член редколлегии журнала «Ориенталистика»; prigarina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1941-0467.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена рецензентами 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024; опубликована 30.09.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Ludmila A. Vasilyeva — Ph. D. (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Asian peoples' Literature, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ludvas@yahoo.com, https:// orcid.org/0000-0003-1941-0467.

Natalia I. Prigarina — Dr. habil. (Philol.), Professor, Principal Research Fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Member of the Editorial Board of the Orientalistica, Moscow, Russia; prigarina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1941-0467.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024; published 30.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

PHILOLOGY OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литература народов мира

Научная статья Филологические науки
УДК 94(297.17)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-692-708

Мурудж аз-захаб… («Золотые копи…») ал-Мас‘уди: занимательные повествования о халифах из династии Омейядов, их приближенных, их противниках и обычных людях, что жили под властью этих государей[1]

Дмитрий Валентинович Микульский

[1] *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, dmitrimikulski@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3239-1670*

Аннотация. Великий арабо-мусульманский историк, географ и путешественник ал-Мас‘уди (ум. 956) был также и замечательным рассказчиком. Такая репутация писателя справедливо основывается на главном из двух сохранившихся его сочинений – Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар («Золотые копи и россыпи самоцветов»). В разделе этого труда, где повествуется о правлении династии Омейядов (661–750), ал-Мас‘уди создает яркие образы и халифов, и их противников, и их приближенных, и обычных людей, живших в их эпоху. Об этом свидетельствуют академические переводы ряда новелл (рассказов) и пассажей других жанров, представленные в настоящей публикации. Они интересны как специалистам-востоковедам, так и широкому читателю.

Ключевые слова: средневековая арабская историография, средневековая арабская проза, средневековые новеллы, ал-Мас‘уди, Омейяды

Для цитирования: Микульский Д. В. Мурудж аз-захаб… («Золотые копи…») ал-Мас‘уди: занимательные повествования о халифах из династии Омейядов, их приближенных, их противниках и обычных людях, что жили под властью этих государей. *Ориенталистика*. 2024;7(3):692–708. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-692-708.

[1] *Продолжение*. Начало см.: *Ориенталистика*. 2024;7(2):432–456. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-2-432-456.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Микульский Д. В., 2024
© Ориенталистика, 2024

Original article
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-692-708

Philology studies

Murudj al-dhahab… ("The Meadows of Gold …") by al-Mas'udi: entertaining narrations on the caliphs of the Umayyad dynasty, their courtiers, their adversaries and ordinary people, who lived under the rule of these sovereigns

Dmitry V. Mikulsky

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, dmitrimikulski@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3239-1670

Abstract. The great Arab-Muslim historian, geographer and traveler al-Mas'udi (d. 956) was also a remarkable story-teller. This reputation of the Author is rightly based upon the main of the two remaining his works, that is Murudj al-dhahab wa ma'adin al-djawhar ("The Meadows of Gold and the Mines of Gems"). In the section of this work, where the events of the rule of the Umayyad dynasty (661–750) are related, al-Mas'udi creates vivid images of the caliphs, of their adversaries, their courtiers, as well as of ordinary people, who lived in the epoch of their reign. It is testified by the academic translation of a number of novellas (stories) and passages of other genres manifested in the present publication. These translations are interesting to both experts in Oriental studies and to a broad reading circle.

Keywords: Medieval Arabic History-writing, Medieval Arabic prose, Medieval novellas, al-Mas'udi, the Umayyads

For citation: Mikulsky D. V. Murudj al-dhahab… ("The Meadows of Gold…") by al-Mas'udi: entertaining narrations on the caliphs of the Umayyad dynasty, their courtiers, their adversaries and ordinary people, who lived under the rule of these sovereigns. *Orientalistica*. 2024;7(3):692–708. (In Russ.). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-692-708.

В настоящей публикации мы предлагаем вниманию читателей переводы фрагментов VIII–XIII. См. переводы фрагментов I–VII в предыдущем номере нашего журнала.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Mikulsky D. V., 2024
© Orientalistica, 2024

VIII [Ал-Мас‘уди, 1973, с. 125–126]

Рассказывал ал-Минкари со [слов] ад-Дабби[2]. Он сказал: сказал ал-Валид б. Исхак[3]: сказал Ибн ‘Аббас[4]: Была ‘Атика бинт Йазид б. Му‘авия[5] (а мать ее Умм Кулсум бинт ‘Абдаллах б. ‘Амир[6]) за ‘Абд ал-Маликом б. Марваном. Разгневалась она на него. Он же стал всемерно искать расположения ее, а она противилась. Была она для него самой дорогой среди людей. Пожаловался он на это своим приближенным. Сказал тогда ему ‘Амр б. Билал[7], муж из асад[8], женившийся на дочери Зинба‘ ал-Джузами[9]: «Что [будет] мне от тебя, если завоюю я ее благоволение?». Сказал [‘Абд ал-Малик]: «По желанию твоему». Вышел тогда [‘Амр] и уселся у двери ее, плача. Сказали ему приближенные [‘Атики]: «Почему ты плачешь, Абу Хафс?». Сказал он: «В ужасе прибегаю я к двоюродной сестре своей. Попросите же для меня разрешения войти к ней». Позволила она ему [войти], а [была] между ними занавесь. Вот и сказал он: «Известно тебе положение мое при Повелителях верующих Му‘авии, Йазиде, Марване и ‘Абд ал-Малике. Было у меня всего два сына. Напал один из них на другого и убил его. Сказал Повелитель верующих: “Убью преступника”. Сказал я ему: “Я — владыка крови и простил”. Однако воспротивился мне [Повелитель верующих] и сказал: “Не желаю приучать к подобному подданных своих”. Завтра убьет [государь второго сына моего]. Поэтому заклинаю тебя Аллахом [добиться того], чего просил я у [Повелителя верующих]». Сказала [‘Атика]: «Не буду с ним разговаривать». Сказал [‘Амр]: «Не полагаю, что обретешь ты большее, нежели спасение жизни [человеческой]». Приближенные, слуги и свита [‘Атики] стали упрашивать ее, и вот сказала она: «Подать одеяния мои!». Облачилась она. Была между нею и ‘Абд ал-Маликом дверь, которую она

---

[2] Ад-Дабби — данное лицо идентифицировать не удалось. В других версиях текста памятника фигурирует ал-‘Утби [ал-Умави] (Мухаммад б. ‘Убайдаллах (ум. ок. 843) — басрийский стихотворец, а также знаток хадисов и исторических преданий. Происходил из клана бану умаййа [Pellat, 1979, p. 656].

[3] Ал-Валид б. Исхак — неидентифицируемое лицо [Pellat, 1979, p. 755].

[4] Ибн ‘Аббас — в других версиях текста памятника Ибн ‘А’иша. Ш. Пелла полагает, что, скорее всего, это был Ибн ‘Аййаш (ум. ок. 809) — басрийский знаток хадисов и лексиколог [Pellat, VI, p. 96].

[5] ‘Атика бинт Йазид б. Му‘авия — любимая жена ‘Абд ал-Малика б. Марвана. Внучка первого омейядского халифа Му‘авии б. Абу Суфйана и дочь второго халифа династии Омейядов Йазида б. Му‘авии б. Абу Суфйана (680–683). Согласно историческому преданию, ‘Абд ал-Малик скончался в ее дворце, под Дамаском [Pellat, 1979, p. 451].

[6] Умм Кулсум бинт ‘Абдаллах б. ‘Амир — супруга халифа Йазида б. Му‘авии (680–683), мать ‘Атики бинт Йазид б. Му‘авия (см. предыдущее примечание) [Pella, 1979, p. 168].

[7] ‘Амр б. Билал (или же ‘Омар б. Билал — не известен по другим источникам [Pellat, 1979, p. 521, 526].

[8] Асад — североарабское племя, относившееся к племенной группе кинана, в которую входило также племя курайш. Играло значительную роль в истории арабо-мусульманского мира [Kindermann, 1986].

[9] Зинба‘ ал-Джузами — отец Рауха б. Зинба‘ ал-Джузами (см. о нем ниже). Причислялся к сподвижникам пророка Мухаммада [Pellat, 1979, p. 358].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

заделала. Повелела [‘Атика] открыть ее, после вошла [в покои государя]. Тут скоро-скоро прибежал евнух и сказал: «Повелитель верующих, это ‘Атика!». Сказал [‘Абд ал-Малик]: «Горе тебе! Ты ее видел?». Сказал [слуга]: «Да!». Тут предстала она [пред государем] и произнесла приветствие. Он же молчал. Тогда сказала она: «Если бы не положение ‘Амра б. Билала, не пришла бы я к тебе. О, Господи, неужели, если один из сынов его напал на другого и убил его, сам [‘Амр] владыка крови и простил [преступника], решил ты убить [второго сына]?». Сказал он: «Да, ей-Богу», [отвечая] неохотно. Взяла она тогда [‘Абд ал-Малика] за руку, он же отстранился от нее. Тут взяла она его за ногу и поцеловала ее. Сказал [государь]: «Он твой». Помирились они, после того как трократно совокупился [‘Абд ал-Малик с ‘Атикой][10]. Вышел ‘Абд ал-Малик и воссел в покое своем, [предназначенном] для приближенных. Вошел ‘Амр б. Билал, и сказал ему [государь]: «Абу Хафс, тонко [устроил] ты эту уловку со сводничеством. Выбор за тобой». Тот сказал: «Повелитель верующих, тысячу динаров, земельный надел со снастью и невольниками». Сказал [халиф]: «Это твое». Сказал [‘Амр]: «Жалования сынам моим и сородичам моим». Сказал [‘Абд ал-Малик]: «И это все [также]».

Достигло известие ‘Атики, и сказала она: «Горе мне с [этим] сводником — обхитрил он меня».

IX [Ал-Мас‘уди, 1973, с. 128–130]

Рассказывали ал-Мада’ини[11] и Ибн Да’б[12], что Раух б. Зинба‘[13], сотрапезник[14] ‘Абд ал-Малика, увидел от [государя своего] отстраненность и недружелюбие. Сказал он тогда ал-Валиду б. ‘Абд ал-Малику[15]: «Разве не видишь ты, что отвра-

[10] Эта фраза имеется только в тексте каирского издания памятника.

[11] Ал-Мада’ини — имеется в виду ‘Али б. Мухаммад б. ‘Абдаллах ал-Мада’ини (752-ок. 840) — знаток ал-ахбар. Подавляющее большинство сочинений ал-Мада’ини не сохранилось, однако его труды известны по цитатам и ссылкам, содержащимся в сочинениях позднейших авторов [Sezgin, 1986].

[12] Ибн Да’б (Абу-л-Валид ‘Иса б. Бакр б. Да’б; ум. 787) — знаток хадисов, генеалогий, древней поэзии. Сам также был стихотворцем. Долгое время жил при дворе аббасидских халифов ал-Махди (775–785) и ал-Хади (785–786). Славился изысканными манерами и тонким искусством ведения беседы [Pellat, 1986a].

[13] Раух б. Зинба‘(ум. 703) – арабский племенной вождь; сторонник Омейядов. Его отец – знатный бедуин из племени бану джузам, поселившегося в Сирии прежде арабо-мусульманских завоеваний. Раух стал играть особо видную роль в государственной жизни при ‘Абд ал-Малике б. Марване (685–705). В арабо-мусульманских сочинениях упоминается как первый вазир в Халифате (или же прототип позднейших вазиров) [Hawting, 1995].

[14] Сотрапезник (араб. *надим*) — приближенный халифа или другого знатного и влиятельного лица, который разделял со своим господином трапезу, развлекал его беседой и участвовал в других формах проведения досуга [Sadan, 1993].

[15] Ал-Валид б. ‘Абд ал-Малик — шестой халиф из династии Омейядов (705–715); сын и преемник ‘Абд ал-Малика б. Марвана. В представляемой читателям новелле — именно *валийй ал-‘ахд* («престолонаследник»). Правление ал-Валида отличалось высокой степенью внутреннего спокойствия Халифата. Вместе с тем при нем были осуществлены значительные завоевания как на Востоке, так и на Западе (в частности —

щает от меня Повелитель верующих лик свой, так что разинули львы пасти свои, [обратясь] ко мне, и простерли когти свои к лицу моему?». Сказал ему ал-Валид: «Устрой [так, чтобы поведать] ему рассказ, которым рассмешишь [государя], как устроил [некий] *марзубан*[16], сотрапезник Сабура сына Сабура, царя Персии[17]». Сказал Раух: «Какова была история [того *марзубана*] с царем?». Сказал а-Валид: «Принадлежал *марзубан* этот к ночным собеседникам Сабура. И вот, явилось ему от Сабура недружелюбие. Когда же увидел это [вельможа], научился собачьему лаю, волчьему вою, петушиному пению, мульему реву, лошадиному ржанию и тому подобному. После устроил он так, что оказался рядом с покоем, где уединялся государь и где [находилась] постель его, и спрятался. Когда же остался царь в одиночестве, залаял [*марзубан*] по-собачьи, и не было у государя сомнения, что это пес. Сказал тогда царь: “Посмотрите, что это?”. Завыл тогда [*марзубан*] по-волчьи. Тут сошел царь с ложа своего. Тогда заревел [вельможа] по-ослиному. Пустился царь в бегство. Невольники же бросились искать [того, кто производил] рык. Всякий раз, как приближались они к [*марзубану*], переставал он кричать по-прежнему и издавал какой-нибудь другой звериный возглас. Отпрянули было [невольники] от [*марзубана*], однако после собрались [все вместе], набросились на него и вытащили его [из убежища его]. Когда же посмотрели они на него, сказали царю: “Это *марзубан*-шут!”. Тут рассмеялся царь самым безудержным образом и сказал [вельможе]: “Горе тебе! Что подвигло тебя на такое?”. Сказал тот: “Истинно, обратил меня Бог собакой, волком, ослом и всякой тварью, когда разгневался ты на меня”. Повелел тогда царь пожаловать [*марзубану*] почетное платье и восстановил его в степени его, в которой тот [прежде] пребывал. И стал царь вновь радоваться [общению с царедворцем своим]». Сказал тогда Раух ал-Валиду: «Когда усядется Повелитель верующих в собрании своем, спроси меня об ‘Абдаллахе б. ‘Омаре[18] — шутил ли он и слушал ли шутливые речи?». Сказал ал-Валид: «Исполню». А был Ибн ‘Омар исполнен святости — не шутил он и не ведал ничего о шутливых речах.

значительной части Пиренейского полуострова). Ал-Валид был покровителем архитектуры. Именно при нем Мечеть Омейядов в Дамаске обрела свой нынешний вид; существенной перестройке подверглась и Мечеть Пророка в Медине. Правление ал-Валида б. ‘Абд ал-Малика не без основания считается высшей точкой развития Омейядского халифата [Kennedy, 1997].

[16] Марзубан (от ср. перс. *марзпан*) — арабизированная форма названия должности военного наместника пограничной провинции в Сасанидском Иране (с IV или V в.). В повествованиях арабо-мусульманских источников об арабских завоеваниях так называется глава какой-либо провинции Сасанидского Ирана, который организовывал сопротивление арабам-мусульманам [Kramers – Moroni, 1991].

[17] Сабур б. Сабур, царь Персии — шах из династии Сасанидов Шапур III (383–388) [Миллер, 1926, с. 254].

[18] ‘Абдаллах б. ‘Омар (ум. 693) — сын второго Праведного халифа ‘Омара б. ал-Хаттаба (634–644). Один из самых авторитетных знатоков хадисов, который был источником подобных текстов для последующих поколений мусульман. Муж, знаменитый благочестием. Сумел уклониться от участия во всех смутах, потрясавших Халифат в VII в. [Veccia Vaglieri 1986a].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

И вот, выступил ал-Валид, вошел [в халифский покой] прежде [Рауха], а Раух последовал за ним. Когда же устроились они в покое 'Абд ал-Малика, сказал ал-Валид Рауху: «Абу Зар'а, шутил ли Ибн 'Омар или слушал шутливые речи?». Сказал Раух: «Рассказывал мне Ибн Абу 'Атик[19], что [однажды] жена его, 'Атика бинт 'Абд ар-Рахман ал-Махзумиййа[20], высмеяла его в стихах, сказав:

Забрал Бог то, чем жил ты.
Проиграл ты жизнь свою всяческим образом.
Прокутил ты достояние свое, [нимало] не смущаясь,
На всякую развратницу и на вино.

А был Ибн Абу 'Атик поклонник любовных стихов и [всякого] балагурства. Взял он эти два байта, [написанные] на листе бумаги, и вышел [из дому] с такими стихами. Вдруг навстречу ему Ибн 'Омар. Сказал тут [Ибн Абу 'Атик]: "Посмотри на это лист и выскажи мне свое мнение об этом". Прочитав [написанное], сказал 'Абдаллах б. 'Омар: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к Нему мы возвращаемся!" (Коран, 2:151). Сказал тут ему [Ибн Абу 'Атик]: "Что ты думаешь о том, кто высмеял меня в этих стихах?". Сказал ['Абдаллах б. 'Омар]: "Думаю, что тебе [следует] простить и оставить [это]". Сказал [Ибн Абу 'Атик]: "Ей-Богу, Абу 'Абд ар-Рахман, если уж повстречаю его [где-нибудь] в [укромном], уголке, то как следует совокуплюсь с ним". Тут охватили Ибн 'Омара трепет и дрожь и почернел цвет [лица] его. Сказал он: "Чем прогневил ты Аллаха?". Сказал Ибн Абу 'Атик: "Это так, как сказал я тебе". И расстались они. Через [несколько] дней повстречал [Ибн Абу 'Атик Ибн 'Омара], и отвернулся от него Ибн 'Омар. Сказал тут [Ибн Абу 'Атик]: "Абу 'Абд ар-Рахман, повстречал я сочинителя этих двух байтов и совокупился с ним". Был тут 'Абдаллах б. 'Омар [словно] громом поражен. Когда же увидел [Ибн Абу 'Атик], что произошло с ним, приблизился к нему и сказал ему на ухо: "Это жена моя". Поднялся тут Ибн 'Омар, поцеловал [Ибн Абу 'Атика] между глаз и рассмеялся. Сказал он: "Славно у тебя получилось. Давай еще!"». Рассмеялся тут 'Абд ал-Малик и даже задрыгал ногой. Сказал он [Рауху]: «Да поразит тебя Аллах, Раух! Сколь прелестен рассказ твой!». И протянул [государь] ему руку. Тут встал перед ним Раух, склонился перед [государем] и расцеловал руки и ноги его. Сказал он: «О, Повелитель верующих, если согрешил, то каюсь; если [выскажешь] упрек, то стерплю. Надеюсь на [благой] исход». Сказал ['Абд ал-Малик]: «Нет, ей-Богу, нет ничего такого, что тебе не понравилось бы». После вернулся он к наилучшему обращению [с Раухом].

[19] Ибн Абу 'Атик ('Абдаллах б. Мухаммад б. 'Абд ар-Рахман б. Абу Бакр) — знатный курайшит; правнук первого халифа Абу Бакра (632–634). Причислялся к *таби'ин* (благочестивым мусульманам, последователям и ученикам сподвижников пророка Мухаммада) [Ibn Saad, 1905, S. 144]. Противоречие между такой характеристикой Ибн Аби 'Атика, содержащейся в житийной традиции, и его образом в представляемой новелле, обладает высокой степенью сарказма.

[20] 'Атика бинт 'Абд ар-Рахман ал-Махзумиййа — супруга Ибн Абу 'Атика. Судя по ее *нисбе* (клановом прозвании), происходила из бану махзум, одного из кланов племени курайш. Об этой женщине более ничего не известно [Pellat, 1979, p. 451].

X [Ал-Мас‘уди, 1973, с. 195]

Отправил ‘Омар [б. ‘Абд ал-‘Азиз][21] посольство к царю ромеев[22] по [некоему] делу, [связанному с] благом мусульман, и [дабы] призвать [царя] к [соблюдению] права [последователей ислама]. Когда же вошли [послы], оказалось, что толмач изъясняет [царю их речи], а сам он восседает на ложе царства своего, и корона на голове его, а *батарика*[23] [стоят] слева и справа от него. [Прочие] люди [государевы] расположились по степеням своим перед [владыкой]. И вот, передали [послы ромейскому царю] то, ради чего отправились к нему. Принял он их благосклонно и дал им наилучший ответ. В тот день ушли [послы от ромейского государя]. На другой же день, рано утром, прибыл к ним гонец [государя]. Вошли они к нему. А он сошел с ложа своего и сложил [царский] венец с головы своей. Изменились черты его, словно [поражен был] он невзгодой. И вот, сказал [послам государь]: «Ведомо ли вам, почему призвал я вас?». Сказали они: «Нет». Сказал [царь]: «Только что прибыла ко мне грамота от воеводы сторожевой дружины моей, что располагается поблизости от арабов. [Сказано в той грамоте], что умер царь арабов, праведный муж». Тут не удержались [послы] и заплакали. Сказал тогда [государь]: «По самим ли себе плачете, или по вере вашей, или по [усопшему царю своему]?». Сказали они: «Плачем по себе самим, по вере нашей и по [государю нашему]». Сказал [царь ромеев]: «Не плачьте по нему, но плачьте по себе, как вам заблагорассудится. Ведь отошел он к тому, что лучше оставленного им. Опасался он нарушить покорность Аллаху. Однако не соединил Аллах для него страх перед этим миром и тем светом. Дошли до меня [вести] о праведности его, добродетели его и искренности его. Так что если бы некто после ‘Исы[24] стал воскрешать

[21] ‘Омар б. ‘Абд ал-‘Азиз — омейядский халиф (717–720), племянник ‘Абд ал-Малика б. Марвана (685–705). В арабо-мусульманском историческом предании сложился житийный образ этого благочестивого государя, которого арабо-мусульманские историки называли «пятым праведным халифом». В исторических сочинениях зафиксированы рассказы об аскетическом образе жизни ‘Омара. На самом деле, они не соответствуют действительности. Прежде чем сделаться халифом, ‘Омар вел образ жизни, характерный для людей его круга. Порой, по требованию верховных властей, он поступал как жесткий администратор. В 706–712 гг. занимал пост наместника ал-Хиджаза. Первоначально управлял одной только Мединой, а впоследствии – также Меккой и ат-Та’ифом. Будучи возведен в халифское достоинство, ‘Омар перестал демонстрировать роскошь и сделался приверженцем политики, направленной на смягчение социальных противоречий (поддерживал требования *мавали*, декларировал соблюдение договоров с завоеванным население, увеличил жалование, выплачивавшееся служилым мусульманам-неарабам, пытался задобрить Алидов и Аббасидов) [Cobb, 2000].

[22] Царь ромеев (византийский император), современник ‘Омара б. ‘Абд ал-‘Азиза (717–720) — Лев III (717–741) [*История Византии*, т. 3,1967, с. 382].

[23] Батарика — наименование высокопоставленных византийцев в арабо-мусульманских исторических сочинениях (ед. ч. *битрик*, т. е. *патрикий*, обладатель высокого византийского придворного чина, восходящего к наименованию высшего римского сословия — «патриции») [Kawar, 1986].

[24] ‘Иса — наименование Иисуса Христа в Коране и посткораническом предании. Почитается мусульманами как пророк. Среди чудес, совершенных ‘Исой — воскрешение мертвых [Пиотровский, 1991].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

мертвых, то подумал бы я, что это он воскрешает мертвых. Поступали ко мне известия о нем, как о явном [его житии], так и о сокрытом, и вижу я, что поведение его с Господом [всегда было] одинаково. Более того, сокрытое его житие было еще более суровым в покорности Господину его, когда [пребывал] он в одиночестве. Не дивился я монаху, что покинул мир этот и принялся поклонятся Господу своему, находясь на крыше кельи своей, однако дивился я этому [мужу], под ногами которого оказался мир этот; он же явил в нем воздержание, так что уподобился монаху. Пребывают сыны добра с сынами зла лишь недолго».

XI [Ал-Мас'уди, 1973, с. 197–199]

Некогда прибыл муж, из людей иракских[25], в Медину в поисках молодой невольницы, которую описали ему как [искусную] чтицу [Корана] и [одаренную] певицу. Спросил [тот муж] о ней и обнаружил ее у кади[26] Медины. Пришел [иракец] к [кади] и попросил его показать ему [невольницу]. Сказал тогда [владелец девушки]: «О, раб Божий! Преодолел ты дальний путь, ища [встречи] с этой невольницей. Какова [причина] того, что желаешь ты [узреть] ее?», ибо увидел [кади], что [гость его] безмерно восхищен ею. Сказал тот: «Она поет и совершает это превосходно». Сказал тогда кади: «Однако не знаешь ты этого». Тем не менее настаивал [иракец], чтобы [владелец певицы] показал ее, и была она явлена в присутствии господина своего, кади.

И вот, сказал ей [иракский] молодец: «Давай!». И запела она:

> К Халиду — так что остановили [красавицы] верблюдов у Халида.
> Прекрасен же молодец, на которого надеются, и прекрасен тот,
> от которого ожидают [блага].

Восхитился тут кади невольницей своей и обрадовался тому, что она [так прекрасно] поет. Охватил его [столь] великий восторг, что посадил он ее к себе на колени и сказал: «Давай что-нибудь еще, да пожертвую я ради тебя отцом!». Тут запела она:

> Каждый вечер хожу я к тем, кто наказывает [меня],
> Надеясь на доброе воздаяние от Аллаха, несмотря на обилие прегрешений.

Тут охватил кади еще больший восторг, и не знал он, что ему делать. Взял он тогда туфлю свою, повесил ее себе на ухо, встал на колени и принялся, хватаясь за край уха, на котором висела туфля, говорить: «Отведите меня к Заповедному Дому[27] — я ведь жертвенная верблюдица!» — так что из уха потекла кровь. Когда же прекратила [невольница петь], обратился он к [ирак-

---

[25] *…из людей иракских…* — т. е. из потомков арабских воинов, расквартированных в Куфе и Басре.

[26] Кади — мусульманский судья-чиновник, который назначается правителем и отправляет правосудие на основании шариата [Боголюбов, 1991].

[27] Заповедный Дом (*ал-Байт ал-Харам*) — главное мусульманское святилище Кааба.

скому] молодцу и сказал ему: «Милый мой! Уезжай! Была он нам желанна, прежде чем узнать, как она поет. Теперь же она нам еще более желанна!». И уехал молодец.

Сделалось это известно ‘Омару б. ‘Абд ал-‘Азизу, и сказал он: «Да поразит его Аллах! Поработил его восторг!». И приказал отставить [того мужа] от должности. Когда же отставили [кади], сказал он: «Да разведется [государь] со своими женами! Если бы ‘Омар услышал ее, то сказал бы: “Садитесь на меня верхом! Я — верховое животное!”». Донесли это ‘Омару. Тогда вызвал он [кади] и вызвал невольницу. Когда вошли они вдвоем к ‘Омару, сказал он: «Повтори, что говорил». Сказал [судья]: «Да». И повторил сказанное. После сказал [‘Омар] невольнице: «Пой». И запела она:

Словно не было между ал-Джахуном[28] и ас-Сафа[29]
Сердечного друга и не предавался беседе ночной
собеседник!
Напротив! Были мы привержены [такому проведению времени], и погубили нас
Превратности ночей и своенравные обстоятельства[30].

И не [успела] она завершить [исполнение] этих стихов, как охватил ‘Омара нескрываемый восторг. Трижды просил он ее повторить [пение], так что замочили слезы бороду его. После обратился он к кади и сказал: «Точна клятва твоя!» Возвращайся на должность твою, да наставит тебя [Аллах]!».

XII [Ал-Мас‘уди, 1973, с. 199–200]

Рассказывали нам ат-Туси[31], ал-Умави ад-Димашки[32] и иные со [слов] аз-Зубайра б. Баккара[33], со [слов] ‘Абдаллаха б. Ахмада ал-Мадини[34]. Сказал он:

[28] Ал-Джахун — гора в верхней части Мекки [*Jacut's…*, 1867, S. 215].

[29] Ас-Сафа — каменистый холм, располагающийся недалеко от Каабы [*Jacut's…*, 1868, S. 397].

[30] Цитируемые стихи приписываются древнему вождю и стихотворцу Мудаду б. ‘Амру ал-Джурхуми. Согласно преданию, они были сказаны им, когда его племя, изгнанное из Мекки врагами, покидало город [*Jacut's…*, 1867, S. 215].

[31] Ат-Туси — Ш. Пелла полагает, что это, скорее всего, знаток исторических преданий Абу-л-Хасан ‘Али б. ‘Абдаллах б. Синан ат-Тайми (ориентировочно VIII в.) [Pellat, 1979, p. 447].

[32] Ал-Умави ад-Димашки (Ахмад б. Са‘ид б. ‘Абдаллах ад-Димашки ал-Умави (ум. ок. 920) — знаток хадисов родом из Дамаска, который впоследствии жил в Багдаде. Был также знатоком исторических преданий [Pellat, 1979, p. 123].

[33] Аз-Зубайр б. Баккар (ок. 789–870) — автор-составитель собраний исторических преданий (*ал-ахбар*), которые представляют собой старейшие сохранившиеся сочинения этого жанра [Leder, 2002].

[34] ‘Абдаллах б. Ахмад ал-Мадини (в другой версии текста ‘Абдаллах ал-Музани) — согласно Ш. Пелла, это мединский знаток хадисов ‘Абдаллах б. ‘Амр б. ‘Ауф ал-Музани [Pellat, 1979, p. 477, 478].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Был в Медине молодец из бану умаййа[35], из детей 'Османа[36]. Был он изысканным. Наведывался к невольнице-певице некоего курайшита[37]. Была влюблена в него та девушка, а он не знал, и был он влюблен в нее, а она не знала. В те времена любовь людская не [вызывала] кривотолков и не была порочной.

Однажды пожелал [тот юноша вновь] почувствовать [любовную тоску] и сказал некоему [другу], бывшему у него: «Пойдем к ней». Отправились они и повстречали [по дороге к той девушке] знатнейших мединцев из [числа] курайшитов, ансаров и прочих[38]. И не было среди них [такого] молодца, влюбленного в нее подобной любовью, как [тот юноша], и ни в кого не была она влюблена так, как была влюблена в этого [молодца из] бану умаййа[39]. Когда же расселись люди по местам своим, сказал тот молодец [певице]: «Сумеешь ли достойным образом спеть [мелодию на такие слова]:

Люблю вас [такой] любовью, что [охватывает она] все члены [тела] моего.
Знаете ли вы о том, что [испытываю] я к вам?
Вознаградите ли вдвойне подобным чувством?
Ведь благороден тот, кто любовь вознаграждает любовью?».

Сказала она: «Да. И [спою я на слова], что лучше этих». И запела:

Тому, кому подарили мы любовь свою, [отдаем ее] вдвойне.
Прибавка, что явлена этим, не восполняется.
Если бы явилось то, что [испытываем] мы к вам, то заполнило бы эту землю
И границы Сирии и ал-Хиджаза.

Сказал [рассказчик]: Поразился тут молодец искусству ее, а также [способностью дать] славный ответ и совершенству ее [дару] запоминать. От этого сделался он еще более одержим ею и пропел:

---

[35] Бану умаййа — один из кланов (подразделений) племени курайш (родного племени пророка Мухаммада), выходец из которого Му'авия б. Абу Суфйан основал династию Омейадов (бану умаййа, 661–750) [Hawting, 2000].

[36] …*из детей 'Османа* — т. е. принадлежал к потомкам третьего Праведного халифа Османа б. Аффана (644–656), который происходил из клана бану умаййа. Потомство 'Османа было довольно многочисленно [Ibn Coteiba, 1850, S. 99–102].

[37] …*некоего курайшита* — иными словами, потомка одного из мухаджиров, соплеменников пророка Мухаммада (он происходил, как известно, из племени курайш), которые, совершив хиджру, переселились в 622 г. из Мекки в Медину [Большаков, 1991с].

[38] …*знатнейших мединцев из [числа] курайшитов, ансаров и прочих* — т. е., прежде всего, потомков курайшитов-мухаджиров и ансаров.

[39] …*в этого [молодца из] бану умаййа* — в оригинале *би-л-умавийй* («в [этого] омейядского [молодца]».

Ты — извинение молодцу, если порвет он занавесь[40],
Даже если он — Йусуф целомудренный[41].

Дошла [история эта] до ‘Омара б. Абд ал-‘Азиза. Купил он тогда [певицу] за десять садов и подарил ее [тому молодцу] с положенным ей [приданым].

Пребывала [та красавица] у [молодого человека] год, после умерла. Оплакал он ее в стихах и вскоре преставился. Похоронили их вместе.

Среди заплачек его по ней [вот какие] слова:

Желал я сада вечности навечно
И вошел в него, не будучи достоин.
После изгнан я был, ибо вожделел
В нем блаженства, и смерть [для меня] наилучшее состояние.

Сказал Аш‘аб ат-Тами‘ ал-Мадани[42]: «Это господин мучеников среди порабощенных страстью. Забейте на могиле его семьдесят жертвенных верблюдиц». И сказал Абу Хазим ал-А‘радж ал-Мадани[43]: «Разве любящий Аллаха не зайдет столь же далеко [в любви своей]?».

XIII [Ал-Мас‘уди, 1973, с. 219]

Сказал ал-Мас‘уди: Рассказывал ал-Хайсам б. ‘Ади ат-Та’и[44] со [слов] ‘Амра б. Хани’[45]. Он сказал: Отправился я вместе с ‘Абдаллахом б. ‘Али[46] в дни Абу-л-

[40] …*порвет он занавесь* — согласно правилам благопристойности, выступавшей певице полагалось находиться за занавесью. Таким образом, влюбленный молодец, не в силах совладать с собой, нарушает правила приличия [Мец, 1973, с. 321].

[41] …*Йусуф целомудренный* — в посткоранической предании и позднейших сочинениях пророк Йусуф (ветхозаветный Иосиф) предстается образцом целомудрия, источник которого — его безграничная вера в Бога [Firestone, 2002, p. 353].

[42] Аш‘аб ат-Тами‘ ал-Мадани — профессиональный шут, живший в Медине и развлекавший, главным образом, потомков четверых первых (Праведных) халифов. Об Аш‘абе сохранился ряд рассказов явно фольклорного характера. Согласно некоторым источникам, умер в 771 г. Правда, эта дата представляется сомнительной [Rosenthal, 1986].

[43] Абу Хазим ал-А‘радж ал-Мадани (Салама б. Динар) (ум. 858) — мединский знаток хадисов. По происхождению был иранцем [Pellat, 1979, p. 386].

[44] Ал-Хайсам б. ‘Ади ат-Та’и (ок. 738 — между 821 и 834 гг.) — знаток исторических преданий *ал-ахбар*. Ал-Мас‘уди неоднократно ссылается на него, приводя сведения о доисламских арабах. Посещал двор аббасидских халифов [Pellat, 1986b].

[45] ‘Амр б. Хани’ (по другим данным, ‘Омар б. Хани’ ат-Та’и) — некий муж, который принимал участие в разорении могил бану умаййа. Другие сведения о нем в источниках отсутствуют [Pellat, 1979, p. 524].

[46] ‘Абдаллах б. ‘Али [б. ‘Абдаллах б. [ал-]‘Аббас] (ум. 764) — аббасидский эмир; дядя аббасидских халифов ас-Саффаха (749–754) и ал-Мансура (754–775), видный военачальник и государственный деятель. Стал претендовать на халифскую власть, однако был разбит известным сподвижником Аббасидов Абу Муслимом, схвачен и подвергнут заключению, а затем убит [Zetterstéen, 1986].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

'Аббаса ас-Саффаха[47] разорять могилы бану умаййа. Пришли мы к могиле Хишама[48]. Извлекли мы его целым. Не нашли у него только передней части носа[49]. Нанес ему 'Абдаллах б. 'Али восемьдесят ударов кнутом, после сжег его[50]. Вытащили мы Сулаймана[51] из земли в [Мардж] Дабике[52]. Не нашли [ничего], оставшегося от него, кроме чресл его[53], ребер и головы. Сожгли его. Совершили то же и с прочими бану умаййа. Находились могилы их в Киннасрине[54]. После прибыли мы в Дамаск. Извлекли ал-Валида б. 'Абд ал-

[47] Абу-л-'Аббас ас-Саффах (749–754) — первый аббасидский халиф. Его прозвание означает либо «кровожадный», либо «щедрый». Интересно, что имя (или прозвание) ас-Саффах встречалось еще в доисламские времена. В современном арабском языке *саффах* означает «маньяк». Скрывался в Куфе вместе с прочим аббасидским семейством. Когда Куфа была занята войсками аббасидского военачальника ал-Хасана б. Кахтабы, Абу-л-'Аббас был 28 ноября 749 г. провозглашен в соборной мечети халифом. При ас-Саффахе безжалостно уничтожались члены клана Омейядов, равно как и подавлялись восстания Алидов. Затем, по приказанию ас-Саффаха, были ликвидированы казавшиеся Аббасидам опасными вожди движения за установление их власти Абу Салама ал-Халлал и Сулайман б. Касир. Главнейший поборник аббасидского дела, Абу Муслим, был уничтожен вскоре после смерти ас-Саффаха, при его брате и преемнике ал-Мансуре (754–775). За время краткого правления ас-Саффаха проявились первые черты политической системы Аббасидского государства, которые оформились уже при ал-Мансуре [Moscati, 1986].

[48] Хишам б. 'Абд ал-Малик б. Марван (724–743) — десятый халиф из династии Омейядов. Его длительное правление было последним периодом процветания Омейядского государства. В непростых политических условиях Хишам проявил себя как трезвомыслящий государь, стремившийся сохранить стабильность и единство слабеющей империи. Хишам интересовался историческими преданиями и поощрял развитие архитектуры. Кончина Хишама знаменовала вхождение Халифата в период гибельных политических смут [Gabrieli, 1986].

[49] Так переводит Ш. Барбье де Мейнар (1826–1908), осуществивший парижское издание памятника [Maçoudi, 1869, p. 471]. В оригинале *хаурама* («нос») [Ibn Manzur, 2008, p. 56].

[50] *Нанес ему 'Абдаллах б. 'Али восемьдесят ударов кнутом, после сжег его* — согласно историческому преданию, сохраненному ал-Йа'куби (ум. 897), 'Абдаллах б. 'Али совершил такое символическое деяние в отмщение за то, что его отец был выпорот по приказанию Хишама б. 'Абд ал-Малика [a. b. a. Ya'qub…, s. a., p. 356–357].

[51] Сулайман [б. 'Абд ал-Малик] — седьмой халиф из династии Омейядов (715–717). Считается, что в принципе продолжал политику своих предшественников [Eisener, 1997].

[52] [Мардж] Дабик (так в тексте каирского издания; в тексте парижского издания [Maçoudi, 1869, p. 471] и издания Ш. Пелла [Mas'udi, 1973, p. 44] — *мин арди Дабик* («в земле Дабика»). Мардж Дабик — равнина на Севере Сирии. На ней находится место, именуемое Дабик, которое известно с древнейших времен. При Омейядах и Аббасидах на Мардж Дабик были расквартированы войска, совершавшие походы вглубь византийской территории. В Дабике умер халиф Сулайман б. 'Абд ал-Малик и был там погребен. Считается, что сведения о разорении мавзолея Сулаймана содержатся только у ал-Мас'уди [Sourdel, 1991].

[53] *…кроме чресл его* — в оригинале *илла сулбаху*.

[54] Киннасрин — город, находившийся в северной части Сирии, недалеко от Халаба (Алеппо). В настоящее время — деревня, окруженная развалинами. Был центром военного округа (*джунд*) [Elisséeff, 1986]. Подтверждения сведений ал-Мас'уди о том, что в Киннасрине располагались могилы бану умаййа, найти не удалось.

Малика. И не нашли мы в могиле его ни многого, ни малого. Откопали ‘Абд ал-Малика и не нашли иного, кроме [нескольких] частей головы его. После откопали Йазида б. Му‘авию. Не нашли от него ничего, кроме одной кости. Обнаружили в боковой нише могилы черную полосу, словно полоса пепла, — на всю длину этой ниши[55]. После прошлись мы по могилам их во всех областях. Сожгли обнаруженные в [этих могилах] их останки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

1. [Ал-Мас‘уди]. *Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар. Тасниф ар-раххала ал-кабир ва-л-му‘аррих ал-джалил… ал-Мас‘уди… Ал-Джуз’ ас-салис* (Ал-Мас‘уди. *Золотые копи и россыпи самоцветов*). Бейрут: Дар ал-фикр, 1973 [[Al-Mas‘udi]. *Murudj al-dhahab wa ma‘adin al-djawhar. Tasnif al-rahhala al-kabir wa’l-mu’arrikh al-djalil… al-Mas‘udi… Al-Djuz’ al-thalith*. Bayrut: dar al-fikr, 1973 (in Arabic)].
2. [Ал-Мубаррад]. Ал-Камил фи-л-луга ва-л-адаб ли-л-‘аллама Аби-л-‘Аббас Мухаммад б. Йазид *ал-ма‘руф* би-л-Мубаррад ан-Нахави …. Ал-Джуз’ ал-аввал (Ал-Мубаррад. Совершенный [труд] по языку и адабу («вежеству»). Бейрут: Мактабат ал-ма‘ариф, [б. г.]) [[Al-Mubarrad]. *Al-Kamil fi’l-lugha wa’l-adab li’l-‘allama Abi’l-‘Abbas Muhammad b. Yazid al-ma‘ruf bi’l-Mubarrad al-Nahawi al-Mutawaffi fi sanat 285 (898-99) h. Al-Djuz’ al-awwal*. Bayrut: Maktabat al-ma‘arif, [s. a] (in Arabic)].
3. Ibn Coteiba’s *Handbuch der Geschichte… herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld.* Göttingen: Vanderhoeck und Ruprecht, 1850 (in Arabic).
4. Ibn Manzur. *Lisan al-‘Arab.* New Edited Version. T. 5. Beirut: Dar Sader Publishers, 2008 (in Arabic).
5. Ibn Saad. *Biographien…* . Bd. V: *Biographien der Nachfolger in Medina…* . Herausgegeben von K. V. Zetterstèen… . Leiden: E. J. Brill, 1905 (in Arabic).
6. *Jacut’s geographisches Wörterbuch…* herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Erster Band. Leipzig: In Commission bei F. A. Brockhaus, 1866 (in Arabic).
7. *Jacut’s geographisches Wörterbuch…* herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Zweiter Band. Leipzig: In Commission bei F. A. Brockhaus, 1867 (in Arabic).
8. *Jacut’s geographisches Wörterbuch*… herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Dritter Band. Leipzig: In Commission bei F. A. Brockhaus, 1868 (in Arabic).

[55] Йазид б. Му‘авия б. Абу Суфйан — второй халиф из династии Омейядов (680–683). Был назначен преемником отца еще при жизни последнего. При Йазиде б. Му‘авии в Халифате началась смута (*фитна*), которая чуть было не привела к гибели Омейядской династии. Во время правления Йазида был убит внук Пророка ал-Хусайн б. ‘Али (октябрь 680 г.), взята штурмом и разграблена Медина, осаждена и обстреляна из камнеметных машин Мекка (683 — начало 684 г.). Считается, что Йазид продолжил внутреннюю политику Му‘авии б. Абу Суфйана, основанную на личных связях между халифом, его наместниками и вождями крупнейших арабских племен. В арабо-мусульманском историческом предании, возможно, значительно искажающем историческую правду, Йазид предстает развратным безбожником. В то же время он изображается как покровитель поэтов и ценитель музыки и пения [Hawting, 2002]. Характер останков Йазида б. Му‘авии — свидетельство его нечестивости.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

9. Maçoudi. *Les praires d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille.* T. V–VI. Paris: Societé Asiatique, 1869, 1871 (in Arabic).
10. Mas'udi. *Les praires d'or*. Édition Barbier de Meynard et Pavet de Courteille revue et corrigée par Charles Pellat. T. III, IV. Beyrouth: Publications de l'Université Libanaise. Section des études historiques. XI, 1970, 1973 (in Arabic).
11. A. b. a. Ya'qub b. Ga'far b. Wahb b. Wadih al Katib al Ya'qubi al-'Abbasi. *Tarih.* T. II. Beirut – Lebanon: Dar Sader publishers. P. O. B. 10, [s. a] (in Arabic).

Исследования и справочные издания / Studies and Reference Editions

1. Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. Около 42 000 слов. Изд. 5-е, перераб. и дополн. М.: Русский язык, 1976 [Baranov H. K. *The Arab-Russian Dictionary*. Some 42 000 words. The Fifth Edition, Corrected and with Additions. Moscow: Russkiy yazyk, 1976 (in Russian)].
2. Боголюбов А. С. Кади. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ, 1991. С. 125 [Bogoliubov A. S. Kadi. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991, p. 125 (in Russian)].
3. Бойко К. А. 'Абдаллах б. 'Аббас. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ, 1991. С. 7–8. [Boyko K. A. 'Abdallah b. 'Abbas. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991, pp. 7–8 (in Russian)].
4. Большаков О. Г. Ал-Ансар. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991a. С. 21 [Bolshakov O. G. Al-Ansar. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991a, p. 21 (in Russian)].
5. Большаков О. Г. Му'авийа б. Аби Суфйан. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ, 1991b. С. 66–167 [Bolshakov O. G. Mu'awiya b. Abi Sufyan. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991b, pp. 166–167 (in Russian)].
6. Большаков О. Г. Мухаджир. *Ислам. Энциклопедический словарь.* М.: Наука; ГРВЛ, 1991c. С. 177 [Bolshakov O. G. Muhadjir. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991c, p. 177 (in Russian)].
7. Большаков О. Г. *История Халифата.* Т. III: *Между двух гражданских войн. 656–696.* М.: Восточная литература, 1998. [Bolshakov O. G. *A History of Califate*. Vol. III: *Between the Two Civil Wars. 656–696.* Moscow: Vostochnaya literature, 1998 (in Russian)].
8. Гиргас В. Ф. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам*. М. – СПб.: Диля, 2006 [Girgas V. F. *The Arab-Russian Dictionary for the Quran and the Hadith.* Moscow – St. Petersbourgh: Dilya, 2006 (In Russian)].
9. *История Византии.* В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1967 [*The History of Byzantium*. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1967 (in Russian)].
10. Крачковский И. Ю. *Арабская географическая литература.* М.: Восточная литература, 2004 [Krachkovsky I. Yu. *The Arabic Geographical Literature.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004 (in Russian)].
11. Мец А. *Мусульманский Ренессанс.* Изд. 2-е. Пер. с немец. яз., предисл., библиогр. и указ. Д. Е. Бертельса. Отв. ред. В. И. Беляев. М.: Наука; ГРВЛ, 1973 [Mez A. *Die Renaissance des Islams.* Second ed. Transl. from German, Preface, Bibliogr. and Index by D. E. Bertels. Ed.-in-Chief V. I. Belyaev. Moscow: Nauka; GRVL, 1973 (In Russian)].

12. Микульский Д. В. *Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар»)*. X век. М.: Восточная литература, 2006 [Mikulskiy D. V. *The Arab-Muslim Culture in the Work by al-Mas‘udi "The Mines of Gold and the Meadows of Germs" ("Murudj al-Dhahab wa Ma‘adin al-Djawhar"). 10 century.* Moscow: Vostochnaya literatura, 2006 (in Russian)].
13. Миллер Б. В. *Конспект лекций по истории Персии.* Ч. I: *История древней (доисламской) Персии, кончая завоеванием ее арабами*. М.: Изд. Института востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1926 [Miller B. V. *Synopsis of Lectures on the History of Persia*. Part 1: *The History of Ancient (Pre-Islamic) Persia, Ending by Its Conquest by the Arabs.* Moscow: The Publication of the Narimanov Institute of Oriental Studies at the Central Executive Committee of the USSR, 1926 (in Russian)].
14. Мишин Д. Е. *История государства Лахмидов.* М.: Садра, 2017 [Mishin D. E. *The History of the State of the Lakhmids.* Moscow: Sadra, 2017 (in Russian)].
15. Пиотровский М. Б. ‘Иса. *Ислам. Энциклопедический словарь.* М.: ГРВЛ, 1991. С. 102–103 [Piotrovsky M. B. ‘Isa. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991, pp. 102–103 (in Russian)].
16. Прозоров С. М. ‘Али б. Аби Талиб. *Ислам. Энциклопедический словарь.* М.: ГРВЛ, 1991. С. 18–19 [Prozorov S. M. ‘Ali b. Abi Talib. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991, pp. 18–19 (in Russian)].
17. Резван Е. А. Бану Хашим. *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ, 1991. С. 277 [Rezwan E. A. Banu Hashim. *Islam. An Encyclopaedic Dictionary.* Moscow: Nauka; GRVL, 1991, p. 277 (in Russian)].
18. Фильштинский И. М. *Халифат под властью династии Омейядов (661–750)*. М.: Северо-принт, 2005 [Filshtinsky I. M. *The Califate under the Rule of the Dynasty of the Umayyads (661–750)*. Moscow: Severo-print, 2005 (in Russian)].
19. Юшманов Н. В. *Грамматика литературного арабского языка.* Под ред. И. Ю. Крачковского. [М.:] ВОЕНТЕХИНИЗДАТ, 1978 (репринт) [Yushmanov N. V. *The Grammer of the Literary Arab Language*. Ed. by I. Yu. Krachkovsky. [Moscow:] VOENTECHIZDAT, 1978 (Reprint) (in Russain)].
20. Djait H. Al-Kufa. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. V. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 345–351.
21. Caskel W. ‘Amir b. Sasa‘a. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 441–442.
22. Caskel W. Bakr b. Wa’il. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 962–964.
23. Cobb P. M. ‘Umar (II) b. ‘Abd al-‘Aziz. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. X. Leiden: E. J. Brill, 2000, pp. 821–822.
24. Eisener R. Sulayman b. ‘Abd ал-Малик. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. IX. Leiden: Brill, 1997, pp. 821–822.
25. Elisséeff N. *Thèmes et motifs des Mille et Une Nuits: essai de classification*. Beyrouth: Institut français du Proche-Orient, 1949.
26. Elisséeff N. Kinnasrin. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. V. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 124–125.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

27. Elisséeff N. Dimashk. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. II. Fourth Impression. Leiden: E. J. Brill, 1991, pp. 277–291.
28. Firestone R. Yusuf. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. XI. Leiden: Brill, 2002, pp. 352–354.
29. Fück J. W. Iyad. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. IV. Third Impression. Leiden: E. J. Brill, 1997, p. 289.
30. Gabrieli F. Hisham. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. III. Leiden – London: E. J. Brill – LUZAC & CO., 1986, pp. 493–495.
31. Gibb H. A. R. 'Abd al-Malik b. Marwan. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 76–77.
32. Gibb H. A. R. Abu Mikhnaf. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, P. 140.
33. Hasson I. Ziyad b. Abihi. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. XI. Leiden: Brill, 2002, pp. 519–522.
34. Hawting G. R. Marwan II. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1991, pp. 623–625.
35. Hawting G. R. Al-Mukhtar b. Abi 'Ubayd. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. VII. Leiden – New York: E. J. Brill, 1993, pp. 521–524.
36. Hawting G. R. Rawh b. Zinba'.*The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. VIII. Leiden: E. J. Brill, 1995, p. 466.
37. Hawting G. R. Umayyads. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. X. Leiden: E. J. Brill; 2000, pp. 840–847.
38. Hawting G. R. Yazid (I) b. Mu'awiya. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. XI. Leiden: Brill, 2002, pp. 309–311.
39. Juynboll G. H. A. Al-Sha'bi. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. XI. Leiden: Brill, 2002, pp. 162–163.
40. Kawar I. Bitrik. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 1249–1250.
41. Kennedy H. 1. Al-Walid (I) b. 'Abd al-Malik b. Marwan. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. IX. Leiden: Brill, 1997, pp. 127–128.
42. Kindermann H. Asad. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 683–684.
43. Kramers J. H. – Moroni M. Marzpan. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1991, pp. 633–634.
44. Leder S. Al-Zubayr b. Bakkar. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. XI. Leiden: Brill, 2002, pp. 551–552.
45. Moscati S. Abu'lAbbas al-Saffah. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, p. 103.
46. Pellat Ch. Ibn Da'b. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. III. Leiden – London: E. J. Brill – LUZAC & CO., 1986a, p. 774.
47. Pellat Ch. Al-Haytham b. 'Adi. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. III. Leiden – London: E. J. Brill – LUZAC & CO., 1986b, p. 328.
48. [Pellat Ch.] Mas'udi. *Les praires d'or.* Édition Barbier de Meynard et Pavet de Courteille revue et corrigée par Charles Pellat. T. VI–VII. Index généraux. Beyrouth: Publications de l'Université Libanaise. Section des études historiques. XI, 1979.

49. Robinson C. F. ‘Ubayd Allah b. Ziyad. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. X. Lieden: Brill, 2000, pp. 763–764.
50. Rosenthal Fr. Ash‘ab. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 690–691.
51. Rosenthal Fr. *A History of Muslim Historiography.* Leiden: E. J. Brill, 1968.
52. Sadan J. Nadim. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. VII. Leiden – New York: E. J. Brill, 1993, pp. 849–852.
53. Sezgin U. Al-Mada’ini. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. V. Leiden: E. J. Brill, 1986, pp. 946–948.
54. Sourdel D. Dabik. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. II. Fourth Impression. Leiden: E. J. Brill, 1991, p. 72.
55. Veccia Vaglieri L. ‘Abd Allah b. ‘Umar. *The Encyclopaedia of Islam.* Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986a, pp. 53–54.
56. Veccia Vaglieri L. (Al-)Husayn b. ‘Ali B. Abi Talib. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. III. Leiden – London: E. J. Brill; LUZAC & CO., 1986b, pp. 607–615.
57. Zetterstéen K. V. Moscati S. ‘Abd Allah b. ‘Ali. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, p. 43.

Информация об авторе

Микульский Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; dmitrimikulski@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3239-1670.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена рецензентами 05.06.2024; принята к публикации 07.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Dmitry V. Mikulsky — Ph. D. habil. (Hist.), Principal Research Fellow, Department of Written Oriental Sources, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; dmitrimikulski@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3239-1670.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing .2024; accepted for publication 07.06.2024; published 30.09.2024.
The authors have read and approved the final manuscript.

CHRONICLE
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Events in world science
Обзор конференции

CHRONICLE
Events in world science
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Обзор конференции

Научная статья Исторические науки
УДК 94+82
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-710-720

Международная конференция «Преодолевая границы и преграды: культурные традиции коренных народов прежде и теперь»

Александр Александрович Столяров
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
astol007@gattamelata.com, https://orcid.org/0000-0001-9790-0256

Аннотация. Обзор посвящен международной конференции «Преодолевая границы и преграды: культурные традиции коренных народов прежде и теперь», проходившей 23–24 января 2024 г. в Университете им. Гириджананды Чаудхури (г. Гаухати, Ассам, Индия). Организаторами конференции выступили Университет им. Гириджананды Чаудхури, Российский государственный гуманитарный университет и Институт востоковедения РАН. В конференции приняли участие более 120 участников из университетов Индии, Бангладеш, Непала, Шри Ланки, России, Узбекистана, США. Рабочими языками конференции были английский и ассамский. Работа конференции была организована по секциям. Секционные заседания проходили по 17 тематическим направлениям, самыми крупными из которых стали «общность и идентичность», «литература и перевод», «устная традиция, миф и история», «местные традиции, ритуалы и практики», «экокритицизм», «пищевые привычки как проявление культурной идентичности», «ремесло и искусство, музыка и танец коренных народов», «роль искусственного интеллекта в процессе обучения языку и образования» и т. д. в настоящем обзоре дается изложение большей части представленных на ней докладов. Широкий охват тем и высокий научный уровень их освещения свидетельствует о своевременности и актуальности проведенной конференции. В резолюции, принятой по итогам конференции выражено пожелание сделать ее постоянно действующей и проводить такие конференции раз в два года.

Ключевые слова: Университет им. Гириджананды Чаудхури, международная конференция, коренные народы, культурные традиции

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Столяров А. А., 2024
© Ориенталистика, 2024

Для цитирования: Столяров А. А. Международная конференция «Преодолевая границы и преграды: культурные традиции коренных народов прежде и теперь». *Ориенталистика*. 2024;7(3):710–720. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-710-720.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-710-720

International conference "Beyond Borders and Boundaries: Indigenous Cultures Now and Then"

Aleksandr A. Stolyarov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, astol007@gattamelata.com, https://orcid.org/0000-0001-9790-0256

Abstract. The review article deals with the international conference "Transcending Borders and Barriers: Cultural Traditions of Indigenous Peoples Then and Now" held 23–24 January 2024, at Girijananda Chaudhuri University (Gauhati, Assam, India). The Conference was organized by Girijananda Chaudhuri University, the Russian State University for the Humanities, and the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Over 120 participants from universities in India, Bangladesh, Nepal, Sri Lanka, Russia, Uzbekistan, and the USA attended the Conference. English and Assamese became the working languages of the conference. The work of the Conference was organized into sections. The sessions were held in 17 thematic areas, the largest of which were "Community and Identity", "Literature and Translation", "Oral Tradition, Myth and History", "Local Traditions, Rituals and Practices", "Ecocriticism", "Food habits as a manifestation of cultural identity", "Crafts and art, music and dance of indigenous peoples", "The role of artificial intelligence in the process of language teaching and education", etc. The review article outlines most of the talks presented. The wide coverage of topics and the high scholarly level of their coverage testify to the timeliness and relevance of the Conference. The conclusion stresses the need to hold such conferences on a biennial basis.

Keywords: Girijananda Chowdhuri University, International Conference, indigenous people, cultural traditions

For citation: Stolyarov A. A. International Conference "Beyond Borders and Boundaries: Indigenous Cultures Now and Then". *Orientalistica*. 2024;7(3):710–720. (In Russ.). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-710-720.

23–24 января 2024 г. в Университете им. Гириджананды Чаудхури (г. Гаухати, Ассам, Индия) проходила международная конференция «Преодолевая границы и преграды: культурные традиции коренных народов прежде и теперь». Помимо Университета им. Гириджананды Чаудхури организаторами конфе-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Stolyarov A. A., 2024
© Orientalistica, 2024

ренции выступили Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и Институт востоковедения РАН. В конференции приняли участие более 120 участников из университетов Индии, Бангладеш, Непала, Шри Ланки, России, Узбекистана, США. Рабочими языками конференции были английский и ассамский.

На открытии конференции выступили *Ясода Ранджан Дас*, президент Академии им. Шриманта Шанкардева, *проф. Кандарпа Дас*, вице-канцлер Университета им. Гириджананды Чаудхури и *проф. Вера Ивановна Заботкина*, и. о. проректора РГГУ по международному сотрудничеству.

Секционные заседания проходили по 17 тематическим направлениям, самыми крупными из которых стали «общность и идентичность», «литература и перевод», «устная традиция, миф и история», «местные традиции, ритуалы и практики», «экокритицизм», «пищевые привычки как проявление культурной идентичности», «ремесло и искусство, музыка и танец коренных народов», «роль искусственного интеллекта в процессе обучения языку и образования» и т. д.

Всего было представлено более 100 докладов. Среди выступающих были не только преподаватели и специалисты из учебных и научных центров, но также аспиранты и студенты-магистранты из разных индийских университетов и колледжей (вузов).

Рис. 1. Организаторы конференции. В центре — профессор Кандарпа Дас, вице-канцлер Университета им. Гириджананды Чаудхури

Fig. 1. The organisers of the Conference. Prof. Kandarpa Das, vice-chancellor of the Girijananda Chowdhuri University is in the center

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

На утренних пленарных заседаниях выступали *проф. Абхай Маурья*, основатель и первый вице-канцлер Центрального университета английского и иностранных языков (EFLU, Хайдарабад, штат Телингана), осветивший основные задачи, стоящие перед конференцией, и *А. А. Столяров*, ст. н. с. Института востоковедения РАН, директор Международного центра изучения Южной Азии РГГУ, поделившийся личными впечатлениями о малой народности таи пхаке, проживающей в дистриктах Дибругарх и Тинсукиа Верхнего Ассама, об ее культуре и обычаях.

О таи пхаке говорил также на одном из начальных заседаний *Санджай Барман* (Университет Гаухати, Ассам, Индия). Он рассказал о процессах модернизации, затронувших таи пхаке, проживающих в деревне Нампхаке, дистрикт Дибругарх, и о том, как представители этой народности сохраняют свою идентичность.

Вообще тема **«Общность и идентичность»** привлекла внимание наибольшего числа докладчиков: ей было посвящено 20 докладов. Затрагивались проблемы поиска идентичности среди угнетаемых групп и групп с низким социальным статусом, таких как племена (бодо, гаро, мисинг), мусульмане, низкокастовые (работники чайных плантаций, далиты[1], хиджры[2]). Многие докладчики рассматривали эти проблемы на примере произведений известных писателей и поэтов: Мулк Радж Ананда (1905–2004), Саид Абдул Малика (1919–2000), Камалы Дас (1934–2009), Голап Чандра Кхоунда и др.

Химангшу Радж Бора, научный сотрудник кафедры английского языка Университета Сиккима, рассматривал народные традиции и народное творчество Ассама и термины, их описывающие, как инструмент сохранения идентичности в изменяющемся современном мире.

Девид Пайенг и *Нирмал Барджо*, научные сотрудники со степенью кафедры английского языка Университета им. Раджива Ганди (г. Доймукх, штат Аруначал Прадеш), обратились к творчеству Г. Кальяна Рао, современного телугуязычного писателя, и Поля Чираккароде (1938–2008), одного из основателей литературного движения далитов в Индии, пишущего на языках малаяли и английском, которые в своих романах «Неприкасаемая весна» (2000) и «Пулаятхара» («Хижина Пулайи») (1962), относимых к классике малаяльской литературы, освещали проблемы поиска идентичности далитов, что выражалось, в частности, в обращении их в иные религиозные конфессии.

Дипанкар Сатола, научный сотрудник Университета им. Коттона (Гаухати), и *Мринмой Долей*, научный сотрудник Университета Гаухати, обратили внимание на проблемы «чайных племен» — так называли завезенных англичанами в Ассам для возделывания чайных плантаций рабочих из центральных и северных районов Индии в период британского владычества. Жизнь плантационных рабочих и взаимоотношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми описаны в сборнике Голап Чандра Кхоунда «Гирмит ([кабальный]

[1] Далиты — термин для обозначения неприкасаемых, предложенный Б. Р. Амбедкаром (1891–1956).

[2] Хиджры — так называемый третий пол — одна из каст неприкасаемых в Индии, Бангладеш и Пакистане.

договор)», состоящий из десяти коротких рассказов, опубликованных ранее в журнале «Рамдхену», выходившем в 1950е — 1960е гг.

Анима Р. Марак, преподаватель и научный сотрудник колледжа в городе Агиа (дистрикт Гоалпара, Ассам), изучала способы сохранения идентичности представителями народности гаро, обитающими в дистрикте Гоалпара. В штате Ассам гаро проживают в 807 населенных пунктах, расположенных в 23 дистриктах. Почти половина этих населенных пунктов (378) расположена в дистрикте Гоалпара. А. Р. Марак изучала особенности диалектов языка гаро, их традиционную одежду, тканевые орнаменты, а также некоторые общинные практики.

Ринки Хандики, научный сотрудник Кафедры политологии Университета им. Коттона (Гаухати), постаралась проследить упоминания о «третьем поле» — хиджрах — в индийской литературе и индийском обществе, а также реакцию на них общества на разных этапах истории Индии.

Судипта Кармакар, преподаватель Торгового колледжа им. К. Ч. Даса, аффилированного с Университетом Гаухати, изучала поэзию Камалы Дас (1934–2009), англоязычной поэтессы и писательницы на языке малаялам, родившейся в высококастовой семье, рано вышедшей замуж и в конце жизни принявшей ислам, в чьих стихах обобщенно описывалась судьба индийской женщины, находящейся в зависимом положении в условиях традиционного общества.

Сравнение автобиографической повести Камалы Дас «Моя история» (1976) и англоязычного романа «Незамужние» современной молодой писательницы мизо Эми Пачуау стало предметом доклада *Джоэля Лалхмингтханга Мараха*, научного сотрудника Университета им. Вильяма Керей, из Шиллонга, штат Мегхалая. Автор доклада сосредоточил свое внимание на описании борьбы женщин, находящихся в обществе, наполненном старыми моральными догмами, за право быть личностью.

Лакшми Падмакумар, магистрантка кафедры английского языка и литературы Мадрасского христианского колледжа, проанализировала поэму «Маскара» Мины Кандасами (р. 1984), поэтессы, писательницы, переводчицы, борца за права притесняемых из Ченнаи, Тамилнаду, в которой маскара (тушь для ресниц) выступает в качестве символа протеста в борьбе женщин за равноправие.

Но не только индийские сюжеты попали в поле зрения исследователей, заинтересовавшихся темой «Общность и идентичность». Так, *Индира Газиева* (РГГУ, Москва), подняла проблему сохранения исчезающих культур и языков, которую она раскрывала на примере дидойцев, называемых также цезами, или цунтийцами, — представителей одного из коренных и малочисленных народов юго-западного Дагестана, проживающих, в основном, в Цунтинском районе этой республики и борющихся за сохранение своей самобытности и своего языка, до недавнего времени считавшегося бесписьменным и исчезающим.

Второй по популярности теме **«Устная традиция, миф и история»** было посвящено 12 докладов. В двух из них освещались проблемы фольклора и мифов народности кхаси, представители которой по большей части про-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

живают на территории штата Мегхалая и составляют больше половины его населения.

Арчана Деви и *Джоя Дас*, преподаватели колледжа Дудхноя, аффилированного с Университетом Гаухати, рассматривали особенности бытования традиционных фольклорных сюжетов народности кхаси, по большей части проживающей в штате Мегхалая и обладающей уникальной социальной структурой и богатейшим фольклорным фондом. Его изучение помогает лучше понять как нормы бытования традиционного общества, так и пути передачи культурной традиции от одного поколения к другому.

Дитса Мандал, магистрантка Ядавпурского университета (Калькутта), изучала, какое место может занимать фольклор кхаси, будучи использован в творчестве двух представителей этой народности — поэтов, беллетристов и ученых *Кинфама Синга Нонгкимриха* (р. 1964) и *Десмонда Л. Хармафланга* — в теории «гуманитарной географии», выдвинутой, в частности, И-Фу Туаном (1930–2022), американским географом китайского происхождения. Окружающая среда и ландшафт, отраженные в фольклоре, играют существенную роль в формировании национальной идентичности.

Профессор *Рангамини Вераватта* и *д-р Лакмал Михири Сенанаяке* из Международного института буддийских исследований им. Нагананды (Шри Ланка) остановились на изучении устной традиции в освещении взаимоотношений Валлики, рожденной как земная женщина, с мужем — богом Скандой, или Муруганом, и тем, как они почитаются в течение десяти веков в храме, посвященном Валли-амме (Матери Валли), в небольшом городке Катарагама на юге Шри Ланки.

Пранамика Бора, аспирантка Университета им. Гириджананды Чаудхури, искала следы мифов и устной традиции в произведениях Читры Банерджи Дивакаруни (р. 1956), американской писательницы и поэтессы индийского происхождения, пишущей во многих жанрах, от реализма до детских сказок, мифов и фантастики. Предметом внимания П. Бора стал роман «Дворец иллюзий» (2008), являющийся пересказом эпоса «Махабхарата», изложенного с точки зрения Драупади, жены главных героев, Пандавов.

Промита Рой (Калькуттский университет) предложила рассмотреть придворную жизнь королевства Ауд в последний период его существования при навабе Ваджиде Али Шахе (1822–1887) — с февраля 1847 по февраль 1856 г. — такой, какой она оказалась отраженной в коротком рассказе Премчанда «Шатрандж ке кхилари» («Игроки в шахматы») (1927) и в фильме с тем же названием, поставленном Сатьяджитом Раем (1977). Сочетание атмосферы праздности и необходимости обращаться к политике стали факторами, определяющими формирование социальной действительности того времени.

Снигдха Бхасвати, преподаватель колледжа Дикхоумукх (устье р. Дикхоу, дистрикт Сивсагар, Ассам), аффилированного с университетом Дибругарха, подвергла текстологической критике издание «Тунгкхундиа буранджи, или история Ассама 1681–1826 гг.: ассамская хроника ахомской династии Тунгкхунидиа», опубликованное в 1933 г., составителем, переводчиком и редактором которого был Сурья Кумар Бхуян (1892–1964), чрезвычайно плодовитый поэт, писатель, историк, педагог, социальный активист и проч. Традиционно автором хроники

считается Сринатх Дуара Борбаруа. С. Бхасвати попыталась отделить оригинальный текст хроники от мест, добавленных С. К. Бхуяном в процессе подготовки ее к публикации. Тем самым автор доклада поднимает дискуссию о жанре получившегося в итоге текста с учетом добавлений, сделанных С. К. Бхуяном в изменившемся историческом контексте.

Райса Чоудхури, научный сотрудник кафедры английского и иностранных языков Университета им. Гириджананды Чаудхури, указала в докладе на типологическое сходство персонажей ассамского, русского и ирландского фольклора, взяв для сравнения образы духов, обитающих в лесу, доме, воде и т. п.

Дикшита Бхарадвадж, аспирантка частного Научно-технологического университета (дистрикт Ри-Бхои, штат Мегхалая) изучала фольклорные сюжеты в англоязычной трилогии Чинуа Ачебе (1930–2013), нигерийского поэта, романиста, литературного критика — «И пришло разрушение», «Покоя больше нет» и «Стрела бога».

В числе рассмотренных на конференции тем близкими по направленности к теме «Устная традиция, миф и история» были еще три — **«Традиции, ритуалы и практики коренных народов»**, **«Искусство, ремесло и изделия коренных народов»** и **«Музыка и танец коренных народов»**. На посвященных им заседаниях было представлено соответственно 11, 4 и 3 доклада.

Намита Сарма, научный сотрудник со степенью Университета Гаухати, обратила внимание на возросшую популярность празднования дивали в странах, где проживает индийская диаспора, не только среди представителей само́й диаспоры, но и среди жителей этих стран. Докладчик задалась вопросом: это всего лишь культурное восприятие, или здесь есть политический подтекст?

Кларе Лизамит Самлинг, преподаватель Университета Калькутты, рассказала о том, как традиционные знахарские практики, распространенные среди представителей народности лепча, автохтонных обитателей горных районов, окружающих Дарджилинг и соседний Сикким, помогают им сохранять идентичность и выживать в меняющемся социо-экологическом контексте.

Д-р Нандини Сарма и *д-р Маюри Боркатаки*, преподаватели Кафедр истории и антропологии колледжа Прагджьотиш, аффилированного с университетом Гаухати, исследовали традиционные взгляды, практики и ритуалы народности миси́нг, или мири, в дистрикте Северного Ассама Сонитпур. Авторы проводили полевые исследования, используя методы выборочного обследования, анализа частных случаев, систематизированных опросов и планирования. Это позволило получить представление о том, какое влияние оказывали традиционные культурные практики на самосознание и социальную структуру народности миси́нг.

Д-р Хемасри Деви, преподаватель кафедры политологии Колледжа Пуб Камруп, аффилированного с Университетом Гаухати, изучала процесс адаптации народности миси́нг, или мири, второй по величине после бодо этнической группы Ассама, к социокультурному контексту штата. Прослеживалась роль намгхаров (вишнуитских молельных домов) как культурных и политических центров, мест сельских сходов, и их влияние на повседневную жизнь народа мисинг.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Линасри Гогои, научный сотрудник той же кафедры, исследовала балладу, посвященную жизни Манирама Девана (1806–1858), ассамского аристократа, известного как «Калита раджа» (раджа народа / касты калита), одного из основателей и организаторов чайных плантаций в Ассаме, впоследствии восставшего против Ост-Индской компании и повешенного колониальными властями. Анализируя балладу, автор попыталась выяснить, насколько колониализм повлиял на социокультурную жизнь и коллективную память ассамцев.

Д-р Минакши Гогои, научный сотрудник кафедры компьютерных исследований и инженерии Университета им. Гириджананды Чаудхури, предложила использовать возможности искусственного интеллекта для изучения и сохранения уникальных орнаментальных мотивов и форм, присущих различным народностям, населяющим Ассам. Под эту задачу были разработаны самообучающиеся программы, способные распознавать и классифицировать изображения.

Д-р Прахлад Кумар Брахма, преподаватель права Государственного юридического колледжа, аффилированного с Университетом Гаухати, обратил внимание на то, что многие международные и общеиндийские законы, принятые с целью защитить обычаи, традиции и культурные особенности малых народов, населяющих Индию, в частности, штат Ассам, не исполняются, что приводит к ослаблению культурной идентичности. Автор предложил ряд мер, направленных на сохранение традиционных практик.

По темам **«Литература и перевод»**, **«Освоение языка детьми»**, **«Политическая лингвистика»** было представлено 16 докладов. Больше всего докладов (10) собрала тема «Литература и перевод». В нескольких докладах на эту тему обсуждались проблемы перевода детской литературы на ассамский язык, а также проблемы перевода советской русскоязычной литературы, в частности — романов «Тихий Дон» Михаила Шолохова и «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Химадри Гогои и *Суканья Чакраварти*, преподаватели кафедр английского языка Колледжа торговли Голагхата и Колледжа им. Б. П. Чалиха соответственно, рассматривали роль современного ассамского короткого рассказа как действенного инструмента социальной критики и вызова установившимся традициям. Авторы доклада обратили внимание на ассамских писательниц, работающих в этом жанре, в частности — на современную писательницу Моусими Кандали и ее рассказ «Черная ведьма», в начале которого от лица британского чиновника начала XIX в. рассказывается о его восприятии ассамских женщин. В рассказе чередуются временны́е периоды и места действия, но постоянным остается экзотизация и мистификация ассамской культуры, отчуждение и маргинализация женщин с северо-востока Индии от женщин из других штатов.

Д-р Сехназ Бегум, научная сотрудница кафедры политологии Университета им. Гириджананды Чаудхури, на основе политико-лингвистического анализа методов и техники пропаганды, осуществляемой активистами BJP[3], используя

[3] BJP (БДП) — **Бхаратия джаната парти,** одна из двух ведущих общенациональных партий Индии (наряду с Индийским национальным конгрессом); с 2014 г. — правящая партия Индии, возглавляемая премьер министром Нарендрой Моди.

различные методики, включающие сочетание качественного анализа речей, заявлений, статей в СМИ с количественным анализом содержания социальных сетей и общественных настроений, попыталась понять причины политического успеха партии и влияние ее стратегии на социально-политические процессы, происходящие в стране.

Д-р Абхиджит Дихидар, преподаватель кафедры политологии Колледжа Горесвара (дистрикт Бакса, Ассам), прослеживает историю (начиная с 1742 г.) становления непальского языка в качестве государственного, что сопровождалось эрозией и исчезновением ряда языков малых коренных народов, и предлагает меры, направленные на возрождение и развитие этих языков.

Рохан Хасан Ахмед, аспирант Университета Лакхнау, обращает внимание на динамичную лингвистическую ситуацию, сложившуюся на северо-востоке Индии, где местные языки — ассамский, бодо, димаса, мисинг — активно контактируют с пришедшими из других районов Индии диалектами — марвари, бходжпури, бенгали и языками так называемых чайных племен. Автор оценивает складывающуюся ситуацию и делает прогноз относительно направлений возможной ее эволюции в ближайшем будущем.

Еще одно популярное направление исследовательской работы — **экокритицизм** — собрало всего 9 докладов. Большинство докладчиков занимались изучением того, как экологические проблемы отражались в литературных произведениях индийских писателей. Одно выступление было посвящено театральному творчеству. В нем *д-р Манабендра Сарма*, преподаватель кафедры английского языка Колледжа им. Б. Боруа, аффилированного с Университетом Гаухати, рассказал о деятельности ассамского театрального фестиваля «Под деревом сал» двух молодых эко-театральных трупп — «Бадунгдуппа Калакендра», из селения Рампур, дистрикт Гоалпара, ставящей целью создать жанр сельской оперы, и «Денграли» из городка Сонапур, дистрикт Камруп метрополитан, в состав которой входят преимущественно представители племени карби. Сюжеты их постановок базируются на местном фольклоре — преданиях, ритуалах. Докладчик делает вывод, что таким образом происходит сближение ритуала, народного предания и театра. Синтетическое искусство такого типа помогает человеку преодолеть давление меняющейся окружающей среды, зачастую враждебной ему.

Экокритицизму была посвящена отдельная секция, на которой прозвучало пять докладов из девяти (еще четыре доклада были зачитаны на других секциях).

Моналиса Медхи и *Мринмой Долей*, научные сотрудники со степенью кафедры изучения фольклора Университета Гаухати, обратились к творчеству двух англоязычных писательниц, происходящих из племен нага — Темсулы Ао (1945–2022) и уже упоминавшейся выше Истерин Кире (р. 1959), проживающей ныне в Норвегии. Докладчики изучали, как тема взаимоотношения природы и человека оказалась отраженной в сборнике из восьми коротких рассказов «Лабиринт для моей головы» Темсулы Ао и в романе «Когда река спит» Истерин Кире. По мнению докладчиков, эти произведения приближают к пониманию основ многих проявлений индивидуальной и общественной жизни в Нагаленде.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Пурбаси Баруа (Тезпурский университет) подняла тему возвращения к социокультурным истокам и обретения экологичного самосознания в описании судьбы главной героини романа молодой англоязычной ассамской писательницы и поэтессы Джанис Париат «Всё, чего касается свет» (2022).

Д-р Судипта Пхукан, преподавательница кафедры английского языка Колледжа им. пандита Диндаяла Упадхьяя (Ассам), продолжила обсуждение серьезной темы, поднятой в романе «Ийят екхан аронья асил» («И был лес») (2018) ассамской писательницы и журналистки Анурадхи Сармы Пуджари (р. 1964) о расширении разрастающегося большого города за счет уничтожения окружающей его природной среды. Сюжетной подоплекой романа могли послужить, в частности, события второй половины 2010-х гг., связанные с ущербом, нанесенным заповеднику Амчанг, расположенному к востоку от г. Гаухати.

Шриневас Прасад Ядав, научный сотрудник кафедры английского языка гуманитарного факультета Бенаресского индуистского университета вспоминает, как прошедшая в начале 2020-х гг. пандемия Covid-19 отразилась в творчестве некоторых индийских и непальских англоязычных поэтов, в частности на примере поэмы «Корона говорит» непальского поэта Вишну С. Рая.

Танука Босе, преподавательница из женского колледжа Тинсукии, на примере творчества американской писательницы, поэтессы, драматурга и музыканта Джой Харджо (р. 1951), происходящей из индейского племени маскоги (криги), раскрывает негативные последствия изменений, происходящих в экологии и культуре в процессе модернизации, а также влияние исторических травм на современную жизнь малых коренных народов.

Тереза Томас, аспирантка кафедры английского языка и литературы Мадрасского христианского колледжа (Ченнаи), развивает философию экофеминизма, сравнивая народное предание «Цветущее дерево: легенда о женщине», переведенное А. К. Рамануджаном (1929–1993) с языка каннада на английский, и поэму «Бамбук» американской поэтессы и писательницы Линды Хоган (р. 1947), происходящей из индейского племени чикасо. Потребительское отношение к дереву и бамбуку сравнивается с таким же отношением к женщине.

Наяна Дас, научная сотрудница Университета им. Махапуруши Шриманта Санкарадевы (г. Наогаон, Ассам) прослеживает, как описано влияние природы на психологию человека в романе «Сав ката манух» («Тесак мервеца») современного ассамоязычного писателя Еше Дорджи Тонгчи (р. 1952).

Из 17 заявленных на конференции тематических направлений лишь два оказались представленными минимальным количеством докладов: **«Культуры, находящиеся под угрозой исчезновения»** и **«Мультимодальность и многоязычие»**.

Раскрывая первую из этих двух тем, *д-р Дейси Ахмед* и *д-р Абдур Рауф Сиддики*, преподаватели Колледжа Луитпариа (дистрикт Барпета), предлагают рассматривать культуру Ассама как многоцветную мозаику, сложившуюся из множества культур живущих здесь крупных и малых этносов. Постоянный приток населения из других штатов и государств не только меняет демографический баланс, но и пагубно влияет на историческую память и в итоге —

на состояние культуры коренного населения. Авторы предлагают ряд мер, направленных на сохранение культурного наследия штата.

В свою очередь, *Нарджи Баруа*, научная сотрудница со степенью кафедры английского языка Тезпурского университета, провела обследование, имеющее целью подобрать оптимальную методику и инструменты для повышения эффективности обучения студентов английскому языку в качестве второго. Для этого использовались методы как количественного, так и качественного анализа. Всё это позволило внести необходимые изменения в образовательную методику, включая учебные программы и подготовку преподавателей.

Большинство докладов, представленных на конференции, сопровождалось показом презентаций. Слушатели задавали вопросы докладчикам, переходившие в оживленную дискуссию.

В целом широкий охват тем и высокий научный уровень их освещения свидетельствует о своевременности и актуальности проведенной конференции.

По ее завершении была оглашена итоговая резолюция, где, в частности, было выражено пожелание проводить такие конференции на регулярной основе — раз в два года.

Информация об авторе

Столяров Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН; Москва, Россия; astol007@gattamelata.com, https://orcid.org/0000-0001-9790-0256.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12.05.2024; принята к публикации 20.05.2024; опубликована 30.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alexander A. Stolyarov — Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; astol007@gattamelata.com, https://orcid.org/0000-0001-9790-0256.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 12.05.2024; accepted for publication 20.05.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

CHRONICLE
Events in world science
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Обзор конференции

Научная статья Исторические науки
УДК 94+82
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-721-729

Десятая конференция Школы мамлюкских исследований в Эль-Кувейте

Инга Александровна Дружинина

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
inga_druzh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3180-7697

Аннотация. В работе представлен обзор состоявшейся 5–7 марта 2024 г. в Эль-Кувейте юбилейной Десятой конференции Школы мамлюкских исследований — международной научной платформы, объединяющей специалистов по истории и культуре Султаната мамлюков (1250–1517). Конференция проходила при поддержке Национального Совета по культуре, искусству и литературе Кувейта на базе центра Дар аль-Атар аль-Исламия. Соорганизаторами выступили основатели форума — Чикагский университет, Льежский университет и университет Ка' Фоскари в Венеции. В рамках заявленной на этот год основной темы: «Нарративы прошлого и артефакты настоящего мамлюков: встреча на полпути» в докладах участников из 17 стран нашли отражение различные аспекты изучения материальной культуры Султаната. Пленарные выступления были посвящены результатам комплексного анализа материалов археологических, эпиграфических, нумизматических и архитектурных памятников Египта, Сирии, Иордании, а также Северного Кавказа. Дальнейшая работа конференции была организована в формате тематических панелей, в рамках которых были представлены результаты исследований, базирующихся, главным образом, на анализе письменных источников по истории и культуре Султаната. В рамках проекта РНФ № 23-18-00869 «Мамлюки на Северном Кавказе в XIV–XVI вв.» на конференции выступили с докладами сотрудники Института востоковедения РАН.

Ключевые слова: Десятая конференция Школы мамлюкских исследований, международный научный форум, Кувейт, археология, история и культура Султаната мамлюков

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Дружинина И. А., 2024
© Ориенталистика, 2024

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, https://rscf.ru/project/23-18-00869/.

Для цитирования: Дружинина И. А. Десятая конференция Школы мамлюкских исследований в Эль-Кувейте. *Ориенталистика*. 2024;7(3):721–729. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-721-729.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-721-729

Tenth Conference of the School of Mamluk Studies in Kuwait

Inga A. Druzhinina

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian, inga_druzh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3180-7697

Abstract. This paper is devoted to a review of the Tenth Anniversary Conference of the School of Mamluk Studies, an international scientific platform bringing together specialists in the history and culture of the Mamluk Sultanate (1250–1517), held on 5–7 March 2024 in Al-Kuwait with the support of the Kuwaiti National Council for Culture, Arts and Literature at the Dar al-Atar al-Islamiyya Centre. It was co-organised by the founders of the forum — the University of Chicago, the University of Liège and Ca' Foscari University in Venice. Within the framework of the main theme announced for this year: "Narratives of the Past and Artefacts of the Present of the Mamluks: Meeting Halfway", various aspects of the study of the material culture of the Sultanate were reflected. Plenary reports were devoted to the results of a comprehensive analysis of archaeological, epigraphic, numismatic and architectural monuments from Egypt, Syria, Jordan and the North Caucasus. Further work of the conference was organised in the format of thematic panels, which demonstrated the results of research based mainly on the analysis of written sources on the history and culture of the Sultanate. Within the framework of the RSF project № 23-18-00869 "Mamluks in the North Caucasus in the 14th–16th centuries", the researchers of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences made reports at the conference.

Keywords: Tenth School of Mamluk Studies, International Scientific Conference, Kuwait, archaeology, history and culture of the Mamluk Sultanate

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00869.

For citation: Druzhinina I. A. Tenth Conference of the School of Mamluk Studies in Kuwait. *Orientalistica*. 2024;7(3):721–729. (In Russ.). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-721-729.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Druzhinina I. A., 2024
© Orientalistica, 2024

В начале марта этого года в Эль-Кувейте при поддержке Национального Совета по культуре, искусству и литературе Кувейта на базе центра Дар аль-Атар аль-Исламия состоялась юбилейная Десятая конференция Школы мамлюкских исследований. Этот международный научный форум, объединяющий специалистов по истории Султаната мамлюков (1250–1517), был основан в 2013 г. Марлис Салех (Чикагский университет), Фредериком Боденом (Университет Льежа) и Антонеллой Герсетти (Университет Ка' Фоскари, Венеция). Первую конференцию в 2014 г. принимала Венеция, затем научная площадка переместилась в Льеж (2015), Чикаго (2016), Бейрут (2017), Гент (2018), Токио (2019), Кипр (2021), Марбург (2022), Провиденс (2023). Соорганизаторами Десятой конференции выступили основатели форума — Чикагский университет, Льежский университет и университет Ка' Фоскари.

В работе конференции в Кувейте приняли участие специалисты научных центров Алжира, Бельгии, Египта, Ганы, Германии, Италии, Кувейта, Нидерландов, Польши, России, Саудовской Аравии, Сирии, Соединенных Штатов Америки, Турции, Франции, Эфиопии, Японии.

В рамках заявленной на этот год основной темы: «Нарративы прошлого и артефакты настоящего мамлюков: встреча на полпути» в выступлениях участников нашли отражение различные аспекты изучения материальной культуры и истории Султаната.

Пленарные доклады (5 марта) были посвящены результатам комплексного анализа материалов археологических, эпиграфических, нумизматических и архитектурных памятников Египта, Сирии, Иордании, а также Северного Кавказа.

В докладе *Ахмада Альгизавата* (Боннский университет, Германия) «Арабская эпиграфика в Черной пустыне: презентация и анализ литературной культуры и практики арабских надписей Харры мамлюкского периода» рассмотрены эпиграфические памятники, которые наряду с объектами археологии представляют богатый культурный ландшафт Черной пустыни — казалось бы, одного из самых непригодных для человеческой жизнедеятельности регионов Иордании. Прослежено увеличение числа надписей в мамлюкский период, а также их явная связь с окружающим археологическим контекстом. Показано, что эпиграфическая традиция кочевников оставалась в известной степени независимой от культурного влияния Султаната, что позволяет изучать специфику взаимоотношений государства и субкультуры бедуинов.

Петр Маковский (Варшавский университет, Польша) в презентации на тему: «Хирбат-ас-Сар: среднеисламское сельское поселение в регионе Балга: керамическая перспектива» представил первые результаты археологического изучения польской миссией сельского поселения XII–XV вв. Хирбат-ас-Сар (Khirbat es-Sar) (западный Амман). В докладе был сделан акцент на анализе керамической коллекции, при этом отмечено высокое типологическое разнообразие посуды, составлявшей домашнюю утварь сельской семьи Хирбат-ас-Сара среднеисламского периода.

Салама Кассем (Боннский университет, Германия) в сообщении «Дополняющие друг друга повествования: что мы можем узнать о человеческом поведении и социальных сетях в мамлюкской Петре из анализа мате-

риальных и письменных источников» продемонстрировала возможности комплексного анализа нарративных данных и результатов изучения керамических коллекций, полученных при раскопках трех позднесредневековых поселений в долине Петра (Иордания) — Шавбак (Shawbak), Хирбет Шбейке (Khirbet Shbeikeh) и Байа (Ba'ja) при реконструкции структуры и организации сельских поселений.

Давид Равацциони (Университет Гронингена, Нидерланды) в докладе «Ora et Labora. Теологический взгляд на мамлюкское ремесло через фетву, изданную Ибн Таймийей» привлек богословские труды периода третьего правления султана ан-Насира Мухаммада (1310–1341) для анализа социальных процессов, приведших к изменению структуры и состава элиты Султаната, а также для оценки отношения современников к успешным мастерам-ремесленникам, поднявшимся до верхних ступеней социальной лестницы в государстве мамлюков Бахри.

Элиас Г. Саба (Гриннелл-Колледж, США) в докладе «Ткань, одежда и текстильное производство в труде Джамаля ад-Дина аль-Аснави» продемонстрировал потенциал редко привлекаемого исследователями археологического и исторического костюма письменного источника — труда шафиитского юриста Джамаля ад-Дина аль-Аснави (ум. 772/1370), содержащего сведения об использовании различного текстиля и одежды в погребальной практике, в религиозной, торговой и других видах деятельности.

Бушра С. Кайа (Центр исламских исследований, Турция) в докладе «Размещение высших учебных заведений в мамлюкском Каире. Пространственный анализ мамлюкских медресе по данным "Хитат" Макризи» на основе анализа сведений «Книги поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках» аль-Макризи (1364–1442) показала, что выбор мест для возведения медресе всех четырех мазхабов зависел от различных целей, преследуемых спонсорами строительства — представителями мамлюкской элиты: покровительство знаниям, создание репутации или увековечивание собственного имени.

Мухаммед Абу Зейд (Верховный совет древностей, Египет) посвятил доклад: «Архитектурная лицензия на реконструкцию одной из башен замка ас-Субайба в эпоху мамлюков: сравнительно-аналитическое исследование» одной из ключевых крепостей Леванта — Кал'ат ас-Субайба. На основе анализа надписи 674/1275 г., обнаруженной на одной из башен замка, были представлены новые данные о государственной программе по возведению, реконструкции, обновлению и других крепостей, которую выполняли мамлюкские архитекторы и строители.

В докладе *Рабиу Юсуфа* (Университет Ахмаду Белло, Нигерия) рассмотрены находки мамлюкских изделий из металла в Западной Африке, в основном на территории Ганы и Нигерии. Прослежены маршруты проникновения этих предметов (главным образом, бронзовой посуды) в государства к западу от Сахары. Мамлюкские металлические предметы не всегда использовались по их прямому назначению и переделывались под новые нужды, а некоторые находят применение у местного населения до сих пор.

Альбрехт Фуэсс (Марбургский университет, Германия) в докладе «Вода для Цитадели. Переоценка роли мамлюкского акведука "Sūr Maǧrä al-'Uyyūn" в прошлом и настоящем» рассмотрел этапы возведения и реконструкции

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

средневековой системы акведуков в Каире *Сур маджра аль-'Уйун*, основанной при Айюбидах и расширенной и перестроенной при нескольких мамлюкских султанах. Особое внимание в докладе уделено вопросу о месте и значении этого сохранившегося памятника мамлюкской урбанистической архитектуры в современных планах реконструкции и развития городского пространства Каира.

В докладе *Исмаила Хамеда* (Исламский университет Миннесоты, США) «Аспекты архитектурного влияния мамлюков в Западной Африке на примере резиденции султана Мансы Мусы в Мали» рассмотрены вопросы о роли мамлюкских традиций монументального строительства в развитии средневековой архитектуры Западной Африки, о способах, путях и результатах восприятия этих традиций африканскими архитекторами и о посредничестве андалузских мастеров в трансляции мамлюкского стиля в архитектуре.

Инга А. Дружинина (Институт востоковедения РАН, Россия) в докладе «Мамлюки на Северном Кавказе в XIV–XVI вв.» представила первые результаты работы в рамках нового научного направления историко-археологических исследований многосторонних связей племен Северного Кавказа и мамлюков Египта Бахри (1250–1382) и Бурджи (1382–1517). На материалах письменных источников показано влияние межэтнических и межплеменных отношений на Северо-Западном Кавказе на политическую борьбу внутри корпорации мамлюков. По археологическим данным прослежено отражение социальных и политических процессов, протекавших в Султанате, в материальной культуре черкесов Закубанья XIV–XVI вв.

В докладе *Инала Б. Кабардова* (Институт востоковедения РАН, Россия) «К вопросу о культурном влиянии Черкесского султаната на Северный Кавказ» рассмотрены особенности социальной организации и политической культуры черкесов Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья XV–XVI вв., появление которых можно рассматривать как результат тесного и многостороннего взаимодействия мамлюков Бурджи с родственными племенами на Кавказе. Показано, что четче всего эти особенности проявляются в политической организации Кабарды.

Шурук Мюнцер (Боннский университет, Германия) представила результаты исследования, проведенного в русле одного из направлений повседневной археологии, а именно — изучения кулинарных практик и кухни мамлюков на основе анализа археологических материалов (развалов печей, керамических коллекций и т. д.) из раскопок памятников Хисбан (Hisbān) (Иордания) и Хрбит Бит Мазмил (Khrbit Bīt Mazmīl) (Иерусалим).

Пленарные заседания завершились докладом *Уоррена К. Шульца* (Университет Де Поля, США) на тему: «Монеты и хроники времен правления султана Фараджа б. Баркука», в котором на примере малоизученных фельсов второго черкесского султана ан-Насира Фараджа (1399–1405; 1405–1412) рассматривался вопрос о чеканке мелкой разменной монеты, а также более общая научная проблема — был ли XV век в Мамлюкском султанате «медным веком» или нет.

Дальнейшая работа конференции (6–7 марта) была организована в формате тематических панелей, в рамках которых демонстрировались результа-

ты исследований, базирующихся, главным образом, на анализе письменных источников по истории и культуре Султаната.

Панель **«Дипломатия и дипломатика в мамлюкский период»** (организатор — Элиза Франссен, Льежский университет) объединила четыре доклада, посвященные истории дипломатии и изучению дипломатических документов мамлюков. В докладе *Захари Мохтари де Пьерпон* (Льежский университет, Бельгия) «Мекканский султанат как региональная сила: дипломатическая деятельность и военное принуждение в западной Аравии IX/XV в.» уделено внимание сложным отношениям между Хиджазом и соседними государствами, прежде всего, Мамлюкским султанатом (1250–1517) и султанатом Расулидов (1229–1454), конкурировавшими за право контроля над Священными городами и над торговыми потоками в Красном море и Индийском океане. *Фредерик Боден* (Льежский университет, Бельгия) в докладе «Дипломатика на службе дипломатии: было ли когда-либо ратифицировано перемирие 692/1293 г., заключенное Королевством Арагон?» представил результаты анализа двух подлинных документов — арабской и каталонской версий (ныне хранящихся в Генеральном архиве Короны Арагона, Барселона) договора о перемирии между королем Арагона Хайме II (1291–1327) и мамлюкским султаном аль-Ашрафом Халилом (1290–1294). Как оказалось, считавшийся ранее подтвержденным обеими сторонами договор так и не был ратифицирован Арагоном. *Богдан К. Смарандаш* (Льежский университет, Бельгия) в докладе на тему «Изучали ли мамлюкские правители дипломатию при дворе?» представил результаты своего исследования о получении султанами знаний и навыков из области дипломатии и о тех известных исторических персонажах, кто передавал султанам информацию о духе, целях и практике переговоров. *Элиза Франссен* (Льежский университет, Бельгия) в докладе «Еще одна польза от “Тазкиры” ас-Сафади: дипломатика» на основе анализа записанных в дневнике (*тазкире*) секретаря канцелярии Халила б. Айбака ас-Сафади (ум. 1363) текстов нескольких дипломатических документов рассмотрела вопросы о причинах появления этих записей в дневнике ас-Сафади, а также о том, было ли обычной практикой для секретарей султанской канцелярии фиксировать документы в личных бумагах и объясняется ли этим обстоятельством скудное количество сохранившихся официальных мамлюкских документов.

В рамках второй панели **«Афро-евразийские маршруты мамлюкских предметов из металла: запутанная (художественная) история, археология и наследие»** (организатор — Вера-Симоне Шульц, Институт истории искусств во Флоренции, Италия) прозвучали три доклада. *Вера-Симоне Шульц* рассмотрела мамлюкские изделия из металла в Италии, их значение для изучения транскультурных связей между северной и западной Африкой, Апеннинским полуостровом и более отдаленными территориями, прежде всего, Китаем. Эта тема была продолжена в докладе *Рабиу Юсуфа* (Университет Ахмаду Белло, Нигерия) «Связи Африки с мамлюками на основе изучения металлических предметов: взгляд из Северной Нигерии». В докладе *Даниеля Кумаха* (Университет Ганы) «Раскапывая музейные хранилища: размышления о Бего, поселении XII–XVIII вв. из Ганы» представлены первые результаты анализа археологических коллекций, полученных в 1970-е гг. в ходе раскопок густо-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

населенного города и крупного торгового центра средневековой Ганы — Бего (Begho).

В выступлениях, прозвучавших в рамках третьей панели **«Игра фракций в Западной Аравии: раздробленность, равновесие и арбитраж»** (организатор — Кларк Джуниор Мембуру Мойшемем, Страсбургский университет, Франция), пристальное внимание было уделено социально-политическим процессам в регионе Западной Аравии. В докладе *Захари Мохтари де Пьерпон* (Льежский университет, Бельгия) «Йемен Расулидов и Великое восстание Тихамы в середине VIII/XIV в.: фракционность, аристократия и политический порядок» на основе анализа цепи событий, вылившихся в восстание в одном из самых богатых регионов султаната Расулидов, представлена сложная картина фракций, поддерживавших различных лидеров, претендовавших на власть, а также показана решающая роль местных элит, в том числе ученых, в организации социальных волнений, что в частности нашло отражение в оценках восстания Тихамы в литературно-историческом нарративе середины XIV в. *Эрик Валле* (Страсбургский университет, Франция) представил проект HUNAI («Цифровые гуманитарные науки для изучения исламской Аравии»), нацеленный на создание цифрового текстового корпуса, объединяющего основные исторические источники периода правления Расулидов в Йемене (1229–1454). В докладе был сделан акцент на распознавании с помощью текстометрических и лексикометрических инструментов слов, связанных с социально-политической структурой Султаната, военными и гражданскими фракциями и лидерами и т. д. *Кларк Джуниор Мембуру Мойшемем* (Страссбургский университет, Франция) рассмотрел сложный социально-политический ландшафт Мекки в XIII–XIV вв., формировавшийся вокруг бейтов — «домов», основанных на узах родства, союзничества, клиентелизма и связанных с отдельными эмирами, и представил характеристику различных этапов формирования фракций во время кризисов власти, их структуры и принципов организации. В докладе *Ханади Абокадея* (Университет Тайба-аль-Ула) «Фракционная борьба между мекканскими учеными семьями VII–IX / XIII–XV вв.» рассмотрено политическое, экономическое и интеллектуальное соперничество трех семей, принадлежавших к научной элите Мекки — ат-Табари, ан-Нувайри и Бану Зухайра.

В докладах, прозвучавших в рамках четвертой панели **«Мамлюкские биографии правителей: между филологией и политической историей»** (организатор — Кристиан Маудер, Свободный университет Берлина, Германия) были представлены результаты комплексных историко-филологических исследований биографий султанов и значения этих произведений в политической культуре мамлюков. В выступлении *Говарта Ван ден Боссше* (Гентский университет, Бельгия) на тему: «Чтение и написание королевских биографий в долгом XIII веке: переоценка» проведена ревизия устоявшегося мнения (П. М. Холт), основанного на результатах структурного и стилистического анализа текстов о преемственности между написанием царственной биографии (*сира*) при ранних Айюбидах и подобными произведениями времен мамлюков Бахри. Показано, как придворные вкусы изменились за короткий промежуток времени, когда на рубеже XIV в. широко используемые литературные и историографические труды периода Айюбидов уступили место другим модусам.

Такао Ито (Университет Кобе, Япония) представил в докладе «Аль-Муаййад Шейх и его биографы» результаты сравнительного анализа многочисленных источников, содержащих биографические сведения о султане аль-Муаййаде Шейхе (1412–1421), сделав акцент на том, что мамлюкские историки считали политическими успехами и неудачами султана, как различались биографии султана (*сира*, *вафат*, *тарджама*) в зависимости от личного и социального окружения автора, как репрезентовались, передавались и использовались эти биографии. *Кристиан Маудер* (Свободный университет Берлина, Германия) в докладе «Когда ангелы спустились в Черкесию: рождение и начало жизненного пути мамлюков. Султан Кансух аль-Гури (1501–1516) в биографической литературе» показал, что биографические сочинения, содержащие рассуждения о детстве и ранней юности султана, при этом интегрированные в более широкие исторические и порой явно религиозные рамки, служили средством политического воздействия и назидательной риторики, отражая представления о том, каким должно быть хорошее правление, а что надо считать ошибочным. Также был затронут вопрос, как изучение разделов биографий правителей мамлюков, посвященных начальному периоду их жизни, может предоставить новые сведения о работе самих биографов, об источниках получаемого ими исходного материала и использовании этого материала в произведениях других жанров.

Тематика докладов пятой панели **«Принятие и использование классического корпуса раннего ислама улемами в мамлюкский период»** (организатор — Мехди Берриа, Французский институт Ближнего Востока) включала изучение методов трансляции, процесса переписывания и адаптации содержания источников раннего ислама, которые осуществлялись при мамлюках по религиозным и политическим причинам. В докладе *Мехди Берриа* (Французский институт Ближнего Востока) «Ссылки на ранний ислам в пропаганде мамлюкского джихада и построении образа моджахеда-султана» показано, как и для чего история ислама VII–VIII вв. — периода, считающегося эталонным в суннитской традиции и историографии, использовалась мамлюкскими историками, в каком контексте ее ключевые персонажи и события интегрировались в политические тексты XIII–XIV вв., а также какую информацию предоставляет подобный анализ о самих авторах произведений, посвященных мамлюкским султанам. Доклад *Хасана Буали* (Французский исследовательский центр Аравийского полуострова) «Передача ранних исламских знаний и восхваление Мекки в эпоху мамлюков. Дело Мухибба ад-Дина ат-Табари (ум. 694/1295)» посвящен изучению биографии выдающегося ученого XIII в. Мухибба ад-Дина ат-Табари, занимавшего высокие религиозные посты в Мекке, и характеристике его трудов. При этом автор делал акцент на выявлении преемственности, а также на разрыве с более ранними источниками, касающимися восхваления Мекки. Доклад *Макрама Аббеса* (Французский исследовательский центр Аравийского полуострова) «“Факихат аль-Хулафа” Ибн Арабшаха: зерцало принцев мамлюкского периода» посвящен одному из важнейших литературных произведений XV в. и содержащемуся в нем нарративу (в том числе его назидательному посылу, обращенному правящему султану аз-Захиру Джакмаку (1438–1453) о власти и политической деятельности

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

(война, мир, советы правителям, искусство управления). *Джереми Фаррелл* (Лейденский университет, Нидерланды) в выступлении «Мамлюкский энциклопедизм и гармонизация “восточного” и “западного” корпуса канонических традиций чтения Корана (кираат)» рассмотрел энциклопедические труды Ибн аль-Джазари (ум. 1429) в дисциплине кираат и выделил две его характерные особенности: принятие десяти кираатов как нормативных уже в бахритский период и попытки интегрировать научные знания западной традиции кираата (от Ливии на запад) в местную восточную традицию (из Египта на восток).

Насыщенной работе форума предшествовал трехдневный (2–4 марта) курс изучения археологии мамлюков **“To What Degree Can Mamluk Artifacts be Interrogated?”**, прочитанный профессором *Бетани Дж. Уолкер* (Боннский университет, Германия).

Подводя итог обзору конференции, следует подчеркнуть, что форум продемонстрировал высокое научное значение и огромный потенциал междисциплинарного подхода к обсуждению самого широкого спектра проблем истории и культуры Султаната мамлюков, а также со всей очевидностью показал необходимость научного общения и обмена опытом представителей различных научных школ и мамлюковедческих центров.

Информация об авторе

Дружинина Инга Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; inga_druzh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3180-7697.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; принята к публикации 20.08.2024; опубликована 30.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Inga A. Druzhinina — Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; inga_druzh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3180-7697.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 16.05.2024; accepted for publication 20.08.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Orientalistica

Peer-reviewed academic journal

Editor-in-chief — *Alikber K. Alikberov*, Dr. Sci. (Hist.).
Deputy Editor-in-Chief — *Vladimir O. Bobrovnokov*, PhD (Hist).

Editors of "Historical sciences" section:
Nikolay I. Serikoff, PhD (Hist), *Vladimir O. Bobrovnokov*, PhD (Hist),

Editors of "Philosophy of the East" section:
Tawfik Ibrahim, Dr. Sci. (Philos.), Prof., *Artem I. Kobzev*, Dr. Sci. (Philos.), Prof., ,
Tatiana A. Ofertene

Editors "Languages and Literature of the East" section:
Natalia I. Prigarina, Dr. Sci. (Philol.), Prof., *Ludmila A. Vasilyeva*, PhD. (Philol.),
Lilia R. Frangulyan, PhD (Philol.).

Scientific editors:
Natalia I. Prigarina, Nikolaj I. Serikoff, Evgenia Smagina,
Tatiana A. Ofertene, Tatiana M. Mastugina.

Editors-translators:
Nikolaj I. Serikoff (Eng.), *Tawfik Ibrahim* (Arab.), *Dmitry V. Mikulsky* (Arab.),
Natalia I. Prigarina (Pers.), *Ludmila A. Vasilyeva* (Urdu), *Apollinaria S. Avrutina* (Turk.),
Galina S. Popova (Chinese), *Surun-Khanda D. Syrtypova* (Mongol.).

Responsible Secretary — *Ilona A. Chmilevskaya.*
Computer layout — *Nadejda A. Kildisheva.*

Languages in which articles in the journal can be printed:
Russian, English, German, French.

Signed in the press on September 30, 2024. Format 70×100/16.
Conventionally printed sheets 21,29. Circulation 50 copies (the first factory 25 copies).
Order No. The price is free.
Website: www.orientalistica.com, www.orientalistica.su

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia. Website: www.ivran.ru

Printed in Joint stock company Amirit LLC
in accordance with the materials provided. 410004, Russia, Saratov, Chernyshevsky st., 88.
Tel.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Website: http://amirit.ru

Ориенталистика

Научный рецензируемый журнал

Главный редактор — *А. К. Аликберов*, д-р ист. наук.
Заместитель главного редактора — *В. О. Бобровников*, канд. ист. наук

Редакторы раздела «История Востока»:
Н. И. Сериков, канд. ист. наук, *В. О. Бобровников*, канд. ист. наук

Редакторы раздела «Философия Востока»:
Т. Ибрагим, д-р филос. наук, проф., *А. И. Кобзев,* д-р филос. наук, проф., *Т.А. Офертене*

Редакторы раздела «Филология Востока»:
Н. И. Пригарина, д-р филол. наук, проф., *Л. А. Васильева*, канд. филол. наук,
Л. Р. Франгулян, канд. филол. наук.

Научные редакторы:
Н. И. Пригарина, Н. И. Сериков, Е. Б. Смагина, Т. А. Офертене, Т. М. Мастюгина

Редакторы-переводчики:
Н. И. Сериков (англ. яз.), *Т. Ибрагим, Д. В. Микульский* (араб. яз.), *Г. С. Попова* (кит. яз.),
С.-Х. Д. Сыртыпова (монг. яз.), *Н. И. Пригарина* (перс. яз.), *Л. А. Васильева* (урду),
А. С. Аврутина (тур. яз.).

Ответственный секретарь — *И. А. Чмилевская*
Верстальщик — *Н. А. Кильдишева.*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнал:
русский, английский, немецкий, французский.

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 21,29. Тираж 50 экз. (1-й завод: 1–25). Заказ №
Журнал распространяется по подписке. Свободная цена.
Веб-сайт: www.orientalistica.com

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения
Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии ООО «Амирит»,
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.5. Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: http://amirit.ru